

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Саломатова Оксана Ивановна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Вёрстка и корректура
*Е. В. Южаковой,
М. В. Трифионовой
С. В. Ястребовой*

Подписано в печать 23.05.25.
Выход в свет 30.05.25.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 29,3.
Уч.-изд. л. 25,2.
Тираж 500 экз. Заказ 368.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

12+

Economic Sciences

Issue 88

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

O. I. Salomatova

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **O. V. Brizhak**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Yu. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. P. Dovby**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Egorova**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **I. I. Kilina**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **Ye. V. Nikolajeva**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **A. A. Salamatov**, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors
Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Imposition and proofreader by
E.V. Yuzhakova
M.V. Trifonova
S.V. Yastrebova

Approved for printing 23.05.25.
Date of publication 30.05.25.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 29,3.
Ac.-publ. sh. 25,2.
Circulation 500 copies.
Order 368. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

Плетнёв Д. А. «Философия хозяйства» С. Н. Булгакова и «жизненная правда» Билла Гейтса 7

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Пряхин Г. Н., Труханов Д. А. Исследование делового успеха организации
на основе квантово-релятивистского подхода. 10

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Беганская И. Ю., Науменко С. Н., Черная Л. В., Малик М. А. Влияние конфликтов
на трансформацию мировой социально-экономической системы 21

Бенц Д. С. Оценка связанности экономического роста территорий Челябинской области 36

Красных С. С. Прогнозные сценарии добычи полезных ископаемых
в регионах Уральского федерального округа 49

Кучина Е. В., Кучин Н. Е., Просвирина И. И. Качество медицинской помощи в контексте
функционирования и развития экономики здравоохранения региона. 60

Полуесова Е. В. Анализ воздействия диверсификации экспорта на экологический след
в развитых и развивающихся странах 71

Shaidullin R. R. Role of higher education institutions in socio-economic development
of the developed economies: a literature review. 82

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Попов Е. В., Комарова О. В., Гутина А. И. Оценка эффективности социальных медиа
в организации региональных спортивных мероприятий. 95

Абади М. Т. И. Рынок аудиторских услуг в России: структурные изменения, экономические тен-
денции и факторы конкурентоспособности 109

Гурина М. А., Митрофанова О. Н. Влияние цифровых технологий на рабочую среду и организа-
ционную культуру российских компаний. 121

Ильина Л. А., Павлов А. А. Иерархия условий развития цифрового сельского хозяйства. 132

Кемайкин Н. К., Павленков И. М., Пугин И. Н. Перспективные направления развития сфе-
ры управления и ремонта многоквартирных домов 145

Усова Н. В., Логинов М. П. К вопросу о проблемах развития цифровых услуг розничной
торговли. 155

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кочемасова Е. Ю. Особенности влияния глобальных процессов на политику и экономику аркти-
ческих стран 168

<i>Раздорский Ф. А., Брижак О. В., Журавлева О. В.</i> Влияние событий на территории Сирийской Арабской Республики на мировой энергетический рынок	179
--	-----

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

<i>Заволокина Л. И.</i> ЕАЭС 10 лет спустя: цели и достигнутые результаты	188
---	-----

<i>Плетнёв Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А.</i> Проектное управление в государственной сфере: мировой опыт и предварительные итоги реализации национальных проектов в России в 2018–2024 гг.	197
---	-----

<i>Бердникова В. Н.</i> Первичный рынок жилой недвижимости России: развитие и перспективы	209
---	-----

<i>Ким Н. В.</i> Аутсорсинг и реформирование бухгалтерского учета: постановка проблем и их решение на примере иракской компании «SCP»	219
---	-----

<i>Мильчакова Н. Н., Решетников Л. Л.</i> Особенности развития информационных технологий в Югре	228
---	-----

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

<i>Наумова К. А.</i> Современные особенности развития быстрорастущих промышленных компаний: баланс между ростом и устойчивостью	242
---	-----

CONTENTS

EDITORIAL

Pletnev D. A. “The philosophy of economy” by S.N. Bulgakov and “the truth of life” by Bill Gates. 7

THEORY AND METHODOLOGY

Pryakhin G. N., Trukhanov D. A. Research of business success of an organization based on quantum-relativistic approach 10

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Beganskaya I. Y., Naumenko S. N., Chernaya L. V., Malik M. A. Influence of conflicts on the transformation of the global socio-economic system 21

Benz D. S. Evaluation of spatial autocorrelation of Chelyabinsk region’s territories. 36

Krasnykh S. S. Forecast scenarios of mineral production in the regions of the Urals federal district. 49

Kuchina E. V., Kuchin N. E., Prosvirina I. I. Quality of medical care in the context of the functioning and development of the regional health care economy 60

Poluesova E. V. Analysis of the impact of export diversification on the environmental footprint in developed and developing countries. 71

Shaidullin R. R. Role of higher education institutions in socio-economic development of the developed economies: a literature review. 82

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Popov E. V., Komarova O. V., Gutina A. I. Evaluation of the effectiveness of social media in organizing regional sports events. 95

Abadi M. T. E. Audit services market in Russia: structural changes, economic trends and competitiveness factors 109

Gurina M. A., Mitrofanova O. N. Impact of digital technologies on the working environment and organizational culture of the Russian company 121

Ilyina L. A., Pavlov A. A. Conditions for the development of digital agriculture 132

Kemaykin N. K., Pavlenkov I. M., Pugin I. N. Promising areas for the development of management and repair of apartment buildings. 145

Usova N. V., Loginov M. P. On the issue of the problems of the development of digital retail services 155

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Kochemasova E. Y. Features of the influence of global processes on the politics and economy of arctic countries 168

<i>Razdorsky Ph. A., Brizhak O. V., Zhuravleva O. V.</i> The impact of events in the territory of the Syrian Arab Republic on the global energy market	179
---	-----

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Zavolokina L. I.</i> The EAEU 10 Years Later: Goals and Achieved Results	188
<i>Pletnev D. A., Menshikova Yu. A., Tokareva A. A.</i> Project Management in the Public Sector: Global Experience and Preliminary Results of the Implementation of National Projects in Russia in 2018-2024	197
<i>Berdnikova V. N.</i> Primary Market of Residential Real Estate in Russia: Development and Prospects	209
<i>Kim N. V.</i> Outsourcing and Accounting Reform: Problem Statement and Solution Using the Example of the Iraqi Company SCP	219
<i>Milchakova N. N., Reshetnikov L. L.</i> Features of Information Technology Development in Yugra	228

FRESH LOOK

<i>Naumova K. A.</i> The Modern Features of Development of High-Growth Industrial Firms: Balance Between Growth and Sustainability	242
---	-----

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 7–9.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):7-9.

Редакторская статья

УДК 330.342

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-7-9

«ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА» С. Н. БУЛГАКОВА И «ЖИЗНЕННАЯ ПРАВДА» БИЛЛА ГЕЙТСА

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: философия хозяйства, ноономика, искусственный интеллект, будущее рынка труда

Для цитирования: Плетнёв Д. А. «Философия хозяйства» С. Н. Булгакова и «жизненная правда» Билла Гейтса // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 7–9. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-7-9

Editorial article

“THE PHILOSOPHY OF ECONOMY” BY S.N. BULGAKOV AND “THE TRUTH OF LIFE” BY BILL GATES

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

Keywords: noonomy, economy of Russia, economic development

For citation: Pletnev DA. “The Philosophy of Economy” by S. N. Bulgakov and “The Truth of Life” by Bill Gates. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):7-9. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-7-9*

В недавнем интервью известный предприниматель, новатор, филантроп и, как сейчас модно говорить, «трендсеттер» Билл Гейтс обозначил ближайшие горизонты развития рынка труда в свете распространения технологий искусственного интеллекта. Помимо понятных и уже не вызывающих споров тезисов о замещении искусственным интеллектом и роботами большинства профессий с рутинным трудом (юристы, бухгалтера, доставщики, таксисты и т.п.), прозвучала довольно свежая идея о постепенной замене искусственным интеллектом и экспертной деятельности («отличного врача» и «отличного учителя», как пример). И здесь возникает важный, можно даже сказать, экзистенциальный для человечества вопрос. Вопрос экономический и философский, социологический и политический. И этот вопрос — о месте и роли человечества вообще

в обществе будущего. Научно-технический прогресс, определивший облик современной цивилизации, во многом двигала нужда, стремление удовлетворить витальные потребности (в пище, безопасности, минимальном комфорте). И уже как побочный эффект возникали блага, удовлетворяющие потребности иного рода. Более того, возникали и сами такие потребности — симулятивные. Предметы роскоши, объекты демонстративного потребления, следование моде в одежде, авто, стиле жизни, разнообразные услуги (косметические, медицинские, etc...). Человек сегодня потребляет многие вещи не потому, что должен, а потому, что может. И это в условиях капиталистической экономики с рынком и частной собственностью неизбежно ведёт к увеличению неравенства, к сохранению бедности и нищеты, несмотря на физическую возможность их преодоления (при нынешнем-то уровне развития агро-, строительных и иных технологий).

Человечество заперто в ловушке собственного величия, и, по всей видимости, ключ от двери выброшен за ненадобностью. Вместо развития общества и экономики, о котором постоянно пишут как о деле решённом и постоянно происходящем, происходит движение, вектор которого колеблется, как флюгер на ветру. Совершаются различные активности (социальные гарантии, ESG, инклюзивность, переход на «зелёные» технологии), но они не способствуют качественным изменениям в экономике, а лишь симулируют их.

Чуть более века назад Сергей Николаевич Булгаков защищал в Московском государственном университете свою диссертацию на тему «Философия хозяйства». В своей речи на защите он, в частности сказал:

Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человека куда-то вперёд по неведомому и никогда ещё не испытанному пути, не то к губельной бездне, — вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться. Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой природой и всё больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы [1].

Политическая экономия, стартовая точка экономической науки, широко использовала инструментарий противоречий, их обнаружения и поиска способов разрешения. Между возрастанием возможностей и самоограничений человека именно такое противоречие, пожалуй, основное и до сих пор неразрешённое. С одной стороны, самоограничения представляются в виде напряжённого труда, не дающего большинству самоактуализоваться [2], реализовать свой человеческий потенциал. В духе ветхозаветного «и будешь ты трудиться в поте лица своего». Это постепенно преодолевается, как раз благодаря научно-техническому прогрессу и ИИ в частности. Но, с другой стороны, человечество приобретает новые, более крепкие в своей невидимости оковы — в экономике и обществе возникают порождённые человеком над-человеческие структуры и силы. Они довлеют над человеком, определяют его возможности и судьбу. Близкий для всех пример — социальные сети, о влиянии которых на человека и человечество (как спонтанном, так и преднамеренном сказано уже много), информационные сервисы и суперсервисы типа «Госуслуг». Другой пример — рекла-

ма и иные технологии маркетинга, ведущие потребителей от покупки к покупке, управляя их поведением с ловкостью гипнотизёра. Общее у этих примеров то, что упомянутые в них, созданные человеком сущности изначально призваны облегчить, упростить или сделать более радостной человеку жизнь, на деле превращаются в силу, им повелевающую. И это при том, что процесс внедрения таких технологий далеко не закончен.

Вернёмся к началу — к высказыванию про «хороших учителей» и «хороших врачей», о возможности их замещения ИИ. Технически уже сейчас такой проблемы нет — продвинутые нейронные сети могут не только давать ответы на вопросы, но и сносно читать лекцию, ставить диагноз, да и управлять этими процессами. С точки зрения хоть больничной, хоть образовательной бюрократии это — благо. Ни нарушения дисциплины, ни отклонений от учебного плана, ни жалоб от родителей на «дискриминацию», ни пресловутого «человеческого фактора» в диагностике, ни больничных и увольнений посреди учебного года. Гибридно такие технологии уже используются, и позитива от их применения достаточно, чтобы развивать это направление и дальше. Что тогда ждёт эти важные сферы в недалёком будущем — полная дегуманизация, сохранение «элитных» ниш, где учителем или врачом остаётся человек, где за ним и последнее слово, и непосредственное взаимодействие с учеником или пациентом? В любом случае, это будет означать отчуждение от Человека его родовых характеристик, отрицание в нём человеческого — сострадания, наставничества. И кто придёт на смену человеку через одно-два поколения? И для кого будет этот научно-технический прогресс? Даже у животных забота о своих родичах, о воспитании потомства считается признаком более развитого интеллекта. Мы же отдаём эти функции на откуп созданной нам машине. Просто потому, что можем. Есть о чем задуматься, тем более что этот вопрос ещё не решён окончательно, решения артикулируются и визуализируются, но далеки от повсеместного воплощения. И в этом есть спасение, выход из пут «экономического материализма» в постэкономическое будущее. Как вариант — в нономику [3]. Но это уже другая тема, для другой статьи.

Ну и напоследок — картинка из детства многих, мультфильм Валл-И, где ближе к концу показано человечество, о котором заботятся роботы, создавая для них практически райские условия. Однако те люди заплыли жиром, не могут

ходить и в упор не видят друг друга, хоть и регулярно встречаются. Это живые организмы, не способные к творчеству, не стремящиеся к свободе и не понимающие её возможность. «Булгаковское» противоречие разрешено, хозяйство победило человека, пришло на смену ему. Антиутопия, фантазия? Отнюдь! Современный человек

с готовностью вручает себя в руки ИИ, заплывая жиром и разучаясь ходить не в прямом, но в метафорическом смысле — в смысле движения своей мысли, творческого поиска и горения. И недалёк тот час, когда, вручив заботу о своём здоровье и воспитании ИИ и роботам, человечество дегуманизируется окончательно. Или нет?

Список источников

1. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. 252 с.
2. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. М. : Смысл, 1999. 425 с.
3. Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 5–12.

References

1. Bulgakov SN. *Filosofiya khozyaystva=Philosophy of Economy*. Moscow: TERRA — Book Club, 2008. 252 p. (In Russ.).
2. Maslow A. *Novyye rubezhi chelovecheskoy prirody=New Frontiers of Human Nature*. Translated from English. Moscow : Smysl, 1999. 425 p. (In Russ.).
3. Bodrunov SD. *Noonomics: Conceptual Foundations of the New Development Paradigm*. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Ural State University of Economics*. 2019;20(1):5-12. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 10–20.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):10-20.

Научная статья

УДК 330

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-10-20

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛОВОГО УСПЕХА ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ КВАНТОВО-РЕЛЯТИВИСТСКОГО ПОДХОДА

Геннадий Николаевич Пряхин¹✉, Дмитрий Алексеевич Труханов²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pgn248@csu.ru, 0000-0003-1998-046X

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, r4comm@yandex.ru, 0000-0002-2126-7172

Аннотация. Сложности в современных организациях могут возникнуть на любом этапе жизненного цикла, преодоление их — задача менеджмента, вооружённого теоретическими и практическими знаниями о достижении делового успеха. Проведённый анализ научной литературы позволил сделать вывод, что ни один из авторов, посвятивших свои работы деловому успеху организации, не может показать достаточную определённость вопроса: чем же отличаются успешные организации от менее успешных. Проблема также заключается в том, каждый учёный описывает какую-то одну выбранную область исследования, не говоря о чём-то в целом. Авторами данной статьи предлагается новый подход к исследованию делового успеха организаций. Целью настоящей работы являлось совершенствование теоретического подхода и разработка методического инструментария исследования и оценки делового успеха организаций, базирующегося на применении квантово-релятивистского подхода, теории когнитивных карт и теории катастроф. В статье уточнено содержание понятия «деловой успех организации», что позволило обосновать введение в научный оборот нового понятия «скрытые факторы делового успеха организации» и предложить гипотетическую модель организации в эпоху глобализации, а также представить авторскую блок-схему четырехэтапной модели оценки делового успеха организации. Результаты исследования были апробированы при проведении анализа и оценки хозяйственной деятельности и прогнозирования делового успеха в организациях Челябинской и Свердловской областей.

Ключевые слова: деловой успех организации, методы оценки делового успеха, ключевые факторы делового успеха, когнитивные карты, теория катастроф

Для цитирования: Пряхин Г. Н., Труханов Д. А. Исследование делового успеха организации на основе квантово-релятивистского подхода // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 10-20. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-10-20

Original article

RESEARCH OF BUSINESS SUCCESS OF AN ORGANIZATION BASED ON QUANTUM-RELATIVISTIC APPROACH

Gennady N. Pryakhin¹✉, Dmitri A. Trukhanov²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pgn248@csu.ru, 0000-0003-1998-046X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, r4comm@yandex.ru, 0000-0002-2126-7172

Abstract. Difficulties in modern organizations can arise at any stage of the life cycle, overcoming them is the task of management, armed with theoretical and practical knowledge about achieving business success. The conducted analysis of scientific literature allowed us to conclude that none of the authors who devoted their works to the business success of the organization can show sufficient certainty of the question — what distinguishes successful organizations from less successful ones. The problem also lies in the fact that each scientist describes some selected

area of research, without talking about something in general. The authors of this article propose a new approach to the study of business success of organizations. The purpose of this work was to improve the theoretical approach and develop a methodological tool for studying and assessing the business success of organizations based on the application of the quantum-relativistic approach, the theory of cognitive maps and the theory of catastrophes. The article clarified the content of the concept of “business success of an organization”, which made it possible to justify the introduction of a new concept of “hidden factors of business success of an organization” into scientific circulation and to propose a hypothetical model of an organization in the era of globalization, as well as to present the author’s block diagram of a four-stage model for assessing the business success of an organization. The results of the study were tested during the analysis and assessment of economic activity and forecasting business success in organizations in the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions.

Keywords: business success of an organization, business success assessment methods, key factors of business success, cognitive maps, catastrophe theory

For citation: Pryakhin GN, Trukhanov DA. Research of business success of an organization based on quantum-relativistic approach. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):10-20. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-10-20

Введение

Согласно диалектическим законам эволюции, в том числе и социально-экономическое развитие субъектов экономической деятельности, в нашем случае организации, не является равномерным и в своей динамике характеризуется подъёмами и спадами, следующими один за другим. Деловой успех также подвержен изменениям. Он может возрастать или уменьшаться, особенно если привязывать его к стоимости акций, финансовым показателям, трансформации экономики и социума. К тому же деловой успех — достаточно обширная категория, включающая в себя количественные и качественные параметры, зависящие в том числе и от неявных факторов: стиля управления, опыта собственника и менеджмента, жизненного цикла организации, умения воспринимать факты со стороны топ-менеджмента и т. д.

Особо отметим, что до настоящего времени недостаточно изучены воздействия современных факторов на успех деятельности организаций. Характер исследований достаточно спонтанный, не имеет структуры и не рассматривает явление с разных сторон и горизонтов экономики. Нет целостного алгоритма, научных методов к пониманию успешности деятельности организации. Также все работы, по мнению авторов, характеризуются недостаточностью показателей, функций, а главное теоретических и практических доказательств применяемых методов.

Обзор литературы

Под организациями авторы статьи понимают публичные образования, домашние хозяйства, организации, осуществляющие производство, реализацию или приобретение товаров и услуг.

Деловой успех достаточно широко рассматривался в работах И. К. Адезиса [1], К. С. Камерона

и Р. И. Куина [9], Дж. Коллинза [10], Ф. Дж. Роджерса [25], Б. Пирсона и Н. Томаса [17], Н. П. Виноградовой, А. Н. Поповой, А. Н. Попова [5], Л. М. Митиной [13], Н. Э. Соболевой [28] и многих других.

Российские и зарубежные исследователи по-разному подходят в своих исследованиях к пониманию делового успеха организации. Так, например, Г. Кунц и С. О’Доннел поднимают вопрос о заинтересованности сторон [11], П. Ф. Друкер [6] связывает эту проблему с качеством применения функций распределения ресурсов. Дж. Коллинз видит проблему развития организаций в первую очередь в людях [10]. Ф. Роджерс в определении делового успеха отводит особую роль духу предпринимательства [25]. В работе Т. Питерса и Р. Уотермена речь идёт об «ориентации на действие, связи с потребителем, производительности, ценностном руководстве, верности своему делу, оправданном риске, культуре надёжности и финансовой ценности. При этом поиск успеха начинается с задач управления, стоящих перед руководством» [18]. Г. Шварц и С. Дэвис говорят о тесной связи организационной культуры и делового успеха [32].

«Подвижная цель, выигрышная стратегическая идея, воплощение в реальность воли лидера, профессионализм и уверенность в себе» — это и есть деловой успех считает Л. М. Митина [13]. Л. Н. Оголева предлагает «сконцентрироваться на свободе нововведений, при котором сотрудникам даются полномочия» [8]. А. Н. Митин и другие авторы соглашаются, что важным элементом не только успеха, но и выхода из кризисной ситуации является реформирование культуры управления [14]. Е. А. Надеина справедливо отмечает в своей диссертации, что «любая организация, подобно живому существу, состоит из множества

взаимосвязанных частиц (работников, отношений, событий, решений, ресурсов), изменение состояния которых будет влиять на условия существования других в далёком или близком будущем» [16]. Для успешной деятельности организации Д. А. Плетнёв предлагает подход, основанный на 12 принципах. «Этот подход „кодирует“ организационные способности компаний с использованием 12 хромосом — поощрения, познания, командной работы, действия, самоидентификации, оценки, стратегии, структуры, процесса, восприимчивости, созидания и информации» [19].

Как мы утверждали ранее, «исследование современной литературы позволяет сделать вывод, что ни один из вышеперечисленных авторов и их работы не могут показать достаточную определённость вопроса — чем же отличаются успешные организации от менее успешных. Проблема также заключается в том, что каждый автор описывает какое-то одно выбранное направление исследования, не говоря о чём-то в целом. Как правило, их работы объединяют отношения, цели, стратегию, процессы и т. д.» [22–24].

В большинстве случаев, исследуя деловой успех, учёные не уточняют пути, по которому организация должна двигаться, поэтому-то на своём пути развития (жизненного цикла) предприниматели и бизнесмены попадают в определённые «ловушки» — трудные ситуации, которые приводят к спадам и падениям, а то и к краху — ликвидации своего дела. Нами в работе «Ловушки бизнеса» подробно расписаны подобные моменты [12].

Считаем, что на сегодняшний день также не разработана и целостная методика оценки делового успеха организаций. В опубликованных работах в качестве методов оценки делового успеха предлагается ориентация на совершенно отличающиеся друг от друга показатели и индикаторы. Так, например, П. Друкер в качестве метода оценки делового успеха организации предлагает методологию «управления по целям» [7]. По нашему мнению, она как минимум не учитывает влияние среды на макро- и микроуровнях.

В статье С. Г. Быстровой отмечается, что «оценкой делового успеха является как коллектив, так и организация бизнес-процессов, а также применение технологий и неординарность лидера» [3].

М. Вебер утверждает, что «достижению делового успеха организации мешает проблематика социальных отношений, а конкретно конфликта, который занимает доминирующее положение при объяснении социальных процессов и измене-

ний» [4]. «Связь элементов делового успеха может быть 100-процентной, то есть консенсус, а также минимальная связь — дисбаланс», об этом пишут А. А. Алабугин и Д. А. Шагеев [2].

И. И. Моисеева ведёт речь о методах делового успеха как «необходимости построения базы эффективности принимаемых решений, доступности использования критериев оптимальности и преимущества целей, направленных на устойчивость рыночных позиций» [15]. Нас же больше всего интересует первый подход — построение базы эффективности принятия решений, так как второй и третий подходы, по нашему мнению, используются всеми организациями, и даже если не используются, не всегда приводят к потере позиций (пример с SONY Walkman).

И. К. Адезис упоминает такие вопросы, как «возможность смены руководства или возможность смены системы» [1], при этом, кроме как о необходимости лечить причины, а не симптомы он ничего не говорит, так же, как и нет точности ответов на вышеописанные моменты. Так, например, для решения проблем в организации, автор предлагает начать рассматривать с цепочки «полномочия — влияние — власть».

Е. А. Яковлева, оценивая деловой успех, использует почти все финансовые показатели: «ликвидность, оборачиваемость, рентабельность, рыночная стоимость, доходность инвестиций, корректность анализа рисков, анализа чувствительности и т. д.» [31]. Наряду с финансовыми показателями М. А. Шибина использует производственные и трудовые в оценке делового успеха [30].

Д. А. Плетнёв, Е. В. Николаева и А. Кампа отмечают, что «...для анализа внутренних финансовых факторов успешности предприятий малого и среднего бизнеса достаточно использовать такие показатели, как: покрытие процентных выплат, обеспеченность собственными оборотными средствами, удельный вес собственного капитала в совокупном капитале (коэффициент автономии), средний срок оборота дебиторской задолженности, средний срок оборота запасов. Эти коэффициенты составляют тот необходимый минимум, который отражает все стороны финансово-хозяйственной деятельности малого и среднего предприятия» [20].

По мнению З. П. Румянцевой, оценивать деловой успех можно в целом по теоретическим и практическим знаниям в области управления, а также по методам и приёмам, обеспечивающим совместную эффективную деятельность людей, работающих в организации [26].

А. Н. Попов в работе о корпоративном менеджменте ссылается на точность прогнозов при оценке делового успеха [21].

В. В. Томилов в работе «Культура предпринимательства» основывается на культуре, как важнейшей части делового успеха [29].

Резюмируя, ещё раз отметим, что на сегодня нет целостной концепции, научных методов к пониманию успешности деятельности организации и её оценки. Многие работы характеризуются недостаточностью показателей, функций, а главное, теоретических и практических доказательств применяемых методов.

Результаты и их обсуждение

Нами сгруппированы существующие взгляды, концепции, научные методы к пониманию успешности деятельности организации и её оценки. Данные представления показаны в виде пирамиды, состоящей из блоков, указывающих на те или иные преимущественные направления исследований (рис. 1).

Отметим, что все блоки являются одинаково важными, и без одного блока пирамида не будет являться полноценной. Также особо отметим, что чем больше блоков будет включать пирамида, тем больше она будет, соответственно, тем выше будет находиться деловой успех.

Нами деловой успех представляется как видение или поставленная цель, которую хочет достичь организация. Для достижения этого видения или цели единственным условием становится максимально большое количество изменений на своём пути.

Считаем, что более успешным подходом к исследованию делового успеха является квантово-релятивистский подход, в котором индивиды ведут себя — и как частицы, и как волны одновременно. Данный дуализм основан на том, что индивиды выбирают ценности и потребности, отличные от потребностей макросубъектов, под которыми мы подразумеваем организацию любой формы собственности, при этом индивиды являются частью самой организации. «Индивид может являться одновременно покупателем и продавцом, потребителем и производителем, а также иметь множество оценок своего благосостояния, что выражает его волновую функцию. Организация продаёт ценности людям, извлекая из этого прибыль. Затем создаёт новые ценности и новый хронотоп для людей и продаёт в нём новые ценности. Таким образом, коммерциализируя ценности, организация достигает своего делового успеха» [22]. По аналогии с моделью общества [27] в данной статье предложена гипотетическая модель организации, в которой к пространственным характеристикам добавлена и временная (рис. 2).

Рис. 1. Элементы направления исследований и оценки делового успеха организаций
 Fig. 1. Elements of the direction of research and evaluation of business success of organizations
 Источник: составлено авторами

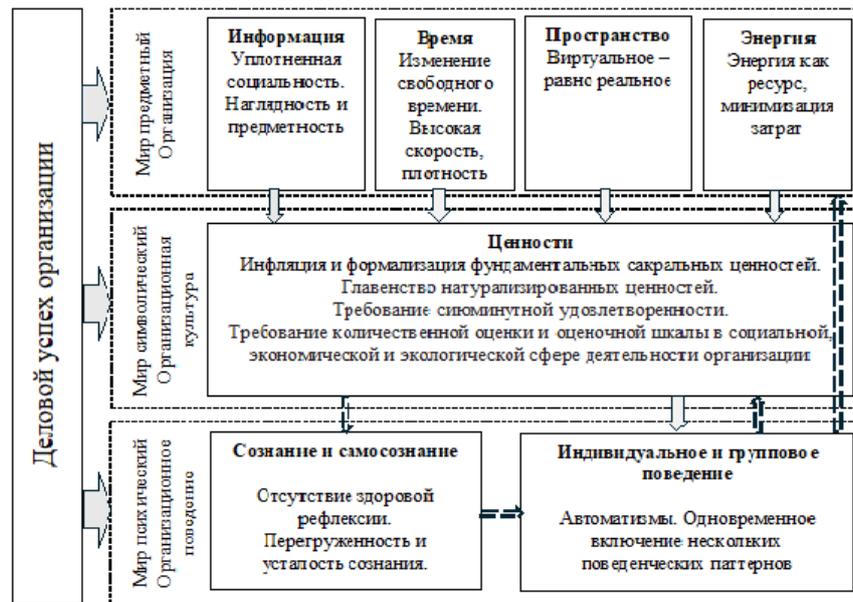

Рис. 2. Гипотетическая модель организации в эпоху глобализации
 Fig. 2. Hypothetical model of an organization in the era of globalization
 Источник: составлено авторами

Считаем, что общество и организация схожи между собой. И то и другое стремится достичь своих целей, и в том и другом есть определённая группа людей.

Время нами понимается в трёх значениях — время, время плюс пространство (пространство в рамках набора хронотопов), время плюс энергия. Отметим, что под хронотопом в данном случае следует понимать социальную пространственно-временную определённость, которая имеет чёткую внутреннюю детерминированность. По нашему мнению, «деятельность организаций, находящихся внутри пространственно-временной определённости, должна однозначно рассматриваться с позиций интеграции экономических, социальных и экологических показателей, имеющих на сегодняшний день качественный характер. Деловой успех организации и состоит из экономических (например, объём инвестиций), социальных (количество увольнений), экологических (применение экологически чистых технологий) показателей» [22].

Исходя из вышеизложенного уточним содержание понятия «деловой успех организации» для современного периода времени их деятельности: *деловой успех организации — это достижение высокого результата в своей деятельности, реализация стратегических целей организации при максимальном и рациональном использовании всех имеющихся в её распоряжении ресурсов и способностей руководителей и коллектива в условиях изменчивости во времени внешней среды, техно-*

логий и геополитического социального, экономического, экологического, информационного, культурного, демографического и др. пространства.

В свою очередь, нами предполагается существование скрытых факторов делового успеха, основанных на детерминизме, и, как следствие, вводим в научный оборот новое понятие «скрытые факторы делового успеха организации», которые можно исследовать и проверить только с использованием хронологии и комплексного подхода, включающего социальные, экологические и экономические аспекты деятельности организации. Скрытые факторы делового успеха организации — это те факторы, которые влияют на деловой успех, но являются неясными в данный момент времени и событий, то есть обладают квантово-релятивистскими характеристиками, что, возможно, объясняет отсутствие единого подхода к деловому успеху.

Отметим, что скрытые факторы могут влиять на деловой успех, как в определённый момент времени, так и в течение продолжительного периода. К скрытым факторам мы относим такие факторы, как время, знания руководства, умение воспринимать факты и т. д. Влияние данных факторов стоит считать фундаментально неясными, так как нечёткие факторы сложно поддаются конкретике, однако мы считаем рассмотрение делового успеха не полным, если не учитывать влияние скрытых факторов.

Для максимально полного, при этом индивидуального подхода к оценке делового успеха

организации, как отправной точкой оценки делового успеха, считаем, что необходимо взять ключевые факторы успеха рассматриваемой организации и особо выделить скрытые факторы, а также интеграционные ключевые социо-эколого-экономические факторы и время как неотъемлемую часть квантово-релятивистского подхода. Также ключевые факторы успеха необходимо расширить до факторов влияния, то есть максимально детального рассмотрения факторов как ближнего, так и дальнего окружения, которые носят, как было указано выше, квантово-релятивистские характеристики. Ещё раз подчеркнём, что данные факторы могут влиять на деловой успех как в момент времени, так и в течение продолжительного периода.

Таким образом, опираясь на методы и принципы квантово-релятивистского подхода нами разработан методический инструментарий, для анализа и прогнозирования делового успеха организаций на основе составления когнитивных карт, в которых мы предлагаем использовать сочетания макро-мезо-микроуровня окружения организации, а также их совмещение с существующими социо-эколого-экономическим факторами, добавив горизонтальную ось времени [23]. Далее моделируем деловой успех организации с помощью теории бифуркации и теории катастроф, которая фиксирует закономерности, связанные с внезапным переходом системы от одного состояния к другому, то есть приобретение или потерю делового успеха [24]. Данная методика показана в виде блок-схемы четырехэтапной модели оценки делового успеха организации (рис. 3). В процессе выполнения этапов блок-схемы, организация может вносить корректировки в стратегическое планирование, а также осуществлять мониторинг отклонения от стратегии развития. Так, на первом этапе получаем определение ключевых факторов успеха организации, осуществляем их ранжирование. На втором этапе составляем когнитивную карту, которая показывает силу влияния одних факторов деятельности организации на другие, с учётом фактора времени.

На третьем этапе моделируем возможность наступления скачкообразного изменения параметров организации, то есть катастрофы, используя её финансовые показатели. Если не наблюдаем вероятности наступления катастрофы, то, используя все предыдущие расчёты, разрабатываем стратегию деятельности организации без учёта вероятностных отклонений. Если возможность катастрофы присутствует, стратегия разрабаты-

вается с её учётом. Так, например, организации не рекомендуется вкладывать в развитие маркетинга или увеличение других затрат, если коэффициент заёмных средств превышает критическую отметку.

На основе полученных итоговых результатов в процессе моделирования и оценки делового успеха организации по предложенной методике возможна корректировка организацией своей стратегии развития, а также разработка нового прогноза и сценария развития организации на основе ключевых факторов успеха, факторов влияния, когнитивной карты и «низкой» или «высокой» вероятностью наступления скачкообразного изменения в деятельности организации. При отрицательном результате, иначе высокой вероятностью наступления скачкообразного изменения в деятельности организации считаем, что управленческий аппарат организации должен разрабатывать уже совершенно новую стратегию для достижения своего делового успеха.

Выводы

В результате рассмотрения эволюции взглядов на деловой успех организации и специфики его достижения в современных условиях установлено, что наряду с уже известными ключевыми факторами делового успеха в период трансформации экономики и социума существует необходимость особо выделять интеграционные ключевые социо-эколого-экономические факторы в деятельности организаций, а также время, как неотъемлемую часть квантово-релятивистского подхода. Уточнено содержание понятия «деловой успех организации», что позволило обосновать введение в научный оборот нового понятия «скрытые факторы делового успеха организации» и предложить гипотетическую модель организации в эпоху глобализации.

Разработана блок-схема четырехэтапной модели оценки делового успеха организации. Показана целесообразность моделирования и прогнозирования делового успеха организации с помощью теории бифуркации и теории катастроф, которая фиксирует закономерности, связанные с внезапным переходом системы от одного состояния к другому, то есть приобретение или потерю делового успеха, а также на основе составления когнитивных карт, в которых предлагается использовать сочетания макро-мезо-микроуровня окружения организации и их совмещение с существующими социо-эколого-экономическими факторами.

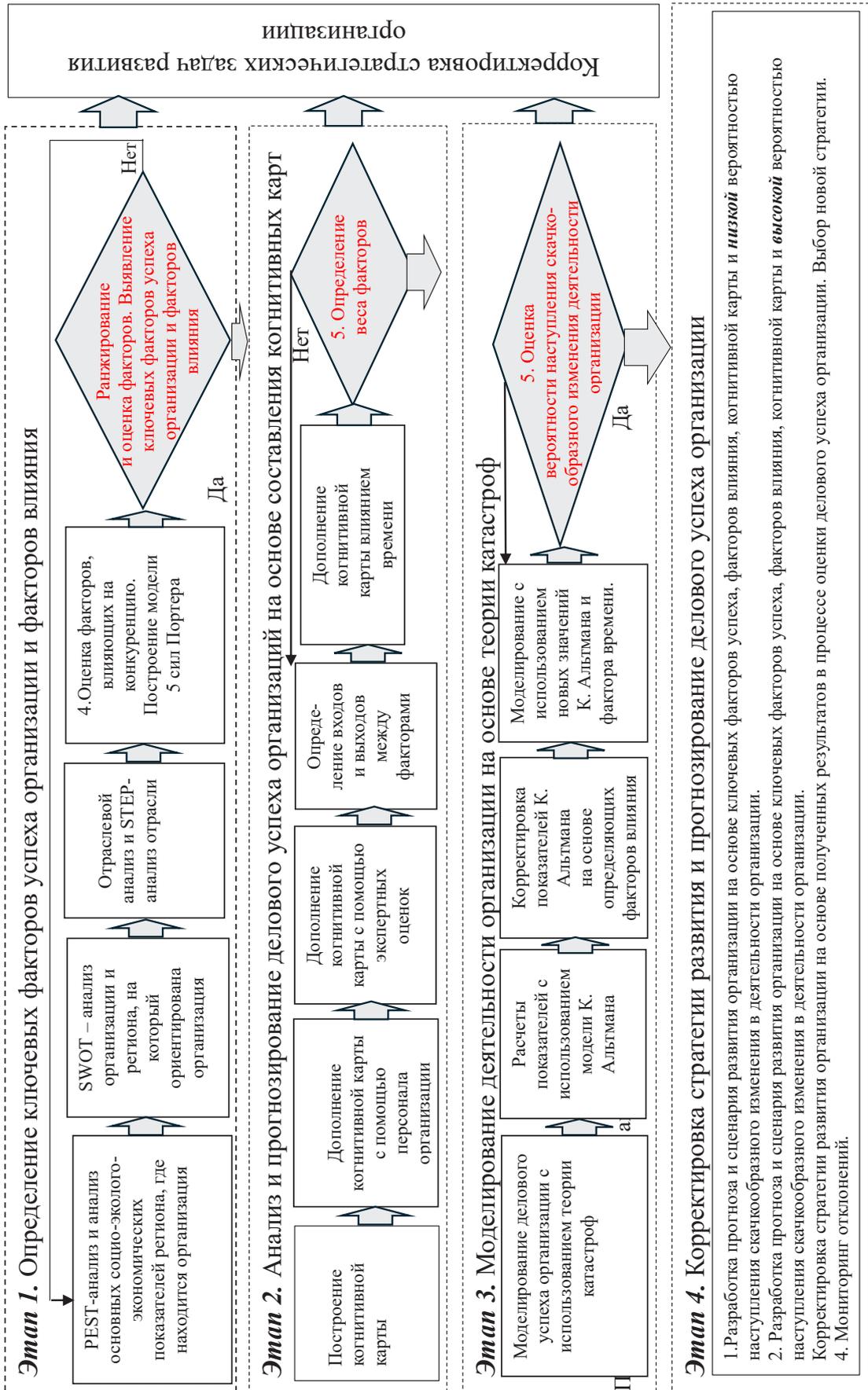

Рис. 3. Блок-схема четырехэтапной модели оценки делового успеха организации
 Fig. 3. Block diagram of the four-stage model for assessing the business success of an organization

Список источников

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпораций ; пер. с англ. В. Кузина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 382 с.
2. Алабугин А. А., Шагеев Д. А. Регулирование дисбаланса целевых характеристик развития предприятия методами теории заинтересованных сторон // Актуальные проблемы экономики современной России : сб. науч. трудов по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / Приволжский научно-исследовательский центр ; научно-издательский центр «КОЛЛОКВИУМ». Йошкар-Ола : Коллоквиум, 2012. С. 32–39.
3. Быстрова С. Г. Составляющие успеха организации. URL: <http://megapredmet.ru/1-29321.html> (дата обращения 21.09.2024).
4. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденоко ; пер. с нем.о М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденоко; комментарии А. Ф. Филиппова. М. : Изд. группа «Прогресс», 1990. 808 с.
5. Виноградова Н. П., Попова А. А., Попов А. Н. Экономика делового успеха : учеб. пособие для студентов вузов и слушателей системы повышения квалификации. М. : Акад. естествознания, 2017. 250 с.
6. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М. : Вильямс, 2004. 134 с.
7. Друкер П. Ф. Практика менеджмента : учеб. пособие ; пер. с англ. М. : Изд. дом «Вильямс», 2000. 398 с.
8. Инновационный менеджмент / под ред. Л. Н. Оголевой. М. : ИНФРА-М, 2001. 238 с.
9. Камерон К. С., Куин Р. И. Диагностика и изменение организационной культуры ; пер. с англ. СПб. : Питер, 2001. 108 с.
10. Коллинз Дж. От хорошего к великому (подарочное издание). М. : Манн, Иванов и Фербер, 2011. 208 с.
11. Кунц Г., О’Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций ; пер. с англ. / под общ. ред. и предисл. академика Д. М. Гвишиани. М. : Прогресс, 1981. Т. 1. 495 с.
12. Мальцев Ю. Г., Пряхин Г. Н., Труханов Д. А. Ловушки бизнеса. LAP Lambert Academic Publishing. 2019. 64 с.
13. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. Воронеж : МОДЭК, 2002. 336 с.
14. Митин А. Н., Фёдорова А. Э., Токарева Ю. А., Овчинников А. В. Антикризисное управление персоналом организации : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2005. 272 с.
15. Моисеева И. И. Подходы к оценке эффективности предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2010. 22 с.
16. Надеина Е. А. Методы оценки результативности и функциональной состоятельности системы менеджмента промышленного предприятия : дис. ...канд. экон. наук. Екатеринбург, 2022. 194 с.
17. Пирсон Б., Томас Н. Магистр делового администрирования. Краткий курс ; пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2002. 218 с.
18. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления: (опыт лучших компаний) ; пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. 418 с.
19. Плетнёв Д. А., Козлова Е. В., Наумова К. А. «Ген» успешности: чему национальные быстрорастущие компании могут научить российский бизнес в современных условиях // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 4. С. 49–67. DOI: 10.18721/JE.15404.
20. Плетнёв Д. А., Николаева Е. В., Кампа А. Оценка влияния на успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России внутренних факторов // Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России ; под общ. ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнёва. М. : Перо, 2016. С. 8–86.
21. Попов А. Н., Квасова Н. А., Попова А. А., Труханов Д. А. Корпоративный менеджмент в координатах делового успеха. Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2016. 234 с.
22. Пряхин Г. Н., Мальцев Ю. Г., Труханов Д. А. Деловой успех в пространственно-временных координатах // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 243–245. DOI:10.26140/anie-2019-0803-0058.
23. Пряхин Г. Н., Мальцев Ю. Г., Труханов Д. А. Когнитивная карта делового успеха организации // Экономика и предпринимательство. 2019. № 4 (105). С. 1224–1230.
24. Пряхин Г. Н., Мальцев Ю. Г., Труханов Д. А. Математическая модель делового успеха организации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал 2019. № 6 (124). 15 с.

25. Роджерс Ф. Дж. Путь успеха. Как работает корпорация IBM ; пер. с англ. Ф. Дж. Роджерс. СПб. : Азбука — Terra, 1997. 250 с.
26. Румянцева З. П. Общее управление организацией: Теория и практика : учебник для студентов вузов по спец. «Менеджмент организации». М. : ИНФРА-М, 2004. 303 с.
27. Смирнов М. Г. Забелина Е. В., Веденева Е. В., Честюнина Ю. В. Гипотетическая динамическая типическая модель современного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9 (419). С. 52.
28. Соболева Н. Э. Инвестиции в МВА как способ накопления человеческого, социального и символического капитала // Вопросы образования. 2009. № 3. С. 229–244.
29. Томилов В. В. Культура предпринимательства : учебник для вузов. М. : Питер, 2000. 359 с.
30. Шибина М. А. Морозко Н. И. Оценка эффективности деятельности предприятия // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7, № 2 (27). 83 с.
31. Яковлева Е. А., Барабанова М. И., Ветрова И. Ф., Гасанов Г. С. [и др.] Корпоративное управление: вопросы теории, проблемы практики : колл. монография / . СПб.: Санкт-Петербург. гос. экон. ун-т, 2017. 230 с.
32. Schwartz H., Davis S. Matching Corporate Culture and Business Strategy. М.: AMACOM, a division of American Management Associations. 1981. 19 с.

References

1. Adizes I. Upravleniye zhiznennym tsiklom korporatsiy = Management of the life cycle of corporations. Transl. from English by V. Kuzin. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2014, 382 p. (In Russ.).
2. Alabugin AA, Shageev DA. Regulation of the imbalance of target characteristics of enterprise development by methods of stakeholder theory. In: Aktual'nyye problemy ekonomiki sovremennoy Rossii: sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. = Actual problems of the economy of modern Russia: a collection of scientific papers on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Yoshkar-Ola: Colloquium; 2012. Pp. 32–39. (In Russ.).
3. Bystrova SG. Sostavlyayushchiye uspekha organizatsii = Constituents of Organisational Success. URL: <http://megapredmet.ru/1-29321.html> (accessed 21.09.2024). (In Russ.).
4. Weber M. Izbrannyye proizvedeniya = Selected Works. Composition, general editorial and afterword by Y. N. Davydov; foreword by P. P. Gaidenko; translation from German by M. I. Levina, A. F. Filippov; transl. from German by M. I. Levina, A. F. Filippov. I. Levina, A. F. Filippov, P. P. Gaidenko; comments by A. F. Filippov. F. Filippov. Moscow: Progress Publishing Group; 1990. 808 p. (In Russ.).
5. Vinogradova NP, Popova AA, Popov AN. Ekonomika delovogo uspekha: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov i slushateley sistemy povysheniya kvalifikatsii = Economics of Business Success: a textbook for university students and students of the advanced training system. Moscow: Academy of Natural Sciences; 2017. 250 p. (In Russ.).
6. Drucker PF. Zadachi menedzhmenta v KHKHI veke = Management Tasks in the XXI Century. Moscow: Williams Publishing House; 2004, 134 p. (In Russ.).
7. Drucker PF. Praktika menedzhmenta = Management Practice. Moscow: Williams Publishing House; 2000. 398 p. (In Russ.).
8. Innovatsionnyj menedzhment = Innovation Management. Ed. by LN. Ogoleva. Moscow: INFRA-M; 2001. 238 p. (In Russ.).
9. Cameron KS, Quin RI. Diagnostika i izmenenie organizatsionnoj kul'tury = Diagnostics and change of organisational culture. Transl. from Engl. St. Petersburg: Peter; 2001. 108 p. (In Russ.).
10. Collins J. Ot horoshego k velikomu (podarochnoe izdanie) = From Good to Great (gift edition). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2011. 208 p. (In Russ.).
11. Kunz G, O'Donnell S. Upravlenie: sistemnyj i situatsionnyj analiz upravlencheskih funktsij = Management: system and situational analysis of management functions. Transl. from Engl.; ed. and preface by Academician D. M. Gvishiani. Moscow: Progress; 1981. Vol. 1. 495 p. (In Russ.).
12. Maltsev YuG, Pryakhin GN., Trukhanov DA. Lovushki biznesa = Traps of business. LAP Lambert Academic Publishing; 2019. 64 p. (In Russ.).
13. Mitina LM. Psihologiya razvitiya konkurentosposobnoj lichnosti = Psychology of competitive personality development. Voronezh: MODEK; 2002. 336 p. (In Russ.).

14. Mitin AN, Fedorova AE, Tokareva YA, Ovchinnikov AV. Antikrizisnoe upravlenie personalom organizacii: uchebnoe posobie = Anticrisis management of the personnel of the organisation. Textbook. St. Petersburg: Peter; 2005. 272 p. (In Russ.).
15. Moiseeva II. Podhody k ocenke effektivnosti predprinimatel'skoj deyatelnosti = Approaches to assessing the effectiveness of entrepreneurial activity. Abstract of tesis. Tambov; 2010. 22 p. (In Russ.).
16. Nadeina EA. Metody ocenki rezul'tativnosti i funkcional'noj sostoyatel'nosti sistemy menedzhmenta promyshlennogo predpriyatiya = Methods of assessing the effectiveness and functional consistency of the management system of industrial enterprise. Thesis. Ekaterinburg; 2022. 194 p. (In Russ.).
17. Pearson B, Thomas N. Magistr delovogo administrirovaniya. Kratkij kurs = Master of Business Administration. A Short Course. Transl. from Engl. Moscow: Alpina Publisher; 2002. 218 p. (In Russ.).
18. Peters T, Waterman R. V poiskah effektivnogo upravleniya: (opyt luchshih kompanij) = In search of effective management: (experience of the best companies). Transl. from Engl. Moscow: Progress; 1986. 418 p. (In Russ.).
19. Pletnev DA, Kozlova EV, Naumova KA. The “Gene” of Success: What National Fast-Growing Companies Can Teach Russian Business in Modern Conditions. *π-Economy*. 2022;15(4):49-67. (In Russ.).
20. Pletnev DA, Nikolaeva EV, Kampa A. Assessing the Impact of Internal Factors on the Success of Small and Medium-Sized Businesses in Russia. In: *Uspeshnost' predpriyatij malogo i srednego biznesa v Rossii = Success of Small and Medium-Sized Businesses in Russia*. Ed. by VI Barhatov, DA Pletnyov. Moscow: Pero; 2016. Pp. 8–86. (In Russ.).
21. Popov AN, Kvasova NA, Popova AA, Trukhanov DA. Korporativnyy menedzhment v koordinatakh delovogo uspekha = Corporate Management in Coordinates of Business Success. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov; 2016. 234 p. (In Russ.).
22. Pryakhin GN, Maltsev YuG, Trukhanov DA. Business success in spatial and temporal coordinates. *Azimut nauchnykh issledovanij: ehkonomika i upravlenie = Azimut Scientific Research: Economics and Management*. 2019;8(3(28)):243-245. DOI: 10.26140/anie-2019-0803-0058. (In Russ.).
23. Pryakhin GN, Maltsev YuG, Trukhanov DA. Cognitive map of business success of the organisation. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2019;4(105):1224-1230. (In Russ.).
24. Pryakhin GN, Maltsev YuG, Trukhanov DA. Mathematical model of business success of the organisation. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal = Management of economic systems: an electronic scientific journal*. 2019;6(124):15. (In Russ.).
25. Rogers FJ. Put' uspekha. Kak rabotaet korporaciya IBM = The path of success. How IBM Corporation works. Transl. from Engl. St. Petersburg: Azbuka — Terra; 1997. 250 p. (In Russ.).
26. Rumyantseva ZP. Obshchee upravlenie organizaciej: Teoriya i praktika = General management of the organisation: Theory and practice: Textbook. Moscow: INFRA-M; 2004. 303 p. (In Russ.).
27. Smirnov MG, Zabelina EV, Vedeneva EV, Chestyunina YV. Hypothetical dynamic typical model of modern society. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;9(419):52. (In Russ.).
28. Soboleva NE. Investments in MBA as a way to accumulate human, social and symbolic capital. *Voprosy obrazovaniya = Education Issues*. 2009;3(3):229-244. (In Russ.).
29. Tomilov VV. Kul'tura predprinimatel'stva: uchebnyk dlya vuzov = Entrepreneurship culture: textbook for universities. Moscow: Peter; 2000. 359 p. (In Russ.).
30. Shibina MA, Morozko NI. Evaluation of the effectiveness of the enterprise. *Internet-zhurnal Naukovedenie = Internet journal Naukovedenie*. 2015;7(2(27)):83. (In Russ.).
31. Yakovleva EA, Barabanova MI, Vetrova IF, Hasanov GS [et al.]. Korporativnoe upravlenie: voprosy teorii, problemy praktiki = Corporate governance: issues of theory, problems of practice. Collective monograph. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2017. 230 p. (In Russ.).
32. Schwartz H, Davis S. Matching Corporate Culture and Business Strategy. Moscow: AMACOM, a division of American Management Associations; 1981. 19 p.

Информация об авторах

Г. Н. Пряхин — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

Д. А. Труханов — аспирант кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

G. N. Pryakhin — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and regional development.

D. A. Trukhanov — Postgraduate Student of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 21–35.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):21-35.

Научная статья

УДК: 339.97

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-21-35

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ирина Юрьевна Беганская¹, Светлана Николаевна Науменко²✉,
Людмила Владимировна Черная³, Максим Анатольевич Малик⁴

¹ Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, beganskaya.irina@yandex.ru, 0009-0000-8318-5845

² Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, naumesvetlana@yandex.ru, 0009-0006-6810-414X

³ Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, luche58@mail.ru, 0009-0003-1009-3837

⁴ Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, malik_fx86@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению причин и условий развития конфликтов на международном уровне, тесно переплетённых между собой. С точки зрения политэкономии исследование конфликтов на мировом уровне приобретает актуальность в условиях быстро меняющегося глобального ландшафта, поскольку конфликты оказывают неблагоприятное воздействие на уровень развития национальной экономики, приводят к ухудшению макроэкономической ситуации, создавая «ловушку нестабильности». В связи с этим понимание механизмов конфликта помогает предсказать его развитие и разработать эффективные стратегии для предотвращения и разрешения. Исследование проводилось при помощи междисциплинарного подхода, аккумулирующего экономические теории, а также экономические концепции, помогающие установить причинно-следственные связи процессов и последствий возникновения конфликтов. Цель работы — определить взаимосвязь изменения форм проявления конфликтов и тенденций смены мировых социально-экономических систем, установить потенциальные проблемы формирующейся мировой геоэкономической системы. В результате выявлены закономерности видоизменения конфликтов в различных исторических условиях и их влияние на трансформацию мировых социально-экономических систем. Разработана типология конфликтов, систематизированы предпосылки геополитических конфликтов, проведена группировка акторов конфликтов по категориям их роли в конфликтном взаимодействии, сгруппированы факторы, способствующие возникновению конфликтов по признаку мотивации сторон и способов проявления конфликтов, проведены периодизация эволюции международных конфликтов и анализ санкционной политики Запада. Доказано, что одним из инструментов взаимодействия, нивелирующим влияние конфликтов и учитывающим противоречия предыдущих систем, могут быть интеграционные объединения в отличие от международных организаций, показавших свою несостоятельность в решении конфликтов.

Ключевые слова: конфликты, причины и факторы конфликтов, международные отношения, взаимодействие, противостояние, мировая социально-экономическая система, геополитические изменения, многополярность

Благодарности. Исследование выполнено в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Условия и инструментарий развития внешнеэкономической деятельности основных сфер и отраслей народного хозяйства: организационно-институциональный и социально-экономический аспекты» (регистрационный номер НИОКТР 124012500447-8), за счёт субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) на 2024 год.

Для цитирования: Беганская И. Ю. Науменко С. Н., Чёрная Л. В., Малик М. А. Влияние конфликтов на трансформацию мировой социально-экономической системы // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 21–35. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-21-35

Original article

INFLUENCE OF CONFLICTS ON THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

Irina Y. Beganskaya¹, Svetlana N. Naumenko²✉, Lyudmila V. Chernaya³, Maksim A. Malik⁴

¹ Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia, beganskaya.irina@yandex.ru, 0009-0000-8318-5845

² Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia, naumesvetlana@yandex.ru, 0009-0006-6810-414X

³ Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia, luche58@mail.ru, 0009-0003-1009-3837

⁴ Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia, malik_fx86@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the causes and conditions of conflict development at the international level, which are closely intertwined with each other. From the point of view of political economy, the study of conflicts at the global level is becoming relevant in a rapidly changing global landscape, since conflicts have an adverse impact on the level of development of the national economy, lead to a deterioration of the macroeconomic situation, creating an “instability trap”. In this regard, understanding the mechanisms of conflict helps to predict its development and develop effective strategies for prevention and resolution. The research was conducted using an interdisciplinary approach that accumulates economic theories, as well as economic concepts that help establish cause-and-effect relationships between processes and consequences of conflict. The purpose of the work is to determine the relationship between changing forms of conflict and trends in changing global socio-economic systems, and to identify potential problems of the emerging global geo-economic system. As a result, patterns of conflict modification in various historical conditions and their impact on the transformation of global socio-economic systems have been identified. A typology of conflicts has been developed, the prerequisites for geopolitical conflicts have been systematized, conflict actors have been grouped by categories of their role in conflict interaction, factors contributing to conflicts based on the motivation of the parties and ways of conflict manifestation have been grouped, the evolution of international conflicts has been periodized and the sanctions policy of the West has been analyzed. It is proved that integration associations can be one of the instruments of interaction that neutralizes the impact of conflicts and takes into account the contradictions of previous systems, unlike international organizations that have shown their inconsistency in conflict resolution.

Keywords: conflicts, causes and factors of conflicts, international relations, interaction, confrontation, world socio-economical system, geopolitical changes, multipolarity

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the fundamental research work «Conditions and tools for the development of foreign economic activity in the main spheres and branches of the national economy: organizational, institutional and socio-economic aspects» (R&D registration number 124012500447-8), due to a subsidy for financial support of the fulfillment of the state task for the provision of public services (performance of works) for 2024.

For citation: Beganskaya IYu, Naumenko SN, Chernaya LV, Malik MA. Influence of conflicts on the transformation of the global socio-economic system. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):21-35. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-21-35

Введение

Поскольку каждый конфликт на международной арене отражает более глубокие политические, экономические и культурные процессы, то теория конфликтов и геополитические изменения имеют тесные взаимосвязи. Геополитика, как наука о влиянии географических факторов на международные отношения, подчёркивает,

что ресурсы, территориальные претензии и демографические изменения часто становятся катализаторами конфликтов. Социальные и политические конфликты возникают в результате разницы интересов, ценностей и власти среди различных групп. Эффективные инструменты разрешения таких конфликтов включают диалог, медиацию и арбитраж, каждый из которых

действенен в определённых случаях и взаимодополняем. Сочетание этих инструментов позволяет создавать устойчивые решения, минимизируя негативные последствия конфликтов и содействуя обществу в его развитии.

Анализируя современные конфликты, можно выделить тенденции, возникающие в результате глобализации, увеличения миграции и изменения климата, которые способствуют росту напряжённости между государствами. При этом следует отметить, что конфликты не всегда основываются на старых противоречиях, и новые угрозы требуют адаптации теории конфликтов, включая многоуровневый подход, который учитывает как внутренние, так и внешние факторы. Например, изменения в расстановке сил на международной арене, в частности рост влияния таких стран, как Китай и Индия, ставят вопрос о переформатировании традиционных союзов и альянсов. Данный факт вызывает необходимость переосмысления теорий, рассматривающих конфликты как неизменные величины, подчёркивая их динамичную природу в контексте глобальных изменений.

Материалы и методы исследования

Исследование социальных и политических конфликтов требует междисциплинарного подхода, соединяющего экономическую теорию, социологию, политологию и психологию, что способствует более глубокому пониманию сложных взаимодействий внутри общества.

Методология исследования представляет собой систематизированный подход к изучению конфликтов и их разрешению: теоретические концепции, практические методы и инструменты, позволяющие анализировать причинно-следственные связи, контекст и динамику конфликтных ситуаций в исторической ретроспективе с учётом социологических и культурных аспектов, что, по мнению авторов, способствует более глубокому пониманию природы конфликтов. Основной концепцией исследования является транзакционная теория, подчёркивающая взаимосвязь и взаимодействие сторон, базирующаяся на создании наиболее устойчивых и эффективных решений, минимизации негативных последствий для общества. Другими теориями, положенными в основу исследования, выступают: теория игр (анализ стратегий, применяемых сторонами конфликта для достижения своих целей, включая кооперацию и переговоры), неоклассическая экономика (равновесие, где каждая

сторона адаптирует свои действия в ответ на действия других), маржинализм (предельная полезность и предельные издержки в принятии решений, как доказательство возникновения конфликтов в условиях неравномерного распределения ресурсов), теория социальной справедливости (равенство, распределение ресурсов и уважение к правам каждой из сторон конфликта, понимание и признание различных точек зрения), институциональная экономика (влияние формальных и неформальных институтов на конфликтные ситуации и способы их разрешения).

Комплексное применение обозначенных теорий позволило выявить коренные причины конфликтов и раскрыть базовые проблемы, лежащие в их основе.

В качестве методов исследования (качественных, количественных) определены диалектический, логический и конкретно-исторический методы, наблюдение и анализ документов, что позволило выявить ключевые факторы, способствующие возникновению конфликтов, а также определить желаемые результаты их разрешения.

Результаты исследования и их обсуждение

С социально-экономической точки зрения, анализ исторических параллелей между различными переломными периодами позволяет выявить закономерности, которые могут быть полезны для понимания современных процессов. Конфликты и политическая изоляция, с которыми сталкиваются страны, часто приводят к значительным изменениям в экономическом устройстве, структуре торговли и отношений между государствами. В случае последнего витка напряжённости между западными странами и Российской Федерацией можно отметить, что экономические санкции и политика изоляции, проводимые с обеих сторон, приводят к изменению не только внутренней экономики стран-участниц, но и к переосмыслению глобальных цепочек поставок [1]. Это может способствовать формированию новых экономических объединений и альянсов, которые будут иметь свои преимущества и риски. Кроме того, исторический опыт показывает, что в периоды изоляции и конфликтов часто активизируется внутренний экономический потенциал стран, что может привести к инновациям и развитию новых секторов экономики. Например, в ситуации экономических санкций Россия может увеличить внимание к развитию местного производства и снижению зависимости от импортных товаров.

Таким образом, исследование современного состояния международных отношений и их влияние на международную политику через призму исторического контекста позволяет глубже понять механизмы глобальных изменений и выработать более эффективные стратегии для адаптации к новым вызовам. Важно учитывать, что каждый конфликт уникален и требует индивидуального подхода, тем не менее изучение предыдущих уроков может оказаться крайне полезным в поиске решений для текущих и будущих кризисов.

В данном контексте геополитические конфликты часто являются следствием борьбы за ресурсы, территории и влияние, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на внутренние проблемы стран и вызывает социальные разногласия [2].

Социальные конфликты могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Кроме того, контекст глобализации значительно усложняет динамику конфликтов, и в этом смысле технологии и коммуникации могут действовать двояко.

С одной стороны, социальные сети и цифровые платформы могут быть инструментами для организации и мобилизации движений за перемены; с другой — могут способствовать распространению дезинформации и радикализации. В этом смысле социальные конфликты охватывают широкий спектр взаимодействий и могут проявлять-

ся как в личной жизни, так и на более высоких уровнях организационной или государственной деятельности.

В табл. 1 выделены ключевые типы конфликтов в социально-политическом измерении, которые пересекаются и взаимодействуют с другими, создавая сложные социальные и политические ситуации.

Проявляясь в различных формах (экономическая конкуренция, гражданские войны) [4], конфликты не всегда могут быть прямыми военными действиями.

При изучении международных конфликтов необходимо выделить несколько ключевых начальных позиций (рис. 1) [5].

Акторов конфликтного взаимодействия с присутствующими им ролями можно разделить на три категории (рис. 2).

Социальная среда, в которой происходит конфликт, выступает источником его зарождения и должна рассматриваться в различных контекстах (международно-политический, социально-экономический, этнорелигиозный, культурно-лингвистический) состояния социальной структуры.

В общемировом масштабе конфликты представляют значительную опасность для международного сообщества: риски распространения, потенциальные экологические и военные катастрофы, рост миграции, дестабилизация в сопредельных странах.

Таблица 1
Table 1

Типы конфликтов в социально-политическом измерении
Types of conflicts in the world political dimension

Типы	Примеры
Военно-политические конфликты	Конфликты в Сирии, на Украине, в Йемене, египетские революции и последствия, конфликты в странах Африки (Судан, Центральноафриканская Республика)
Экономические конфликты	Торговые войны (между США и Китаем, 2018); конфликты между странами за ресурсы (Никарагуа- Гондурас — контроль над нефтью, газом); кризисы задолженности (Греция); споры между компаниями (Apple, Qualcomm); профсоюзные конфликты (забастовки); экономические санкции (против РФ, Ирана, Северной Кореи, Кубы)
Социальные конфликты	Классовые (забастовки); между различными этническими группами (Югославия, Турция); по религиозному признаку (Ближний Восток); экологические (вырубка лесов, добыча нефти); конфликты интересов в политике (протесты, манифестации, насилие); конфликты поколений (возраст, ценности, образ жизни)
Этнонациональные, этнополитические, этноконфессиональные конфликты	Бывшая Югославия (Боснийская война); кавказские войны (Чечня, Дагестан); израильско-палестинский; конфликты в Руанде, Мьянме, Нагорном Карабахе, Кении, Судане, Сирии, Индии, Северный Ирландский конфликт [3]

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Параметры исследования международных конфликтов

Fig. 1. Parameters of international conflict research

Источник: составлено авторами на основе [5]

В работах исследователей выделен ряд факторов, способствующих возникновению международных конфликтов (табл. 2).

Масштабные вооружённые конфликты часто сосредоточены в ресурсонасыщенных регионах (разработка нефтяных, газовых месторож-

дений). Противоречивые явления современности усугубили имеющиеся проблемы или создали новые, что обусловило появление угроз и вызовов на каждом историческом отрезке и вызвало необходимость их сущностного разграничения.

Так, В. Дергачев¹ выделяет различия между глобальными вызовами (мировые проблемы широкого масштаба, возникающие из новых факторов, которые нарушают стабильность механизмов общественной жизни и международных отношений) и угрозами (результат воздействия вызовов и опасностей).

На протяжении всего периода существования человечество сталкивается с реальной угрозой

¹ Дергачев В. А. Геополитическая теория больших многомерных пространств: монография. (Электронное издание на CD + Интернет-гиперссылки). Изд. проект профессора Дергачева, 2011. URL: <https://dergachev.org/book-20/index.html> (дата обращения: 20.07.2024).

возникновения масштабных конфликтов, которые могут привести как к мировой ядерной войне, так и экологическим бедствиям. Однако существуют и другие формы потенциальных конфликтов. Обычно их участниками выступают страны (альянсы), причиной таких конфликтов служат столкновения интересов нации или государств-участников. В любом случае, международные конфликты оказывают как локальное, так и глобальное воздействие на взаимоотношения между странами [11].

В течение нескольких веков Запад стремился убрать Россию с геополитической карты мира, начиная с наступления Западной Европы на Восток (организовано Римской Церковью в начале XIII в.).

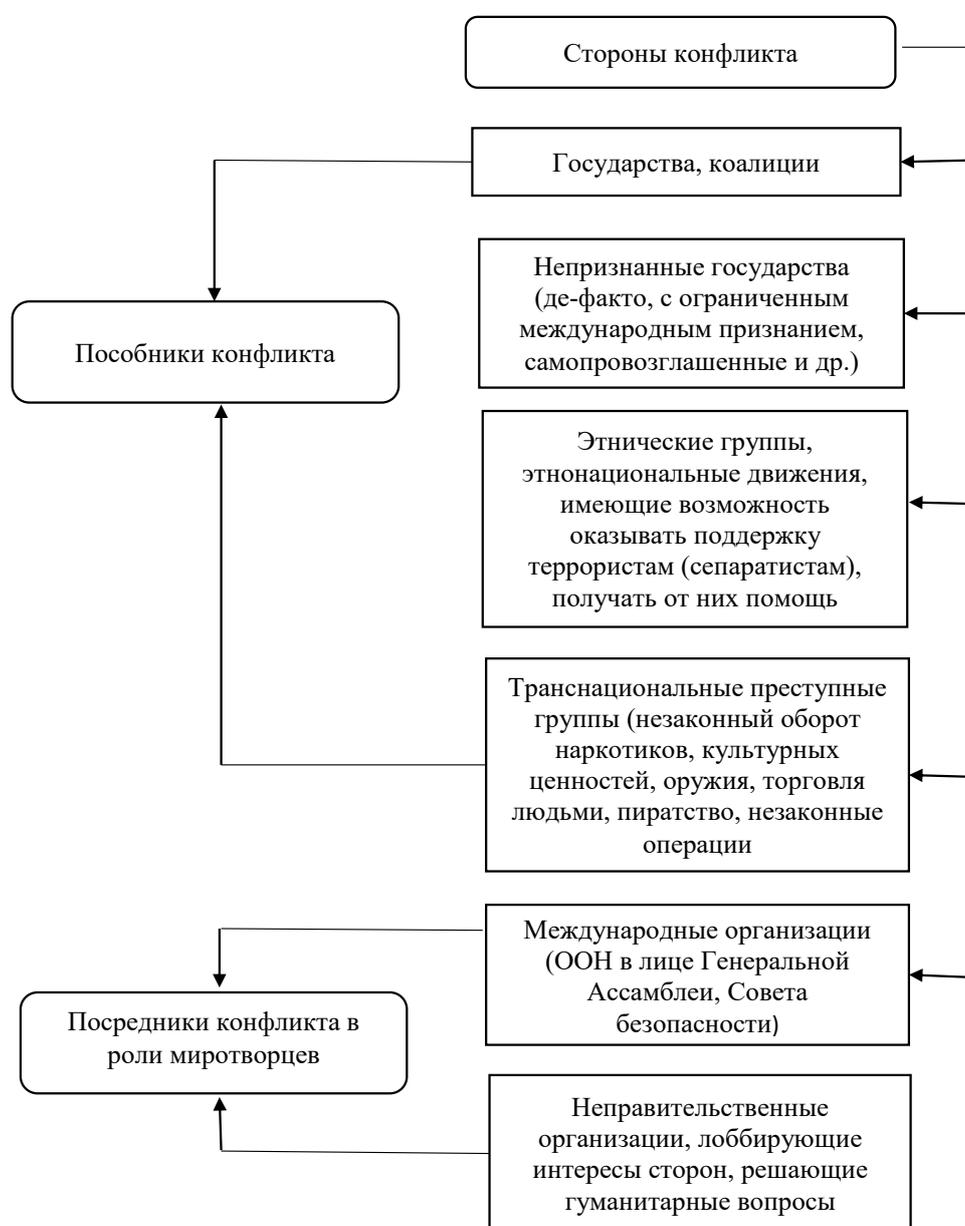

Рис. 2. Акторы конфликтного взаимодействия

Fig. 2. Actors of conflict interaction

Источник: составлено авторами

В табл. 3 приведена эволюция межнациональных конфликтов, представляющая собой результаты синтеза причин их возникновения с их распределением согласно историческим фактам и периодам. Точкой отсчёта определена дата подписания Вестфальского мирного договора (1648 г.) как первая совместная попытка мирового сообщества в разрешении конфликтов и становлении системы предотвращения конфликтных ситуаций в целом.

Представленная эволюция систем миропорядка предполагает компромиссное разрешение международных конфликтов. При этом каждая из попыток приводила к кризису, а возникающая новая учитывала недостатки предыдущей.

Первая система миропорядка утвердила статус государств как основных участников на международной арене и закрепила взаимоотношения между европейскими государствами, в том числе фактическое лидерство России.

Таблица 2
Table 2

Факторы, способствующие возникновению международных конфликтов
Factors contributing to the emergence of international conflicts

Фактор	Мотив
Соперничество между государствами	Государства, действующие в ущерб друг другу [6]
Различие в национальных интересах	Экономические, безопасностные, политические, культурные, социальные, экологические интересы [7]
Притязания на территории	Исторические, правовые, экономические притязания, территориальные споры [8]
Глобальное социальное неравенство	Экономическое, образовательное, гендерное, этническое неравенство; глобализация, технология; влияние государственного управления [9]
Диспропорциональное распределение природных ресурсов на планете	Неравномерность распределения мировых запасов природных ресурсов, приводящая к парадоксу изобилия («сырьевому проклятию»), соответственно — к силовому захвату
Негативные стереотипы и предвзятость	Недоверие между нациями, предвзятость и подозрительность, порождённые, как правило, искусственно; личные разногласия между политическими лидерами [10]

Таблица 3
Table 3

Эволюция межнациональных конфликтов в системе миропорядка
Evolution of interethnic conflicts in the world order system

Причины	Результат функционирования системы
Вестфальский миропорядок (1648–1812 гг.) ¹	
Бессистемность и кризис имперской системы в Европе (1618–1648 гг.)	Баланс сил, признание национального государственного суверенитета в качестве одного из ключевых принципов. Ликвидация польского государства и Великая Французская революция — триггер кризиса и распада Вестфальской системы
Венская (Европейский концерт, 1815–1914 гг.) ²	
Подъём национальных движений, стремление к пересмотру границ, появление сторонников проведения самостоятельной внешней политики, защищающей национальные интересы	Создание Священного союза европейских государств обеспечивало статус-кво европейских монархий. Сформулировано понятие «великие державы», наделение их правом совместного выполнения послевоенных договоров. Крах системы вызван выходом на мировую арену новых государств (США, Япония, Германия, Италия). Начало перехода от европоцентристской международной системы к глобальной

¹Оригинальный латинский текст Вестфальского мирного договора (Acta Pacis Westphalicae). URL: <http://www.pax-westphalica.de/> (дата обращения: 15.07.2024).

²Акт Венского Конгресса, 1815 г. / Публичная бесплатная политико-правовая интернет-библиотека Пашкова Романа. URL: <https://constitutions.ru/?p=18869> (дата обращения: 15.07.2024).

Причины	Результат функционирования системы
Ялтинско-Потсдамская (1945–1991 гг.) ¹	
Распределение зон влияния и послевоенное восстановление экономик Европы	Биполярная система ярко выраженного конфронтационного характера по линии противостояния Восток (блок социалистических стран) и Запад (капиталистические страны). Усиление позиций США и СССР, закрепление за ними статусов сверхдержав послевоенного мира. Распад СССР вызвал распады в странах соцлагеря, появление на политической карте мира новых независимых государств привело к краху системы
Однополярный миропорядок (1991–2007 гг.) ²	
Подписание Декларации о завершении холодной войны между США и СССР, установление однополярного миропорядка (гегемония США)	Трансформация мироустройства под потребности гегемона: решение конфликтов исключительно с позиции силы, денационализация политической элиты, повсеместное применение технологий бархатных революций с целью нивелирования государственных институтов, свободного доступа к дешёвым ресурсам
Формирование многополярного миропорядка (2008 г. — по настоящее время)	
Отказ США выстраивать конструктивные взаимоотношения в ответ на заявление о недопустимости проведения однополярной политики подчинения всех стран и народов влиянию Запада ³ , попираанию национальных интересов России	Рост влияния новых мировых центров, расширение НАТО, несостоятельность ООН в разрешении конфликтов, развязывание гибридных войн, рост количества геополитических конфликтов и межцивилизационных столкновений, новый виток гонки вооружений, волны терроризма, локальных конфликтов, спровоцированные действиями США, односторонний выход США из ключевых международных соглашений

Источник: составлено авторами на основе исторической ретроспективы результатов межгосударственных мирных соглашений.

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1 августа 1975 г.: полный текст. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0024_ksz&object=translation&l=ru (дата обращения: 16.07.2024).

² CAMP DAVID, Md. Text of the Camp David Declaration on New Relations by President Bush and Russian President Boris Yeltsin, Feb. 1, 1992. URL: <https://www.upi.com/Archives/1992/02/01/Text-of-the-Camp-David-Declaration-on-New-Relations/1093696920400/> (дата обращения: 16.07.2024).

³ Выступление В. В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Полный текст. URL: https://www.gubkin.ru/faculty/humanities/chairs_and_departments/country_political_history/study/files/Putin_Munxen.pdf. (дата обращения: 17.07.2024).

Венская система была первой попыткой создания системы коллективной безопасности [12]. Произошло разделение Речи Посполитой между Россией и Австрией [13], в результате антироссийских интриг Австрии и Англии произошло размежевание великих держав [14], изменился баланс сил на мировой арене, усугубились противоречия между Германией, Австро-Венгрией, Италией с одной стороны, Францией, Великобританией, Россией — с другой [15].

Версальско-Вашингтонская система направлена на дискриминацию побеждённых государств. Произошло разделение на европейскую (Версальскую) и американскую (Вашингтонскую) части; закрепление лидерства Великобритании, Франции, США в европейской и американской части соответственно; создание Лиги Наций, которая оказалась неспособной урегулировать межгосударственные конфликты [16].

Вопрос о послевоенном разрешении конфликтов впервые был поставлен на высшем уровне во время Тегеранской конференции (1943 г.)¹, где лидерами (СССР, США) были определены ключевые аспекты послевоенного устройства, сформировались основы биполярного мира.

Тенденция продолжилась на конференциях в Ялте (4 февраля 1945 г.)² и в Потсдаме (17 июля

¹ Стенограмма первого заседания Тегеранской конференции руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября 1943 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/293934> (дата обращения: 17.07.2024).

² Материалы Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. // Электронная библиотека. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim.htm (дата обращения: 17.07.2024).

1945 г.)¹, когда главные решения по важнейшим вопросам, касающимся создания новой модели международных отношений, принимались двумя доминирующими сверхдержавами — СССР и США. Соперничество и гонка вооружений сверхдержав привели к переосмыслению механизмов функционирования международных отношений, развалу СССР (Алма-Атинская декларация, 1991 г.)² и мирового социалистического лагеря.

С 1991 г. США стали доминирующей силой на международной арене и вплоть до 2007 г. функции поддержания экономической стабильности и военной безопасности реализовывались США по собственному усмотрению. Статус США как «глобального полицейского» и защитника финансовой устойчивости, «незаменимой нации», способствующей благосостоянию всех стран, которые разделяют идеи и ценности либерального мирового порядка, к концу 2007 г. показал несостоятельность однополярной системы, обострив общемировую ситуацию (локальные и региональные военные конфликты, расширение НАТО, деградация института ОБСЕ). Появление новых центров силы ознаменовало крах однополярной системы [17].

В 2007 г. на Мюнхенской конференции впервые прозвучал тезис о неприемлемости и невозможности существования однополярного мира. В пользу данного тезиса свидетельствуют закономерности развития социально-экономических систем, отражённые в многочисленных экономических, политических, социальных и исторических исследованиях. Так, российский аналитик Е. Ф. Морозов³ на примере глобальных империй (Великобритания, США) доказывает, что современный Запад — это многоуровневые иерархические системы, ядром которых выступают мо-

¹ Коммюнике об открытии Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. 17 июля 1945 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/218804> (дата обращения: 17.07.2024)

² Кушхов А. Х. Алма-Атинская декларация 1991 // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/alma-atinskaia-deklaratsiia-1991-1df512/?v=9540416>. — (дата обращения: 18.07.2024).

³ Морозов Е. Ф. Геополитика Евразии и будущее России // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы : материалы Междунар. науч. симпозиума. Симферополь : Крымский Архив, 1996. С. 123–133.

нополии, [сателлиты (доминионы)], которые находятся под влиянием ядра и во многом зависят от него, колонии (периферия капиталистического мира), часто зависящие от ресурсов и технологий, предоставляемых ядром империи, и враги (страны, группы, идущие вразрез с политикой и интересами ядра). В работе [18] А. Ирхин, выделяя союзников современного Запада, под ядром многоуровневой системы однозначно имеет в виду США. Данные взаимодействия между центром и союзниками создают многослойный фон, необходимый для осознания глобальных процессов и места России в них, которая рассматривается в качестве оппонента центру.

В течение многих столетий сложившиеся механизмы изоляции России со стороны западных стран оставались неизменными, как и их геополитические цели (препятствие доступа к технологическим достижениям, отделение континентальной части России от морских путей [19], повышение влияния в информационном пространстве), что подтверждается многочисленными исследованиями. Так, в работе [1] автором выделен ряд исторических периодов западной политики и совершенствования механизмов изоляции в отношении России (рис. 3).

Первый период изоляции России (XV–XVI вв.) связан с формированием централизованного государства и санкциями со стороны Литовского княжества и ганзейских городов. Расширение территории России уменьшило значимость Балтийского вектора блокады. На западе возросло влияние Франции, которая создала образ России как варварской страны. В XVII веке России удалось уменьшить изоляцию дипломатическими усилиями.

Во втором периоде (XIX в.) противостояние между Великобританией и Россией усилилось. Лондон проводил политику «русофобии», поддерживая противников России на Кавказе и в Иране. После Крымской войны (1853–1856 гг.) Россия оказалась в международной изоляции, что стимулировало развитие флота в Тихом океане. Конфликт с Японией (Русско-японская война) привёл к изменению внешнеполитического вектора России.

Третий этап (1917–1945 гг.) начался после Октябрьской революции с введением «золотой блокады» [20] и созданием санитарного кордона [21].

Четвёртый этап, период «холодной войны», характеризовался экономическими и политическими санкциями против СССР, что продолжало стратегию «анаконда» [22].

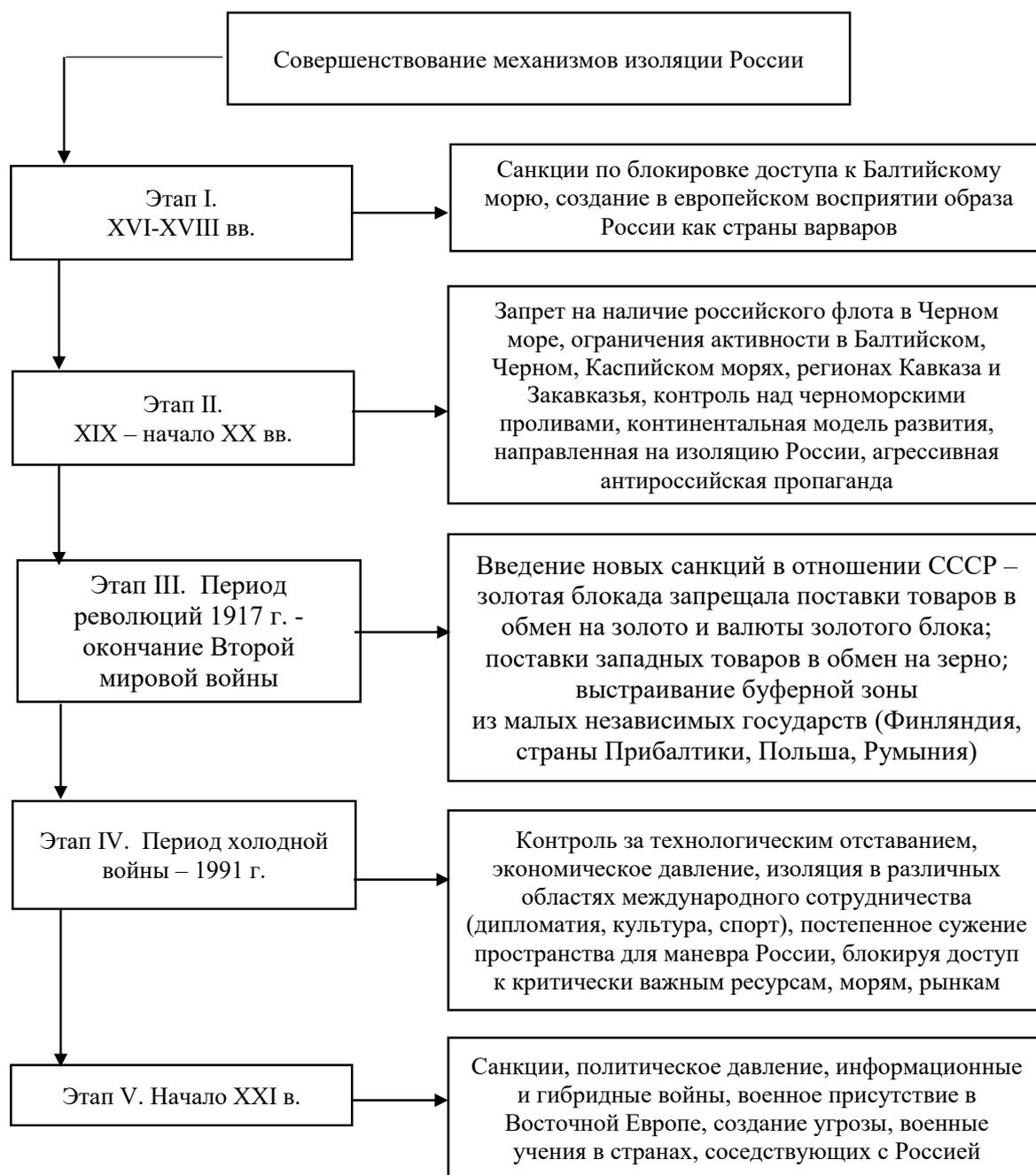

Рис. 3. Политика изоляции России со стороны Запада (исторический разрез)

Fig. 3. Isolation policy of Russia from the West (historical context)

Источник: составлено авторами на основе [1]

С завершением «холодной войны» возникли новые конфликты [23], сохранившие угрозы со стороны Запада [24], и международный терроризм [25], усилилась борьба за ресурсы [26]. В современных отношениях между Россией и Западом сохраняется механизм военно-политического сдерживания, а международные организации показывают свою несостоятельность.

Факторы, способствующие возникновению международных конфликтов, не только опреде-

ляют изменения, но и формируют новые линии взаимодействия и противостояния, которые неизменно влияют на общественный и культурный климат.

Обострение старых и появление новых противоречий требует от участников диалога адаптации к изменяющимся условиям и пересмотра своих позиций, которые проявляются в специфических идеологических или культурных мировоззрениях.

Выводы

Начиная с 2008 года произошёл переход к шестому этапу трансформации мировой политической системы, вызванный новым витком эволюции межгосударственных конфликтов. В условиях глобализации и быстрого роста информации конфликты стали многослойными, охватывающими экономические, культурные и социальные аспекты. Такие внешние факторы, как уровень экономического развития, уровень демократии и культурные традиции вышли на первый план в процессах возникновения и разрешения конфликтов.

Многополярность становится обязательным условием мирного сосуществования государств. Новый мировой порядок начинает обретать чёткие контуры. Решительные санкции Запада против России фактически разрушили основы прежней структуры международных отношений. Российская сторона находит новые решения через программы импортозамещения, стремление к технологическому суверенитету и готовность защищать свои интересы, в том числе и силовыми методами, развивает экономическое сотрудничество, основанное на чётко установленных и общепринятых нормах. Создание многополярного мира связано с возникновением новых центров силы, благодаря укреплению суверенитета и возрастанию конкурентоспособности отдельных стран. В данном контексте многополярность понимается как развитие центров, которые не находятся под контролем и влиянием западных стран.

Прогнозируемыми проблемами многополярности могут быть.

1. Формирование альянсов, что может усугублять существующие разногласия и приводить к новым глобальным вызовам, связанным со стабильностью. Ключевая задача предпринимаемых действий по предотвращению конфликтных ситуаций — гарантия технологической независимости, обеспечение стабильного развития государств.

2. Любое решение, принятое одной державой, может привести к цепной реакции, затрагивающей множество стран, влияет на стабильность всего региона (глобальную экономику). Для достижения стабильности важно, чтобы международные игроки стремились к сотрудничеству, уважали суверенитет друг друга и искали компромиссы, учитывающие интересы всех сторон. В противном случае мир может столкнуться с новыми вызовами и конфликтами, которые только усугубят существующие проблемы.

3. Надёжность систем часто приводит к чрезмерной самоуверенности, игнорирующей возможность крайних событий. Как следствие, существует вероятность возрастания вооружённых конфликтов и появления новых угроз для безопасности на глобальном уровне.

Формирующийся многополярный мир представляет собой систему, в которой несколько стран обладают значительным влиянием. Разнообразие может привести к конфликтам, а отсутствие единого центра затрудняет принятие совместных решений. Взаимодействие между государствами требует дипломатического подхода для предотвращения напряжённости. Интеграционные объединения (БРИКС+, ШОС) могут стать инструментами, учитывающими интересы всех стран и углубляющими сотрудничество и понимание между нациями. Россия, обладая значительным геополитическим влиянием, играет важную роль в решении и предотвращении социальных и политических конфликтов, выступает за диалог и мирное разрешение споров, катализатором мира и стабильности, несмотря на критику её действий.

Дальнейшие исследования проблемы будут лежать в плоскости управления конфликтами со смещением акцента от процесса поиска компромисса к прогнозированию и разработке стратегий для достижения более глубоких изменений в социально-экономической сфере.

Список источников

1. Константинова А. П. Механизмы западной изоляции России: проблемы эволюции и периодизация // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 86–93.
2. Otabek G. Global conflicts // Modern Science and Research. 2023. Vol. 2, № 8. P. 271–274.
3. Маслюк Д. С. Палестино-израильский конфликт в конструируемом образе российских средств массовой информации // Русская политология. 2023. № 4 (29). С. 24–31.
4. Карпилена Н. В. Философия геополитики как теория противодействия организуемым Западом гибридным войнам: взгляд из Союзного государства и Большого Востока // Архонт. 2023. № 6 (39). С. 4–47.

5. Гришаева Л. Е. Институты войны и мира // Дипломатическая служба. 2022. № 5. С. 324–347. DOI: 10.33920/vne-01-2205-01.
6. Боровский Ю. В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты // Международные отношения. 2018. № 3. С. 65–72.
7. Мухаметов Р. С. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: сущность и основные средства реализации: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.
8. Головки Е. С., Габеркорн А. И. Факторы и причины возникновения политических конфликтов: теоретико-методологические подходы // Интернаука. 2024. № 23-2 (340). С. 5–7.
9. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России: научная монография / Н. Г. Осипова, И. А. Вершинина, Д. Е. Добринская [и др.]. М. : Изд.-торг. дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 276 с.
10. Гасанов И. Б. Этнические стереотипы: биография концепта. М. : Проспект, 2020. 376 с.
11. Нурсейт Н. Потребность и пути обновления современного международного порядка // Казахстан-Спектр. 2024. Т. 109(1).
12. Колосова И. В. Особенности системной истории международных отношений и мировой политики // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–180. DOI:10.24975/2313-8920-2024-11-2-168-180. (
13. Фархутдинов И. З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 25–33.
14. Силаева З. В. Основные тенденции и закономерности усложнения базовых принципов взаимодействия ведущих акторов международных отношений в условиях геополитического конфликта интересов // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 3 (15). С. 14–27. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.2
15. Кашин Е. А. «Европейский концерт» XIX века: истоки, функционирование, кризис системы // Политика, экономика и инновации. 2021. № 4 (39). С. 1.
16. Чжоу Ч. Версальско-Вашингтонская система и формирование мирового порядка // Научный аспект. 2024. Т. 18. № 1. С. 2216–2221.
17. Мацулевич Е. Политика США в отношении постсоветской интеграции в контексте трансформации президентских внешнеполитических доктрин в 1991–2022 гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2022. № 3–4. Р. 37–44. DOI: 10.33581/2072-0513-2022-3-4-37-44.
18. Ирхин А. А. Россия и Запад: методологический уровень конкуренции // Запад — Восток. 2015. № 8. С. 9–15.
19. Котляр Н. В. Российские регионы в мировой транспортной системе (геополитические аспекты) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 14 (229). С. 17–24.
20. Рябцева Е. Е., Рябцев А. Л. Военно-политические сценарии Запада в геополитическом противостоянии с Россией в XXI веке // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке : сб. науч. трудов. Севастополь: Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище им. П. С. Нахимова, 2023. Вып. 6. С. 43–48.
21. Рак В. В. Роль негосударственных акторов в геополитических трансформациях в Евразийском регионе // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23, № 3. С. 166–173. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-3-166-173.
22. Лукьянов В. Ю. Международные отношения начала XXI века. Тенденции и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 16–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V198.
23. Арбатов А. Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 7. С. 5–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24.
24. Артамонова У. З. «Политическая война» 2.0 (США vs Россия — миг между прошлым и будущим) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 10. С. 40–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-40-49.

25. Барейс Л. Межгосударственные конфликты за ресурсы: сетевая перспектива безопасности доступа к ресурсам // Журнал разрешения конфликтов. 2024. № 68 (7–8). С. 1387–1416. DOI: 10.1177/00220027231181051.

26. Громыко А. А. Могла ли холодная война закончиться раньше. Постановка вопроса (К 110-летию А. А. Громыко) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 10. С. 109–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-109-115.

References

1. Konstantinova AP. Mechanisms of Western Isolation of Russia: Problems of Evolution and Periodization. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya = Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*. 2017;(3(69)3):86-93. (In Russ.).

2. Otabek G. Global conflicts. *Modern Science and Research*. 2023;2(8):271-274. (In Russ.).

3. Maslyuk DS. The Palestinian-Israeli conflict in the constructed image of the Russian media. *Russkaya politologiya = Russian political science*. 2023;(4(29):24-31. (In Russ.).

4. Karpilenya NV. Philosophy of geopolitics as a theory of counteraction to hybrid wars organized by the West: a view from the Union State and the Greater East. *Arkhyon=Archont*, 2023;(6(39):4-47. (In Russ.).

5. Grishaeva LE. Institutes of war and peace. *Diplomatskaya sluzhba=Diplomatic Service*. 2022;(5):324-347. DOI: 10.33920/vne-01-2205-01. (In Russ.).

6. Borovsky YV. International rivalry: theoretical and linguistic aspects. *Mezhdunarodnye otnosheniya = International Relations*. 2018;(3):65-72. (In Russ.).

7. Mukhametov RS. Natsional'nyye interesy Rossii na postsovetском prostranstve: sushchnost' i osnovnyye sredstva realizatsii = National interests of Russia in the post-Soviet space: essence and main means of realization. Abstract of thesis. Ekaterinburg; 2009. 20 p. (In Russ.).

8. Golovko ES, Gaberkorn AI. Factors and causes of the emergence of political conflicts: theoretical and methodological approaches. *Internauka=Internauka: electron. scientific Journal*. 2024;(23-2(340):5-7. (In Russ.).

9. Osipova NG, Vershinina IA, Dobrinskaya DE (eds.). Sotsial'noye neravenstvo v sovremennom mire: novyye formy i osobennosti ikh proyavleniya v Rossii = Social Inequality in the Modern World: New Forms and Features of Their Manifestation in Russia. Moscow: Limited Liability Company PERSPEKTIVA Publishing and Trading House; 2021. 276 p. (In Russ.).

10. Gasanov IB. Etnicheskiye stereotipy: biografiya kontsepta = Ethnic stereotypes: biography of the concept. Moscow: Limited Liability Company "Prospect"; 2020. 376 p. (In Russ.).

11. Nurseit N. The need and ways of updating the modern international order. *Kazakhstan-Spektr = Kazakhstan-Spektr*. 2024;109(1). (In Russ.).

12. Kolosova IV. Features of the system history of international relations and world politics. *Problemy post-sovetskogo prostranstva=Problems of the post-Soviet space*. 2024;11(2):168-180. DOI:10.24975/2313-8920-2024-11-2-168-180. (In Russ.).

13. Farkhutdinov IZ. War and peace in the context of international law. The experience of doctrinal research on the problems of forming a modern model of international relations in the context of the development of international law. *Evrasijskiy yuridicheskij zhurnal=Eurasian Law Journal*. 2020;(2(141):25-33. (In Russ.).

14. Silaeva ZV. The main trends and patterns of complication of the basic principles of interaction between the leading actors of international relations in the context of a geopolitical conflict of interests. *KANT: Social Sciences & Humanities = KANT: Social Sciences & Humanities*. 2023;(3(15):14-27. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-15.2. (In Russ.).

15. Kashin EA. "European Concert" of the XIX century: origins, functioning, crisis of the system. *Politika, ekonomika i innovatsii=Politics, economics and innovations*. 2021;(4(39):1. (In Russ.).

16. Zhou Ch. The Versailles-Washington system and the formation of the world order. *Nauchnyy aspekt=Scientific aspect*. 2024;18(1):2216-2221. (In Russ.).

17. Matsulevich EuS. Policy towards post-Soviet integration in the context of the transformation of Presidential foreign policy doctrines in 1991–2022. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij=Journal of International Law and International Relations*. 2022;(3–4):37-44. DOI: 10.33581/2072-0513-2022-3-4-37-44. (In Russ.).

18. Irkhin AA. Russia and the West: methodological level of competition. *Zapad-Vostok = West-East*. 2015;(8):9-15. (In Russ.).
19. Kotlyar NV. Russian regions in the world transport system (geopolitical aspects). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2011;(14(229):17-24. (In Russ.).
20. Ryabtseva EE, Ryabtsev AL. Military-political scenarios of the West in the geopolitical confrontation with Russia in the XXI century. In: *Morskaya strategiya i politika Rossii v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti i ustojchivogo razvitiya v HHI veke: Sbornik nauchnyh trudov. Sevastopol': Chernomorskoe vyshee voenno-morskoe ordena Krasnoj Zvezdy uchilishche im. P. S. Nahimova = Maritime Strategy and Policy of Russia in the context of ensuring national security and sustainable development in the 21st century. The Black Sea Higher Naval Order of the Red Star School named after P. S. Nakhimov*. 2023;6:43–48. (In Russ.).
21. Rak VV. The role of non-state actors in geopolitical transformations in the Eurasian region. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta=Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2023;23(3):166-173. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-3-166-173. (In Russ.).
22. Lukyanov VY. International relations of the beginning of the XXI century. Trends and prospects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki=Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2022;22(4):16-23. DOI: 10.37482/2687-1505-V198. (In Russ.).
23. Arbatov AG. The supporting structure of global security. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World economy and international relations*. 2024;68(7):5-24. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24. (In Russ.).
24. Artamonova UZ. “Political war” 2.0 (USA vs Russia — a moment between the past and the future). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*. 2023;67,10: 40–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-40-49. (In Russ.).
25. Bareis L. Interstate conflicts over resources: a network-centric perspective on the security of access to resources. *Zhurnal razresheniya konfliktov=Journal of Conflict Resolution*. 2024;68(7–8):1387-1416. DOI: 10.1177/ 00220027231181051. (In Russ.).
26. Gromyko A. Could the Cold War have ended earlier. Statement of the question (For the 110th anniversary of A. A. Gromyko). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*. 2019;63(10):109-115. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-109-115. (In Russ.).

Информация об авторах

И. Ю. Беганская — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента внешнеэкономической деятельности.

С. Н. Науменко — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента внешнеэкономической деятельности.

Л. В. Чёрная — кандидат наук по государственному управлению, доцент, доцент кафедры менеджмента внешнеэкономической деятельности.

М. А. Малик — кандидат экономических наук, доцент, проректор.

Information about the authors

I. Y. Beganskaya — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management of Foreign Economic Activity.

S. N. Naumenko — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management of Foreign Economic Activity.

L. V. Chernaya — Candidate of Sciences in Public Administration, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management of Foreign Economic Activity.

M. A. Malik — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК 332.13

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-36-48

ОЦЕНКА СВЯЗАННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ТЕРРИТОРИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Цель исследования — оценить связанность экономического пространства Челябинской области. В основе методологии исследования лежит эконометрический анализ, а именно оценка пространственной автокорреляции. Инструментами оценки пространственной автокорреляции выступили расчёт локального индекса Морана и построение диаграммы рассеяния Морана. В основу расчёта локального индекса Морана положен четырёхлетний (2023/2019) темп роста производства в фиксированных ценах. Выборка исследования включает муниципальные образования Челябинской области уровней городского округа, муниципального района и муниципального округа. Таких муниципальных образований на территории области — 43. В выборку попали 40, за исключением трёх закрытых территориальных образований. По результатам исследования получена высокая фрагментарность пространства, разнородность состава агломераций региона. Более высокие значения автокорреляции в абсолютном выражении характерны для отрицательных значений индекса. Связанность же пространства определяется положительными значениями индекса автокорреляции — такие значения продемонстрировали двенадцать территорий региона. Автором предложена трактовка сбалансированного пространственного развития. Согласно предложенной трактовке такое развитие характерно для семи муниципальных образований региона. Результаты расчёта индекса Морана визуализированы на карте Челябинской области.

Ключевые слова: пространственное развитие, связанность экономического пространства, локальный индекс Морана, Челябинская область

Для цитирования: Бенц Д. С. Оценка связанности экономического роста территорий Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 36-48. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-36-48

Original article

EVALUATION OF SPATIAL AUTOCORRELATION OF CHELYABINSK REGION'S TERRITORIES

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, 0000-0003-1257-248X

Abstract. The purpose of the study is to evaluate the spatial autocorrelation of the Chelyabinsk region. The research method is econometric analysis, namely spatial autocorrelation. The tools for estimating spatial autocorrelation are the calculation of the local Moran index and the construction of the Moran scattering diagram. The author put the four-year (2023/2019) growth rate of production at fixed prices as the basis for calculating the local Moran index. The study sample includes municipalities of the Chelyabinsk region at the level of the urban district, municipal district and municipal district. There are 43 such municipalities in the region. The sample included 40 territories, with the exception of three closed territories. According to the results of the study, we see a high fragmentation of space, heterogeneity of the composition of the agglomerations of the region. Higher autocorrelation values in absolute terms are characteristic of negative index values. The connectivity of the space is determined by the positive values of the autocorrelation index. Such values were demonstrated by twelve territories of the region. The author proposed an interpretation of balanced spatial development. According to the proposed interpretation, such development is characteristic of seven municipalities in the region. The results of calculating the Moran index are visualized on a map of the Chelyabinsk region.

Keywords: spatial development, economic space connectivity, local Moran index, Chelyabinsk region

For citation: Benz DS. Evaluation of spatial autocorrelation of Chelyabinsk region's territories. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):36-48. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-36-48

Введение

В философии пространство трактуется как одна из форм существования материи [1]. Экономическое пространство — это, пожалуй, не менее сложная категория. Учёные утверждают, что в экономической литературе встречаются различные трактовки, порой и противоречивые, ввиду того, что направление «пространственная экономика» является относительно новым в регионалистике [2].

М. М. Хучиев описал генезис научных взглядов на экономическое пространство [2]. Систематизировав существующие подходы, данный автор предлагает сосредоточить своё внимание на трёх ключевых подходах — территориальном, институциональном и воспроизводственном. Основное преимущество территориального подхода заключается в возможности ориентироваться на географические границы. Пространство концентрирует в себе отношения между людьми, на которые влияют в том числе трансакционные факторы. Воспроизводственный подход акцентирует внимание на воспроизводстве системы жизнедеятельности человека.

Такие свойства пространства, которые классически определяют естественные науки, как однородность, непрерывность, трёхмерность, порой сложны для осмысления, если речь вести об экономическом пространстве. Поэтому зачастую, понимая пространство как систему, характеризующую экономическими отношениями, многие авторы обращаются к таким свойствам, как плотность и связанность [3–9]. Связанность многие авторы определяют как свойство пространства, характеризующее взаимодействие элементов социально-экономической системы между собой [8]. В экономических исследованиях встречается и категория «качества» экономического пространства. Авторы предлагают свою методику оценки качества пространства с точки зрения его динамики [10].

Экономическому пространству присущи и некоторые свойства физического пространства. М. М. Хучиев указывает на «всевозможные силовые поля, формирующие так называемые центры притяжения или, напротив, отторжения, которые влияют на структуру направления развития экономики региона» [2].

Свойство связанности пространства проявляет себя в том числе посредством действия агломерационных эффектов. Источник агломерационных эффектов многие авторы видят в маршаллианской экономии на масштабе [11]. Но этот подход не единственный. Ю. В. Павлов и Г. А. Хмелева многообразии факторов, образующих агломерационные эффекты, систематизировали так: наряду с эффектом масштаба они определили эффекты локализации, урбанизации, системы расселения и институционального влияния [12].

В данном исследовании мы не ставим задачу оценить агломерационные эффекты. Задача состоит лишь в поиске связи экономического роста агломераций со связанностью территорий, в неё входящих. Поэтому в нашем случае понимание агломерационного эффекта является достаточно узким: эффект проявляется в том, что само существование агломерации позволяет достигать более высоких темпов экономического роста. Так ли это, оценим ниже.

Управлять пространством сложно по тем же причинам, что и изучать его. Оно сложно конкретизируется. В сфере государственного и муниципального управления мы его конкретизируем по административным границам. В реальности же административное (территориальное) пространство не совпадает с экономическим. Во-вторых, оно (даже если оценивать его тождественно с территорией) бесконечно делимо. Сложно обозначить его границы. Опять же изучаем это пространство мы по административным границам муниципальных образований, а по факту внутри каждого муниципального образования оно неоднородно. Кроме того, достижение эффективного пространственного развития не может быть самоцелью. Конечной целью любого управления является рост качества жизни населения. С тем, чтобы понять, на какие пространственные факторы нужно воздействовать, чтобы поднять это качество, необходимо осознать особенности взаимодействия всех субъектов какой-то изучаемой территории. И изучать это пространство нужно по процессам, отражающим взаимодействие между субъектами этого пространства. А эти процессы опять же сложны сами по себе, в том числе потому, что они крайне разнородны и сложно изучаемы. Процессы на тру-

довом рынке, на рынке товаров и услуг, в сфере создания инфраструктурных объектов — это разные процессы. Связанность территорий не определяется лишь транспортной доступностью. Такая доступность отражает лишь потенциал развития, но не само развитие. Любая территория — это конкретные жители, фермеры, производители, нуждающиеся в ресурсах, с одной стороны, и в рынках сбыта — с другой. Зачастую, чтобы создать продукт, необходимо обеспечить эффективную связь ресурсных рынков и рынков сбыта, которые фактически находятся в границах разного пространства. В итоге связывает эти два пространства некий конкретный производитель, от таланта которого будет зависеть объём производимого продукта. В итоге важна взаимосвязь субъектов разных категорий: жителей, власти, бизнеса, науки, коммуникации между которыми часто нет. Фактически, если речь идёт о сельских и часто депрессивных территориях, тот же фермер, который готов трудиться и производить продукт на своей территории и давать рабочие места, порой не имеет представления о том, где изыскать финансовые ресурсы, какие существуют государственные программы поддержки и т.п. В итоге обрываются те процессы, которые могли бы связать территорию и привести её к так называемому «сбалансированному» развитию (такую цель называет стратегия социально-экономического развития Челябинской области), но что считать сбалансированным развитием — опять же стратегия умалчивает.

Цель исследования — оценить связанность экономического пространства Челябинской области с точки зрения динамической категории — экономического роста.

Задачи исследования: 1) оценить связанность экономического роста каждой территории Челябинской области с экономическим ростом соседних территорий; 2) провести группировку исследуемых территорий по критериям собственного экономического роста территории и экономического роста её соседей; 3) проанализировать связь между экономическим ростом агломераций области и результатами пространственной автокорреляции; 4) создать карту области, наглядно демонстрирующую результаты оценки связанности территорий; 5) предложить авторскую трактовку понятия «сбалансированное пространственное развитие».

Методы и материалы

С целью оценки связанности конкретной изучаемой территории с её соседями обратимся

к локальному индексу Морана. Данный индекс рассчитывается в целях обнаружения пространственной автокорреляции.

Расчёт данного индекса проведём для 40 территорий Челябинской области, имеющих статус городского округа, муниципального района и муниципального округа. Из выборки исключаем три закрытых территориальных образования (Озёрский, Трёхгорный и Снежинский городские округа) ввиду отсутствия данных об объёме отгруженных товаров за 2019 год.

Для расчёта локального индекса Морана воспользуемся следующей формулой [5]:

$$LI_i = \frac{nz_i \sum_{j=1}^n w_{ij} z_j}{\sum_{i=1}^n z_i^2}, \quad (1)$$

где LI_i — значение локального индекса Морана для i -го муниципального образования (далее МО);

n — число МО; в нашем исследовании оно равно 40;

$z_i = x_i - \bar{x}$ — отклонение индикатора x , характерного для i -го МО от среднего значения этого индикатора по всей выборке;

$$w_{ij} = \frac{\ln(l_{max}) - \ln(l_{ij})}{\ln(l_{max}) - \ln(l_{min})};$$

l — расстояние между административными центрами МО по автомобильным дорогам, оценённое по Яндекс-картам.

Индикатор (x_i), который мы заложим в расчёт данного индекса, — это четырехлетний темп роста производства, а именно отношение объёма отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ собственными силами (ОТСП) в 2023 году в фиксированных ценах (ценах 2019 года) к аналогичному показателю в 2019 году:

$$x_i = \frac{ОТСП_{2023}^{реал}}{ОТСП_{2019}}. \quad (2)$$

Источником исходных данных является база данных показателей муниципальных образований Росстата¹.

Фиксация цен будет проведена на основании индекса-дефлятора ВВП, оценённого за период с 2019 по 2023 год. Он равен 1,49. Расчёт реальных цен логичнее провести на основании индекса

¹ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm> (дата обращения: 01.12.2024).

физического объёма ВРП, так как именно в этом случае будет учтён региональный фактор цен. Однако, ввиду отсутствия на дату подготовки материалов исследования статистики относительно индекса физического объёма ВРП по итогам 2023 года, данный метод оценки не представляется возможным.

Локальный индекс Морана покажет, связан ли рост изучаемой территории с ростом соседних территорий. И если связан, то как — прямым или обратным образом, а также тесно или же нет. Чем больше значение индекса в абсолютном выражении, тем выше уровень связанности — выше значение автокорреляции. При этом положительное значение означает прямую связь (с ростом соседних территорий растёт и данная территория); отрицательное — обратную (с ростом соседних территорий данная территория демонстрирует снижение объёма производства, и наоборот).

Важным этапом авторегрессионного моделирования выступает диаграмма рассеяния Морана. Она позволит провести группировку исследуемых территорий. Для построения таковой по оси абсцисс откладывается стандартизованное z-значение исследуемого показателя, по оси ординат — значения пространственного фактора W_z [13]:

$$\text{Стандартизованное } z\text{-значение} = \frac{z_i - \bar{z}}{\text{стандартное отклонение распределения}}$$

$$W_z = \sum_{i=1}^n w_{ij} z_j. \quad (3)$$

Диаграмма Морана позволяет визуализировать четыре типа пространственной автокорреляции (рис. 1).

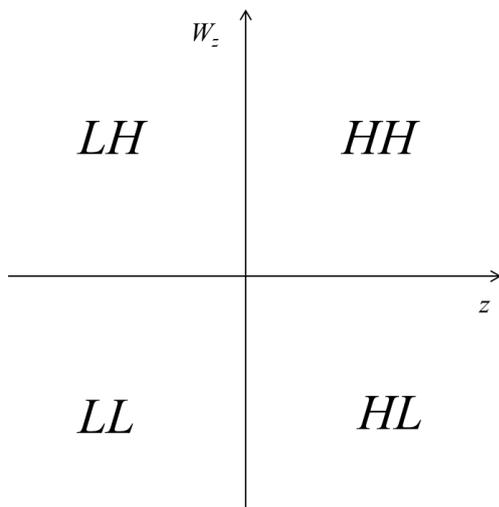

Рис. 1. Четыре квадранта диаграммы Морана
 Fig. 1. Four quadrants of the Moran diagram
 Источник: [13]

В правом верхнем квадранте диаграммы НН расположены территории, для которых характерно высокое значение роста анализируемого показателя и для соседних территорий также характерно высокое значение исследуемого показателя.

В правый нижний квадрант диаграммы НL попадают территории с относительно высоким собственным значением показателя, в то время как для соседних территорий характерны низкие значения.

В левом нижнем квадранте LL располагаются территории с низкими собственными значениями исследуемого показателя и с низкими значениями показателя у соседних территорий.

И наконец, в левом верхнем квадранте ЛН можно увидеть территории с низкими собственными значениями, которые окружены территориями с высокими значениями показателя.

В нашем исследовании стандартизованное z-значение содержательно означает отклонение четырехлетнего темпа роста объёмов производства данной территории от среднего значения экономического роста среди сорока территорий региона.

Результаты исследования

Результаты расчёта локального индекса Морана приведены в табл. 1.

Из сорока исследуемых территорий для половины получен индекс с положительным значением, для второй половины — с отрицательным. Если принять значения в диапазоне $(-0,1;0,1)$ за отсутствие автокорреляции, то можно констатировать, что 12 муниципальных образований (строки в таблице 1 с порядковыми номерами от 13 до 24) развиваются абсолютно независимо от их соседнего окружения.

Кроме того, исходя из полученных результатов можно констатировать достаточно интересную отличительную особенность Челябинской области: вариация значений индекса внутри территорий с отрицательной автокорреляцией существенно выше аналогичной вариации внутри территорий с положительными значениями индекса. Опять же если исключить из анализа те 12 территорий, чья связанность с соседними получилась практически нулевой, то из оставшихся 28 муниципалитетов для 12 характерной будет положительная связь, для 16 — отрицательная. Три территории показали высокую отрицательную автокорреляцию.

Покажем исходные данные для построения диаграммы Морана (табл. 2).

Таблица 1

Table 1

Результаты расчёта локального индекса Морана
The results of the calculation of the local Moran index

№	Муниципальное образование	Локальный индекс Морана	№	Муниципальное образование	Локальный индекс Морана
1	Брединский МР	0,359	21	Октябрьский МР	-0,019
2	Карабашский ГО	0,341	22	Миасский ГО	-0,025
3	Кыштымский ГО	0,287	23	Чесменский МР	-0,032
4	Каслинский МР	0,251	24	Южноуральский ГО	-0,077
5	Кизильский МР	0,242	25	Чебаркульский ГО	-0,117
6	Троицкий МР	0,186	26	Вернеуфалейский ГО	-0,118
7	Троицкий ГО	0,178	27	Аргаяшский МР	-0,125
8	Локомотивный ГО	0,141	28	Уйский МР	-0,180
9	Пластовский МР	0,132	29	Еманжелинский МР	-0,191
10	Агаповский МР	0,123	30	Чебаркульский МР	-0,219
11	Нагайбакский МР	0,119	31	Нязепетровский МР	-0,320
12	Магнитогорский ГО	0,117	32	Челябинский ГО	-0,364
13	Копейский ГО	0,091	33	Красноармейский МР	-0,367
14	Варненский МР	0,051	34	Карталинский МР	-0,399
15	Увельский МР	0,035	35	Саткинский МР	-0,498
16	Катав-Ивановский МР	0,023	36	Сосновский МР	-0,531
17	Коркинский МР (с 2023 г. МО)	0,013	37	Кусинский МР	-0,653
18	Еткульский МР	0,008	38	Кунашакский МР	-1,027
19	Златоустовский ГО	0,004	39	Усть-Катавский ГО	-1,090
20	Ашинский МР	0,004	40	Верхнеуральский МР	-2,217

Источник: рассчитано автором.

Таблица 2

Table 2

Данные для построения диаграммы рассеяния Морана
Data for constructing a Moran scattering diagram

№	Муниципальное образование	Станд. z-значение	Значение Wz	№	Муниципальное образование	Станд. z-значение	Значение Wz
1	Агаповский МР	-0,328	-0,244	21	Саткинский МР	-0,808	0,400
2	Аргаяшский МР	2,979	-0,027	22	Сосновский МР	2,689	-0,128
3	Ашинский МР	-0,078	-0,029	23	Троицкий МР	-0,343	-0,352
4	Брединский МР	-0,976	-0,239	24	Увельский МР	-0,710	-0,032
5	Варненский МР	-0,089	-0,371	25	Уйский МР	-0,847	0,138
6	Верхнеуральский МР	2,153	-0,668	26	Чебаркульский МР	-0,781	0,182
7	Еманжелинский МР	-0,667	0,186	27	Чесменский МР	0,050	-0,423
8	Еткульский МР	0,062	0,082	28	Вернеуфалейский ГО	-0,191	0,401
9	Карталинский МР	0,403	-0,642	29	Златоустовский ГО	0,113	0,021
10	Каслинский МР	0,364	0,447	30	Карабашский ГО	0,419	0,528
11	Катав-Ивановский МР	0,023	0,642	31	Копейский ГО	0,185	0,318
12	Кизильский МР	-0,670	-0,235	32	Кыштымский ГО	0,287	0,650
13	Коркинский МР (с 2023 г. МО)	0,259	0,032	33	Локомотивный ГО	-0,432	-0,212
14	Красноармейский МР	-0,530	0,449	34	Магнитогорский ГО	-0,340	-0,224
15	Кунашакский МР	-0,937	0,711	35	Миасский ГО	0,481	-0,034
16	Кусинский МР	-1,155	0,367	36	Троицкий ГО	-0,315	-0,367
17	Нагайбакский МР	-0,506	-0,152	37	Усть-Катавский ГО	2,834	-0,250
18	Нязепетровский МР	-0,559	0,372	38	Чебаркульский ГО	-0,670	0,113
19	Октябрьский МР	-0,469	0,026	39	Челябинский ГО	-0,344	0,687
20	Пластовский МР	-0,672	-0,128	40	Южноуральский ГО	0,115	-0,434

Источник: рассчитано автором.

Итак, для анализируемых нами сорока территорий диаграмма рассеяния Морана имеет следующий вид (рис. 2).

Отсутствие чётко выраженного тренда говорит о высоком уровне разобщённости территории региона, о фрагментарности его пространственного развития. По полученной выборке значений локального индекса Морана не представляется возможным построить статистически значимой регрессионной зависимости.

Покажем, какие именно территории, в какой квадрант диаграммы попали (рис. 3). Для эргономики восприятия в скобках покажем четырехлетние темпы роста реального объёма производства.

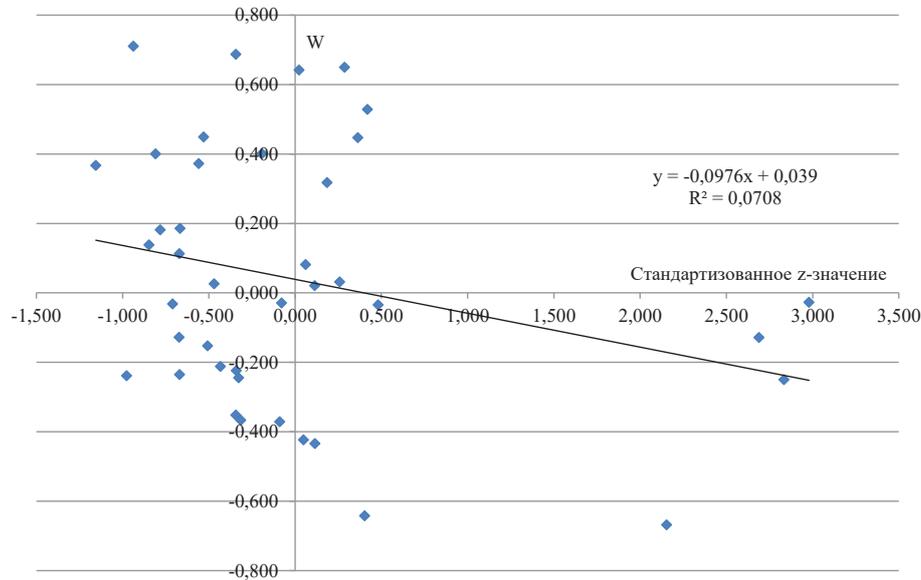

Рис. 2. Диаграмма Морана для территорий Челябинской области
 Fig. 2. Moran diagram for the territories of the Chelyabinsk region
 Источник: составлено автором

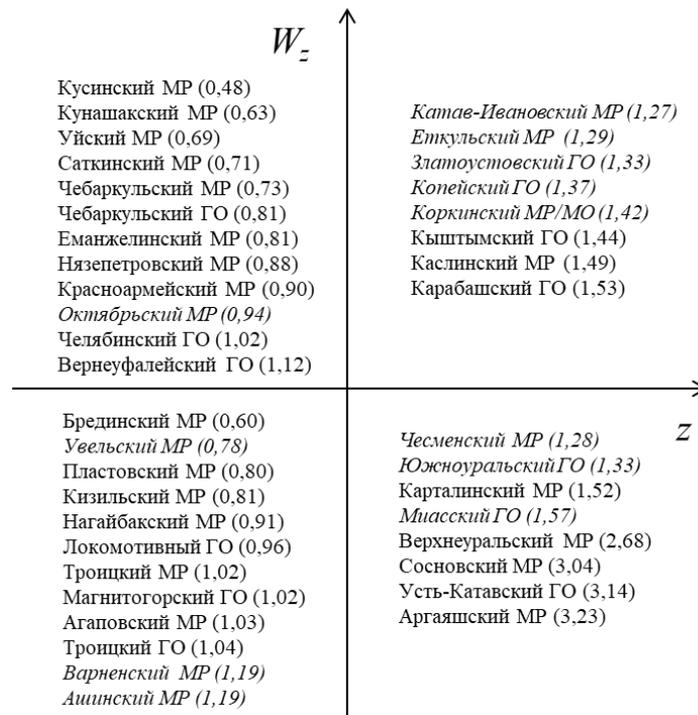

Рис. 3. Состав территорий Челябинской области на диаграмме Морана
 Fig. 3. The composition of the territories of the Chelyabinsk region on the Moran diagram
 Источник: составлено автором

Из рис. 3 видно, что абсолютно одинаково распределены территории с положительной и отрицательной автокорреляцией. Сумма количества муниципальных образований, попавших в правый верхний и левый нижний квадранты, равна сумме муниципалитетов, попавших в левый верхний и правый нижний квадранты.

В два левых квадранта попало преобладающее большинство муниципальных образований (24 из 40). Это квадранты, для которых z-значение либо ниже единицы, что означает отрицательные темпы роста производства, либо ниже среднего темпа роста по всей выборке. Среднее значение темпов роста составило 1,25. Число муниципальных образований, продемонстрировавших темпы роста выше среднего, составило 16. Это муниципальные образования, которые попали в два правых квадранта.

Если придерживаться логики, заданной в табл. 1, и принять в расчёт диапазон $(-0,1;0,1)$ за отсутствие автокорреляции, то интерпретация диаграммы Морана примет интересные формы. На рис. 3 такие территории отмечены курсивом. Из 16 территорий, расположенных в двух правых квадрантах, восемь показали условно нулевую автокорреляцию, а это значит, что половина быстро растущих территорий растут вне зависимости от своего окружения. Их экономический рост никак не связан с динамикой соседних территорий. Это муниципалитеты, которые и не «питаются» ростом соседних территорий, и не «подпитывают» его. Но это не касается четырёх лидеров. Примечательно, что все топ-4 лидера экономического роста попали в квадрант НН и по результатам расчёта локального индекса Морана показали ненулевую автокорреляцию. Для самых быстро растущих муниципалитетов характерной оказалась отрицательная пространственная автокорреляция — их быстрый рост сопровождается падением соседних территорий. Четыре территории из топ-5 аустайдеров экономического роста также попали в квадрант, символизирующий отрицательную автокорреляцию (ЛН). Эти территории падают на фоне роста своих соседей. Содержательно диаграмма Морана опять же доказала высокую разрозненность территорий и низкую связанность экономического пространства.

Проанализируем, как за исследуемый период выросли территории, входящие в состав агломераций, и покажем, какие значения локального индекса Морана характерны для этих территорий (табл. 3). Фактически через анализ темпов

экономического роста и локальный индекс Морана территорий, входящих в агломерации, можно косвенно оценить эффективность управления пространственным развитием региона. Первым стратегическим приоритетом План по реализации Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года¹ ставит приоритет развития городских агломераций и достижение сбалансированного пространственного развития за счёт этого инструмента.

Агломерации должны давать, так называемый «агломерационный» эффект, то есть показывать экономический рост выше среднего. Если не оценивать внутриагломерационные связи, а провести сравнительный анализ экономического роста агломерации со средним значением роста всех исследуемых территорий, то в результате также можно констатировать низкую эффективность управления пространственным развитием региона. В среднем рост лишь трёх из пяти агломераций, отражённых выше в таблице, действительно превышает среднее значение, равное 1,25. Опять же оперировать данными, приведёнными в таблице, необходимо аккуратно — расчёт проведён с исключением некоторых территорий, входящих в состав тех, что задуманы стратегией социально-экономического развития региона. С другой стороны, статистика рекомендует аккуратно относиться к средним величинам и для демонстрации объективно сложившейся реальности чаще оперирует медианной средней. Данное значение существенно ниже 1,25. Медианная средняя по выборке сорока исследуемых территорий составила 1,04. Но даже в таком свете проводимая политика региональных властей в отношении пространственного развития не может быть названа эффективной — например, в части экономического роста транспортно-логистической конурбации. По факту мы видим, что каждая агломерация слишком разнородна — как по темпам экономического роста, так и по значениям индекса Морана.

На рис. 4 показаны территории области, окрашенные в соответствии с полученными значениями локальных индексов Морана.

¹ О плане мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года : распоряж. правительства Челябинской области от 30.12.2019 г. № 1055-рп. URL: <https://minob.gov74.ru/files/upload/minob/Документы/1055-рп%20План%20мероприятий%20по%20реализации%20Стратегии%202035.pdf> (дата обращения: 02.11.2024).

**Сравнительный анализ экономического роста агломераций Челябинской области
и результатов оценки пространственной автокорреляции**
**Comparative analysis of the economic growth of agglomerations of the Chelyabinsk region
and the results of spatial autocorrelation assessment**

Агломерации	Муниципальное образование	Темпы роста производства 2023/2019	Локальный индекс Морана
Челябинская городская агломерация	Аргаяшский МР	3,23	-0,125
	Сосновский МР	3,04	-0,531
	Коркинский МО	1,42	0,013
	Копейский ГО	1,37	0,091
	Еткульский МР	1,29	0,008
	Челябинский ГО	1,02	-0,364
	Красноармейский МР	0,90	-0,367
	Еманжелинский МР	0,81	-0,191
<i>Среднее значение темпов экономического роста</i>		1,64	
Агломерация «Горный Урал» *	Усть-Катавский МР	3,14	-1,090
	Миасский ГО	1,57	-0,025
	Карабашский ГО	1,53	0,341
	Златоустовский ГО	1,33	0,004
	Катав-Ивановский МР	1,27	0,023
	Ашинский МР	1,20	0,004
	Чебаркульский ГО	0,81	-0,117
	Чебаркульский МР	0,73	-0,219
	Саткинский МР	0,71	-0,498
Кусинский МР	0,48	-0,653	
<i>Среднее значение темпов экономического роста</i>		1,28	
Магнитогорская агломерация **	Верхнеуральский МР	2,68	-2,217
	Агаповский МР	1,03	0,123
	Магнитогорский ГО	1,02	0,117
<i>Среднее значение темпов экономического роста</i>		1,58	
Северная конурбация ***	Каслинский МР	1,49	0,251
	Кыштымский ГО	1,44	0,287
	Верхнеуфалейский МР	1,12	-0,118
	Нязепетровский МР	0,88	-0,320
	Кунашакский МР	0,63	-1,027
<i>Среднее значение темпов экономического роста</i>		1,11	
Транспортно- логистическая конурбация	Локомотивный ГО	0,96	0,141
	Троицкий ГО	1,04	0,178
	Южноуральский ГО	1,33	-0,077
	Брединский МР	0,60	0,359
	Варненский МР	1,19	0,051
	Карталинский МР	1,52	-0,399
	Пластовский МР	0,80	0,132
	Троицкий МР	1,02	0,186
	Увельский МР	0,78	0,035
	Чесменский МР	1,28	-0,032
	Кизильский МР	0,81	0,242
Нагайбакский МР	0,91	0,119	
<i>Среднее значение темпов экономического роста</i>		1,02	

Источник: рассчитано автором. Состав агломераций приведён в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года в редакции от 08.04.2024 г.

Примечания:

* В составе агломерации «Горный Урал» не показана одна территория ЗАТО — Трёхгорный городской округ.

** В составе Магнитогорской межрегиональной агломерации указаны только территории Челябинской области.

*** В составе северной конурбации не показаны две территории ЗАТО — Озёрский ГО и Снежинский ГО.

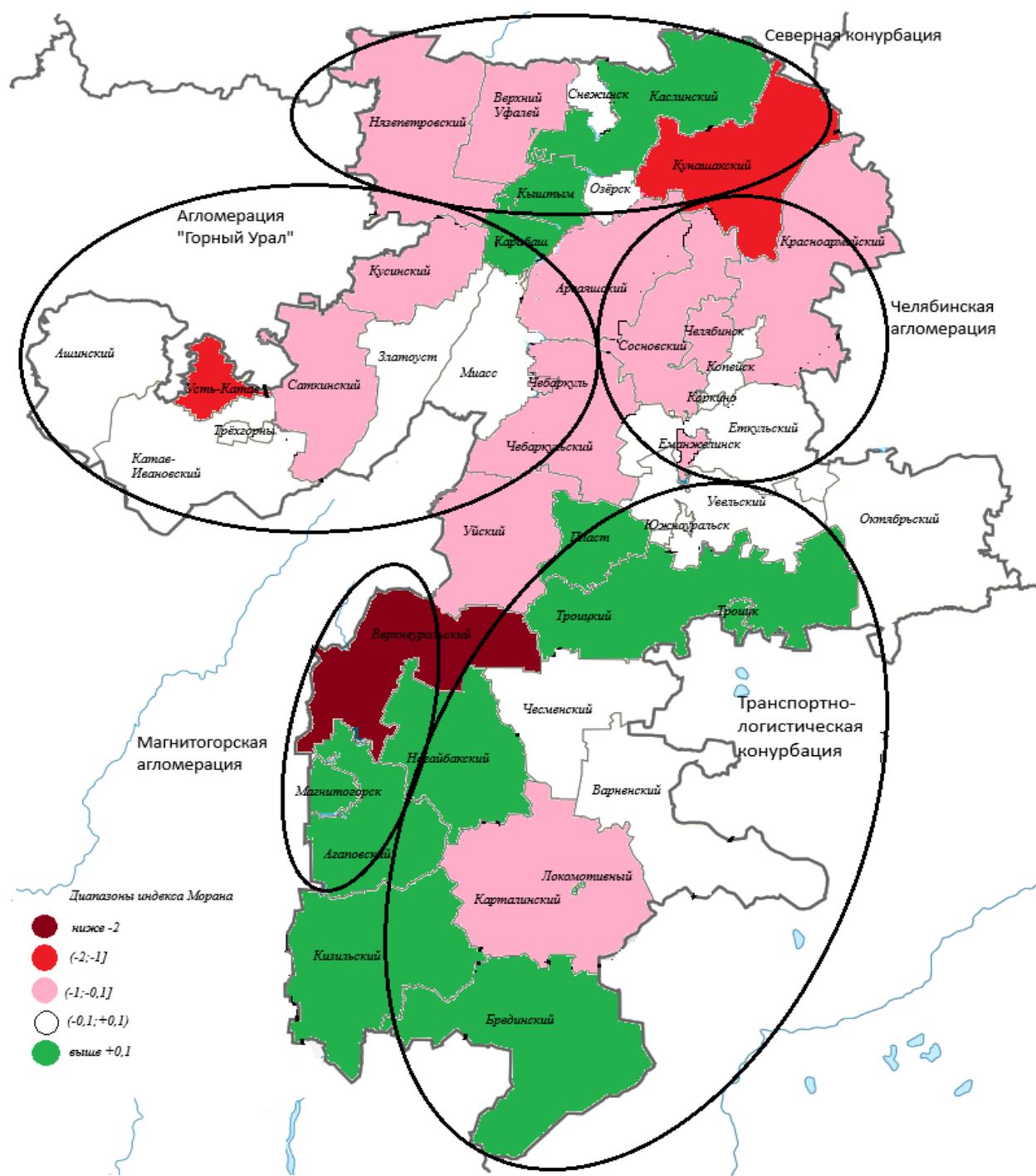

Рис. 4. Результаты оценки пространственной автокорреляции муниципальных образований Челябинской области

Fig. 4. Results of the assessment of spatial autocorrelation of municipalities of the Chelyabinsk region
 Источник: составлено автором

Территории, окрашенные зелёным цветом, символизируют положительную пространственную автокорреляцию, белым — её отсутствие. Розовые, красные и бордовые оттенки символизируют отрицательную автокорреляцию разной силы: розовые — слабую, красные — сильную, бордовым окрашена единственная территория, где индекс Морана по-

лучен выше 2 ед. по модулю. На этом же рисунке показан и состав агломераций — в той версии состава, что зафиксирован в последней редакции стратегии социально-экономического развития области. Если оценивать внутри-агломерационное пространство, то оно достаточно разнородно. Факт наличия разноплановых значений индекса Морана внутри каждой

агломерации говорит о разнородности самих агломераций, о неравномерном распределении агломерационных эффектов.

Комплексная оценка экономического пространства региона показала, во-первых, высокую разобщённость и разрозненность [14; 15], во-вторых, противоречивую связанность территорий — в первую очередь, с позиции реализации такого инструмента развития, как агломерации.

Следует отметить, что документы стратегического планирования часто прибегают к термину «сбалансированный». Так, прежняя федеральная стратегия пространственного развития (до 2025 года) целью такового ставила «сбалансированное пространственное развитие». Принятая в конце 2024 года новая стратегия такой целью ставит «формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики РФ». При этом ни один из документов не конкретизирует, а что есть сбалансированное развитие, каковы его критерии. Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года и вовсе утверждает, что «пропорциональное развитие всех муниципальных образований Челябинской области является необходимым условием для сбалансированного социально-экономического развития региона». Отсюда напрашивается вывод, что под сбалансированным развитием документ понимает пропорциональное развитие. Однако пропорциональное развитие приведёт к сохранению внутрирегиональной дифференциации.

Проведённое исследование позволило автору определить сущность сбалансированного развития. Сбалансированным предлагаем считать такое развитие, при котором одновременно выполняются два условия: с одной стороны, существует экономический рост территории, а с другой стороны, сокращается неравномерность.

Заключение

Расчёт локального индекса Морана показал высокий уровень фрагментарности исследуемого пространства, а также высокий уровень несбалансированности экономического роста исследуемых территорий. Лидеры растут существенно быстрее среднего муниципалитета, аутсайдеры — существенно медленнее. Но дело не только в высокой дифференциации экономического роста, но и в том, что как для лидеров, так и для аутсайдеров характерна отрицательная простран-

ственная автокорреляция. А это значит, что эти территории развиваются по своим законам и никак не связаны с ростом соседних территорий. При таком фрагментарном пространстве достижимость агломерационных эффектов можно ставить под сомнение.

Территории, входящие в состав агломераций, развиваются несбалансированно. Количественно эту сбалансированность помог нам оценить локальный индекс Морана. Определение сбалансированного развития автор сформулировал и в количественном выражении — это означает обязательное выполнение двух условий: темп роста объёма отгружённых товаров собственного производства в фиксированных ценах должен превышать единицу; локальный индекс Морана должен отражать положительную пространственную автокорреляцию. По факту мы получили лишь семь муниципальных территорий, которые отвечают признаку сбалансированного пространственного развития. Семь территорий из сорока изученных — результат неутешительный.

В данной работе была проведена оценка связанности территорий посредством расчёта локальных индексов Морана, основу которого составил четырёхлетний экономический рост территорий. Но даже в рамках этого четырёхлетнего периода состав агломераций уже успел измениться (в соответствии со стратегией социально-экономического развития региона). Важно понимать, для того, чтобы добиться каких-либо агломерационных эффектов, необходим достаточно длительный период. В зависимости от реализуемых мероприятий и среды, характерной для данных территорий, такой период может составить и пять, и десять, и даже более лет. Поэтому проводимая политика должна быть последовательной. Необходимо чётко определить «правила игры» и далее строго следовать принятым решениям. В реальности же система государственного и муниципального управления отличается очень высокой динамичностью и, как следствие, мы видим постоянные и частые корректировки, вносимые в документы стратегического планирования. Более того, можно предположить, что у каждой агломерации может быть свой так называемый жизненный цикл. И для того чтобы добиться связанного сбалансированного экономического роста территорий, необходимо пройти стадию адаптации данных территорий к тем условиям, которые стали результатом реализации мероприятий в соответствии с иерархией документов стратегического планирования. И только

тогда, когда будет запущен механизм реакции на верно принятые стратегические решения, мы можем увидеть некий реальный сбалансированный рост. Сколько каждой агломерации потребу-

ется на такого рода адаптацию и переход к стадии роста — вопрос сложный и крайне неоднозначный. Но точно речь идёт о долгосрочном периоде.

Список источников

1. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: Экономика и Социология. 2009. № 2. С. 166–178.
2. Хучиев М. М. Генезис научных взглядов на категорию «экономическое пространство» // Вестник экспертного совета. 2023. № 4 (35). С. 35–43.
3. Губанова Е. С., Клещ В. С. Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 44–57. DOI 10.15838/esc.2019.5.65.3.
4. Данилова И. В., Резепин А. В. Пространственные экономические системы: методология и теоретические подходы к исследованию // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7–1. С. 24–32. DOI: 10.17513/vaael.1776.
5. Данилова И. В., Савельева И. П., Резепин А. В. Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов // Экономика региона. 2022. Т. 18, Вып. 1. С. 31–48. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-3
6. Дворядкина Е. Б., Белоусова Е. А. Связанность экономического пространства муниципальных районов РФ: диагностика и инструменты повышения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2020. Т. 14, № 1. С. 30–43.
7. Зойдов К. Х., Урунов А. А., Омарова З. К., Усманов Д. И. Регулирование пространственного развития и активизация процессов экономической интеграции: методологические аспекты оценки уровня качества единого экономического пространства // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 5 (115). С. 5–20. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-04-5-20.
8. Макар С. В., Строев П. В. К построению единого хозяйственного пространства России: актуальные акценты категории «связанность» // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 1. С. 5–15. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2023.1.1.
9. Суворова А. В. Экономическое пространство: содержание и концептуальные свойства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11–3(69). С. 115–119. DOI 10.24411/2411-0450-2020-10982.
10. Урунов А. А., Морозова И. М. Методология оценки качества экономического пространства региона // Регионология. 2024. Т. 32, № 1 (126). С. 48–70. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070.
11. Рыбкин А. В., Бабурин В. Л. Оценка потенциала агломерационных процессов в территориальных социально-экономических системах (на примере Иркутской городской агломерации) // Региональные исследования. 2019. № 4 (66). С. 4–19. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-1.
12. Павлов Ю. В., Хмелева Г. А. Оценка влияния агломерационного эффекта на экономическое развитие городских округов Самарской области // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2773–2794. DOI: 10.18334/epp.12.10.116416.
13. Павлов Ю.В., Королёва Е. Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110.
14. Бенц Д. С. Анализ неравномерности пространственного развития Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 11 (493). С. 70–82. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-493-11-70-82.
15. Бенц Д. С. Оценка неравномерности экономического пространства Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 39–46. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-39-46.

References

1. Granberg AG. On the program of fundamental research of spatial development of Russia. *Region: Ekonomika i Sociologiya = Region: Economics and Sociology*. 2009;(2):166-178. (In Russ).
2. Khuchiev M. Genesis of scientific views on the category “economic space”. *Vestnik ehkspertnogo sovetata = Bulletin of the Expert Council*. 2023;(4(35)):35-43 (In Russ).
3. Gubanova ES, Kleshch VS. Overcoming Socio-Economic Inequality as a Condition for Sustainable and Balanced Spatial Development of the Region. *Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(5):44-57. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.3 (In Russ).
4. Danilova IV, Rezepin AV. Spatial economic systems: methodology and theoretical approaches to research. *Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(7-1):24-32. DOI: 10.17513/vaael.1776 (In Russ).
5. Danilova IV, Savelyeva IP, Rezepin AV. Impact of Inter-territorial Cohesion on the Development of Regional Economic Spaces. *Ekonomika regiona = Economy of regions*. 2022;18(1):31-48. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-3 (In Russ).
6. Dvoryadkina EB, Belousova EA. Coherence of Economic Space in Russia's Municipal Districts: Measurement and Tools for Improvement. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i menedzhment = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2020;14(1):30-43. DOI: 10.14529/em200104 (In Russ).
7. Zoidov KK, Urunov AA, Omarova ZK, Usmanov DI. Regulation of spatial development and activation economic integration process: methodological aspects of assessing the quality level of a single economic space. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki = Regional challenges of economic transformation*. 2020;(5(115)):5-20. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-04-5-20 (In Russ).
8. Makar SV, Stroev PV. To Building a Single Economic Space of Russia: Current Accents of the “Coherence” Category. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics*. 2023;25(1):5-15. DOI:10.15688/ek.jvolsu.2023.1.1 (In Russ).
9. Suvorova AV. Economic space: essence and conceptual properties. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika = Journal of Economy and Business*. 2020;(11-3(69)):115-119. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10982 (In Russ).
10. Urunov AA, Morozova IM. Methodology for Assessing the Quality of the Economic Space of the Region. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):48-70. DOI:10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070 (In Russ).
11. Rybkin AV, Baburin VL. Estimating agglomeration processes potential in territorial socio-economic systems (Irkutsk urban agglomeration case). *Regional'nye issledovaniya = Regional research*. 2019;(4(66)):4-19. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-1 (In Russ).
12. Pavlov YuV, Khmeleva GA. Assessing the impact of agglomeration effects on the economic development of Samara region's urban districts. *Ekonomika, predprinimatelstvo i parvo = Journal of Economics, entrepreneurship and law*. 2022;12(10):2773-2794. DOI: 10.18334/epp.12.10.116416 (In Russ).
13. Pavlov YuV, Koroleva EN. Spatial interactions: evaluation with the help of global and local moran's index. *Prostranstvennaya ehkonomika = Spatial economics*. 2014;(3):95-110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110 (In Russ).
14. Benz DS. Analysis of Chelyabinsk Region' Uneven Spatial Development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(11(493)):70-82. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-493-11-70-82 (In Russ).
15. Benz DS. Assessment of the Uneven Economic Space of the Chelyabinsk Region. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(12(494)):39-46. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-39-46 (In Russ).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-49-59

ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ ДОБЫЧИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Сергей Сергеевич Красных

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, krasnykh.ss@uiec.ru,
0000-0002-2692-5656

Аннотация. В условиях санкционных ограничений российская добывающая промышленность сталкивается с существенными вызовами, связанными с сокращением объёмов добычи, ограниченным доступом к технологиям и финансовым рынкам, а также необходимостью переориентации экспортных потоков. Эти проблемы особенно актуальны для ключевых добывающих регионов, таких как Уральский федеральный округ. Целью данной статьи является разработка прогнозных сценариев объёмов добычи полезных ископаемых в муниципальных образованиях УрФО до 2027 года, что позволит создать основу для комплексных стратегий устойчивого развития добывающей отрасли. В исследовании используются эконометрические модели ARMA и ARIMA, которые применимы для анализа временных рядов, позволяя учитывать как стационарные, так и нестационарные данные. Модели разрабатываются на основе ежемесячных показателей добычи полезных ископаемых в регионах УрФО за период с декабря 2017 года по ноябрь 2024 года. Анализ включает выбор параметров моделей, проверку их адекватности и интерпретацию полученных результатов. В ходе исследования построены инерционные, оптимистичные и пессимистичные сценарии объёмов добычи полезных ископаемых, которые могут быть полезны для разработки стратегий в современных геополитических условиях.

Ключевые слова: Уральский федеральный округ, добыча полезных ископаемых, прогнозные сценарии, временные ряды, ARMA, ARIMA

Для цитирования: Красных С. С. Прогнозные сценарии добычи полезных ископаемых в регионах Уральского федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 49-59. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-49-59

Original Article

FORECAST SCENARIOS OF MINERAL PRODUCTION IN THE REGIONS OF THE URALS FEDERAL DISTRICT

Sergey S. Krasnykh

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, krasnykh.ss@uiec.ru,
0000-0002-2692-5656

Abstract. In the context of sanctions restrictions, the Russian mining industry faces significant challenges related to reduced production volumes, limited access to technology and financial markets, and the need to reorient export flows. These problems are particularly relevant for key producing regions such as the Urals Federal District. The purpose of this paper is to develop forecast scenarios of mineral extraction volumes in the municipalities of the Urals Federal District until 2027, which will provide a basis for comprehensive strategies for sustainable development of the extractive industry. The study uses econometric models ARMA and ARIMA, which are applicable for time series analysis, allowing to take into account both stationary and non-stationary data. The models are developed on the basis of monthly indicators of mineral production in the regions of the Urals Federal District for the period from December 2017 to November 2024. The analysis includes the selection of model parameters, verification of their adequacy and interpretation of the results obtained. The study constructs inertial, optimistic and pessimistic scenarios of mineral extraction volumes, which can be useful for developing strategies in the current geopolitical environment.

Keywords: Ural Federal District, mineral extraction, forecast scenarios, time series, ARMA, ARIMA

For citation: Krasnykh S. S. Forecast scenarios of mineral extraction in the regions of the Urals federal district. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):49-59. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-49-59

Введение

Санкции, введённые против России, существенно повлияли на нефтегазовый сектор, ограничив доступ к передовым технологиям и финансированию. Это, в свою очередь, отразилось на объёмах добычи и экспорта энергоресурсов. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе, ключевом регионе газодобычи, наблюдалось сокращение добычи почти на 8 %, а инвестиции в регион снизились на 16,4 % в 2023 году¹. В ответ на эти вызовы российские компании начали переориентировать экспортные потоки на восточные и южные рынки, а также активно развивать внутренний рынок. Президент РФ Владимир Владимирович Путин в мае 2024 года отметил открытие новых направлений для экспорта сырья и стабильное развитие на внутреннем рынке, подчеркнув, что потребности экономики в сырьё растут и полностью обеспечиваются за счёт активной работы топливно-энергетического комплекса². Однако, несмотря на предпринимаемые меры, долгосрочные прогнозы указывают на сложности в поддержании объёмов добычи нефти после 2025 года. Это связано с ростом трудноизвлекаемых запасов и ухудшением качественных характеристик нефти. В исследовании Центра энергетических исследований бизнес-школы «Сколково» отмечается, что поддержание объёмов добычи потребует углублённой разработки действующих месторождений с применением методов интенсификации добычи, разработки нетрадиционных запасов нефти на суше и освоения морских месторождений, включая арктический шельф³.

В целом для обеспечения устойчивого развития добывающей отрасли в условиях санкционных ограничений необходима разработка комплексных стратегий, учитывающих переориентацию

¹ Как внешнеэкономические факторы повлияли на добычу полезных ископаемых в регионах. URL: <https://rg.ru/2023/09/26/dobycha-gaza-snizilas.html> (дата обращения 22.12.2024).

² Вызовы и перспективы в нефтегазе: точки роста отрасли в условиях санкций. URL: https://www.vedomosti.ru/industry/industrial_policy/articles/2024/09/16/1062593-vizovi-i-perspektivi-v-neftegaze-tochki-rosta-otrasli-v-usloviyah-sanktsii (дата обращения 22.12.2024).

³ Перспективы российской нефтедобычи: жизнь под санкциями. URL: <https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/research04-ru.pdf> (дата обращения 22.12.2024).

экспортных потоков, развитие внутреннего рынка, внедрение инновационных технологий и диверсификацию источников финансирования, а для разработки данных стратегий необходимы прогнозные сценарии объёмов добычи полезных ископаемых, что и является целью данного исследования.

В рамках данного исследования планируется проанализировать объёмы добычи полезных ископаемых в муниципальных образованиях Уральского Федерального округа с целью выявления основных закономерностей и тенденций в данной сфере, а также построить прогнозы добычи полезных ископаемых в регионах УрФО на период до 2027 года с помощью ARIMA(ARMA) моделирования.

Выбор данного метода прогнозирования обусловлен тем, что ARIMA (ARMA) моделирование позволяет строить наиболее точные сценарии для краткосрочных прогнозов в отличие от большинства методических подходов. В статье «Прогнозирование социально-экономических явлений в условиях цифровизации в экономике» авторы анализируют динамику численности занятых в экономике России и приходят к выводу, что авторегрессионное моделирование, в частности модели ARIMA, эффективно для краткосрочного прогнозирования социально-экономических процессов [1]. В исследовании [2] рассматривается использование модели ARMA/ARIMA для прогнозирования экономических кризисов. Оценка эффективности моделей показала высокую точность прогнозов, особенно в условиях резких изменений данных. Прогнозы касались таких переменных, как занятость и промышленное производство. Модели ARIMA также были использованы для прогнозирования объёмов производства молока в России. Автор подчёркивает эффективность стохастических сезонных моделей ARIMA для краткосрочного и среднесрочного прогнозирования [3]. В целом ARMA/ARIMA модели являются универсальными для прогнозирования различных социально-экономических явлений, например, данные модели использовались для краткосрочного прогнозирования во время пандемии COVID-19 в Бразилии [4], в прогнозировании социально-экономических последствий, связанных со здоровьем, таких как уровень смертности [5], для прогнозирования экономического роста Сомали [6], для прогнозирования экономических и финансовых временных рядов [7] и др.

В исследовании «Автоматический подбор параметров модели ARIMA для прогноза количества случаев заражения и смерти от COVID-19» рассматривается применение модели ARIMA для прогнозирования временных рядов, связанных с распространением коронавирусной инфекции. Авторы отмечают, что точность прогнозов зависит от правильного подбора параметров модели и качества исходных данных [8]. В работе «К вопросу о прогнозировании социально-экономического развития города Вологды» проведена апробация модели ARIMA для прогнозирования показателей социально-экономического развития. Полученные прогнозные значения свидетельствуют о приемлемой точности модели для среднесрочных прогнозов [9]. В исследовании, опубликованном в журнале *Humanities and Social Sciences Communications*, авторы применили модель ARIMA для прогнозирования пяти ключевых экономических временных рядов, существенно влияющих на государственный и частный секторы Бразилии. Результаты показали, что модели ARIMA способны адаптироваться к быстрым изменениям в экономической среде, что делает их ценным инструментом для прогнозирования экономических показателей [10]. В другом исследовании, посвящённом прогнозированию уровня безработицы в США, было выявлено, что модели ARIMA демонстрируют высокую точность краткосрочных прогнозов, что особенно важно для оперативного реагирования на изменения в экономике [11].

Сравнительный анализ, проведённый в исследовании, опубликованном в *Journal of Big Data*, оценивал точность прогнозов, полученных с помощью моделей ARIMA, классических методов декомпозиции временных рядов и метода Хольта — Уинтерса. Результаты показали, что модели ARIMA и их расширения обеспечивают высокую точность прогнозов при моделировании трендов и сезонных колебаний в экономических данных [12].

Таким образом, существующие отечественные и зарубежные исследования подтверждают высокую точность прогнозирования временных рядов при краткосрочном моделировании.

Анализ временных рядов с использованием ARIMA (ARMA) прогнозирования также использовался для предсказания динамики добычи ресурсов. В работе, посвящённой прогнозированию величин угольной ренты стран мира, метод ARIMA использовался для качественного прогнозирования и моделирования временных рядов. Данные предварительно логарифмирова-

лись и обрезались для повышения точности модели [13]. В исследовании, посвящённом анализу и прогнозированию добычи полезных ископаемых в Перу, применялись методы статистического анализа и моделирования временных рядов, включая ARIMA. Была разработана интерактивная карта, позволяющая пользователям исследовать географию Перу и получать детальную статистику по каждому региону. С помощью модели ARIMA были сделаны прогнозы по будущей добыче минералов, что способствует информированному принятию решений в планировании и управлении ресурсами в горнодобывающем секторе [14].

Анализ научной литературы, связанной с прогнозированием добычи полезных ископаемых в регионах Уральского федерального округа выявил, практически полное отсутствие исследований по данной проблематике. Существуют работы, посвящённые анализу и прогнозированию изменений геологической среды при освоении месторождений Урала. Например, диссертация А. С. Зайцева «Анализ и прогноз техногенных изменений геологической среды при освоении месторождений Урала» рассматривает техногенные изменения, возникающие в процессе разработки месторождений, и предлагает методы их прогнозирования [15]. А также в Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года рассматривались различные сценарии развития добычи полезных ископаемых, включая инновационный сценарий, предполагающий развитие высокотехнологичных наукоёмких производств и обеспечение благоприятного инвестиционного климата в регионе¹.

Таким образом, анализ существующей научной литературы показал, что вопросы прогнозирования объёмов добычи полезных ископаемых в регионах Уральского федерального округа остаются малоизученными. Несмотря на широкое применение моделей ARIMA (ARMA) для анализа и прогнозирования временных рядов в различных отраслях, их использование для оценки динамики добычи полезных ископаемых в этом макрорегионе России не нашло должного отражения в научных исследованиях.

В связи с этим новизна и оригинальность данного исследования заключается в применении

¹ Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года. URL: <https://rg.ru/documents/2011/10/17/ural-site-dok.html> (дата обращения 21.12.2024).

ARIMA (ARMA) моделей для прогнозирования объёмов добычи полезных ископаемых на уровне Уральского федерального округа. Такой подход позволяет учитывать региональные особенности для формирования более точных сценариев развития добывающей отрасли, которые могут быть полезны для стратегического планирования и устойчивого развития добычи полезных ископаемых в условиях санкционных ограничений.

Анализ динамики добычи полезных ископаемых в муниципальных образованиях Уральского федерального округа

Рассмотрим объёмы добычи полезных ископаемых в регионах Уральского федерального округа в динамике за период с 2005 по 2024 год (табл. 1).

Практически во всех регионах наблюдается устойчивый рост объёмов добычи полезных ископаемых как в рублевом, так и в долларовом выражении (рис. 1). Это может быть связано с рас-

ширением добывающих мощностей, развитием технологий и ростом мировых цен на сырьё.

Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ занимают лидирующие позиции по объёмам добычи. На их долю приходится значительная часть совокупной добычи УрФО. Это объясняется крупными месторождениями нефти, газа и других ресурсов в этих регионах. Свердловская, Тюменская и Челябинская области демонстрируют более умеренные темпы роста добычи по сравнению с ХМАО и ЯНАО. Это может быть связано с преобладанием перерабатывающих отраслей экономики и меньшими объёмами запасов полезных ископаемых. Курганская область показывает сравнительно низкие объёмы добычи полезных ископаемых, однако за анализируемый период также наблюдается устойчивый рост. Показатели в миллионах долларов США демонстрируют заметные колебания, что может быть связано с изменениями

Таблица 1
Table 1

Объёмы добычи полезных ископаемых Mining volumes

Год	Курганская область, млн руб.	Свердловская область, млн руб.	Тюменская область, млн руб.	Ханты-Мансийский автономный округ, млн руб.	Ямало-Ненецкий автономный округ, млн руб.	Челябинская область, млн руб.
2005	306	34106	6236	1285302	364787	7587
2006	511	37894	7494	1511714	459580	9613
2007	844	49355	7944	1562900	464564	12830
2008	1152	54595	9025	1755504	559252	16603
2009	1186	39051	19646	1674428	498136	14416
2010	1582	61206	33486	1852415	558134	18253
2011	1846	70638	56615	2332816	671459	22603
2012	2511	62710	82834	2631669	890918	27607
2013	2447	54804	109567	2341619	1054857	31438
2014	2320	52059	130518	2403087	1146823	36862
2015	2442	56178	164280	2717011	1354152	57432
2016	3493	54118	170772	2662062	1495221	67340
2017	3315	66980	173825	2983368	1911722	63272
2018	3222	76538	273221	3778782	2470590	80990
2019	3595	92683	244394	3859612	2664635	88635
2020	3611	96468	183803	2667269	2359770	141301
2021	3454	166258	315392	4553666	3700418	214812
2022	3315	134674	307764	5838446	4602504	206632
2023	4586	137380	286275	7641244	4430597	246129
2024	5249	178759	348301	8748028	5140595	252789

Источник: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели¹.

¹Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 21.11.2024).

валютного курса и глобальными колебаниями цен на ресурсы. Совокупные объёмы добычи в УрФО показывают устойчивый рост, достигая максимальных значений в 2024 году. Однако объёмы добычи полезных ископаемых в долларовом эквиваленте демонстрируют падения в периоды глобальных геоэкономических событий, например, в 2009 году темпы роста замедляются, что особенно заметно в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, что связано с падением мировых цен на нефть и газ, а также снижением инвестиций в добывающие отрасли. С 2013 года добыча в рублевом выражении демонстрирует более умеренные темпы роста или стагнацию, что может быть связано с усложнением доступа к зарубежным технологиям и финансированию. В долларовом выражении в 2014–2016 годах отмечается снижение, что объясняется валютным кризисом. В 2020 году объёмы добычи в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах снижаются, что связано с падением мирового спроса на нефть и газ, вызванным локдаунами и глобальным сокращением экономической активности. С 2022 года, несмотря на введённые санкции, наблюдается рост объёмов добычи, особенно в нефтегазовых регионах. Это может быть связано с переориентацией экспорта на азиатские рынки, мерами государственной поддержки и стремлением сохранить добычу на высоком уровне для обеспечения доходов федерального бюджета.

Таким образом, за анализируемый период наблюдается общий рост добычи полезных ископаемых в УрФО, с концентрацией добывающей активности в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Это свидетельствует о продолжающемся расширении и модернизации добывающей инфраструктуры, а также о высоком спросе на ресурсы, добываемые в этом регионе. Свердловская и Челябинская области сохраняют свои позиции в добыче твёрдых полезных ископаемых, но объёмы добычи здесь значительно уступают автономным округам, что подчёркивает разнообразие ресурсной базы и специализацию регионов УрФО.

Материалы и методы

Следующей задачей исследования является разработка сценариев добычи полезных ископаемых на среднесрочный период до 2027 года. Для прогнозирования будет применён метод ARMA (ARIMA) моделирования, основанный на методологии Бокса — Дженкинса.

Модели ARMA (AutoRegressive Moving Average) представляют собой метод эконометрического моделирования, который учитывает влияние авторегрессии (AR) и скользящего среднего (MA). Они предполагают, что текущее значение временного ряда определяется линейной комбинацией его прошлых значений и ошибок предыдущих периодов, что делает их эффективными для анализа линейных зависимостей.

Рис. 1. Динамика добычи полезных ископаемых в Уральском федеральном округе (млн долл. США)

Fig. 1. Dynamics of mineral production in the Urals Federal District (mln. USD)

Источник: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели¹.

¹Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 21.12.2024).

Модели ARIMA (AutoRegressive Integrated Moving Average) расширяют подход ARMA, добавляя механизм учёта нестационарности временных рядов. Нестационарные данные характеризуются изменением среднего значения и дисперсии во времени. ARIMA устраняет эту проблему с помощью дифференцирования, что позволяет сделать данные стационарными и пригодными для моделирования.

Ключевое различие между ARMA и ARIMA заключается в типе данных: ARMA подходит для стационарных временных рядов, а ARIMA используется для нестационарных данных. Процесс построения моделей включает выбор порядка компонентов AR и MA, а также проверку остатков модели на нормальность и отсутствие автокорреляции, что подтверждает её адекватность.

Таким образом, разработка сценариев добычи полезных ископаемых на период до 2027 года будет строиться на основании следующих этапов:

1) оценка стационарности исходных данных с помощью расширенного теста Дики — Фуллера для каждого из регионов;

2) выбор подходящей модели (ARMA или ARIMA) в зависимости от наличия или отсутствия стационарности в полученных данных;

3) определение наиболее эффективных значений p (авторегрессионная составляющая) и q (скользящая средняя) с помощью информационных критериев Шварца, Акаике и коэффициента детерминации;

4) построение прогнозных сценариев для каждого из регионов Уральского федерального округа.

Для реализации моделей ARMA и ARIMA будет использоваться программное обеспечение Gretl. В качестве исходных данных задействованы ежемесячные показатели добычи полезных ископаемых регионов Уральского федерального

округа за период с декабря 2017 года по ноябрь 2024 года¹.

Результаты исследования

Первым этапом реализации данного методического подхода является анализ стационарности временных рядов по показателю добычи полезных ископаемых за период с декабря 2017 года по ноябрь 2024 года для каждого из регионов Уральского федерального округа с помощью расширенного теста Дики — Фуллера (табл. 2). Использовался тест с константой и трендом.

Расширенный тест Дики-Фуллера с константой и трендом подтвердил присутствие стационарности во временных рядах Тюменской и Челябинской области. Временные ряды в остальных регионах Уральского федерального округа нестационарны, поэтому для них будет использоваться модель ARIMA. Результаты ARMA (ARIMA) моделирования представлены в табл. 3.

В результате ARMA (ARIMA) моделирования были получены прогнозы на 2025 и 2026 гг., в области добычи полезных ископаемых для всех регионов Уральского федерального округа. Инерционный сценарий отражает текущее состояние экономики при условии отсутствия значительных изменений, таких как рост или падение цен на энергоресурсы. Пессимистичный сценарий учитывает риски, связанные с неблагоприятными внешними условиями: усиление санкций, снижение мирового спроса, падение цен на сырьё или замедление внутреннего экономического роста. Оптимистичный сценарий предполагает благоприятное сочетание факторов: рост инвестиций, высокие

¹ Федеральная служба государственной статистики. Объём отгруженной продукции (Добыча полезных ископаемых). URL: https://bi.gks.ru/biportal/contourbi.jsp?allsol=1&solution=Dashboard&project=%2FDashboard%2Fcompany_statistics (дата обращения 21.12.2024)

Таблица 2
Table 2

Оценка стационарности временных рядов Estimation of stationarity of time series

Регион	Асимпт. р-значение	Стационарность
Курганская область	0,7701	Отсутствует
Свердловская область	0,2167	Отсутствует
Тюменская область	0,02969	Присутствует
Ханты-Мансийский АО	0,3137	Отсутствует
Ямало-Ненецкий АО	0,1563	Отсутствует
Челябинская область	0,05204	Присутствует

Источник: составлено автором по результатам моделирования в программе Gretl.

цены на энергоресурсы, успешное развитие инфраструктуры и снижение внешнего давления со стороны западных стран.

Сценарии развития добычи полезных ископаемых представлены в табл. 4.

Для оценки точности прогнозной модели проведено сравнение рассчитанных значений добычи полезных ископаемых на 2024 год с фактически данными. Результаты анализа представлены в табл. 5.

Таблица 3

Table 3

**Результаты ARMA (ARIMA) моделирования
ARMA (ARIMA) modeling results**

Регион	Порядок p (AR)	Порядок I	Порядок q (MA)	R2
Курганская область	9	-	10	0,75
Свердловская область	8	-	3	0,88
Тюменская область	4	1	4	0,74
Ханты-Мансийский АО	9	-	10	0,94
Ямало-Ненецкий АО	8	-	9	0,94
Челябинская область	5	1	5	0,95

Источник: составлено автором по результатам моделирования в программе Gretl.

Таблица 4

Table 4

**Прогнозные сценарии добычи полезных ископаемых
в регионах Уральского федерального округа (млн руб)
Forecast scenarios of mineral extraction in the regions of the Urals Federal District (mln. rub.)**

Год	Регион	Инерционный сценарий	Пессимистичный сценарий	Оптимистичный сценарий
2025	Курганская область	5943	4775	7111
2026		5716	3964	7469
2025	Свердловская область	167 009	104 054	229 965
2026		144 800	59 612	229 987
2025	Тюменская область	343 508	159 281	527 734
2026		364 130	28 588	699 673
2025	Ханты-Мансийский АО	6 934 720	4 416 560	9 452 880
2026		5 970 800	1 953 650	9 987 949
2025	Ямало-Ненецкий АО	5 399 627	4 033 723	6 765 533
2026		4 985 278	2 833 510	7 137 047
2025	Челябинская область	308 042	261 115	354 970
2026		339 223	285 772	392 673

Источник: рассчитано автором по результатам моделирования в программе Gretl.

Таблица 5

Table 5

**Сравнение прогнозных сценариев добычи полезных ископаемых
в регионах Уральского федерального округа в 2024 году (млн руб)
Comparison of forecast scenarios for mineral extraction in the regions of the Ural Federal District in
2024 (mln. rub.)**

Регион	Инерционный сценарий	Пессимистичный сценарий	Оптимистичный сценарий	Реальные данные
Курганская область	4133,224	3088,795	5177,652	5249,372
Свердловская область	108558	62259,34	154856,4	178759,8
Тюменская область	418615,8	234190,1	603041,3	348301,8
Ханты-Мансийский АО	7502043	4890393	10113692	8748029
Ямало-Ненецкий АО	4794983	743097,6	6251428	5140596
Челябинская область	250249,8	173557,5	326942	252789,7

Источник: рассчитано автором по результатам моделирования в программе Gretl.

Анализ показал, что наибольшая точность прогнозов наблюдается для следующих сценариев: оптимистичный сценарий в Курганской области (точность 1 %), Свердловской области (15 %) и Ханты-Мансийском автономном округе (13,3 %); инерционный сценарий в Тюменской области (16,6 %), Ямало-Ненецком автономном округе (7,6 %) и Челябинской области (1,2 %). Важно отметить, что в ни одном из случаев наилучший результат не был достигнут при пессимистичном сценарии, что может свидетельствовать о недооценке реальной динамики добычи в условиях адаптации отрасли к внешнеэкономическим вызовам. В целом полученные результаты подтверждают адекватность применённой методологии и обоснованность использования ARIMA/ARMA моделирования для краткосрочного прогнозирования добычи полезных ископаемых.

Полученные прогнозные сценарии на 2025–2026 годы для регионов Уральского федерального округа демонстрируют различия в ожидаемых объёмах добычи полезных ископаемых в зависимости от сценария (инерционного, пессимистичного или оптимистичного), что требует сопоставления с исторической динамикой за период с 2005 по 2024 год.

Ханты-Мансийский автономный округ остаётся ключевым регионом по объёмам добычи полезных ископаемых. Прогнозы на 2025 год варьируются от 4,4 трлн рублей в пессимистичном сценарии до 9,4 трлн рублей в оптимистичном, что отражает влияние внешнеэкономической конъюнктуры, инфраструктурных ограничений и спроса на нефть и газ. Инерционный сценарий предполагает стабильный рост, подтверждая текущую динамику. Ямало-Ненецкий автономный округ также демонстрирует значительный рост добычи углеводородов. За 2005–2024 годы добыча в Ямало-Ненецком автономном округе росла стабильными темпами. Прогнозы на 2025 год находятся в диапазоне от 4,0 трлн рублей в пессимистичном сценарии до 6,7 трлн рублей в оптимистичном, что соответствует историческим трендам. Успех реализации оптимистичного сценария будет зависеть от реализации крупных инвестиционных проектов и развития транспортной инфраструктуры. Свердловская область характеризуется стабильной добычей твёрдых полезных ископаемых, преимущественно руд. Объёмы добычи за последние два десятилетия росли умеренными темпами, что сохраняет текущую специализацию региона. Прогнозы на 2025 год варьируются от 104 млрд рублей в пессими-

стичном сценарии до 229 млрд рублей в оптимистичном, что возможно при росте мировых цен на металлы. Однако реализация пессимистичного сценария более вероятна при снижении промышленного спроса. Челябинская область специализируется на добыче твёрдых полезных ископаемых с низкими темпами роста добычи. Прогнозы на 2025 год составляют от 261 млрд рублей в пессимистичном сценарии до 354 млрд рублей в оптимистичном, что укладывается в текущие тенденции. В Тюменской области прогнозные значения на 2025 год находятся в диапазоне от 159 млрд рублей в пессимистичном сценарии до 527 млрд рублей в оптимистичном. Инерционный сценарий предполагает сохранение текущей динамики. Умеренный рост возможен при улучшении экономической ситуации, однако спад добычи не исключён. Курганская область остаётся регионом с низкими объёмами добычи, которые существенно не изменялись в период с 2005 по 2024 год. Прогнозы на 2025 год составляют от 4,7 млрд рублей в пессимистичном сценарии до 7,1 млрд рублей в оптимистичном. Существенный рост без привлечения инвестиций в новые проекты маловероятен.

В целом, сценарии на 2025–2026 годы находятся в диапазоне, соответствующем исторической динамике добычи полезных ископаемых за 2005–2024 годы. Существенные различия между пессимистичными и оптимистичными сценариями объясняются внешними факторами, такими как санкции, изменения цен на сырьевые товары и инвестиционная активность. Северные регионы остаются лидерами по добыче углеводородов, в то время как Свердловская и Челябинская области продолжают специализироваться на добыче твёрдых полезных ископаемых. Реализация оптимистичных сценариев требует благоприятных условий для инвестиций, улучшения инфраструктуры и стабильной внешнеэкономической ситуации.

Также стоит отметить: для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов наблюдается наибольший разрыв между пессимистичными и оптимистичными сценариями (в 2–3 раза), что объясняется их высокой зависимостью от мировых рынков энергоресурсов. Это связано с их ключевой ролью в нефтегазовом секторе. В Свердловской и Челябинской областях разрыв между сценариями умеренный, что объясняется диверсифицированной экономикой этих регионов, ориентированной на металлургию и промышленное производство. Их зависимость

от глобальных рынков металлов ниже, чем у северных округов. Низкий уровень добычи полезных ископаемых в Курганской области и, соответственно, скромный разрыв между сценариями может быть следствием ограниченной ресурсной базы и слабой инвестиционной активности. Разрыв в сценариях Тюменской области может быть обусловлен географическим расположением региона, а также зависимостью от нефтегазового сектора.

Заключение

Анализ динамики добычи полезных ископаемых в Уральском федеральном округе за 2005–2024 годы и прогнозные сценарии на 2025–2026 годы позволяют сделать следующие выводы. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа сохранят лидерство в добыче углеводородов, демонстрируя наибольшие объёмы и рост, что обусловлено их ресурсной базой и инфраструктурой. Однако их прогнозы характеризуются высокой волатильностью: разрыв между пессимистичным и оптимистичным сценариями достигает 2–3 раз, что отражает зависимость от мировых цен на энергоресурсы, санкционного давления и инвестиционной активности.

Свердловская, Челябинская, Тюменская области специализируются на добыче твёрдых полезных ископаемых, демонстрируют умеренный

рост, менее подверженный глобальным колебаниям. Тем не менее, их прогнозы также зависят от спроса на металлы и внутренней экономической конъюнктуры. Курганская область остаётся аутсайдером с минимальными объёмами добычи, что связано с ограниченной ресурсной базой и недостатком инвестиций.

Результаты моделирования ARIMA/ARMA подтвердили эффективность метода для краткосрочного прогнозирования, однако долгосрочная устойчивость отрасли требует учёта внешних факторов: технологических инноваций, переориентации экспорта, развития логистики и диверсификации финансирования. Реализация оптимистичных сценариев возможна при стабилизации внешнеэкономической ситуации, поддержке государства и привлечении инвестиций в инфраструктуру. В условиях санкций ключевыми задачами для регионов УрФО остаются адаптация к новым рынкам сбыта, снижение зависимости от импорта технологий и повышение конкурентоспособности добывающего сектора.

Таким образом, дальнейшие направления исследований будут связаны с разработкой комплексных стратегий развития регионов Уральского федерального округа в современных геополитических условиях, учитывающих прогнозные модели, что позволит обеспечить устойчивое развитие добывающей промышленности в Уральском федеральном округе.

Список источников

1. Курешева С. В., Батырова Д. К. Прогнозирование социально-экономических явлений в условиях цифровизации в экономике // Известия СПбГЭУ. 2022. № 4 (136). С. 113–119.
2. Савинова В. М., Ярушев С. А. Модели сценарного прогнозирования экономических кризисов на основе гибридного подхода // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2020. № 1 (109). С. 32–38
3. Заяц О.А. Прогнозирование объёмов производства молока на основе сезонной ARIMA-модели // Фундаментальные исследования. 2019. № 6. С. 61–66.
4. Ospina R., Gondim J. A.M., Leiva V., Castro C. An Overview of Forecast Analysis with ARIMA Models during the COVID-19 Pandemic: Methodology and Case Study in Brazil // Mathematics. 2023. № 11 P. 3069. DOI: 10.3390/math11143069.
5. Iiie O. D., Ciobica A., Doroftei B. Testing the Accuracy of the ARIMA Models in Forecasting the Spreading of COVID-19 and the Associated Mortality Rate // Medicina. 2020. № 56 (11). P. 566. DOI: 10.3390/medicina56110566.
6. Mohamed A. O. Modeling and Forecasting Somali Economic Growth Using ARIMA Models // Forecasting. 2022. № 4. P. 1038–1050. DOI: 10.3390/forecast4040056.
7. Siami-Namini S., Tavakoli N., Siami Namin A. A Comparison of ARIMA and LSTM in Forecasting Time Series // 2018 17th IEEE International Conference on Machine Learning and Applications (ICMLA), Orlando, FL, USA. 2018. P. 1394–1401. DOI: 10.1109/ICMLA.2018.00227.
8. Макаровских Т. А., Аботалёв М. С. А. Автоматический подбор параметров модели ARIMA для прогноза количества случаев заражения и смерти от Covid-19 // Вестник ЮУрГУ. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2021. Т. 10, № 2. С. 20–37. DOI: 10.14529/cmse210202.

9. Соколова О. А. К вопросу о прогнозировании социально-экономического развития крупного города (на примере города Вологды) // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9, № 3. С. 1–4. DOI: 10.15838/tdi.2021.3.58.4.

10. Pereira da Veiga C., Pereira da Veiga C. R., Girotto F. M. Implementation of the ARIMA model for prediction of economic variables: evidence from the health sector in Brazil // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. № 11. P. 1068. DOI: 10.1057/s41599-024-03023-3

11. Zhang D. Forecasting USA Unemployment Rate Base on ARIMA Model // Advances in Economics Management and Political Sciences. 2023. № 49 (1). P. 67–76. DOI: 10.54254/2754-1169/49/20230486

12. Lima S., Gonçalves A. M., Costa M. Predictive accuracy of time series models applied to economic data: the European countries retail trade // Journal of Applied Statistics. 2023. № 51 (9). P. 1818–1841. DOI: 10.1080/02664763.2023.2238249

13. Курилова А. А. Прогнозирование величин угольной ренты стран мира с использованием метода ARIMA // Уголь. 2024. № 12. С. 58–62. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-12-58-62

14. Aucaya-Paco Y. B., Vilca-Mamani L. D., Torres-Cruz F. Peru Mining: Analysis and Forecast of Mining Production in Peru Using Time Series and Data Science Techniques // arXiv. 2023. № 2307. P. 06293. DOI: 10.48550/arXiv.2307.06293

15. Зайцев А. С. Анализ и прогноз техногенных изменений геологической среды при освоении месторождений Урала : автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 1994. 33 с.

References

1. Kuryshva SV, Batyrova DK. Forecasting of socio-economic phenomena under conditions of digitalisation in the economy. *Izvestiya SPbGUE = Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics*. 2022;(4(136):113-119. (In Russ.).

2. Savinova VM, Yarushev SA. Scenario forecasting models for economic crises based on a hybrid approach. *Vestnik RJeA im. G. V. Plehanova = Bulletin of the Plekhanov Russian Economic Academy*. 2020;(1(109):32-38. (In Russ.).

3. Zayats OA. Forecasting milk production volumes based on a seasonal ARIMA model. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2019;(6):61-66. (In Russ.).

4. Ospina R, Gondim JA M, Leiva V, Castro C. An Overview of Forecast Analysis with ARIMA Models during the COVID-19 Pandemic: Methodology and Case Study in Brazil. *Mathematics*. 2023;(11):3069. DOI:10.3390/math11143069.

5. Ilie OD, Ciobica A, Doroftei B. Testing the Accuracy of the ARIMA Models in Forecasting the Spreading of COVID-19 and the Associated Mortality Rate. *Medicina*. 2020;(56(11):566. DOI:10.3390/medicina56110566.

6. Mohamed AO. Modeling and Forecasting Somali Economic Growth Using ARIMA Models. *Forecasting*. 2022;4:1038–1050. DOI:10.3390/forecast4040056.

7. Siami-Namini S, Tavakoli N, Siami Namin A. A Comparison of ARIMA and LSTM in Forecasting Time Series. 2018 17th IEEE International Conference on Machine Learning and Applications (ICMLA), Orlando, FL, USA; 2018. Pp. 1394-1401. DOI: 10.1109/ICMLA.2018.00227.

8. Makarovskikh TA, Abotaleb MSA. Automatic selection of ARIMA model parameters for predicting the number of cases of infection and death from Covid-19. *Vestnik JuUrG U. Seriya: Vychislitel'naja matematika i informatika = Bulletin of SUSU. Series: Computational Mathematics and Informatics*. 2021;10(2):20-37. DOI:10.14529/cmse210202. (In Russ.).

9. Sokolova OA. To the issue of forecasting the socio-economic development of a large city (on the example of the city of Vologda). *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Territorial development issues*. 2021;(3(9):1-4. DOI:10.15838/tdi.2021.3.58.4. (In Russ.).

10. Pereira da Veiga C, Pereira da Veiga CR, Girotto FM. Implementation of the ARIMA model for prediction of economic variables: evidence from the health sector in Brazil. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;(11):1068. DOI:10.1057/s41599-024-03023-3.

11. Zhang D. Forecasting USA Unemployment Rate Base on ARIMA Model. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;49(1):67-76. DOI:10.54254/2754-1169/49/20230486.

12. Lima S, Gonçalves AM, Costa M. Predictive accuracy of time series models applied to economic data: the European countries retail trade. *Journal of Applied Statistics*. 2023;51(9):1818-1841. DOI:10.1080/02664763.2023.2238249.

13. Kurilova AA. Forecasting the values of coal rent of the world countries using the ARIMA method. *Ugol = UGOL*. 2024;(12):58-62. DOI:10.18796/0041-5790-2024-12-58-62 (In Russ.).

14. Аусая-Пасо YB, Vilca-Mamani LD, Torres-Cruz F. Peru Mining: Analysis and Forecast of Mining Production in Peru Using Time Series and Data Science Techniques. arXiv. 2023;2307:06293. DOI:10.48550/arXiv.2307.06293.

15. Zaitsev AS. Analiz i prognoz tekhnogennykh izmeneniy geologicheskoy sredy pri osvoyenii mestorozhdeniy Urala = Analysis and forecast of technogenic changes in the geological environment during the development of Ural deposits. Abstract of thesis. Moscow; 1994. 33 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. С. Красных — кандидат экономических наук, научный сотрудник.

Information about the author

S. S. Krasnykh — Candidate of Economic Sciences, researcher.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.143, 614.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-60-70

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕГИОНА

Елена Вячеславовна Кучина¹✉, Никита Евгеньевич Кучин²,
Ирина Игоревна Просвирина³

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, kuchinaev@susu.ru, 0000-0002-5218-0213

² Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия, kuchinne@gmail.com, 0000-0002-3206-0214

³ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, irina.prosvirina@susu.ru, 0000-0003-1791-993X

Аннотация. В статье исследуется проблема обеспечения качества оказания медицинской помощи в системе здравоохранения на примере Челябинской области. Предложен комплексный подход к оценке качества медицинской помощи, учитывающий органическую взаимосвязь её структурных составляющих. В связи с этим проведён анализ ресурсного и результативного компонентов качества медицинской помощи в системе здравоохранения региона. Анализировались показатели, включающие как объективные данные статистической отчётности, так и субъективную оценку получателей медицинской помощи. Статистическая информация за период 2015–2022 гг. была взята из открытых источников. Анализ субъективных данных опирался на анализ итогов выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведённого Росстатом в 2015–2023 годах в субъектах Российской Федерации, что позволило получить обратную связь с жителями региона по их удовлетворённости качеством оказания медицинской помощи. Произведена оценка состояния материально-технической базы здравоохранения, финансовых и кадровых ресурсов. Детерминированы основные причины, вызывающие неудовлетворённость населения качеством как первичной медико-санитарной помощи (преимущественно — амбулаторные условия), так и условиями круглосуточного стационара. Определены основные направления дальнейшего совершенствования деятельности медицинских организаций и развития экономики здравоохранения с учётом региональных особенностей.

Ключевые слова: здравоохранение, регион, качество медицинской помощи, ресурсное обеспечение, социологический опрос, респондент

Для цитирования: Кучина Е. В., Кучин Н. Е., Просвирина И. И. Качество медицинской помощи в контексте функционирования и развития экономики здравоохранения региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 60-70. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-60-70

Original article

QUALITY OF MEDICAL CARE IN THE CONTEXT OF THE FUNCTIONING AND DEVELOPMENT OF THE REGIONAL HEALTH CARE ECONOMY

Elena V. Kuchina¹✉, Nikita E. Kuchin², Irina I. Prosvirina³

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, kuchinaev@susu.ru, 0000-0002-5218-0213

² South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russia, kuchinne@gmail.com, 0000-0002-3206-0214

³ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, irina.prosvirina@susu.ru, 0000-0003-1791-993X

Abstract. The article examines the problem of ensuring the quality of medical care in the health care system of the Chelyabinsk Region. An integrated approach to assessing the quality of medical care is proposed, taking into account the organic relationship of its structural components. In this regard, the analysis of the results of the functioning of the regional health care system from the point of view of the resource and effective components of the quality of medical care was carried out. Indicators were analyzed, including both objective data of statistical reporting

and subjective assessment of recipients of medical care. Statistical information for the period 2015–2022 was taken from open sources. The analysis of subjective data was based on the analysis of the results of selective observation of the quality and availability of services in the fields of education, health care and social services, promotion of employment, conducted by Rosstat in 2015–2023 in the constituent entities of the Russian Federation, which made it possible to obtain feedback from the residents of the region on their satisfaction with the quality of medical care. The state of the main resources of health care in the region has been assessed: financial, material and technical and personnel. The main reasons causing dissatisfaction of the population with the quality of both primary health care (mainly outpatient conditions) and the conditions of a round-the-clock hospital have been determined features.

Keywords: healthcare, region, quality of medical care, resource provision, sociological survey, respondent

For citation: Kuchina EV, Kuchin NE, Prosvirina II. Quality of Medical Care in the Context of the Functioning and Development of the Regional Health Care Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):60-70. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-60-70

Введение

Общепринятым инструментом повышения устойчивости системы здравоохранения является обеспечение достаточного уровня качества и безопасности медицинской деятельности в целом и качества медицинской помощи в частности. В связи с этим необходимо определить стимулы, которые будут способствовать повышению устойчивости системы здравоохранения и обеспечению её дальнейшего развития.

В зарубежной и отечественной научной литературе присутствует большое количество исследований, посвящённых определению сущности и оценке качества медицинской помощи. Однако изученные литературные источники показывают, что в сегодняшней мировой практике не существует единого определения данной категории, а также универсальных методических подходов к построению системы оценки и управления качеством медицинской помощи. Различаются как национальные стратегии повышения качества медицинской помощи [1; 2], так и локальные подходы на уровне отдельных территорий, хозяйствующих субъектов, структурных подразделений медицинских организаций и даже отдельных медицинских специалистов [3]. При этом восприятие отдельных инструментов менеджмента качества в качестве универсальных, по мнению американских специалистов в области организации здравоохранения М. Диксона-Вудса и Г. Мартина, является ошибочным, а часть позитивного опыта вовсе не может быть воспроизведена на других объектах [4]. Р. Харрисон отмечает, что ряд механизмов управления качеством и безопасностью медицинской деятельности, разработанные в развитых странах, при их внедрении на развивающихся территориях должны подлежать пересмотру с учётом политического и социального контекста, а также имеющихся ресурсов медицинской отрасли [5].

Вместе с тем все исследователи подчёркивают, что курс на повышение качества в системе здравоохранения становится международным политическим приоритетом, способствует устойчивому социально-экономическому развитию как стран с высоким уровнем жизни населения, так и стран с развивающейся экономикой [6; 7].

Доминирующей парадигмой для оценки качества медицинской помощи в мировой практике является индустриальная модель непрерывного повышения качества, разработанная У. Э. Демингом [8]. Её теоретические положения перекликаются с тремя аспектами качества медицинских услуг, изложенными в ставших классическими работах А. Донабедиана: качество структуры (кадровое, административное, материальное, финансовое и т.д.); качество процесса (применяемые технологии в здравоохранении); качество результата (эффективность, экономичность, доступность лечения) [9].

В современных условиях в сфере здравоохранения используются и другие методы оценки качества медицинской помощи: оценка через выполнение стандартов качества, анализ отчётности о деятельности медицинской организации, медицинский аудит, экспертные оценки.

В последнее время широко применяются различные методические подходы к исследованию уровня удовлетворённости пациентов качеством медицинской помощи, разработанные зарубежными и отечественными исследователями. Мы разделяем мнение экспертов, которые признают ценность обратной связи для повышения эффективности деятельности как отдельных медицинских учреждений, так и системы здравоохранения в целом. Так, С. Ньюэлл, З. Джордан [10], Б. Эбенсо с соавторами [11] подчёркивают важность реалистической оценки обратной связи с пользователями медицинских услуг для улучшения результатов работы медицинских

организаций. В отечественной научной литературе также признаётся важность обратной связи с пациентами, которую можно получить с помощью социологических опросов. В проводимых различными авторами исследованиях используются опросники, позволяющие выявить проблемы в области качества и доступности медицинского обслуживания в системе здравоохранения в целом [12; 13], на уровне регионов [14] и отдельных медицинских учреждений [15]. В связи с этим обращает на себя внимание работа А. Л. Линденбрата и М. Е. Коломийченко, основанная на результатах выборочных наблюдений, проводимых Росстатом по изучению проблемы качества и доступности медицинского обслуживания в Российской Федерации [16]. Однако методы исследования, опирающиеся преимущественно на оценку уровня удовлетворённости пациентов качеством оказанных услуг, являются предметом дискуссий, поскольку данный показатель является субъективным, и на него влияют множество непрерывно меняющихся факторов.

В большинстве случаев методы оценки качества медицинской помощи в доступной литературе рассматриваются исследователями отдельно друг от друга и не отражают сбалансированного подхода к объединению показателей из разных источников как с позиций потенциальных возможностей оказания помощи, так и с точки зрения сферы потребления медицинской услуги, что и послужило основанием для проведения настоящего исследования.

Следует отметить, что современная система оказания медицинской помощи в Российской Федерации находится под давлением противоречивых социальных, политических и экономических изменений, а её реформирование проводится в условиях ограничения ресурсного обеспечения, что особенно актуально для региональных систем здравоохранения нашей страны.

Существенное влияние на структурные компоненты качества оказания медицинской помощи в регионах РФ оказывают и процессы оптимизации здравоохранения. Кроме того, сами субъекты Российской Федерации существенно различаются по уровню своего социально-экономического развития, а также показателям и выполнения региональными системами здравоохранения своей целевой функции. Всё это обеспечивает неравенство в развитии и эффективности работы социальной инфраструктуры на различных территориях страны, а соответственно разные базовые составляющие качественного компонента ме-

дицинского эффекта. В связи с этим возрастает потребность в исследованиях, способствующих улучшению системы здравоохранения и качества оказания медицинской помощи на конкретной территории.

При анализе и оценке компонентов качества медицинской помощи в регионе использованы данные объективной статистической информации в сочетании с субъективным мнением респондентов, полученным в результате опросов.

Материалы и методы исследования

Методологию исследования составляют методы научного познания: метод сравнительного анализа, метод системного анализа, метод обобщения и систематизации научных концепций, экономического анализа, табличные и графические методы обработки и представления данных.

Предметом исследования являются результаты деятельности региональной системы здравоохранения по обеспечению качества медицинской помощи на примере Челябинской области, которая согласно Экологическому рейтингу субъектов РФ, составленному организацией «Зелёный патруль»¹, стабильно входит в пятёрку регионов с худшими экологическими показателями. Воздействие неблагоприятных факторов окружающей среды способствует росту уровня заболеваемости, преждевременному старению и сокращению продолжительности жизни населения региона, что требует высокой эффективности функционирования системы здравоохранения региона для снижения (нивелирования) негативных эффектов.

Опираясь на теоретические положения индустриальной модели непрерывного повышения качества, авторы предложили подход к исследованию качества медицинской помощи по двум параметрам (ресурсному и результативному). Процессные показатели качества в исследовании не рассматривались, так как представляют собой медицинскую, а не экономическую категорию данных.

Для анализа качества медицинской помощи был отобран ряд показателей, отражающих особенности функционирования и развития экономики здравоохранения региона.

Анализ ресурсной компоненты основывался на оценке динамики финансирования здравоохранения за счёт средств ОМС, инвестиций

¹ Национальный экологический рейтинг // Зелёный патруль. URL: <https://greenpatrol.ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga> (дата обращения 24.06.2024).

в основной капитал, состояния основных фондов, обеспеченности медицинскими кадрами. Следует отметить, что выбор показателей, отражающих ресурсную составляющую, осуществлялся в условиях ограниченных возможностей получения полного набора статистической информации на уровне региона за последние периоды времени на сайтах Минздрава РФ, Росстата и других ведомств.

Анализ результативной компоненты основывался на данных выборочного опроса населения региона относительно удовлетворённости качеством и доступностью медицинской помощи в рамках сформировавшегося тренда на развитие культуры пациентоцентричности, предполагающей ориентацию медицинских организаций на пациентов как полноправных участников лечебно-диагностического процесса. Удовлетворённость потребителей полученной медицинской помощью рассматривалась авторами в качестве прогностического параметра повышения результативности деятельности медицинских учреждений.

В ходе исследования использовался широкий спектр статистических данных в качестве источника информации для анализа системы здравоохранения региона:

– оперативные статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области (Челябинскстат) за 2015–2022 гг.;

– информационный сборник показателей деятельности учреждений здравоохранения и здоровья населения Челябинской области, подготовленный ГБУЗ «Челябинский областной медицинский информационно-аналитический центр», за 2015–2018 гг.;

– отчёты о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) за 2019–2023 гг.

– итоги Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, действия занятости населения, проводимого Росстатом в 2015–2023 годах.

Результаты

С 2013 года в Российской Федерации осуществлён переход здравоохранения преимущественно на одноканальную систему финансирования, которая предполагает, что основная часть финансовых средств, поступающих в учреждения здравоохранения региона, направляется из фон-

да обязательного медицинского страхования (далее — ОМС).

Проведённый анализ динамики показателя затрат на медицинскую помощь для населения Челябинской области за счёт ОМС в период с 2015 по 2022 год показал, что в изучаемом периоде объём денежных средств, поступающих в медицинские организации из системы ОМС существенно увеличился — в 1,7 раза (с 33 млн рублей в 2015 г. до 54,85 млн рублей в 2022 году). Увеличение объёма финансирования региональной системы здравоохранения привело к росту подушевого норматива финансирования Территориальной программы за счёт средств ОМС на одно застрахованное лицо (табл. 1). Аналогичные изменения произошли в объёме финансирования систем здравоохранения других регионов Российской Федерации.

Изучая характер распределения средств на оплату медицинской помощи по её видам, необходимо рассмотреть динамику финансирования высокотехнологичной медицинской помощи (далее — ВМП). В табл. 2 представлены данные по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи в регионе в рамках ОМС.

Данные таблицы за период (2018–2023 гг.) свидетельствуют об уменьшении числа случаев оказания высокотехнологичной помощи на 2583 или на 19,8 %, фактическая стоимость уменьшилась на 792 332 тыс. руб. или на 3,6 %. Максимальный объём ВМП зафиксирован в 2019 году (14 840 случаев), минимальный объём — в 2021 году (9790 случаев).

Необходимо отметить, что финансовые средства, поступающие из системы ОМС, могут быть использованы медицинскими организациями фактически только на компенсацию затрат на оказание медицинской помощи в соответствии с Территориальной программой обязательного медицинского страхования, а следовательно, в основной капитал медицинских организаций практически не инвестируются. Инвестиции в основные фонды здравоохранения осуществляются преимущественно из средств бюджетов различных уровней. Информация, представленная на рис. 1, показывает нестабильную динамику инвестиций в основной капитал в Челябинской области по виду экономической деятельности «здравоохранение и предоставление социальных услуг» за период (2015–2022 гг.). Пиковые показатели зафиксированы в 2016 и в 2019 годах, начиная с 2020 года объёмы финансовых вложений планомерно снижаются.

Таблица 1
Table 1

**Финансирование здравоохранения Челябинской области
за счёт средств ОМС в 2015–2022 гг. (тыс. рублей)
Financing of healthcare in the Chelyabinsk Region
at the expense of compulsory medical insurance in 2015–2022 (thousand rubles)**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Оплата медицинской помощи	33,0	34,5	35,04	43,87	46,50	50,78	54,83	54,85
Подушевой норматив финансирования на одно застрахованное лицо	9,0	9,43	9,8	12,3	13,23	14,53	15,81	15,98

Источник: составлено авторами на основе статистических данных ФОМС¹.

Таблица 2
Table 2

**Оказание высокотехнологичной медицинской помощи в Челябинской области
в рамках ОМС в 2018–2023 гг.
Provision of high-tech medical care in the Chelyabinsk region
within the framework of compulsory medical insurance in 2018–2023**

Год	Фактические объёмы					Фактическая стоимость				
	Число случаев	Абсолютный прирост		Темп прироста (%)		Тыс.руб	Абсолютный прирост		Темп прироста (%)	
		цепной	базисный	цепной	базисный		цепной	базисный	цепной	базисный
2018	13 072	-	-	-	-	2 198 760,1	-	-	-	-
2019	14 840	1768	1768	13,5	13,5	2 699 707,1	500 947	500 947	22,8	22,8
2020	12 779	-2061	-293	-13,9	-2,2	2 549 501,5	-1 502 055	350 741,4	-5,6	16
2021	9 790	-2989	-3282	-23,4	-25,1	1 673 704,0	-875 797,5	-525 056,1	-34,4	-23,9
2022	10 776	986	-2296	10,1	-17,6	1 986 235,7	312 531,7	-212 524,4	18,7	-9,7
2023	10 489	-287	-2583	-2,7	-19,8	2 119 526,9	133 291,2	-792 332	6,7	-3,6

Источник: рассчитано авторами на основе статистических данных ФОМС².

¹ Отчёты о результатах деятельности ФОМС за 2015–2022 гг. // ФОМС. URL: <https://www.ffoms.gov.ru> (дата обращения 17.07.2024).

² Там же.

Анализируя состояние материально-технической базы системы здравоохранения Челябинской области, можно сделать вывод об её общем старении. Значительный вклад в износ основных фондов вносит состояние имеющихся средств производства (медицинское оборудование). Поддержание такой материально-технической базы требует существенных финансовых ресурсов и в рамках существующей системы финансирования здравоохранения не может происходить в полном объёме за счёт средств ОМС. С 2015 по 2022 год, по данным официальной статистики, степень износа основных фондов объектов здравоохранения и социальных услуг была на достаточно высоком уровне — ежегодно более 50 %. При этом следует отметить, что по данным на 2022 год минимальную степень износа в структуре основных фондов по виду

деятельности «Здравоохранение и социальные услуги» имели здания, а максимальную степень износа — оборудование, машины и хозяйственный инвентарь (рис. 2). В этот же период наблюдается нестабильная динамика коэффициента обновления основных фондов. Пиковое значение данного показателя 9,7 % зафиксировано в 2021 году, что связано с вводом в действие объектов капитального строительства. Увеличение объёма инвестиций в здравоохранение в отдельные периоды времени позволило несколько улучшить общее состояние основного капитала, но не изменить общую динамику.

На фоне старения материально-технической базы происходит снижение и кадрового ресурса (потенциала) медицинских организаций Челябинской области. Согласно данным статистики, отсутствует тенденция к увеличению численности

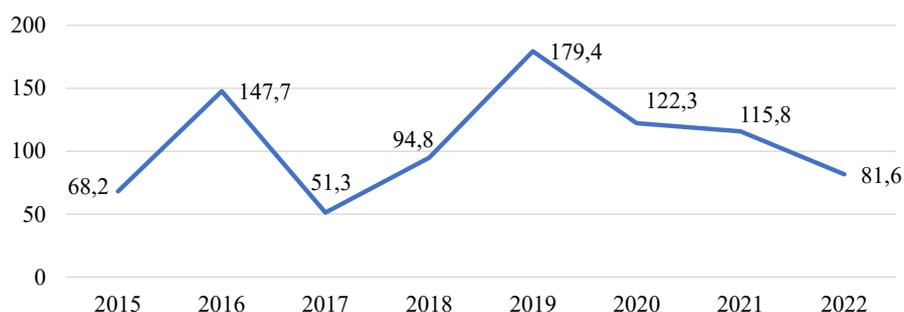

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал в Челябинской области по виду экономической деятельности: здравоохранение и предоставление социальных услуг (2015–2022 гг.) в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году

Fig 1. Dynamics of investments in fixed assets in the Chelyabinsk Region by type of economic activity: healthcare and provision of social services (2015–2022) in comparable prices, in % of the previous year
 Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹.

Рис. 2. Динамика показателей состояния основных фондов по виду экономической деятельности «Здравоохранение и социальные услуги» в Челябинской области (2015–2022 гг.), %
 Fig 2. Dynamics of indicators of the state of fixed assets by type of economic activity “Healthcare and Social Services” in the Chelyabinsk Region (2015–2022), %
 Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения 14.07.2024).

² Там же..

врачей всех специальностей, снижается количество среднего медицинского персонала (рис. 3). Челябинская область занимает 67 место среди субъектов РФ и предпоследнее место среди регионов УрФО по обеспеченности врачами¹. Вместе с тем доступность медицинской помощи напрямую зависит от наличия в регионе медицинских кадров и обеспеченности ими населения.

Обеспеченность населения региона медицинским персоналом тесно связана с показателем на-

¹ Социально-экономическое положение федеральных округов // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg_Rus_2023.htm (дата обращения 14.07.2024).

грузки на работников (табл. 3). В силу дефицита кадров загрузка медицинских работников остаётся на достаточно высоком уровне, что косвенно влияет на желание дальнейшего профессионального обучения и развития. Можно предположить, что эта тенденция будет иметь отложенные, но достаточно негативные последствия, связанные с падением уровня профессиональной компетентности.

Из данных табл. 3 видно, что уровень нагрузки на врачей и средний медицинский персонал в Челябинской области значительно выше аналогичных показателей по Российской Федерации и Уральскому федеральному округу.

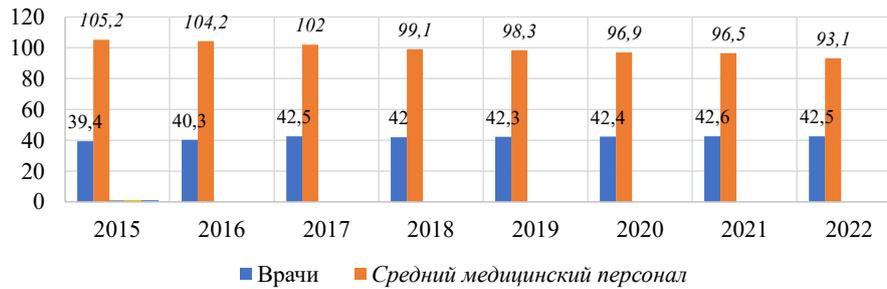

Рис. 3 Обеспеченность медицинским персоналом в Челябинской области на 10 тыс. населения (2015–2022 гг.)

Fig. 3. Provision of medical personnel in the Chelyabinsk region per 10 thousand population (2015–2022)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

Таблица 3

Table 3

Нагрузка на работников здравоохранения Burden on health workers

Год	Численность населения на одного врача			Численность населения на одного работника ср. медперсонала		
	РФ	УрФО	Челябинская область	РФ	УрФО	Челябинская область
2015	218,7	231,3	254,1	95,0	86,0	94,6
2020	200,0	212,3	235,9	98,9	88,2	103,3
2021	198,1	210,9	234,8	100,1	89,6	94,2
2022	196,8	207,4	236,9	101,7	90,4	107,4

Источник: данные Росстата².

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения 14.07.2024).

² Там же.

Так, за период с 2015 по 2022 годы нагрузка на одного врача уменьшилась на 11 % по РФ и на 12 % по УрФО. В то время как в Челябинской области снижение данного показателя составило лишь 7 %. По среднему медицинскому персоналу за рассматриваемый период наблюдается тенденция к повышению нагрузки: на 7 % — РФ, на 5 % — УрФО. В Челябинской области рост данного показателя составил 13,5 %.

Помимо оценки ресурсной составляющей качества медицинской помощи, важен результативный компонент, который выражается в установлении обратной связи с населением региона и позволяет судить о правильности выбранного вектора развития отрасли. В связи с этим особый интерес представляют оценки качества и доступности медицинской помощи со стороны населения территории, полученные в ходе выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сфере здравоохранения, проводимого Росстатом в субъектах РФ в период 2015–2023 гг.

Данные рис. 4 позволяют выявить наиболее значимые факторы, влияющие на уровень

неудовлетворённости качеством оказанной медицинской помощи в поликлиниках.

Среди основных причин, вызывающих наибольшую неудовлетворённость опрошенных качеством медицинской помощи, называются: длительность ожидания в очередях, работа врачей-специалистов, наличие необходимого оборудования и/или лекарственных препаратов. Недостаточное внимание к этим факторам со стороны организаторов здравоохранения будет способствовать оттоку пациентов в частные медицинские организации либо сокращению количества обращений в поликлинику, что не позволит оперативно диагностировать заболевания и своевременно назначать лечение.

Важной информацией является оценка респондентами качества медицинской помощи, оказанной в стационарных условиях (табл. 4).

Информация, приведённая в табл. 4 свидетельствует об увеличении числа респондентов, неудовлетворённых наиболее значимыми факторами качества оказания медицинской помощи в стационарных условиях с 2015 по 2021 годы. Возросло

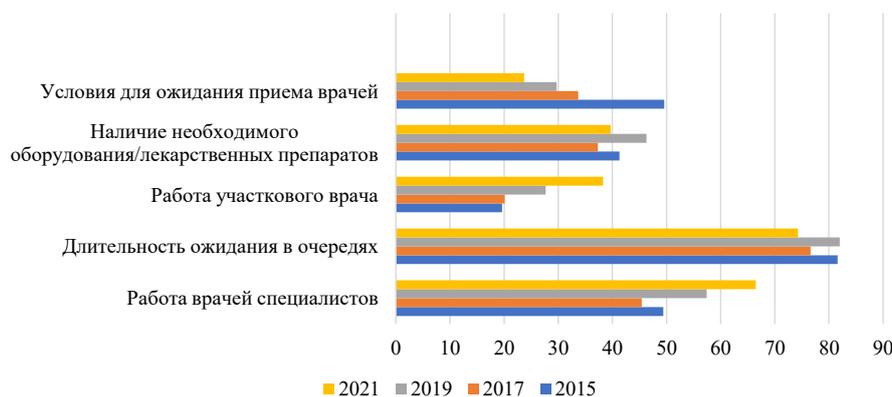

Рис. 4. Причины неудовлетворённости респондентов медицинской помощью в поликлиниках, в % от числа опрошенных

Fig.4. Reasons for respondents' dissatisfaction with medical care in polyclinics, % of the number of respondents

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

Таблица 4
Table 4

Уровень неудовлетворённости качеством оказания медицинской помощи в стационаре, в % от числа опрошенных
Level of dissatisfaction with the factors of medical care in the hospital, % of the number of respondents

	2015	2017	2019	2021
Наличие современного оборудования для лечения и проведения диагностики	11,8	11,9	4,3	18,4
Профессионализм врачей	4,3	2,6	3,3	20,4
Наличие необходимых лекарственных препаратов	9,1	4,5	6,7	12,5
Комфортность условий пребывания	17,1	9,7	13,7	31,0
Отношение врачей к пациентам	7,9	1,6	7,6	12,6

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата².

¹ Итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspet (дата обращения 14.07.2024)

² Там же.

количество недовольных: уровнем профессионализма врачей (до 20,4 % респондентов), уровнем комфортности пребывания в стационаре (до 31 % респондентов), имеющимся в наличии современным оборудованием (до 18,4 %).

Анализ результатов проведённого социологического исследования позволил выявить наиболее существенные проблемы в сфере оказания медицинских услуг как в амбулаторных условиях, так и в стационаре. Полученные данные субъективной оценки результатов качества оказания медицинской помощи в полной мере соотносятся с выявленными недостатками ресурсной составляющей качества медицинской помощи на региональном уровне и дополняют объективные статистические данные.

Заключение

На основе обобщения опыта зарубежных и отечественных исследователей в определении сущности категории «качество медицинской помощи» и методических подходов к её оценке авторами предложен комплексный подход к анализу состояния качества медицинской помощи, основанный на органической взаимосвязи её структурных элементов: ресурсной и результативной. Данный подход предполагает использование информации из открытых источников и может быть применён в качестве дополнительного инструмента при внешней оценке системы здравоохранения на региональном уровне.

В связи с этим на уровне субъекта РФ были определены и проанализированы показатели,

характеризующие качество ресурсов (уровень финансового, кадрового обеспечения системы здравоохранения, состояние материально-технической базы) и качество результата (субъективные оценки качества и доступности медицинской помощи со стороны населения).

В ходе проведённого исследования было выявлено, что объективные данные нашли подтверждение в субъективных ответах респондентов выборочного наблюдения. Следовательно, применение сбалансированного подхода к объединению показателей из разных источников как с позиций потенциальных возможностей оказания помощи, так и с точки зрения сферы потребления медицинской помощи, является наиболее оптимальным для принятия управленческих решений по дальнейшему развитию и совершенствованию системы здравоохранения.

Результаты исследования позволили сделать обобщающие выводы и наметить ключевые направления совершенствования экономики здравоохранения Челябинской области:

– анализ динамики статистических данных выявил положительную тенденцию в финансировании расходов на здравоохранение, однако объём денежных средств, поступающих в виде инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах), снижается. Вместе с тем уровень оснащённости медицинских организаций современным оборудованием определяются как наиболее значимый ресурсный компонент качества медицинской помощи, как при объективной, так и субъективной оценке. Недостаточное количество инвестиций в основной капитал медицинских организаций ведёт к повышению нагрузки на активную часть основных фондов, её износу и преждевременному выходу из строя. Для бесперебойной работы

медицинского оборудования требуется наличие качественных расходных материалов, регулярное техническое обслуживание и ремонт. Всё это необходимо учитывать при формировании планов развития материально-технической базы медицинских организаций региона;

– дефицит кадров и высокая нагрузка на медицинский персонал позволяют определить приоритетные меры по совершенствованию системы подготовки медицинских кадров (в первую очередь врачей) на базе Южно-Уральского государственного медицинского университета. В связи с этим необходимы увеличение количества бюджетных мест, в том числе на целевое обучение, выработка действенных мер по удержанию специалистов в регионе, а также развитие системы региональных льгот и поощрений, способствующих укреплению престижа медицинской профессии.

– оценка качества и доступности медицинской помощи со стороны населения, полученная в ходе выборочного наблюдения, является важным источником информации о социально значимом результате её оказания в региональных медицинских организациях. Данные оценки позволяют определить первоочередные потребности населения и подтверждают необходимость реализации приоритетных мер по совершенствованию структурной составляющей качества медицинской помощи.

Таким образом, предложенный в настоящей статье подход к анализу и оценке качества медицинской помощи, позволяет не только получить дополнительную внеотраслевую (внешнюю) оценку его состояния, но и скорректировать направления развития региональной системы здравоохранения с учётом особенностей территории.

Список источников

1. Dodwad S. S. Quality management in healthcare // *Indian J Public Health*. 2013. Vol. 57, № 3. P. 138–143. DOI:10.4103/0019-557X.119814.
2. Brenner S., Wilhelm D., Lohmann J., Kambala C., Chinkhumba. J, Muula A. S. Implementation research to improve quality of maternal and newborn health care, Malawi // *Bull World Health Organ*. 2017. Vol. 95, № 7. P. 491–502. DOI: 10.2471/BLT.16.178202.
3. Leotsakos A., Zheng H., Croteau R., et al. Standardization in patient safety: the WHO High 5s project // *International Journal of Quality in Healthcare*. 2014. Vol. 26, Issue 2, April 2014. P. 109–116. DOI: 10.1093/intqhc/mzu010.
4. Dixon-Woods M., Martin G. P. Does quality improvement improve quality? // *Future Hosp Journal*. 2016. Vol. 3, № 3. P. 191–194. DOI: 10.7861/futurehosp.3-3-191.
5. Harrison R., Cohen A. W., Walton M. Patient safety and quality of care in developing countries in Southeast Asia: a systematic literature review//*Int J Qual Health Care*. 2015. Vol. 27, № 4. P. 240–254. DOI:10.1093/intqhc/mzv041.

6. Akachi Y., Kruk M. E. Quality of care: measuring a neglected driver of improved health // *Bull World Health Organ.* 2017. Vol. 95, № 6. P. 465–472. DOI: 10.2471/BLT.16.180190.
7. Linnander E., McNatt Z., Sipsma H., Tatek D., Abebe Y., Endeshaw A., Bradley E. H. Use of a national collaborative to improve hospital quality in a low-income setting // *Int Health.* 2016. Vol. 8, № 2. P. 148–153. DOI: 10.1093/inthealth/ihv074.
8. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М. : «Альпина Паблишер», 2022. 417 с.
9. Donabedian A. Evaluating the quality of medical care // *Milbank Quarterly.* 2005. Vol. 83, № 4. P. 691–729. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2005.00397x.
10. Newell S., Jordan Z. The patient experience of patient-centered communication with nurses in the hospital setting: a qualitative systematic review protocol // *JBIC Database System Rev Implement Rep.* 2015. № 1. P. 76–87. DOI: 10.11124/jbisrir-2015-1072.
11. Ebenso B., Huque R., Azdi Z., Elsey H., Nasreen S., Mirzoev T. Protocol for a mixed-methods realist evaluation of a health service user feedback system in Bangladesh // *BMJ Open.* 2017. Vol. 7, № 6. e017743. DOI: 10.1136/bmjopen-2017-017743.
12. Бузин В. Н. Доступность и качество медицинской помощи в российском здравоохранении в период пандемии. Второй год с COVID-19: мнение населения // *Профилактическая медицина.* 2022. № 5 (25). С. 7–45. DOI: 10.17116/profmed20222505137.
13. Кондратова Н. В. Методические подходы к исследованию удовлетворённости пациентов в медицинской организации // *В мире научных открытий.* 2016. № 5 (77). С. 23–37.
14. Калашников К. Н. Качество и доступность для населения медицинской помощи (региональный аспект) // *Проблемы развития территории.* 2023. Т. 27, № 4. С. 113–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.7.
15. Данилов А. В., Сон И. М., Меньшикова Л. И. Опыт использования методики SERVQUAL для измерения удовлетворённости пациентов качеством медицинских услуг // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2021. № 29 (3). С. 519–524. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-519-52.
16. Линденбратен А. Л., Коломийченко М. Е. Анализ результатов социологических исследований качества и доступности медицинского обслуживания. // *Медико-фармацевтический журнал Пульс.* 2021. Т. 23, № 6. С. 224–231.

References

1. Dodwad SS. Quality management in healthcare. *Indian J Public Health.* 2013;57(3):138-143. DOI:10.4103/0019-557X.119814.
2. Brenner S, Wilhelm D, Lohmann J, Kambala C, Chinkhumba J, Muula A. S. Implementation research to improve quality of maternal and newborn health care, Malawi. *Bull World Health Organ.* 2017;95(7):491-502. DOI: 10.2471/BLT.16.178202.
3. Leotsakos A, Zheng H, Croteau R, et al. Standardization in patient safety: the WHO High 5s project. *International Journal of Quality in Healthcare.* 2014;26(2):109-116. DOI: 10.1093/intqhc/mzu010.
4. Dixon-Woods M, Martin GP. Does quality improvement improve quality? *Future Hosp Journal.* 2016;3(3):191-194. DOI: 10.7861/futurehosp.3-3-191.
5. Harrison R, Cohen AW, Walton M. Patient safety and quality of care in developing countries in Southeast Asia: a systematic literature review. *Int J Qual Health Care.* 2015;27(4):240-254. DOI:10.1093/intqhc/mzv041.
6. Akachi Y, Kruk ME. Quality of care: measuring a neglected driver of improved health. *Bull World Health Organ.* 2017;95(6):465-472. DOI: 10.2471/BLT.16.180190.
7. Linnander E, McNatt Z, Sipsma H, Tatek D, Abebe Y, Endeshaw A, Bradley EH. Use of a national collaborative to improve hospital quality in a low-income setting. *Int Health.* 2016;8(2):148-153. DOI: 10.1093/inthealth/ihv074.
8. Deming E. Vыход из кризиса: Novaya paradigma upravleniya lyud'mi, sistemami i protsessami=Exit from the crisis. A new paradigm for managing people, systems and processes. Moscow: Alpina Publisher; 2022. 417 p. (In Russ.).
9. Donabedian A. Evaluating the quality of medical care. *Milbank Quarterly.* 2005;83(4):691-729. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2005.00397.x.

10. Newell S, Jordan Z. The patient experience of patient-centered communication with nurses in the hospital setting: a qualitative systematic review protocol. *JBI Database System Rev Implement Rep.* 2015;(1):76-87. DOI: 10.11124/jbisrir-2015-1072.
11. Ebenso B, Huque R, Azdi Z, Elsey H, Nasreen S, Mirzoev T. Protocol for a mixed-methods realist evaluation of a health service user feedback system in Bangladesh. *BMJ Open.* 2017;7(6):e017743. DOI: 10.1136/bmjopen-2017-017743.
12. Buzin VN. Availability and quality of medical care in Russian healthcare during a pandemic. The second year with COVID-19: the opinion of the population. *Profilakticheskaya meditsina = The Russian Journal of Preventive medicine.* 2022;25(5):37-45. (In Russ.). DOI: 10.17116/profmed20222505137.
13. Kondratova NV. Methodological approaches to the study of patient satisfaction in a medical organisation. *V mire nauchnykh otkrytiy. = In the World of Scientific Discoveries.* 2016;5(77): 23–37. (In Russ.).
14. Kalashnikov KN. Quality and access to health care for population (regional aspect). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development.* 2023;27(4):113-128. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.7.
15. Danilov AV, Son IM, Menshikova LI. The experience of SERVQUAL technique application in measuring satisfaction of patients with medical services quality. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini = Problems of social hygiene, health care and history of medicine.* 2021;29(3):519-524. (In Russ.). DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-519-524.
16. Lindenbraten AL, Kolomiichenko ME. Analysis of the results of sociological studies of the quality and availability of medical care. *Mediko-farmatsevticheskiy zhurnal Pul's = Medical & Pharmaceutical journal «Pulse».* 2021;23(6):224-231. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Кучина — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов.

Н. Е. Кучин — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения.

И. И. Просвирина — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов.

Information about the authors

E. V. Kuchina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics and Finance.

N. E. Kuchin — Candidate of Medical Sciences, Assistant Professor of the Public Health and Healthcare Department.

I. I. Prosvirina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics and Finance.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2025; при-
нята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 20.08.2024; approved
after reviewing 25.02.2025; accepted for publication
15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК 504

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-71-81

АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКСПОРТА НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СЛЕД В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Елена Владимировна Полуесова

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
lpoluesova@mail.ru

Аннотация. В условиях глобализации и стремительного развития международной торговли диверсификация торговых потоков становится важным аспектом экономической стратегии многих стран. Однако, несмотря на очевидные экономические преимущества, данный процесс может иметь значительные негативные последствия для экологии. Увеличение объёмов торговли, расширение ассортимента товаров и услуг, а также рост транспортных перевозок приводят к повышению уровня загрязнения окружающей среды, истощению природных ресурсов и разрушению экосистем. Данная статья направлена на эмпирический анализ влияния диверсификации торговли на экологическую устойчивость. В работе рассматривается влияние диверсификации экспорта на экологический след на основе выборки развитых и развивающихся стран. Исследование опирается на гипотезу Pollution Haven. Для эконометрического анализа использован метод panel ARDL. Все данные охватывают период с 1996 по 2020 годы и включают 112 стран: 42 развитые и 70 развивающихся. В ходе исследования было установлено, что увеличение диверсификации экспорта приводит к росту экологического следа во всех группах стран. Это подчёркивает необходимость разработки более устойчивых торговых стратегий, которые учитывают экологические последствия и способствуют снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Ключевые слова: экологический след, экология, устойчивое развитие, диверсификация экспорта, эконометрический анализ, ARDL

Для цитирования: Полуесова Е. В. Анализ воздействия диверсификации экспорта на экологический след в развитых и развивающихся странах // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 71-81. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-71-81

Original article

ANALYSIS OF THE IMPACT OF EXPORT DIVERSIFICATION ON THE ENVIRONMENTAL FOOTPRINT IN DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

Elena V. Poluesova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, lpoluesova@mail.ru

Abstract. In the context of globalization and the rapid development of international trade, the diversification of trade flows is becoming an important aspect of the economic strategy of many countries. However, despite the obvious economic benefits, this process can have significant negative consequences for the environment. The increase in trade volumes, the expansion of the range of goods and services, as well as the growth of transport traffic lead to an increase in environmental pollution, depletion of natural resources and destruction of ecosystems. This article aims at an empirical analysis of the impact of trade diversification on environmental sustainability. The paper examines the impact of export diversification on the ecological footprint based on a sample of developed and developing countries. The study is based on the Pollution Haven hypothesis. The panel ARDL method was used for econometric analysis. All data cover the period from 1996 to 2020 and include 112 countries: 42 developed and 70 developing. The study found that increased export diversification leads to an increase in the ecological footprint in all groups of countries. This highlights the need to develop more sustainable trading strategies that take into account environmental impacts and contribute to reducing negative environmental impacts.

Keywords: ecological footprint, ecology, sustainable development, export diversification, econometric analysis, ARDL

For citation: Poluesova EV. Analysis of the Impact of Export Diversification on the Environmental Footprint in Developed and Developing Countries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;3(497):71-81. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-71-81

Введение

Экономика в наше время стала важным посредником между человеком и природой, включая в себя организацию труда, транспорта, добычу природных ресурсов, и переработку отходов. Однако в то же время экономика и окружающая среда находятся в постоянном конфликте, из-за чего под угрозой находятся все живые существа. Вопрос о том, как помочь экономике и окружающей среде сосуществовать, исследуется уже не первое десятилетие.

Уже было проведено множество различных исследований, позволяющих выделить основные факторы, влияющие на окружающий нас мир. В том числе вопрос коснулся основных торговых факторов, среди которых наиболее проверяемыми являются открытость и объём торговли [1–3].

Впервые вопрос влияния торговли на экологию был поднят после «Уругвайского» раунда (закончился в 1993) обсуждения Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), решения в рамках которого возмутили защитников окружающей среды, т.к. новые процедуры чрезвычайно затрудняли вмешательство групп защитников окружающей среды и потребителей в вопросы торговли [4]. Вопрос охраны окружающей среды поднимался на следующем раунде ГАТТ, однако фактически переговоры по данному вопросу не велись¹. С тех пор внешняя торговля как фактор, в значительной степени влияющий на экологическую обстановку, активно обсуждается в мировом сообществе и литературе, проводятся различные исследования, изучающие теоретические и эмпирические вопросы влияния торговли на окружающую среду. Однако вопрос остаётся изученным не до конца.

Не менее важным торговым фактором влияния на экологию является её диверсификация. Важно отметить различие влияния объёма тор-

говли на экологию и влияния диверсификации торговли на экологию. Объём торговли относится к общему количеству товаров и услуг, которые страна экспортирует или импортирует, в то время как диверсификация торговли относится к разнообразию этих товаров и услуг. Таким образом, влияние объёма торговли на экологию связано с общим воздействием всей торговли, независимо от того, насколько разнообразны товары и услуги. Это может включать в себя увеличение общего энергопотребления, выбросов парниковых газов и загрязнения от транспорта. В то же время, влияние диверсификации торговли на экологию связано с изменениями в типе товаров и услуг, которые страна экспортирует или импортирует. Кроме того, широкий спектр экспортируемых товаров может увеличить уязвимость страны к загрязнению, т.к. государству необходимо продумывать эффективные законы по сохранению окружающей среды для всех типов производства.

Из-за перечисленных выше вопросов мною была поставлена цель: на основе эконометрического анализа панельных данных исследовать влияние диверсификации экспорта на экологию для расширения понимания человеческого влияния на природу и предложения вариантов возможного снижения этого влияния.

Литературный обзор

На данный момент существуют два противоречивых взгляда на связь диверсификации экспорта и окружающей среды: Гипотеза Портера (РН) и Гипотеза Pollution Haven (РНН).

РНН утверждает, что миграция грязных производств из развитых стран происходит через торговлю и прямые иностранные инвестиции, т.к. развивающиеся страны имеют сравнительное преимущество по издержкам из-за низкого контроля за загрязнением окружающей среды [5]. Вследствие этого развивающиеся страны специализируются на экспорте более грязных для окружающей среды товаров, а развитые страны — наоборот, чистых. Таким образом, на основе РНН, развивающиеся страны становятся прибежищем грязного производства для развитых стран. Существует множество исследований,

¹ Общий обзор тематики и направлений переговоров Дохийского раунда (основные треки переговоров, задачи, документы, история переговоров). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://tradepol.hse.ru/programme4.8.1> (дата обращения 25.04.2024).

подтверждающих данную гипотезу [6; 7]. В то же время находятся противники теории [8; 9].

В отличие от РНН, РН утверждает, что более жёсткие экологические нормы в стране производителя стимулируют фирму к инновациям и росту производительности и предотвращают «бегство» фирмы за границу. Гипотеза была разработана Майклом Э. Портером [10] и доработана Майклом Э. Портером и Клааса ван дер Линде [11].

Таким образом, РНН и РН рассматривают два противоположных варианта реакции фирм на жёсткие экологические нормы: бегство в другую страну и использование более экологичных средств производства. Обе гипотезы имеют неоднозначную оценку исследователей. В данной работе было решено придерживаться гипотезы Pollution Haven, т.к. её теоретические предпосылки имеют более основательную базу эмпирических доказательств и состыковываются с мнением автора. Рассматривая РНН как основу для исследования, можно сказать, что увеличение диверсификации торговли в экономически развитых странах может повлечь снижение загрязнения окружающей среды, а в развивающихся — наоборот, увеличение.

Влияние диверсификации экспорта на экологию неоднократно исследовалось в литературе и с эмпирической стороны на основе эконометрического анализа.

В качестве экологического показателя наиболее часто используют показатель выбросов CO_2 на душу населения. Реже исследователи изучают влияние диверсификации экспорта или импорта на экологический след. Большинство исследований склоняются к выводу, что диверсификация торговли и экономическая сложность увеличивают экологический след [12].

Чаще исследуют диверсификацию экспорта в рамках гипотезы экологической кривой Кузнеця [13–16]. Большинство исследований доказывают гипотезу, т.к. уровень диверсификации торговли стран напрямую зависит от её экономической развитости.

Различие в уровне развитости стран, как было выявлено различными исследователями, может сильно повлиять на степень влияния диверсификации торговли на экологию [17].

Наряду с влиянием торговли и диверсификации торговли на экологию, в литературе также рассматривается размер предприятий-экспортеров. Так, исследователи из США пришли к выводу, что размер предприятия отрицательно и су-

щественно связан с интенсивностью выбросов всех загрязняющих веществ [18]. Дж. С. Холладей в своей статье отмечает, что данный факт вызван тем, что меры контроля за выбросами загрязняющих веществ выше для больших компаний [19].

Отдельно также исследуется влияние на экологию того, в какие страны экспортируют фирмы. Так, исследователями из Чили было доказано, что экспортёры, ориентирующиеся на страны с высоким уровнем дохода, имеют лучшие экологические результаты по сравнению с экспортёрами, ориентирующимися на страны, где оценка состояния окружающей среды невысока [20].

Большинство исследований подтверждают, что увеличение диверсификации экспорта влечёт за собой снижение загрязнения, однако есть статьи с обратными выводами. Так, на выборке стран ОЭСР группой учёных было доказано, что диверсификация ведёт к загрязнению воздуха [21]. Также в пример можно привести статью исследователей из Польши, которые также доказали данный факт на основе регрессионного анализа [22].

Кроме диверсификации экспорта, используют диверсификацию импорта, но значительно реже. Так, группа исследователей смогла доказать, что в развитых странах диверсификация импорта оказывает негативное и положительное влияние на выбросы углерода в развитых и развивающихся странах соответственно [23].

Таким образом, на данный момент проведено немало исследований по теме влияния диверсификации экспорта на экологию на разных выборках и на основе разных методов, при этом результаты исследований неоднозначны.

Методология

Одной из основных проблем при работе с панельными данными является проблема фиксированных эффектов. Фиксированный эффект представляет собой специфическую для объекта характеристику, которая остаётся неизменной во времени. Если фиксированные эффекты присутствуют, то временные ряды объектов могут иметь единичные корни.

Для эконометрического анализа в данном исследовании было решено использовать модель с авторегрессионным распределённым запаздыванием (ARDL), т.к. в данных присутствуют единичные корни, и модель позволяет исследовать как краткосрочное, так и долгосрочное влияние факторов.

Модель используют при наличии единичных корней в данных. Для проверки наличия единичных корней в панельных данных в различных исследованиях чаще используются сразу несколько тестов для получения более надёжных результатов. Каждый из этих тестов основан на различных предположениях и использует разные статистические критерии, поэтому результаты одного теста могут быть подтверждены или опровергнуты другим тестом. Кроме того, каждый тест имеет свои ограничения и условия применимости. Некоторые тесты могут быть чувствительны к определённым видам выбросов или неправильной спецификации модели, тогда как другие тесты могут быть менее восприимчивы к этим проблемам. Поэтому использование нескольких тестов позволяет исследователям получить более полную картину и убедиться в достоверности полученных результатов.

В данной работе применяются два теста: Levin-Lin-Chu test (LLC) и Im-Pesaran-Shin test (IPS).

Тест LLC предполагает, что все панели имеют один и тот же параметр авторегрессии, то есть $\rho_i = \rho$ для всех i [24]. Тест IPS ослабляет это предположение и вместо этого позволяет каждой панели иметь свой собственный ρ_i [25]. Для обоих тестов ставится нулевая гипотеза: все панели имеют единичный корень, данные нестационарны. Альтернативная, соответственно: данные стационарны.

Для оценки по методу ARDL используются три спецификации: метод среднего по группе (mean group, MG), метод сквозного среднего (pooled mean group, PMG), динамическая модель фиксированных эффектов (dynamic fixed effects, DFE).

Наилучшая спецификация выбирается на основе теста Хаусмана, нулевая гипотеза которого состоит в том, что оценки двух выбранных моделей существенно не отличаются.

Данные

В качестве показателя экологической обстановки в стране был взят экологический след на душу населения.

Экологический след — это показатель того, какая площадь биологически продуктивных земель и водных ресурсов требуется отдельному лицу, популяции или виду деятельности для производства всех потребляемых ресурсов и поглощения образующихся отходов с использованием существующих технологий и методов управления ресурсами. Первоначально данный показатель был разработан Матисом Вакернагелем и Уильямом Рисом [26]. В настоящее время данные об экологическом следе рассчитываются и распространяются

Footprint Data Foundation (FoDaFo) — инициативой Йоркского университета и Global Footprint Network, созданной в 2019 году¹. Сейчас расчёты производятся на основе данных ООН и организаций, связанных с ООН, для более чем 200 стран с 1961 года. Все данные по показателю хранятся на сайте Global Footprint Network².

Экологический след строится из 6 факторов, которые впоследствии суммируются для получения итогового значения. Экологический след по различным факторам рассчитывается путём умножения распределения земель страны в пересчёте на общемировую урожайность на коэффициент эквивалентности (EQF), благодаря которому показатель переводится из гектаров в глобальные гектары [27].

В качестве объясняющей переменной взят показатель экспортной диверсификации базы данных UNCTAD³, представляющий собой модифицированную меру сходства по Фингеру — Крейнину в торговле [28]. Он показывает, в какой степени структура экспорта по продуктам страны отличается от общемировой структуры. Показатель имеет значения от 0 до 1, где приближение к 1 означает большее расхождение с мировой моделью, и, соответственно, более низкую диверсификацию. Все значения показателя были вычтены из единицы для наглядности данных, т.к. он является обратным.

В табл. 1 перечислены все используемые переменные.

Все данные взяты за период 1996–2020 гг. по 112 странам (2800 наблюдений), из них: 42 — развитые страны (1050 наблюдений), 70 — развивающиеся (1750 наблюдения). Группировка по уровню развитости производилась на основе классификации UNCTAD⁴.

В ходе анализа описательных статистик переменных было обнаружено, что переменные во всех группах имеют высокий разброс, в связи с чем в дальнейшем анализе было решено

¹ Glossary. Global Footprint Network. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/glossary/> (дата обращения: 05.05.2024).

² Global Footprint Network. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/glossary/> (дата обращения: 03.04.2024).

³ UNCTAD STAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ConcentDiversIndices> (дата обращения: 27.10.2024).

⁴ UNCTAD. URL: <https://hbs.unctad.org/> (дата обращения: 03.03.2024).

прологарифмировать переменные ВВП на душу населения, экологический след на душу населения и разделить на 100 переменные, отображающие доли (природная рента в процентах от ВВП, промышленность в процентах от ВВП, потребление возобновляемой энергии в процентах от общего потребления), для исключения асимметрии. Индекс диверсификации экспорта не требовал преобразований, т.к. показатель варьируется в интервале от 0 до 1.

В ходе анализа не было выявлено нелинейности связей данных.

Результаты теста LLC для каждой выборки приведены в табл. 2.

Результаты теста IPS для каждой выборки приведены в табл. 3.

Таким образом, тесты на единичный корень показали отсутствие стационарности параметров переменных при втором и более различии, что позволяет использовать метод ARDL.

Результаты исследования

В ходе работы было построено три спецификации ARDL для каждой выборки. На основе теста Хаусмана было выявлено, что для каждой выборки наилучшей является спецификация PMG. Результаты моделей отображены в табл. 4.

Таблица 1

Table 1

Используемые переменные Variables used

Название	Обозначение	Единицы измерения	Источник
Экологический след на душу населения	EF	гга/чел	Global Footprint Network
Индекс диверсификации экспорта (обратный)	DE	-	Рассчитано автором на основе данных UNCTAD ³
Общая рента за природные ресурсы	NR	% от ВВП	World Bank ¹
Реальный ВВП на душу населения в ценах 2015 года	GDP	Долл. США	World Bank
Потребление возобновляемой энергии	REC	% от общего конечного потребления	World Bank
Промышленность, добавленная стоимость	MF	% от ВВП	World Bank

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Table 2

Результаты теста LLC на единичный корень LLC test results for a single root

Переменная	Вся выборка		Выборка развивающихся стран		Выборка развитых стран	
	level	Первая разность	level	Первая разность	level	Первая разность
Экологический след (логарифм)	-2,52*	-	-3,96*	-	-6,27	-9,75*
Диверсификация экспорта	-3,19*	-	-3,03*	-	-8,36	-14,89*
ВВП на душу населения (логарифм)	-9,92*	-	-8,35*	-	-10,32*	-
Природная рента	-5,91*	-	-4,15*	-	-4,37*	-
Промышленность	-5,57*	-	-1,4	-15,21*	-5,97*	-
Потребление возобновляемой энергии	3,29	-13,78*	-3,92*	-	8,19	-7,47*

Примечание: *статистическая значимость на 5%-м уровне.

Источник: рассчитано автором.

¹ World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all> (дата обращения: 03.10.2023).

Таблица 3

Table 3

Результаты теста IPS на единичный корень
IPS test results for a single root

Переменная	Вся выборка		Выборка развивающихся стран		Выборка развитых стран	
	level	Первая разность	level	Первая разность	level	Первая разность
Экологический след (логарифм)	-2,59*	-	-2,53*	-	-2,7	-9,07*
Диверсификация экспорта	-1,97*	-	-2,07*	-	-1,82*	-
ВВП на душу населения (логарифм)	-1,62	-2,79*	-1,21	-2,64*	-2,29*	-
Природная рента	-2,13*	-	-2,06*	-	-2,25*	-
Промышленность	-1,48	-4,51*	-1,37	-4,41*	-1,65	-4,67*
Потребление возобновляемой энергии	-0,81	-4,52*	-1,39	-4,63*	0,17	-4,35*

Примечание: * статистическая значимость на 5 %-м уровне.

Источник: рассчитано автором.

Таблица 4

Table 4

Результаты моделей ARDL (PMG), зависимая переменная — логарифм экологического следа
The results of the ARDL (PMG) models, the dependent variable
is the logarithm of the ecological footprint

Переменная	Вся выборка	Выборка развивающихся стран	Выборка развитых стран
Долгосрочный период			
Диверсификация экспорта	0,061*	0,071*	0,491***
Природная рента	0,606***	0,644***	0,498**
ВВП на душу населения (логарифм)	0,148***	0,164***	0,210***
Промышленность	-0,424***	-0,518***	0,691***
Потребление возобновляемой энергии	-0,625***	-0,541***	-1,309***
Краткосрочный период			
Коэффициент исправления ошибок	-0,359***	-0,344***	-0,460***
Диверсификация экспорта (логарифм, первая разность)	-0,002	-0,028	-0,154
Природная рента (первая разность)	3,236	-1,732	10,39
ВВП на душу населения (логарифм, первая разность)	0,741***	0,470***	0,999***
Промышленность (первая разность)	-0,324	-0,159	-0,289
Потребление возобновляемой энергии (первая разность)	-4,355	-6,684	-0,182
Константа	-0,028	-0,126***	-0,370***

Примечание: * — статистическая значимость на 10%-м уровне, ** — статистическая значимость на 5%-м уровне, *** — статистическая значимость на 1%-м уровне.

Источник: рассчитано автором.

В ходе работы было замечено, что переменная добавленная стоимость промышленности имеет сильную разницу между группами, причём в группе развивающихся стран она имеет нестандартный знак, поэтому в модель было решено включить квадрат данной переменной в соответствии с концепцией экологической кривой Кузнецца.

Результат итоговых моделей представлен в табл. 5.

По итогам построенной модели в рамках данной главы можно сделать следующие выводы:

– увеличение диверсификации экспорта влечёт за собой увеличение экологического следа, следовательно, ухудшение экологической ситуации, в долгосрочном периоде во всех выборках, при этом концентрация экспорта сильнее снижает экологический след по группе развитых стран;

**Итоговая модель ARDL (PMG), зависимая переменная —
логарифм экологического следа
The final ARDL (PMG) model, the dependent variable
is the logarithm of the ecological footprint**

Переменная	Вся выборка	Выборка развивающихся стран	Выборка развитых стран
Долгосрочный период			
Диверсификация экспорта	0,217***	0,149***	0,246*
Природная рента	0,405***	0,366***	0,549**
ВВП на душу населения (логарифм)	0,152***	0,121***	0,265***
Промышленность	1,233***	1,372***	2,788***
Промышленность (квадрат)	-1,424***	-1,495***	-4,082***
Потребление возобновляемой энергии	-0,784***	-0,697***	-1,537***
Краткосрочный период			
Коэффициент исправления ошибок	-0,378***	-0,339***	-0,473***
Диверсификация экспорта (первая разность)	-0,025	0,016	-0,063
Природная рента (первая разность)	-4,357	-12,652	8,843
ВВП на душу населения (логарифм, первая разность)	0,708***	0,497***	0,926***
Промышленность (первая разность)	-2,601	0,488	-11,008
Промышленность (первая разность, квадрат)	5,192	-0,718	21,826
Потребление возобновляемой энергии (первая разность)	-1,524	-2,197	0,022
Константа	-0,159***	-0,066**	-0,695***

Примечание: * статистическая значимость на 10%-м уровне, **статистическая значимость на 5 %-уровне, *** статистическая значимость на 1 %-уровне.

Источник: рассчитано автором.

– увеличение природной ренты и ВВП ведёт за собой ухудшение экологической ситуации во всех выборках, что не противоречит теоретическим предпосылкам;

– увеличение доли промышленности ведёт за собой увеличение экологического следа при низких значениях показателя и уменьшение при высоких.

– потребление возобновляемой энергии улучшает экологию на всех выборках, причём в развитых странах улучшение выше, чем в развивающихся;

– решение проблемы негативного влияния диверсификации экспорта на экологию требует комплексного подхода и сотрудничества между различными заинтересованными сторонами, включая правительства, предприятия и общественность.

Выводы

Таким образом, в рамках работы был рассмотрен эконометрический анализ влияния военных расходов на экологический след на основе метода ARDL по странам в разрезе их развитости. Значимость диверсификации торговли в долгосроч-

ной перспективе была доказана по всем группам исследования, причём увеличение концентрации торговли ведёт за собой улучшение экологической ситуации. Данные результаты соотносятся с результатами исследования Iqbal и др. (2021) [23]. В развитых странах это влияние более значительное. Этот факт говорит о том, что развитость страны должна также учитываться как фактор ухудшения (улучшения) экологической ситуации. Диверсификация экспортной продукции требует увеличения потребления энергии, использования транспорта, расширения производственных мощностей, что в совокупности может повлечь ухудшение экологической ситуации в стране и в мире в целом.

На основе вышеизложенного анализа мною были рассмотрены основные пути по снижению воздействия диверсификации торговли на экологический след.

Во-первых, внедрение основных положений о защите окружающей среды в региональные торговые соглашения (РТС). Данные мероприятия помогут привести: к более строгому соблюдению экологических стандартов странами; к инвестированию в экологически чистые

производства для повышения своей конкурентоспособности на мировом рынке; к обмену опытом в отношении экологии; к снижению спроса на товары, производство которых оказывает значительное негативное воздействие на окружающую среду.

Во-вторых, введение дополнительных налогов и других финансовых инструментов на импорт «грязных» товаров. Примером может служить механизм пограничной углеродной корректировки (Carbon Border Adjustment Mechanism, СВАМ), который планируют ввести в ЕС. Главная задача СВАМ — защита углеродоемких отраслей ЕС от, так называемой «утечки углерода». Углеродная утечка возникает, когда компании, расположенные в ЕС, переносят углеродоёмкие производственные мощности за границу в страны с менее строгим климатическим регулированием, чем в ЕС, или когда продукты, произведённые в ЕС, замещаются более углеродоёмким импортом¹. Это способствует гармонизации экологических стандартов на международном уровне

¹Carbon Border Adjustment Mechanism. European Commission. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en#cbam-definitive-regime-from-2026 (дата обращения: 10.05.2024).

и стимулирует другие страны к принятию мер по снижению выбросов. Таким образом, СВАМ стремится создать равные условия для производителей как внутри ЕС, так и за его пределами, устраняя потенциальное преимущество, которое могли бы получить производители, инвестирующие в страны с менее строгими экологическими стандартами.

В-третьих, внедрение более чистых производств в наиболее «грязные» с точки зрения экологии производства. Примерами могут служить внедрение более эффективных и экологически чистых технологий, использование солнечной, ветровой или гидроэнергии вместо ископаемых топлив, разработка и внедрение систем переработки и повторного использования отходов, сокращение использования вредных химических веществ, более эффективное использование ресурсов, таких как вода и древесина. Повышение экологической ответственности может стать важным фактором для потребителей и правительств стран-импортёров. Они могут предпочитать покупать товары у компаний, которые следуют высоким стандартам экологической безопасности. Это может создать новые возможности для экспорта товаров, произведённых с учётом экологических требований.

Список источников

1. Alhassan A., Usman O., Ike G., Asumadu Sarkodie S. Impact assessment of trade on environmental performance: accounting for the role of government integrity and economic development in 79 countries // *Heliyon*. 2020. Vol. 6. № 9. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05046>.
2. Gozgor G. Does trade matter for carbon emissions in OECD countries? Evidence from a new trade openness measure // *Environmental Science and Pollution Research*. 2017. Vol. 24, № 36. P. 27813–27821. DOI: 10.1007/s11356-017-0361-z.
3. Ling C. H., Ahmed K., Binti Muhamad R., Shahbaz M. Decomposing the trade-environment nexus for Malaysia: what do the technique, scale, composition, and comparative advantage effect indicate? // *Environmental Science and Pollution Research*. 2015. Vol. 22, № 24. P. 20131–20142. DOI: 10.1007/s11356-015-5217-9.
4. Copeland B.R., Taylor M. S. Trade, growth and the environment // *Journal of Economic literature*. 2004. Vol. 42. № 1. P. 7–71. DOI: 10.3386/w9823.
5. Copeland B.R., Taylor M. S. North-South Trade and the Environment // *Journal of Economic Literature*. 2017. Vol. 109, № 3. P. 755–787. DOI: 10.4324/9781315201986-17.
6. Murshed M. An empirical re-investigation for verifying the pollution haven hypothesis concerning the foreign direct investment-carbon intensity nexus: Contextual evidence from BRICS // *Environmental Challenges*. 2023. Vol. 13, № 58. P. 1–13. DOI: 10.1016/j.envc.2023.100793.
7. Shen J., Liu W., Chu J. Does migration of pollution-intensive industries impact environmental efficiency? Evidence supporting “Pollution Haven Hypothesis” // *Journal of Environmental Management*. 2019. Vol. 242, № 3. P. 142–152. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.04.072.
8. Jiang W., Cole M., Sun J., Wang S. Innovation, carbon emissions and the pollution haven hypothesis: Climate capitalism and global re-interpretations // *Journal of Environmental Management*. 2022. Vol. 307, № 1. DOI: 10.1016/j.jenvman.2022.114465.

9. Yang J., Guo H., Liu B., Shi R., Zhang B., Ye W. Environmental Regulation and the Pollution Haven Hypothesis: Do Environmental Regulation Measures Matter? // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 202, P. 993–1000. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.08.144.
10. Porter M. E. America's Green Strategy // *Scientific American*. 1991. Vol. 264, № 4. DOI: 10.1038/scientificamerican0491-168.
11. Porter M.E., van der Linde C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. Vol. 9, № 4. P. 97–118. DOI: 10.1257/jep.9.4.97.
12. Doğan B., Saboori B., Can M. Does economic complexity matter for environmental degradation? An empirical analysis for different stages of development // *Environmental Science and Pollution Research*. 2019. Vol. 26, № 31. P. 31900–31912. DOI: 10.1007/s11356-019-06333-1.
13. Can M., Dogan B., Saboori B. Does trade matter for environmental degradation in developing countries? New evidence in the context of export product diversification // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. P. 14702–14710. DOI: 10.1007/s11356-020-08000-2.
14. Dogan B., Madaleno M., Tiwari A. K., Hammoudeh S. Impacts of export quality on environmental degradation: does income matter? // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27, № 8. P. 13735–13772. DOI: 10.1007/s11356-019-07371-5.
15. Liu H., Kim H., Liang S., Kwon O. S. Export Diversification and Ecological Footprint: A Comparative Study on EKC Theory among Korea, Japan, and China // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, № 10. DOI: 10.3390/su10103657.
16. Mania E. Export Diversification and CO₂ Emissions: An Augmented Environmental Kuznets Curve // *Journal of International Development*. 2019. Vol. 32, № 2. P. 168–185. DOI: 10.1002/jid.3441.
17. Shahzad U., Ferraz D., Doğan B., Rebelatto D. Export Product Diversification and CO₂ Emissions: Contextual evidences from Developing and Developed Economies // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 276, DOI: 10.1016/j.jclepro. 2020.124146.
18. Cui J., Lapan H., Moschini G. Productivity, Export, and Environmental Performance: Air Pollutants in the United States // *American Journal of Agricultural Economics*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 447–467. DOI: 10.1093/ajae/aav066.
19. Holladay J. Exporters and the environment // *Canadian Journal of Economics*. 2016. Vol. 49, № 1. P. 147–172. DOI: 10.1111/caje.12193.
20. Blyde J., Ramirez M. Exporting and environmental performance: Where you export matters // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2021. Vol. 31, № 5. P. 672–691. DOI: 10.1080/09638199.2021.2003424.
21. Iqbal N., Abbasi KR., Shinwari R., Guangcai W., Ahmad M., Tang K. Does exports diversification and environmental innovation achieve carbon neutrality target of OECD economies? // *Journal of Environmental Management*. 2021. Vol. 291. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.112648.
22. Toktaş Y. The impact of export diversification on CO₂ emissions: evidence from Poland // *Acta Scientiarum Polonorum — Oeconomia*. 2022. Vol. 20, № 3. P. 45–54. DOI: 10.22630/ASPE.2021.20.3.24
23. Hu G., Can M., Paramati S. R., Doğan B., Fang, J. The effect of import product diversification on carbon emissions: New evidence for sustainable economic policies // *Economic Analysis and Policy*. 2020. Vol. 65. P. 198–210. DOI: 10.1016/j.eap.2020.01.004.
24. Levin A., Lin C. F., Chu C. S.J. Unit root tests in panel data: asymptotic and finite-sample properties // *Journal of Econometrics*. 2002. Vol. 108, № 1. P. 1–24. DOI: 10.1016/s0304-4076(01)00098-7
25. Im K.S., Pesaran M. H., Shin Y. Testing for unit roots in heterogeneous panels // *Journal of Econometrics*. 2003. Vol. 115, № 1. P. 53–74. DOI: 10.1016/s0304-4076(03)00092-7.
26. Bazan G. Our Ecological Footprint: reducing human impact on the earth // *Electronic Green Journal*. 1997. Vol. 1, № 7. DOI: 10.5070/g31710273.
27. Borucke M., Moore D., Cranston G., Gracey K., Iha K., Larson J., Galli A. Accounting for demand and supply of the biosphere's regenerative capacity: The National Footprint Accounts' underlying methodology and framework // *Ecological Indicators*. 2013. Vol. 24. P. 518–533. DOI: 10.1016/j.ecolind.2012.08.005.
28. Finger JM., Kreinin ME. A Measure of 'Export Similarity' and Its Possible Uses // *The Economic Journal*. 1979. Vol. 89, № 356. P. 905–912. DOI: 10.2307/2231506.

References

1. Alhassan A, Usman O, Ike G, Asumadu Sarkodie S. Impact assessment of trade on environmental performance: accounting for the role of government integrity and economic development in 79 countries. *Heliyon*. 2020;6(9):1-10. DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e05046.
2. Gozgor G. Does trade matter for carbon emissions in OECD countries? Evidence from a new trade openness measure. *Environmental Science and Pollution Research*. 2017;24(36):27813-27821. DOI: 10.1007/s11356-017-0361-z.
3. Ling CH, Ahmed K, Binti Muhamad R, Shahbaz M. Decomposing the trade-environment nexus for Malaysia: what do the technique, scale, composition, and comparative advantage effect indicate? *Environmental Science and Pollution Research*. 2015;22(24):20131-20142. DOI: 10.1007/s11356-015-5217-9.
4. Copeland BR, Taylor MS. Trade, growth and the environment. *Journal of Economic literature*. 2004;42(1):7-71. DOI: 10.3386/w9823.
5. Copeland BR, Taylor MS. North-South Trade and the Environment. *Journal of Economic literature*. 2017;109(3):755-787. DOI: 10.4324/9781315201986-17.
6. Murshed M. An empirical re-investigation for verifying the pollution haven hypothesis concerning the foreign direct investment-carbon intensity nexus: Contextual evidence from BRICS. *Environmental Challenges*. 2023;13(58):1-13. DOI: 10.1016/j.envc.2023.100793.
7. Shen J, Liu W, Chu J. Does migration of pollution-intensive industries impact environmental efficiency? Evidence supporting “Pollution Haven Hypothesis”. *Journal of Environmental Management*. 2019;242(3):142-152. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.04.072.
8. Jiang W, Cole M, Sun J, Wang S. Innovation, carbon emissions and the pollution haven hypothesis: Climate capitalism and global re-interpretations. *Journal of Environmental Management*. 2022;307(1). DOI: 10.1016/j.jenvman.2022.114465.
9. Yang J, Guo H, Liu B, Shi R, Zhang B, Ye W. Environmental Regulation and the Pollution Haven Hypothesis: Do Environmental Regulation Measures Matter? *Journal of Cleaner Production*. 2018;202:993-1000. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.08.144.
10. Porter ME. America’s Green Strategy. *Scientific American*. 1991;264(4). DOI: 10.1038/scientificamerican0491-168.
11. Porter ME, van der Linde C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship. *Journal of Economic Perspectives*. 1995;9(4):97-118. DOI: 10.1257/jep.9.4.97.
12. Doğan B, Saboori B, Can M. Does economic complexity matter for environmental degradation? An empirical analysis for different stages of development. *Environmental Science and Pollution Research*. 2019;26(31):31900-31912. DOI: 10.1007/s11356-019-06333-1.
13. Can M, Dogan B, Saboori B. Does trade matter for environmental degradation in developing countries? New evidence in the context of export product diversification. *Environmental Science and Pollution Research*. 2020;27:14702-14710. DOI: 10.1007/s11356-020-08000-2.
14. Dogan B, Madaleno M, Tiwari AK, Hammoudeh S. Impacts of export quality on environmental degradation: does income matter? *Environmental Science and Pollution Research*. 2020;27(8):13735-13772. DOI: 10.1007/s11356-019-07371-5.
15. Liu H, Kim H, Liang S, Kwon OS. Export Diversification and Ecological Footprint: A Comparative Study on EKC Theory among Korea, Japan, and China. *Sustainability*. 2018;10(10). DOI: 10.3390/su10103657.
16. Mania E. Export Diversification and CO2 Emissions: An Augmented Environmental Kuznets Curve. *Journal of International Development*. 2019;32(2):168-185. DOI: 10.1002/jid.3441.
17. Shahzad U, Ferraz D, Doğan B, Rebelatto D. Export Product Diversification and CO2 Emissions: Contextual evidences from Developing and Developed Economies. *Journal of Cleaner Production*. 2020;276. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.124146.
18. Cui J, Lapan H, Moschini G. Productivity, Export, and Environmental Performance: Air Pollutants in the United States. *American Journal of Agricultural Economics*. 2015;98(2):447-467. DOI: 10.1093/ajae/aav066.
19. Holladay J. Exporters and the environment. *Canadian Journal of Economics*. 2016;49(1):147-172. DOI: 10.1111/caje.12193.

20. Blyde J, Ramirez M. Exporting and environmental performance: Where you export matters. *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2021;31(5):672-691. DOI: 10.1080/09638199.2021.2003424.
21. Iqbal N, Abbasi KR, Shinwari R, Guangcai W, Ahmad M, Tang K. Does exports diversification and environmental innovation achieve carbon neutrality target of OECD economies? *Journal of Environmental Management*. 2021;291. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.112648.
22. Toktaş Y. The impact of export diversification on CO2 emissions: evidence from Poland. *Acta Scientiarum Polonorum — Oeconomia*. 2022;20(3):45-54. DOI: 10.22630/ASPE.2021.20.3.24.
23. Hu G, Can M, Paramati SR, Doğan B, Fang J. The effect of import product diversification on carbon emissions: New evidence for sustainable economic policies. *Economic Analysis and Policy*. 2020;65:198-210. DOI: 10.1016/j.eap.2020.01.004.
24. Levin A, Lin CF, Chu CSJ. Unit root tests in panel data: asymptotic and finite-sample properties. *Journal of Econometrics*. 2002;108(1):1-24. DOI: 10.1016/s0304-4076(01)00098-7.
25. Im KS, Pesaran MH, Shin Y. Testing for unit roots in heterogeneous panels. *Journal of Econometrics*. 2003;115(1):53-74. DOI: 10.1016/s0304-4076(03)00092-7.
26. Bazan G. Our Ecological Footprint: reducing human impact on the earth. *Electronic Green Journal*. 1997;1(7). DOI: 10.5070/g31710273.
27. Borucke M, Moore D, Cranston G, Gracey K, Iha K, Larson J, Galli A. Accounting for demand and supply of the biosphere's regenerative capacity: The National Footprint Accounts' underlying methodology and framework. *Ecological Indicators*. 2013;24:518-533. DOI: 10.1016/j.ecolind.2012.08.005.
28. Finger JM, Kreinin ME. A Measure of 'Export Similarity' and Its Possible Uses. *The Economic Journal*. 1979;89(356):905-912. DOI: 10.2307/2231506.

Информация об авторе

Е. В. Полуесова — магистрант Института радиоэлектроники и информационных технологий — РТФ.

Information about the author

E. V. Poluesova — Master student of the Institute of Radioelectronics and Information Technology — RT F.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024;
одобрена после рецензирования 13.02.2025; при-
нята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 27.11.2024; approved
after reviewing 13.02.2025; accepted for publication
15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Original article

УДК 332.012

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-82-94

ROLE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE DEVELOPED ECONOMIES: A LITERATURE REVIEW

Rais R. Shaidullin

“TISBI” University of Management, Kazan, Tatarstan, Russia, rshaidullin24@gmail.com, 0000-0003-0630-1325

Abstract. This literature review aims to demonstrate and discuss the results of the studies on how higher education institutions affect the socio-economic development of developed countries and subnational entities. Applying integrative literature review methodology allowed the review of 28 selected papers published between 1993 and 2022, which helped to understand the state of current research and aggregate and discuss empirical evidence on the topic. This review addressed three questions: What theories, methodologies, and methods were used in their studies on the investigated topic in the period?; What were the authors’ findings?; What characteristics and peculiarities of the investigated topic were highlighted by different researchers? Based on the answers to the questions, a fresh and nuanced perspective on understanding and examining the role of the higher education institutions in the socio-economic development of the selected cases appeared, reflecting internal and external input and output-related factors causing effects, the role of the levels of analysis, and some theoretical and methodological bias. As such, this review could benefit researchers and policymakers involved in policy analysis and implementation in developed and even developing economies, as many findings are non-idiosyncratic. The findings of this review could also serve as a proto-framework for analyzing the topic in both developed and developing contexts.

Keywords: HEI, higher education institution, socio-economic development, developed economies

For citation: Shaidullin RR. Role of higher education institutions in socio-economic development of the developed economies: a literature review. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):82-94.* (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-82-94

Научная статья

РОЛЬ ВУЗОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РАЗВИТЫХ ЭКОНОМИК: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Раис Равилевич Шайдуллин

Университет управления «ТИСБИ», Казань, Татарстан, Россия, rshaidullin24@gmail.com, 0000-0003-0630-1325

Аннотация. Целью данного обзора литературы является демонстрация и обсуждение результатов исследований, посвящённых влиянию вузов на социально-экономическое развитие развитых стран и субнациональных единиц. Применение методологии интегративного литературного обзора позволило провести анализ 28 выбранных статей, опубликованных в период с 1993 по 2022 год, что помогло установить состояние текущих работ по теме, а также обобщить и обсудить эмпирические результаты. Данный обзор даёт ответы на три вопроса: 1. Какие теории, методологии и методы использовались в работах по исследуемой теме в указанный период? 2. Каковы были результаты, полученные авторами? 3. Какие общие характеристики и особенности исследуемой темы были отмечены разными исследователями? Отвечая на данные вопросы, был выработан новый, учитывающий различные особенности, взгляд на понимание и изучение роли вузов в социально-экономическом развитии выбранных кейсов, отражающий роль внутренних и внешних факторов, связанных с входными и выходными данными, определяющими наличие тех или иных эффектов, роль уровня анализа и проблемы теоретических и методологических предубеждений. Таким образом, этот обзор может быть полезен исследователям и лицам, принимающим решения, занятым анализом и реализацией политик в развитых и развивающихся экономиках, поскольку многие результаты не являются

идиосинкразическими. Результаты обзора также могут служить прото-фреймворком для анализа темы как в развитых, так и в развивающихся контекстах.

Ключевые слова: университет, вуз, социально-экономическое развитие, развитая экономика

Для цитирования: Шайдуллин Р. Р. Роль вузов в социально-экономическом развитии развитых экономик: обзор литературы // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 82-94. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-82-94

Introduction

In the modern-day economy, higher education institutions (HEI) are the pillar organizations for educating people, producing and reproducing knowledge, developing scientific research, and promoting innovation and entrepreneurship. These activities usually lead to local, subnational, or national socio-economic development. As a result, it is often taken as given that HEIs' activities would positively affect GDP and GDP per capita, employment, income growth, entrepreneurial activities, and overall human development and quality of life. However, potentiality does not equal actuality per se. As empirical reality demonstrates, different internal and external factors in the broadest sense directly related to the life of HEIs and an economic entity's socio-economic development or indirectly affecting the causes and effects through the overall socio-political environment significantly shape whether HEIs would make significant socio-economic contributions. Moreover, considering the epistemological point of view, it adds that any results on the topic are derived from the analysis based on different pre-suppositions and assumptions. Therefore, considering the topic's contextually disputed character and epistemological questions, reviewing various studies in the broadest sense and considering different circumstances becomes necessary as a triangulation mechanism and a valuable instrument for the comprehensive understanding of the state of research on the topic under examination, which is the aim of this literature review.

Data and Methodology

In this study, I reviewed the literature on the HEIs' contributions to the socio-economic development of developed countries and subnational entities, as the developing economies deserve a separate investigation. I understand developed countries and subnational entities as advanced economies, classified by the IMF¹. Regarding the topic, I consider socio-

economic contributions by HEIs through education, research and development (R&D), innovation, entrepreneurship activities, and various communication and interaction channels with individuals, business ventures, governmental institutions, and foreign actors. I exclude think tanks and research institutions to avoid misunderstandings. Also, I understand socio-economic development broadly, meaning improvements in any economic, financial, social, or political indicators at any level.

The framework of the study is the integrative literature review (ILR), as described by Lubbe et al. [1]. Accordingly, the study seeks to understand the state of current research on the role of HEIs in the socio-economic development of developed economies and aggregate and discuss findings, including different characteristics and peculiarities, to get a broad understanding of the topic. Hence, following ILR and such objectives, the study aims to give a fresh perspective on the state of research and the topic that would serve as a practical proto-framework.

The aim was reached by addressing three questions: (a) What theories, methodologies, and methods were used in the reviewed studies?; (b) What were the authors' findings?; (c) What characteristics and peculiarities were highlighted in the reviewed papers?

The papers were searched through Google Scholar. The following search strategy was applied: (a) Applying four combinations of the keywords and the search operators: (a.1) *role_of_higher_education_institution_in_”socio-economic_development”_”growth”*, (a.2) *role_of_university_in_”socio-economic_development”_”growth”*, (a.3) *higher_education_institution’s_role_in_”socio-economic_development”_”growth”*, (a.4) *university’s_role_in_”socio-economic_development”_”growth”*; (b) Selecting different types of research papers dedicated to the developed economies until data saturation (3): (b.1) research articles (RA) with empirical evidence, (b.2–3) reports (R) published by the academic staff, (b.4) literature reviews (LR) of the empirical studies, (b.5) and monographs (M), other books, or the book chapters (C), published by the members of the academic community.

¹ International Monetary Fund. World Economic Outlook Database — Groups and Aggregates Information. International Monetary Fund. 2023. Available from: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April/groups-and-aggregates> (Accessed: 01.04.2025).

Based on those filtering criteria, 28 studies on the role of HEIs in the socio-economic development of developed economies were selected. The aggregated results of these papers are described below (Table 1).

Results and Discussion

The review allowed me to answer the research questions. Key results of each reviewed article are aggregated into the table (Table 2), while the detailed explanations addressing each question are described in the subsections below.

Table 1

Studies Identified in Literature Review

Source	Type	Reference	Source	Type	Reference
Agasisti and Bertoletti, 2022	RA	[2]	Lilles and Rõigas, 2017	RA	[16]
Aghion et al., 2009	RA	[3]	Lin, 2004	RA	[17]
Beeson and Montgomery, 1993	RA	[4]	Mathews and Hu, 2007	C	[18]
Bramwell and Wolfe, 2008	RA	[5]	NTNU, 2019	R	[19]
Brown and Heaney, 1997	LR	[6]	Pastor et al., 2016	RA	[20]
Chentukov et al., 2021	RA	[7]	Schubert and Kroll, 2016	RA	[21]
Clinch, 2019	R	[8]	Shin, 2011	RA	[22]
Crawley et al., 2020	M	[9]	Stevens, 1994	R	[23]
Drucker and Goldstein, 2007	LR	[10]	Tavoletti, 2007	RA	[24]
Drucker, 2015	RA	[11]	Vaiciukevičiūtė et al., 2019	RA	[25]
Feldman and Desrochers, 2003	RA	[12]	Valero and Van Reenen, 2019	RA	[26]
Hausman, 2012	RA	[13]	Volchik et al., 2018	RA	[27]
Kelly et al., 2004	R	[14]	Wong et al., 2007	RA	[28]
Kohoutek et al., 2017	R	[15]	Zhang et al., 2017	RA	[29]

Source: compiled by an author.

Table 2

Literature Review Results

Paper	Framework	Timeframe	Case	Results
Agasisti and Bertoletti	Dynamic panel data regression with fixed and random effects	2000–17	EU/EEA	Predominantly positive in the case of R&D, education on STEM, entrepreneurship, but depend on the timeframes, HEI's size, geographical proximity, subjects, government's, business's support
Aghion et al.	Cross-state endogenous growth regression	2000s	US	Predominantly positive in the case of R&D, education, but depend on the overall education and technological advancement of the territory, political framework
Beeson and Montgomery	Cross-sectional regression with fixed and random effects	1980s	US	Mixed due to the many internal, external factors b; predominantly positive in the case of R&D, education on STEM
Bramwell and Wolfe	Qualitative sociological analysis, descriptive statistics	2007–08	Ontario	Positive, especially in the case of the tech ventures, attracting talents, but depend on the government's, business's support
Brown and Heaney	Literature review	1980s, 1990s	US	Mixed due to the many internal, external factors b, selected data, author's bias
Chentukov et al.	Explanatory-evaluative matrix, correlation, structural-logical graphs	2012–20	Globally a	Predominantly positive in the case of education and its' competitiveness, but depend on the character of the economy
Clinch	Quantitative policy analysis under the human capital model	1986, 1989, 1996, 2006, 2011–19	Maryland	Positive, based on the calculation under the human capital model

Paper	Framework	Timeframe	Case	Results
Crawley et al.	Qualitative sociological and historical analysis, descriptive statistics	2000s, 2010s	Globally a	Predominantly positive, but depend on the government's, business's support, HEI's, public norms, culture, values
Drucker	Cross-sectional regression with fixed and random effects	2001–11	US	Mixed due to many internal and external factors b; predominantly negative due to the economic environment and market over-saturation, partly positive in the case of government's, business's support, R&D, education on STEM
Drucker and Goldstein	Literature review	1990s, 2000s	US, Canada, Germany, Israel, Japan, Netherlands, Spain, UK	Predominantly positive, but depend on the selected frameworks, many internal, external factors b
Feldman and Desrochers	Qualitative sociological and historical analysis, descriptive statistics	2000s	US	Mixed due to the many internal, external factors b, level of analysis; predominantly negative due to the lack of government's, business's support, HEI's norms, culture, values
Hausman	Cross-sectional regression with fixed effects, cross-sectional, geographical, and time variations	1980s, 1990s, 2000s	US	Predominantly positive in the case of patenting, R&D, education, entrepreneurship, but depend on the geographical proximity, government's, business's support, legal framework
Kelly et al.	Leontief's input-output analysis	2003–04	UK	Positive, especially in the case of business ventures, attracting talent, tourism
Kohoutek et al.	Comparative policy analysis	2010s	Czechia, Norway	Mixed due to many internal and external factors b; predominantly negative due to legal environment, lacking systematic support, conflicting stakeholders' interests, public norms, culture, values, partly positive in the case of education
Lilles and Røigas	Regression model with ordinary least squares and region-level fixed effects	1998–08	EU/EEA	Predominantly positive in the case of R&D, education, but depend on the timeframes, foreign students, government's, business's support
Lin	Cobb-Douglas production function, cointegrating time series regression	1964–00	Taiwan	Predominantly positive in the case of education on STEM, but depend on the subjects
Mathews and Hu	Qualitative sociological and historical analysis, descriptive statistics	Post-WWII	Japan, Korea, Singapore, Taiwan	Predominantly positive, but depend on the timeframes, government's, business's support, legal, political framework
NTNU	Literature review, qualitative sociological analysis, descriptive statistics	2000s, 2010s	Norway	Predominantly positive in the case of R&D, education, but depend on the economic, technological, legal, political environment, pro-education social policies, pro-life-long education, entrepreneurship, intrapreneurship policies, government's, business's support, public norms, culture, values
Pastor et al.	Counterfactual scenarios, Solow's growth accounting	1989–10	Spain	Positive, especially in the case of the tech capital, in the case of the human capital to a lesser extent

Paper	Framework	Timeframe	Case	Results
Schubert and Kroll	Panel data regression with fixed effects	2000–11	Germany	Predominantly positive in the case of R&D, education on some STEM subjects, but depend on the timeframes, geographical proximity, subjects, government's, business's support
Shin	Qualitative sociological and historical analysis, descriptive statistics	Post-WWII	Korea	Predominantly positive in the case of R&D, education, but depend on the economic, political environment, policies in support of public and private secondary and tertiary education, pro-education social policies, government's, business's support, public norms, culture, values
Stevens	Quantitative policy analysis under the skill-based approach	1980s, 1990s	Maryland	Positive, based on the calculation under the skill-based approach
Tavoletti	Keynesian multiplier, Cooke & Huggins's expenditure and knowledge impact models qualitative policy analysis	1994–95; 2000–01	Wales	Positive, especially in the case of education on STEM, journalism, media, culture, R&D, but depend on the economic environment, policies in support of tertiary education, pro-education social policies, government's, business's support
Vaiciukevičiūtė et al.	Leontief's input-output analysis	2010–16	Lithuania	Positive, especially in the case of education, R&D, but depend on the HEI's size, geographical proximity
Valero, and Van Reenen	Cross-sectional regression with fixed effects	1950–10	Globally a	Predominantly positive in the case of HEIs' expenditures, number of students, academic staff, but depend on the geographical proximity, government's, business's support
Volchik et al.	Backward stepwise regression, modified Mincer earning function	1990–17	Germany	Predominantly positive in the case of education (years spent in HEI), but depend on people's professional background, gender, economic and socio-political environment, migrant integration and social cohesion, policies in support of tertiary education, HEI's, public norms, culture, values
Wong et al.	Qualitative sociological and historical analysis, descriptive statistics	1960–00s	Singapore	Positive, especially in the case of education, R&D, attracting talent, but depend on the economic environment, government's, business's support
Zhang et al.	Leontief's input-output analysis	2010–11, other periods	Ireland	Positive, especially in the case of universities v. technical institutions

Source: Compiled by an author.

^a Studies analyzing international contexts predominantly focusing on the developed economies were selected.

^b By external and internal factors it is possible to consider external economic, social, political, cultural, behavioral, geographical, cultural, policy factors.

Theory and Methodology

The dominant theoretical paradigms in the reviewed papers were the institutionalist, Keynesian, and neoclassical paradigms. The main frameworks the authors used in the reviewed studies include the knowledge-based economy, which prioritizes education, science, and entrepreneurship as the leading socio-economic development factors, and sustainable economic development theory, prioritizing long-run

growth over short-run profits. In other studies, some authors, in a neoclassical way, focused only on tangible earnings from production, ignoring broader social, political, cultural, and other implications. Going down to the lower level theories, the virtuous cycle, where the chain of positive effects reinforces itself in a loop [30], as well as the triple helix model on interactions between academia, governments, and business ventures [31], through which HEIs contribute to

the socio-economic development via communication and collaboration channels and investments, became dominant theories. Authors usually utilized such theories to their full capacity or partly while considering HEIs' education, R&D, entrepreneurship activities, and socio-economic development performance indicators of the selected localities, regions, or countries, as described below. It allowed to shed light on the broader context of the relations between HEIs and other actors and to understand what necessary and sufficient internal and external factors to consider while initiating policy changes related to the topic or analyzing the role of HEIs in socio-economic development.

While considering the methodical aspect, the reviewed papers demonstrated that the authors use quantitative and qualitative methods, while the former are prevalent. Besides general scientific methods, such as document analysis or descriptive statistics, the authors applied quantitative methods, such as statistical analysis and calculation-based models, while qualitative methods included historical and sociological institutionalisms.

Starting with quantitative methods, papers where authors applied statistical analysis predominantly used regression modeling to understand how HEI-related activities affected socio-economic development, while, in some cases, authors tailored their methodologies to allow them to use correlations. Most authors used cross-sectional and, if possible, static or dynamic panel data regression models with fixed or, less frequently, random effects. Some authors used counterfactuals, time series models, and backward stepwise regression. The main models used were the Solow growth model, Cobb-Douglas function, Mincer's earning, and Keynesian multiplier. The application of such models allowed the authors to indicate several characteristics of the reviewed studies.

First, it is worth mentioning that the authors utilizing regression and correlation models tried to apprehend the broader socio-economic effects of HEIs' activities. In contrast, other authors either focused on financial effects, which do not broadly demonstrate socio-economic change *per se*, or examined the perception or opinion on the topic, which *ipso facto* is part of economic sociology serving a different set of goals. So, in the former case of statistical modeling, the studies allowed to examine the character, direction, and significance of education, R&D, innovation, and entrepreneurship activities' socio-economic effects while also analyzing financial data. Moreover, considering different social, political, cultural, legal,

and broader macroeconomic factors and examining geographical, agglomeration, and some demographic effects shed light on various dimensions and aspects of the topic, which contributed to the more comprehensive analysis and filling research gaps. Also, applying econometric models as a Keynesian multiplier (including Cooke & Huggins's and other reviewed authors' frameworks) helped to calculate and assess negative effects, while Solow's (including Cobb-Douglas) and Mincer's models, focusing on HEIs' production activities and salary outputs as a result of education and work experience, let framing and articulating the research to receive measurable outputs. Nonetheless, the review also allowed to find some challenges in the case of regression and correlation analysis studies.

To begin with, the application of such models in reviewed papers demonstrated that building panel data regression models with fixed effects is a challenging task even for advanced economies where more data is often available. The reviewed studies showed that cause, effect, and control data were scarce and inconsistent over the years. Hence, the reduced-form regression models prevailed over structural models, even if some authors tried to build structural models. Paraphrasing it, the reviewed authors indicated threshold-level effects of individual aspects while examining the role of HEIs in socio-economic development, as a whole, was found to be a metric black hole: backward stepwise regression allowed narrowing down variable options, but some aspects remained ignored; time series models, including cointegration cases, shed light on data from one unit over a more extensive period and other units were ignored; cross-sectional regression allowed to understand cross-sectoral, geographical and other effects, but such models focused on fixed time points, while analyzed effects' long-run impact could have been more reasonable; and developing counterfactual scenarios allowed to calculate socio-economic impact but the model was a hypothetical scenario with various strong assumptions.

The second point of concern is related to statistical testing. While most reviewed studies predominantly demonstrated credible results based on coherent analysis with different validation techniques, some reviewed papers with panel data regression models used confidence intervals and p-values of 90 % and .1, respectively, which could lead to Type I or II errors. Also, in the case of cross-sectional regression models, as was briefly mentioned above, ignoring temporal limitations was found to be frequent. However, considering the evolving debate on p-value and other statistical indicators [32], in the case of the reviewed studies, such criticism could be partly overturned

by indicating that the p-value and other statistical indicators are usually not interpreted on a groundless basis. On the contrary, arguably, a phenomenon when the authors engage in p-hacking and provide publicly accessible yet false results shall be under more serious scrutiny.

Thirdly, while focusing on correlations (without excluding regressions), there are concerns related to conscious and unconscious bias and distortions. The problem appears more acute in the cases of correlations, as, in such studies, the reviewed authors only test the strength of the relationship between two variables. Thus, it becomes unclear whether HEIs lead to socio-economic development or vice versa. This question becomes significant as the connection between HEI activities and an examined entity's socio-economic development is often within the "virtuous" cycle framework discussed above. However, this concern is fixable by developing models with specific statistical techniques and tests: e. g., lagging regressors by a year.

Besides the above-mentioned advanced statistical analysis, some authors used calculative models, such as Leontief's input-output models, and different economic base modes, such as economic, skill-based, and human capital approaches. On the one hand, these calculative models allowed authors to obtain more precise results than in studies with complex statistical methodology, as the reviewed calculative studies predominantly reflected changes in financial outputs based on the existing less scarce financial data. On the other hand, such calculative models had several downsides, the most noteworthy of which was disregarding or diminishing the case of lacking impact or negative impacts, even though the evidence for such occurrences was substantial in various reviewed papers. Furthermore, the features of economic base models allowed not only to shadow insignificant or negative effects but arguably also to overestimate positive effects, as the results were unusually idealistic, which even more seriously raised questions related to reviewed authors' bias and distortions. The input-output models became a solution to some extent, as the matrices focused on sectoral interdependencies, allowing exploration of the role of the higher education sector (or individual HEIs) in other economic sectors in a more mathematically and statistically rigorous way while permitting testing possibilities of different outcomes: strong and weak, overall and sectoral. Yet, the narrowness of the method's application remains a problem in such models, as many HEIs' contributions to socio-economic development would be omitted, even if such matrices

were used. By developing more complex models and frameworks applying "heavier" statistical analysis, it is possible to solve many of the problems of the calculative methods ad hoc for the studies on the role of HEIs in socio-economic development. Besides, arguably, the historical and sociological institutionalist analysis could partly serve as a solution.

Excluding rational choice institutionalism, which is relatively well demonstrated in statistical and calculative studies, historical and sociological institutionalisms played noteworthy roles in the studies on the topic as path dependency and critical juncture concepts, in the former case, and considering social norms, macroeconomic conditioning, socio-political and cultural framework, in the latter one, significantly contributed to shedding light on different uneasily quantifiable institutional characteristics and peculiarities. Applying methods of historical analysis and narratives in historical institutionalism, as well as surveys, interviews, and observations in sociological institutionalist studies, the reviewed authors shed light on understanding how characteristics and peculiarities of formal and informal institutions and norms, including laws, customs, macroeconomic context, and social, political, and cultural traits, shaped the role of HEIs in the socio-economic development of the developed economies and how changes in such institutions and norms affected HEIs' performance. In particular, the reviewed papers revealed the effects of formal and informal goals and purposes of the higher education facilities and governments, relevant economic and policy distinctions of "old" developed economies and new economic "tigers," effects of the macroeconomic periods and trends such as recession and growth, differences in more and less democratic political regimes, and the role of social and cultural aspects such as social norms related to competitiveness, and valuing education or innovation in the society. However, following Thelen's [33] argumentation, it is possible to critique such approaches as overly deterministic. When explaining different traits through systemic embeddedness, the authors could use it as an instrument of *a posteriori* justification of certain HEIs' performance. As another option, the reviewed authors' application of such methods could create a perception of making any positive changes as unrealistic and phantom, even though, as many authors demonstrated, it is also false. Besides determinism, a point of criticism is made of the fact that the authors were usually analyzing significantly more value-laden data. In turn, it could exacerbate the problem of bias and distortions: spreading authors' views and values, cherry-picking data and periods of analysis, etc. Separately, review-

ing such papers made it challenging to differentiate between the results measuring the socio-economic effects of HEIs' activities *per se* and the surveyed or interviewed people's views on the topic. Finally, not paying enough attention to the financial and quantitative economic dimensions is a point of critique. Thus, similarly to other methodologies, the room for improvement remains expansive. It is possible, as an option, to address the issues by applying calculative or statistical econometric models, focusing on the aspects that remained shadowed.

Characteristics and Peculiarities

The results were more positive than negative in most reviewed studies on the role of HEIs in the socio-economic development of developed economies. The authors fully or partially applied the triple helix model, which in some cases enabled a virtuous cycle between education and socio-economic development. However, as demonstrated, the impact and its strength vary significantly. Such variations were conditioned by several research design characteristics of the reviewed studies: theoretical and methodological foundations, timeframes, levels of analysis, contextual factors, and the selected data.

To begin with theoretical and methodological foundations, this review allowed to find particularly positive results in the studies under the neoclassical paradigm and rational choice institutionalism, where authors focused on analyzing how financial activities or educational, R&D-related, and innovational and entrepreneurial efforts affected economic growth in monetary terms or any other narrow sense (i.e., employment, incomes, GDP, financial interdependence) when applying calculative methods. On the contrary, Keynesian or historical and sociological institutionalist mixed-method statistical and qualitative models revealed mixed results demonstrating nuanced and non-positive effects that were identifiable by considering both communication and interaction effects within the triple helix model, analyzing socio-political, cultural, legal, and other aspects that promoted in some instances not a virtuous cycle, but rather a vicious cycle. Such findings of this review reaffirmed the weaknesses of calculative models without advanced statistical tests: bias and distortions, omission of different aspects and effects.

Another one of the most significant findings in this review was about the timeframes. When the authors tested HEIs' socio-economic effects in shorter periods, the positive effects were usually weaker or non-existent. On the contrary, extending tempo-

ral limitations allowed the reviewed authors to detect some positive effects while keeping methodological rigorosity. Some of the reviewed authors, applying "heavy" statistical modeling or qualitative institutionalist analysis, found that extending the period of testing HEI-related socio-economic effects to several years (i.e., 3–5 year effects of individual HEIs' activities) or even decades (i.e., postwar studies, contemplating policy changes) enables more complex understanding of HEIs' socio-economic impact, as it allows exploration of different outcomes, that remain untraceable if shorter periods were taken (i.e., the same year or less than a year gap). Thus, the findings of this review confirm the widely discussed point in the literature on delayed positive effects and the long-run impact of higher education facilities and their activities, especially in the case of education and R&D activities or financial investments.

Considering the levels of analysis, it was possible to find exclusively positive results with different effect sizes in the large-n cross-national studies, while moving down the ladder of abstraction and generalization allowed to obtain mixed results in the studies at the national level and even find negative HEIs' effects on socio-economic development at the subnational and local levels. This pattern was found in the reviewed studies under various theoretical and methodological foundations. Thus, it became possible to note that, *ceteris paribus*, the higher the level of abstraction and generalization, the fewer non-positive effects could be detected, while effect sizes would not vary significantly. It demonstrates scarcity in cross-national data and the limitations of contemporary analytical models, as the cross-national models neither have the necessary nor sufficient inputs to comprehensively assess HEIs' role in socio-economic development (while local, subnational, and sometimes national-level case studies can do so), nor such models can thin-slice available data. Arguably, such differences remind us of the Sartorian rule that the analysis and application of the theoretical or methodological basis must be suitable for a certain level of abstraction.

Moreover, the economic context was essential for analysis and interpretation purposes: Its' health, structure, advancement, and geographical factors were demonstrated as the most significant characteristics. A few authors, applying different theories and methods, found that recessions significantly negatively impact the role of HEIs in socio-economic development. If a recessionary period continued for an extensive period or an economy had no prominent high-skill sectors, it would usually lead to shortages in financing HEIs' R&D and innovation and

entrepreneurship activities. Furthermore, some educated graduates would remain unemployed, creating unusual conditions where HEIs negatively affect socio-economic development. In contrast, discussing positive effects, the structure of the economy and the HEI-government relations demonstrated that in the case of a state-coordinated market economy, financial support and favorable policy and legal regulations for education, R&D, and entrepreneurship are detrimental to HEIs' socio-economic impact performance (i.e., state support for education, publications, patents, and licenses), while the role of private business was more significant in more market-driven economies. Besides such a notion, the state of investment climate, including the international attractiveness of the entity's economy and higher education sector, were also found to be prominent contextual elements shaping the positive results. Finally, various other economic contexts positively affected HEIs' socio-economic impact: availability of knowledge-intensive sectors and industries, especially the digital technology sector, high-quality human capital, especially in the case of the workforce, stable growing local consumption and a stable real estate market, especially in the case of renting, substantial international economic contacts, trade indicators' performance, and high urbanization with various prominent agglomerations.

Discussing socio-political context, various reviewed authors who conducted their studies under different theoretical frameworks and methodologies stressed the importance of various institutional, cultural, and regime-related factors. At first, the culture of pluralism and acceptance in society was found as a significant positive context. While considering it, different authors implied different ideas behind it: academic pluralism and freedoms, general tolerance to the diversity of ideas and people of diverse backgrounds, and pro-female employment and anti-discrimination policies in academia and education. Also, accepting migrants and introducing effective policies for their integration and socialization were identified as substantial positive social and policy contexts. Continuing with policy and legal context, a few authors highlighted that global cooperation and abidance by international standards and laws were significant elements of a positive context. However, establishing a legal and policy framework to allow HEIs, scholars, and students to actively engage in R&D, entrepreneurship, and intrapreneurship and protect their intellectual rights, even if the public bodies fund such R&D, was found to be even more substantial, as mentioned in several statistical and institutionalist reviewed papers. Finally, some institutionalist authors

paid attention to social norms, cultural values, and behavior of individuals in different societies: the high value of education, including life-learning education, the culture of competitiveness, and entrepreneurial and intrapreneurial values among the workforce were particularly influential "boosters" for turning HEIs into valuable socio-economic contributors. Also, the alignment of pro-innovation goals within HEIs and between HEIs, governments, and businesses were positively associated with higher socio-economic impact from HEIs' activities.

Most reviewed papers with different theoretical and methodological foundations also emphasized that regular and stable formal and informal communication and interaction are needed within HEIs and between them and other actors, as their intensity and broadness are among the most significant factors leading to HEIs' high socio-economic impact. A few authors mentioned that interdisciplinary research, innovation, and deliberation about aligning commonly shared visions, goals, and objectives between various departments, academic staff, students, and management led to better socio-economic effects of the HEIs' activities. Meanwhile, the triple-helix model-based regular and stable interactions were significant contextual traits in most reviewed studies, as governments and businesses were repeatedly demonstrated in the papers as the bodies determining HEIs' socio-economic success through funding and shaping legal and policy framework. Discussing the triple-helix model even more, several authors stated that communication and interaction between HEIs and the think tanks, research centers, and institutes must not be diminished in this context, while some other reviewed authors cautioned readers from interpreting such communication and interactions only at the local levels, as the national and international cooperation and interactions frameworks were particularly valuable contexts in many reviewed cases. Thus, the contextual factors demonstrated the importance of exogenous and endogenous factors of the various micro and macro contexts and reaffirmed the high relevance of institutionalism and behavioral approach, considering many non-financial aspects as prominent characteristics affecting HEIs' role in socio-economic development.

By moving to the findings on selected data, as mentioned before, it is possible to identify that purely financial data was associated with calculative methods and positive results. Discussing HEIs' activities, the R&D, innovation, and entrepreneurship-related data predominantly revealed positive results likewise, while most such papers were conducted under

statistical or institutionalist frameworks, maintaining theoretical and methodological rigorousness. On the contrary, the data related to education activities was more ambiguous. The reviewed authors often selected data on publications and patents for R&D, and some authors used various other indicators for examining innovation and entrepreneurship-related activities: citations, mentions, licenses, invention disclosures, global ranking performances, spinoff enterprises' activities, local, national, and international cooperation, collaborative projects with private ventures, and interdisciplinary research activities. Usually, data units on such variables are available for extensive periods within the same datasets under the same theoretical and methodological basis. Also, they are more rigorous in terms of conceptualizability and operationalizability, which arguably led to more positive effects in the case of such variables. At the same time, in the case of education activities, the most frequently used explanatory variables were graduation degree, years of studying in HEIs, and the role of different subjects in socio-economic contributions. Such variables are not so often available for the cases under scrutiny over a long period, usually leading to conducting shorter-term studies that could have potentially overlooked some long-run positive effects. Moreover, education-related activities are vaguer and contain contextually disputed definitions, which arguably could have affected more ambiguous performance. Besides the most frequent three, some authors also used a few other variables, which also could be critiqued for the same reasons: admission criteria, student performance, student-per-faculty member ratio, information on education approaches, interdisciplinarity, academic ranking, exchange programs, curriculum, and availability of soft skills, entrepreneurial, and intrapreneurial training.

Considering the selected data in more detail, this review also allowed to find other distinct characteristics and peculiarities. In the case of publications with predominantly positive effects, the authors usually used data exclusively from publications in internationally recognized repositories (i.e., Scopus and WoS). Furthermore, in such studies, patenting, licensing, and other innovation, entrepreneurial, and cooperation-related activities were usually measured in monetary terms. In other words, the reviewed papers often ignored publications outside these repositories and entrepreneurial activities without monetary returns. Similarly, concerning precisely quantifiable education-related graduation degree information, such as years in HEIs and other rarely used variables, the reviewed papers

also demonstrated predominantly positive mixed results, while a considerable amount of ambiguous results were on education subject-related aspects. Multiple authors claimed that positive effects were found exclusively or predominantly in the case of STEM disciplines, and some other scholars found that some other disciplines could benefit socio-economic development due to their prestige, attractiveness in certain academic institutions for outsiders, and various policies supporting studying activities: medicine, journalism, media and communication, cultural studies, and arts and social sciences. Finally, some authors applying statistical methods found that secondary professional education could benefit socio-economic advancement more than higher education in STEM subjects if the economic context is troublesome, demonstrating that the problem of contextual dependence is substantial in the case of education activities, besides the temporal and concept-related issues.

In the case of the response variables, in the quantitative and partly qualitative studies, the most frequently used were GDP and GDP per capita, employment, and income, followed by ROI and human capital data. Besides, some authors utilized tech capital or local innovation data, start-up ventures and entrepreneurship reports, immigration data, and closing the gap in economic disparities. Among the qualitative traits, a few scholars noted the effects of HEIs' activities on democracy, tolerance, and inclusiveness, as well as their contribution to the societal culture of innovation, general attractiveness, and tourism. Thus, similar to explanatory variables, the problems of lacking data for an extended period, conceptualization, and operationalization were found in the case of qualitative data, which empirically favored applying quantifiable data more often.

Proto-Framework

Based on the results of this literature review, it became possible to introduce a proto-framework reflecting a fresh perspective on the role of HEIs in socio-economic development (Figure 1). According to the results, it would be wise to use statistical regression modeling with various calculative econometric models and theories and sociological and historical institutionalist examinations while following five steps: (1) While working on a research design, focus on the theoretical and methodological foundations, case to study, level of abstraction and generalization, and the timeframes; (2) Include primary and secondary quantifiable and unquantifiable data on various activities of HEIs (HEI box), their relations with

other actors (punctuated lines), and socio-economic development (SED box) and various economic and socio-political contexts for controls and explanations (context figures); (3) While analyzing, build models of causes and effects with control variables (continuous line between HEI box and SED box), and test spillover effects within the agglomeration area, region, or another geographic area, if necessary (punctuated line between HEI and SED); (4) Analyze and use data on communication and interaction data either as a discount factor or interpretation purposes (punctuated lines from HEI box to other institutions in circles); (5) Utilize qualitative data and qualitative historical or sociological institutionalist analysis for interpretation, validation, and triangulation.

Conclusion

Thus, considering a three-decade-long timeframe demonstrated expanded complexity in the studies of the topic from purely calculative to institutional qualitative and advanced statistical studies that revealed predominantly mixed findings. Even though the role of HEIs in socio-economic development was found to be more positive than negative, its assertive conditionality was demonstrated: selected theories, methodologies, timeframes, levels of analysis, contexts, data, and interpretations by authors were found to be significant determinants shaping the authors' assessment. The lack of data, especially at the higher levels of generalization, also showed that the topic could be a metric black hole, as any precise measurements are impossible because the HEIs' impacts, including many direct

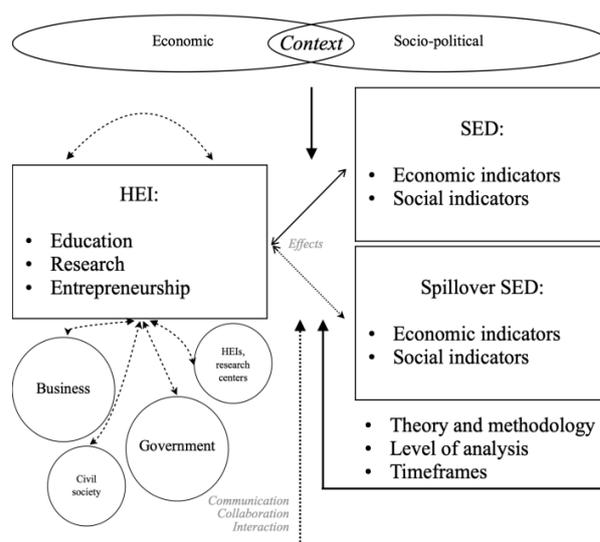

Fig. 1. Model of an Analytical Framework

Source: Compiled by an author.

Abbreviation: SED = Socio-Economic Development

and indirect ones, and socio-economic development are contextually disputed terms. However, the papers demonstrated that the threshold-level impact is adequately measurable: in the case studies and comparative small-n studies, the long-term available data allows analysis on the topic at a certain level of depth, while in large-n studies, it could allow one to grasp the general changes and trends on a large scale. However, developing more advanced data mining and thin-slicing analytical methods and introducing more statistical techniques and institutionalist explanations appear to be needed. Yet, these matters are essential prospects for future research.

References

1. Lubbe W, ten Ham-Baloyi W, Smit K. The Integrative Literature Review as a Research Method: A Demonstration Review of Research on Neurodevelopmental Supportive Care in Preterm Infants. *Journal of Neonatal Nursing*. 2020;26(6):308-15. DOI: 10.1016/j.jnn.2020.04.006.
2. Agasisti T, Bertolotti A. Higher Education and Economic Growth: A Longitudinal Study of European Regions 2000–2017. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2022; 81:100940. DOI: 10.1016/j.seps.2020.100940.
3. Aghion P, Boustan L, Hoxby C, Vandenbussche J. The Causal Impact of Education on Economic Growth: Evidence from U. S. Harvard University; 2009 Mar. Available from: <https://scholar.harvard.edu/aghion/publications/causal-impact-education-economic-growth-evidence-us>
4. Beeson P, Montgomery E. The Effects of Colleges and Universities on Local Labor Markets. *Review of Economics and Statistics*. 1993; 75(4):753-61. DOI: 10.3386/w3280.
5. Bramwell A, Wolfe DA. Universities and Regional Economic Development: The Entrepreneurial University of Waterloo. *Research Policy*. 2008; 37(8):1175-87. DOI: 10.1016/j.respol.2008.04.016.
6. Brown KH, Heaney MT. A Note on Measuring the Economic Impact of Institutions of Higher Education. *Research in Higher Education*. 1997; 38(2):229-40. DOI: 10.1023/a:1024937821040.
7. Chentukov Y, Omelchenko V, Zakharova O, Nikolenko T. Assessing the Impact of Higher Education Competitiveness on the Level of Socio-Economic Development of a Country. *Problems and Perspectives in Management*. 2022;19(2):370-83. Available from: DOI: 10.21511/ppm.19(2).2021.30.

8. Clinch R. *The Economic Impact of the University System of Maryland: the Human Capital, Investment and Fiscal Analysis*. Baltimore: University of Maryland; 2019. 62 p.
9. Crawley EF, Hegarty J, Edström K, Sanchez JCG. *Universities as Engines of Economic Development*. 1st ed. Cham, Switzerland: Springer; 2020. 312 p. DOI: 10.1007/978-3-030-47549-9.
10. Drucker J, Goldstein H. Assessing the Regional Economic Development Impacts of Universities: A Review of Current Approaches. *International Regional Science Review*. 2007;30(1):20-46. DOI: 10.1177/0160017606296731.
11. Drucker J. Reconsidering the Regional Economic Development Impacts of Higher Education Institutions in the United States. *Regional Studies*. 2015;50(7):1185-202. DOI: 10.1080/00343404.2014.986083.
12. Feldman MP, Desrochers P. Research Universities and Local Economic Development: Lessons from the History of the Johns Hopkins University. *Industry and Innovation*. 2003;10(1):5-24. DOI: 10.1080/1366271032000068078.
13. Hausman N. *University Innovation, Local Economic Growth, and Entrepreneurship*. US Census Bureau Center for Economic Studies; 2012. 48 p. DOI: 10.2139/ssrn.2097842.
14. Kelly U, McNicoll I, McLennan D. *The Economic Impact of UK Higher Education Institutions*. London: University of Strathclyde; 2004. 36 p.
15. Kohoutek J, Pinheiro R, Čábelková I, Šmídová M. The Role of Higher Education in the Socio-Economic Development of Peripheral Regions. *Higher Education Policy*. 2017;30:401-3. DOI: 10.1057/s41307-017-0068-2.
16. Lilles A, Rõigas K. How Higher Education Institutions Contribute to the Growth in Regions of Europe? *Studies in Higher Education*. 2015;42(1):65-78. DOI: 10.1080/03075079.2015.1034264.
17. Lin T. The Role of Higher Education in Economic Development: An Empirical Study of Taiwan Case. *Journal of Asian Economics*. 2004;15(2):355-71. DOI: 10.1016/j.asieco.2004.02.006.
18. Mathews Hu. *How Universities Promote Economic Growth*. Washington DC: The World Bank; 2007;91-110.
19. Kaloudis A. *How Universities Contribute to Innovation: A Literature Review-based Analysis*. Trondheim: Norwegian University of Science and Technology; 2019; 142 p.
20. Pastor JM, Peraita C, Pérez F. Estimating the long-term economic impacts of Spanish universities on the national economy. *Papers in Regional Science*. 2016;95(4):673-93. DOI: 10.1111/pirs.12157.
21. Schubert T, Kroll H. Universities' Effects on Regional GDP and Unemployment: The Case of Germany. *Papers in Regional Science*. 2016;95(3):467-90. DOI: 10.1111/pirs.12150
22. Shin JC. Higher Education Development in Korea: Western University Ideas, Confucian Tradition, and Economic Development. *Higher Education*. 2011;64(1):59-72. DOI: 10.1007/s10734-011-9480-5
23. Stevens DW. *The Smart Investment: The Economic Value of the University of Maryland System*. Baltimore: University of Baltimore; 1994.
24. Tavoletti E. Assessing the Regional Economic Impact of Higher Education Institutions: An Application to the University of Cardiff. *Transition Studies Review*. 2007;14(3):507-22. DOI: 10.1007/s11300-007-0157-9.
25. Vaiciukevičiūtė A, Stankevičienė J, Bratčikovienė N. Higher Education Institutions' Impact on the Economy. *Journal of Business Economics and Management*. 2019;20(3):507-25. DOI: 10.3846/jbem.2019.10156.
26. Valero A, Van Reenen J. The Economic Impact of Universities: Evidence from Across the Globe. *Economics of Education Review*. 2019;68:53-67. DOI: 10.1016/j.econedurev.2018.09.001.
27. Volchik V, Oganessian A, Olejarz T. Higher Education as a Factor of Socio-economic Performance and Development. *Journal of International Studies*. 2018; 11(4):326-40. DOI:10.14254/2071-8330.2018/11-4/23.
28. Wong PK, Ho Y, Singh AP. Towards an "Entrepreneurial University" Model to Support Knowledge-Based Economic Development: the Case of the National University of Singapore. *World Development*. 2007;35(6):941-58. DOI: 10.1016/j.worlddev.2006.05.007.
29. Zhang Q, Larkin C, Lucey BM. The Economic Impact of Higher Education Institutions. *Springer*. 2017;199-219. DOI: 10.1007/978-3-319-48553-9_8.
30. Perry G. *Poverty Reduction and Growth: Virtuous and Vicious Circles*. Washington DC: The World Bank; 2006. 242 p.
31. Etzkowitz H, Leydesdorff L. The Triple Helix — University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-based Economic Development. *EASST Review*. 1995;14(1):9-14.
32. Amrhein V, Greenland S, McShane B. Scientists Rise up Against Statistical Significance. *Nature*. 2019; 567(7748):305-7. DOI: 10.1038/d41586-019-00857-9.

33. Thelen K. Institutional Change in Advanced Political Economies. *British Journal of Industrial Relations*. 2009 Sep; 47(3):471-98. DOI: 10.1111/j.1467-8543.2009.00746.x.

Information about the author

R. Shaidullin — Postgraduate Student, Faculty of Economics.

Информация об авторе

Р. Р. Шайдуллин — аспирант факультета экономики.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 95-108.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):95-108.

Научная статья

УДК 338.246.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-95-108

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Евгений Васильевич Попов¹, Оксана Викторовна Комарова²✉,
Анастасия Ивановна Гутина³

¹ Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, erorov@mail.ru, 0000-0002-5513-5020

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, okkomarova@yandex.ru, 0000-0001-6145-2631

³ Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, alomanas01@gmail.com, 0009-0003-7494-803X

Аннотация. В современном мире социальные медиа оказывают значительное влияние на различные сферы общества, позволяя расширять аудиторию и обеспечивая населению доступность зрелищных спортивных мероприятий. Использование инструментов социальных медиа при организации и проведении спортивных мероприятий позволяет не только информировать публику о предстоящих мероприятиях, но и активно взаимодействовать с участниками, спонсорами и зрителями. В связи с этим оценка эффективности социальных медиа в организации региональных спортивных мероприятий представляет собой важную задачу для специалистов в области маркетинга и управления событиями. Цель исследования — разработать методический подход к оценке эффективности инструментов социальных медиа при организации спортивных мероприятий. Экономическая оценка использования инструментов социальных медиа разработана на основе выявления специфических инструментов социальных медиа, используемых при организации и проведении спортивных мероприятий, и включает как показатели оценки отдельных инструментов, так и интегральную оценку всего комплекса используемых инструментов. Разработанная авторами система показателей, позволяет дать монетарную оценку использованию инструментов социальных медиа при проведении спортивных мероприятий региона. Апробация методики проведена на примере спортивных мероприятий Свердловской области в 2024 г. Предложенная методика позволит не только оценить, насколько успешно социальные медиа способствуют достижению целей спортивных мероприятий региона, но и выявить факторы дальнейшего повышения эффективности инструментов социальных медиа.

Ключевые слова: социальные медиа, региональные спортивные мероприятия, вовлеченность аудитории, оценка воздействия, маркетинг спортивных мероприятий, эффективность

Финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 24-18-20036, <https://rscf.ru/project/24-18-20036/>

Для цитирования: Попов Е. В., Комарова О. В., Гутина А. И. Оценка эффективности социальных медиа в организации региональных спортивных мероприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 95-108. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-95-108

Original article

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL MEDIA IN ORGANIZING REGIONAL SPORTS EVENTS

Evgeniy V. Popov¹, Oxana V. Komarova²✉, Anastasia I. Gutina³

¹ Ural Institute of Management RANEPА, Yekaterinburg, Russia, epopov@mail.ru, 0000-0002-5513-5020

² Ural State Economic University, Ural Institute of Management RANEPА, Yekaterinburg, Russia, okkomarova@yandex.ru, 0000-0001-6145-2631

³ Ural Institute of Management RANEPА, Yekaterinburg, Russia, alomanas01@gmail.com, 0009-0003-7494-803X

Abstract. In the modern world, social media have a significant impact on various spheres of society, allowing to expand the audience and providing the population with access to spectacular sporting events. The use of social media tools in organizing and holding sporting events allows not only to inform the public about upcoming events, but also to actively interact with participants, sponsors and spectators. In this regard, assessing the effectiveness of social media in organizing regional sporting events is an important task for specialists in the field of marketing and event management. The purpose of the study is to develop a methodological approach to assessing the effectiveness of social media tools in organizing sporting events. The economic assessment of the use of social media tools is developed on the basis of identifying specific social media tools used in organizing and holding sporting events, and includes both indicators for assessing individual tools and an integrated assessment of the entire complex of tools used. The system of indicators developed by the authors allows for a monetary assessment of the use of social media tools in holding regional sporting events. The methodology was tested on the example of sporting events in the Sverdlovsk region in 2024. The proposed methodology will not only assess how successfully social media contribute to achieving the goals of regional sporting events, but also identify factors for further increasing the effectiveness of social media tools.

Keywords: social media, regional sports events, audience engagement, impact assessment, sports event marketing, efficiency

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 24-18-20036, <https://rscf.ru/project/24-18-20036/>

For citation: Popov EV, Komarova OV, Gutina AI. Evaluation of the effectiveness of social media in organizing regional sports events. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):95-108. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-95-108

Введение

Оценка эффективности социальных медиа в организации региональных спортивных мероприятий представляет собой важную задачу для специалистов в области маркетинга и управления событиями. Понимание того, как различные платформы могут быть использованы для повышения вовлеченности аудитории, привлечения новых участников и формирования положительного имиджа мероприятия, открывает новые горизонты для успешной реализации спортивных проектов. А в условиях растущей конкуренции за внимание аудитории эффективное использование социальных медиа становится необходимым условием для успешного проведения спортивных мероприятий на региональном уровне (М. Н. Данилова [1], И. М. Дзялошинский [2], И. А. Фирсова, С. Л. Балова [3]).

Актуальность темы исследования подтверждает активное использование социальных медиа как информационного ресурса, что отмечается в исследованиях А. А. Галкина, В. С. Размётова,

Д. Ю. Гурского [4], А.-Дж. Томпсон, А. Дж. Мартина, С. Джи, А. Н. Иглман [5], не только на уровне формирования коммуникаций в обществе, но в экономических стратегиях бизнеса. Широкий набор функций социальных медиа и их разнообразие позволяют формировать не только интересный контент и обеспечивать охват разнородной аудитории, но и использовать свойства социальных медиа в маркетинговых целях и экономических взаимодействиях, образуя специфическую цифровую платформу для контактов и перетока ресурсов, товаров и услуг от производителей к потребителям.

Несмотря на уже сложившееся понимание социальных медиа в экономическом контексте, представленное в исследованиях О. Н. Левшиной [6], Е. В. Попова, О. В. Комаровой, В. Л. Симоновой [7], проблема оценки их экономической эффективности остаётся актуальной. Подтверждением данного тезиса являются немногочисленные исследования по вопросам оценки эффективности использования социальных медиа в хозяйственной

деятельности. Особое место в оценке использования социальных медиа занимают отношения с органами власти в сфере проведения спортивных мероприятий, что и определило цель исследования — на основе анализа теоретических подходов и эмпирических исследований разработать методический подход к оценке эффективности использования социальных медиа при проведении региональных спортивных мероприятий.

Рассматривая социальные сети как платформу взаимодействий, с одной стороны, а с другой стороны, как информационный ресурс, можно выделить ряд подходов к их оценке.

Предпринимательский подход, представленный в исследовании К. Драммонда, Т. О'Тула, Х. МакГрат [8], ориентирован на оценку отдачи инвестиционных вложений в социальные сети на основе обеспечения потока информации для развития фирмы. В этом случае ключевыми инструментами измерения эффекта выступают как финансовые показатели деятельности фирмы, в частности прирост дохода от продаж, прибыль от информационного ресурса, так и нефинансовые, такие как доверие, узнаваемость бренда и др.: клики, комментарии и репосты, метрики для измерения вовлеченности клиентов и результатов (М. Р. Кортес, В. Дж. Джонстон, Г. А. Дастидар [9]).

Коммуникационный подход, представленный в исследованиях С. Н. Ильченко [10], М. С. Баладжи, А. Бехла, К. Джайн, А. М. Баабдуллы, М. Джаннакиса, А. Шанкара, Й. К. Двиведи [11], рассматривает нефинансовые показатели эффективности использования социальных медиа, такие как: вовлеченность в социальных медиа, трактуемая как степень активности использования социальных медиа и реакции на контент (информационный ресурс) (М. С. Баладжи и др. [11], С. Лик, Д. Хоутон, Л. Каннинг [12]); взаимодействие клиентов — в этом случае показателями выступают ретвиты (репосты), комментарии, показы, реакции, показатели кликабельности.

В рамках маркетингового подхода (Н. А. Восколович [13], Ю. М. А. Юсеф, У. Дж. Джонстон, Т. А. АбдельХамид, М. И. Дакрори, М. Г. С. Седдик [14]) даётся оценка на основе социальных измерений, включающих оценку когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций.

Анализ исследований О. Н. Левшиной [6], Е. В. Беликовой, В. М. Степанян, С. Р. Селивановой, И. В. Перфильевой [15], Ю. О. Ивановой, Ю. В. Агафоновой [16], П. В. Ивлиева, Н. И. Ткаченко [17], А. М. Казиахмедова, М. Р. Мусаханян,

А. С. Назаровой [18] по оценке эффективности использования социальных медиа позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, ключевыми первичными показателями оценки финансовой, так и нефинансовой результативности являются:

- вовлеченность (индекс вовлеченности), измеряемая на основе количества лайков, комментариев, репостов;

- охват аудитории, оцениваемый по количеству уникальных пользователей, увидевших контент;

- трафик канала социальных медиа, измеряемый как количество переходов на сайт мероприятия из социальных медиа;

- показатели реакции получателей контента (сентимент), оцениваемый на основе количества комментариев (положительное, отрицательное, нейтральное) и эмодзи;

- коэффициент конверсии, рассчитываемый как доля пользователей, совершивших целевое действие (например, покупка билета); динамика числа подписчиков на страницах мероприятий в социальных медиа.

Используемые показатели оценки отдачи использования социальных медиа представлены в табл. 1. Анализ системы показателей подтверждает вариативность и несформированность методики оценки эффективности использования социальных медиа в современной экономике. Кроме того, показатели результативности тесно связаны с целями использования социальных медиа, что актуализирует необходимость адаптации систем показателей для оценки спортивных мероприятий региона и специфики привлекаемых инструментов социальных медиа.

Анализ исследований Л. П. Шестеркиной и др. [21], Ю. Н. Слугиной [25] показал различные варианты сбора данных от использования современных аналитических инструментов для получения метрик вовлеченности и трафика, мониторинга упоминаний о мероприятии в социальных медиа на основе программ бизнес-аналитики до социальных измерений — социологических опросов (анкетирования) и контент-анализа пользовательского контента для оценки вовлеченности.

В целом оценка результативности использования социальных медиа строится на принципах полноты оценки, предполагающей формирование многокритериальных систем оценки с целью охвата большинства ключевых характеристик использования социальных медиа, и потенциала использования, показывающего прикладное

Таблица 1
Table 1

Сравнительный анализ показателей оценки социальных медиа
Comparative Analysis of Social Media Evaluation Metrics

Инструмент социальных медиа	Показатель (количественная оценка)	Критическое значение
AR (augmented reality — дополненная реальность)	– количество зрителей на трибунах, зарегистрированных в приложении; – количество зрителей, использовавших определённый шаблон; – лайки, репосты, комментарии	70 % от заполняемости трибун
3D мэппинг, видео-мэппинг	– количество зрителей на трибунах – уровень внимания (аплодисменты, восхищения); – лайки, репосты, комментарии или упоминания; – продажи и конверсии; – количество подписчиков в социальных медиа на страницу мероприятия; – рентабельность инвестиций	100 % от заполняемости трибун
Привлечение медийной личности	– лайки, репосты, комментарии – количество проданных билетов на мероприятие; – количество зрителей; – CPC, – CTR, – показы, – позиция в рекламной выдаче, – переходы на сайт, – поведенческие метрики (отказы, время на сайте и др.)	100 % от заполняемости трибун
Система OTT (over-the-top — «поверх приставки»)	– количество проданных подписок на просмотр; – рентабельность продаж подписок; – количество просмотров на платформе; – показатели количества пользователей: уровень оттока пользователей, количество уникальных пользователей за период; – конверсия; – индекс потребительской лояльности (NPS — Net Promoter Score): вероятность рекомендации платформы другим пользователям; – рентабельность инвестиций	60 % от зрителей
Видеоконтент	– количество просмотров и кликов, соотношение просмотров к кликам; – объём продаж у партнёров за счёт рекламы в видеоконтенте; – среднее время просмотра контента; – конверсия	100 % от подписчиков
CRM-система	– количество зрителей; – количество купленных билетов – индекс потребительской лояльности (NPS) – коэффициент оттока	100 % от зрителей

Источник: составлено авторами по [16; 19–24].

значение полученных результатов для оптимизации стратегии маркетинга, улучшения контента и повышения уровня вовлеченности, формирования стратегии управления информационным ресурсом с целью повышения отдачи.

Таким образом, оценка социальных медиа в организации спортивных мероприятий требует системного подхода и интеграции экономических и социальных и медийных эффектов в управлении социальными медиа при проведении региональных спортивных мероприятий.

Согласно исследованиям И. М. Дзялошинского [2], К. В. Киуру [26], социальные медиа оказывают значительное влияние на популяризацию спортивных мероприятий: активное использование платформ социальных медиа способствует увеличению числа участников и зрителей на спортивных мероприятиях, что обуславливает высокое значение контент-стратегии, ориентированной на специфическую аудиторию, с акцентом на локальные особенности и интересы.

Многие исследователи сходятся во мнении, что социальные медиа являются мощным инструментом для продвижения спортивных мероприятий на региональном уровне: в частности использование социальных медиа помогает преодолеть барьеры, связанные с ограниченным бюджетом и слабой инфраструктурой, а грамотно выстроенная стратегия в социальных сетях позволяет не только привлечь внимание широкой аудитории, но и удержать её, вовлекая в различные активности, связанные с мероприятием (А. В. Прохоров, С. А. Попов [27], Я. Сяо [28]).

Однако, несмотря на очевидные преимущества диверсификации каналов продвижения и необходимость комплексного подхода к организации мероприятий, ряд исследований — Е. В. Попова, О. В. Комаровой, В. Л. Симоновой [7], С. Лик, Д. Хоутон, Л. Каннинг [12] А. М. Казиахмедова, М. Р. Мусаханян, А. С. Назаровой [18] — указывают на риск излишней зависимости от социальных медиа и появление в перспективе проблем с контролем над информационным ресурсом.

Материалы и методы

Формирование авторского методического подхода к оценке эффективности использования социальных медиа при проведении региональных спортивных мероприятий основано на анализе и обобщении результатов научных исследований по данной тематике, проиндексированные в БД РИНЦ и Scopus за 2015–2024 гг.

Объектом исследования выступают инструменты социальных медиа. Предмет исследования — показатели оценки эффективности использования социальных медиа в проведении региональных спортивных мероприятий. Эмпирическое исследование проводилось с использованием данных о проведении спортивных мероприятий Министерством спорта Свердловской области РФ за 2024 г.

Результаты

Методический подход к оценке эффективности использования социальных медиа при проведении спортивных мероприятий региона

Исследование подходов к оценке эффективности социальных медиа в целом с учётом выдвинутой авторами типологии инструментов социальных медиа при проведении региональных спортивных мероприятий (Е. В. Попов, О. В. Комарова, А. И. Гутина [29]), позволяет сформулировать методический подход к оценке результативности использования социальных медиа при проведении региональных спортивных мероприятий (рис. 1).

Учитывая особенности объекта исследования — спортивные мероприятия региона, следует подчеркнуть их событийный характер, что обуславливает проектный подход к управлению проведением спортивных мероприятий региона и возможности конкретизации оценки результативности по различным событиям, но также событийный характер спортивных мероприятий не позволяет использовать сравнительный анализ различных неповторяющихся событий, что существенно усложняет формирование критериев эффективности.

Ключевое значение в методике играют показатели оценки, характеристика которых представлена в табл. 1.

Оценка эффективности использования социальных медиа в организации и проведении региональных спортивных мероприятий требует разработки чёткой и понятной системы показателей. Эта система позволит не только оценить, насколько эффективно социальные платформы способствуют достижению целей мероприятия, но и выявить области для дальнейшего улучшения. Для более детального анализа на основе систематизации исследований по оценке эффективности социальных медиа составлена матрица оценочных средств рассматриваемых инструментов социальных медиа, которая включает ключевые показатели, а также методы их измерения (табл. 2).

Анализ систем показателей, используемых исследователями, указывает на преимущественно нефинансовые показатели оценки результативности, что в свою очередь затрудняет не только оценку эффективности, но и планирование бюджетов на проведение спортивных мероприятий и оценку экономического потенциала информационных ресурсов. Далее на основе оценки частоты используемых показателей были разработаны количественные финансовые показатели по каждому инструменту социальных медиа.

Оценка эффективности дополненной реальности (E_{ar}):

$$E_{ar} = \frac{Q \times \bar{K}_{ar} \times I_{ar}}{C_{ar}}, \quad (1)$$

где Q — выручка от проданных билетов (в денежном выражении); \bar{K}_{ar} — процент пользователей, использующих средства дополненной реальности (0–1); I_{ar} — индекс инновационности (устаревания технологии) дополненной реальности (0–1); C_{ar} — затраты на разработку и внедрение средств дополненной реальности (в денежном выражении).

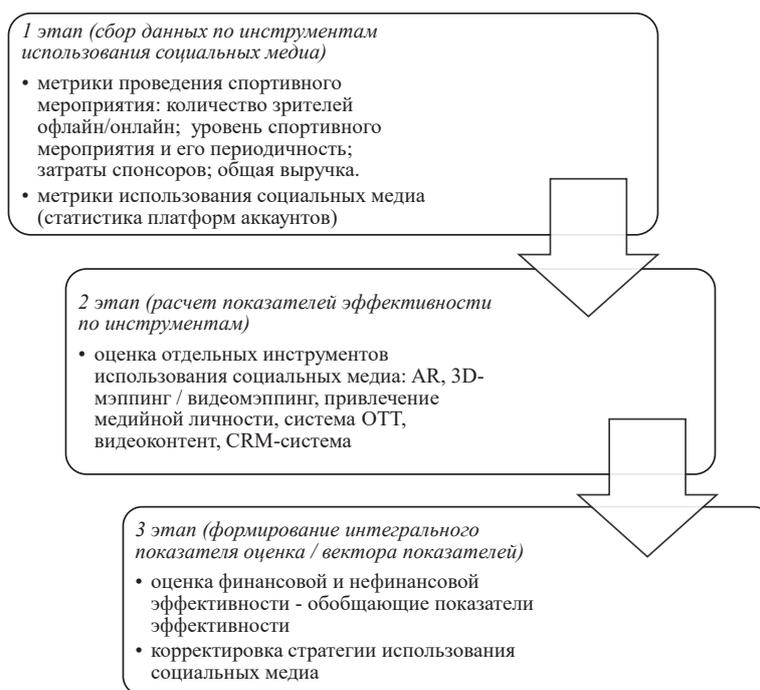

Рис. 1. Методический подход к оценке эффективности использования социальных медиа при проведении спортивных мероприятий региона

Fig. 1. A methodological approach to assessing the effectiveness of using social media during regional sporting events

Источник: разработано авторами

Таблица 2
Table 2

**Матрица показателей эффективности социальных медиа
Social Media Performance Matrix**

Инструменты социальных медиа	Показатели					
	Лайки	Репосты	Комментарии	Количество зрителей	Просмотры	Количество проданных билетов/подписок
AR (augmented reality — дополненная реальность)	+	+	+	+	+	+
3D-мэппинг, видеомэппинг	+	+	+	+	+	+
Привлечение медийной личности	+	+	+	+	+	+
Система ОТТ (over-the-top — «поверх приставки»)				+	+	+
Видеоконтент				+	+	
CRM-система				+		+

Источник: составлено авторами по [10; 16; 19–24; 26].

Оценка эффективности 3D-мэппинга / видеомэппинга (E_{map}):

$$E_{map} = \frac{V \times C \times T \times (Q \times A_{off} + D \times A_{on})}{C_{map}}, \quad (2)$$

где V (визуальное воздействие) — субъективный параметр, отражающий уровень восприятия зрителями, оцениваемый на основе обратной связи от аудитории или с помощью опросов

(0–1); C (качество контента) — оценка качества и оригинальности контента (0–1); T (технические параметры) — показатель стабильности и корректности технической реализации проекта (0–1); Q — выручка от проданных билетов (в денежном выражении); D — доход от онлайн-трансляции (в денежном выражении); A_{on} и A_{off} (охват аудитории) — доля зрителей, охваченных шоу соответственно в онлайн- или офлайн-

формате; C_{mp} (затраты) — общая стоимость проекта, включая аренду оборудования, создание контента, организацию и техническое обслуживание (в денежном выражении).

Оценка эффективности привлечения медийной личности (media person) (E_{mp}):

$$E_{mp} = \frac{Q \times K_{mp} \times I_{br}}{C_{mp}}, \quad (3)$$

где Q — выручка от проданных билетов (в денежном выражении); K_{mp} — коэффициент популярности медийной личности (0–1); I_{br} — индекс соответствия медийной личности бренду события (0–1); C_{mp} — стоимость контракта с медийной личностью (в денежном выражении).

Оценка эффективности использования системы ОТТ (E_{ott}):

$$E_{ott} = \frac{(U \times E \times T) \times (R_{sub} + R_{adv})}{C_{ott}}, \quad (4)$$

где U (Users) — активные пользователи системы за выбранный период (% от всех подписчиков); E (Engagement) — коэффициент вовлеченности, оцениваемый по среднему количеству взаимодействий или времени, проведённому пользователем в приложении за период (в часах); T (Retention) — коэффициент удержания, отражающий процент пользователей, вернувшихся на платформу (например, в следующий месяц); R_{sub} (Revenue from Subscriptions) — доход от подписок за период в денежном выражении; R_{adv} (Revenue from Advertising) — доход от рекламы за период в денежном выражении; C_{ott} — общие затраты на обслуживание и развитие платформы за период, включая затраты на техническую поддержку, контент и маркетинг, в денежном выражении.

Оценка эффективности видеоконтента (E_{video}):

$$E_{video} = \frac{(D/V) \times E \times R}{(C_{video}/V)}, \quad (5)$$

где D (Direct Revenue) — прямой доход, полученный от видео (например, доход от рекламы, спонсорства или партнёрских программ), в денежном выражении; V (Views) — общее количество просмотров видео за период времени; E (Engagement) — коэффициент вовлеченности, отражающий количество взаимодействий (лайки, комментарии, репосты) в процентах к количеству просмотров; R (Retention) — коэффициент удержания, показывающий средний процент времени, проведённого зрителем за просмотром видео от общей продолжительности; C_{video} — общие затраты на создание, редактирование

и продвижение видеоконтента, в денежном выражении.

Оценка эффективности CRM-системы (E_{crm}):

$$E_{crm} = \frac{Q \times K_{crm} \times I_{crm}}{C_{crm}}, \quad (6)$$

где Q — выручка от проданных билетов (в денежном выражении); K_{crm} — процент лояльных (возвращающихся) клиентов (0–1); I_{crm} — средняя частота покупок на одного клиента за период оценки; C_{crm} — затраты на внедрение и обслуживание CRM-системы (в денежном выражении).

Интегральная оценка эффекта использования социальных медиа (E_{cm}) может быть представлена совокупным коэффициентом:

$$E_{cm} = \sqrt[6]{E_{ar} \cdot E_{map} \cdot E_{mp} \cdot E_{ott} \cdot E_{video} \cdot E_{crm}} \quad (4)$$

Различные инструменты социальных медиа могут иметь различную эффективность при проведении спортивных мероприятий, обусловленных не только экономическими факторами, но и организационными, такими как уровень проведения спортивного мероприятия, сроки подготовки, доступность контента и др. В этом случае интегральный коэффициент позволяет не только получить совокупный показатель эффективности, а также выявить вклад различных факторов в его значение.

Предложенная система показателей позволяет монетизировать нефинансовые оценки использования социальных медиа, а в целом разработанный методический подход позволяет дать комплексную оценку эффективности использования информационных ресурсов социальных медиа и включает последовательные этапы сбора информации, оценки показателей и результативности, корректировки стратегии в социальных медиа для последующих спортивных мероприятий.

Эмпирический анализ эффективности использования социальных медиа при проведении спортивных мероприятий на примере Свердловской области

Основываясь на разработанном методическом подходе, представим анализ возможностей его применения в экономическом анализе спортивных мероприятий. Оценка показателей проводилась по итогам проведения соревнований по художественности гимнастике в сентябре 2024 года в г. Екатеринбурге. Соревнования по художественной гимнастике «Альфа-Банк Кубок России» проводились с 11 сентября по 20 сентября 2024 года в Центре художественной и эстетической гимнастики в Екатеринбурге. Событие включало

соревнования в рамках Кубка России по художественной гимнастике, международные соревнования и гала-концерт звёзд мировой художественной гимнастики (14 сентября). В данном спортивном мероприятии приняли участие спортсмены из 10 стран, выступили 91 команда, 700 участников.

За время чемпионата соревнования посетили около 120 почётных гостей, спортсменов, медийных личностей, представителей законодательной власти и правительства. Главной медийной личностью данных соревнований выступила Президент Всероссийской федерации художественной гимнастики, главный тренер сборной России Ирина Винер.

Во время просмотра гала-концерта, который был 14 сентября, на трибунах, присутствовали более 2386 человек при общей вместимости 1950 человек. Участие в концерте приняли более 300 человек: спортсменки сборной команды России, спортсменки и сборные свыше 20 регионов, краёв и республик нашей страны, а также приглашённые гости — студия танцев TODES, две школы спортивной акробатики г. Екатеринбурга и г. Березовский, ансамбль танца «Солнышко», представители эстетической гимнастики и др.

Всего участниками ВКонтакте «Альфа-Банк Кубок России» за указанный период стали 1380 человек. Максимальный охват публикаций составил более 17 000 человек.

Использование социальных медиа по данному проекту предполагало создание канала события в социальной сети ВКонтакте, формирование контент-плана по ежедневному наполнению канала новостями; обеспечение размещения новостей, постов, фотографий с мероприятия в режиме онлайн, своевременное реагирование на комментарии и сообщения от пользователей канала (группы). Стоит отметить, что в данном мероприятии использовались такие новые медиа, как привлечение медийной личности, 3D-мэппинг и видеомэппинг, система ОТТ, использование видеоконтента, но инструменты дополненной реальности и CRM-система не были использованы из-за ограниченности бюджета проведения спортивного мероприятия. При этом внедрение CRM-системы рассматривается как актуальное в среднесрочной перспективе и находится на обсуждении для разработки и включения в инструментарий организации и проведения спортивных мероприятий региона.

Ключевые показатели по количеству подписчиков, охвату аудитории и привлечению уникальных посетителей и просмотров представлены на рис. 2.

На основе полученных данных о финансовых показателях проведения мероприятия и показателей отдачи по нефинансовым показателям в социальной сети ВКонтакте в соответствии с предложенной системой показателей (формулы 1–6) были рассчитаны показатели финансовой эффективности использования инструментов социальных медиа по соревнованиям Кубок России по художественной гимнастике (табл. 3).

Предложенный методический подход, применённый к анализу использования социальных медиа в рамках проведения и вовлечения аудитории в спортивные мероприятия региона на примере Свердловской области, показал неоднозначность в оценке эффективности инструментов социальных медиа при проведении спортивных мероприятий региона.

Из разработанных шести показателей были рассчитаны четыре, поскольку инструменты дополненной реальности и мониторинга (CRM-система) не были использованы при проведении Кубка России по художественной гимнастике. При этом проведённые расчёты позволяют не только оценить эффективность инструментов, но и определить факторы, её определяющие.

Далее проведена интегральная оценка эффекта использования социальных медиа (E_{cm}) по формуле (7):

$$E_{cm} = \sqrt[4]{1,0668 \cdot 0,1056 \cdot 1,68 \cdot 0,225} = 0,45 \text{ (45\%)}$$

По результатам оценки к неэффективным инструментам отнесены привлечение медийной личности (показатель эффективности составил 10,56 %) и использование видеоконтента — всего 22,5 %. Однако экономическая эффективность не отражает имиджевую составляющую, которую придаёт статус медийной личности мероприятию, а также совокупного эмоционального эффекта. Полагая, что привлечение медийной личности всегда является высокочувствительным инструментом, в оценке данного параметра это следует учитывать. Низкая эффективность инструмента использования видеоконтента позволяет выделить влияние такого фактора, как низкая доля онлайн-участников, что обусловлено краткими сроками подготовки мероприятия и отсутствием возможности привлечения большей аудитории на основе информационных источников.

К эффективным инструментам можно отнести использование 3D мэппинга и видеомэппинга, показатель составил 106,68 %, и системы ОТТ, который обеспечил высокий уровень эффективности

Рис. 2. Динамика основных показателей мероприятия в социальной сети VKontakte
Fig. 2. Dynamics of the main indicators of the event in the social network VKontakte
Источник: составлено авторами на основе данных¹

¹Официальная страница «Альфа-Банк Кубок России». URL: https://vk.com/rhythmicgymnastics_ekb (дата обращения: 11.02.2025).

Таблица 3
Table 3

Оценка использования социальных медиа на примере спортивного мероприятия региона
Evaluation of the use of social media using the example of a regional sporting event

Исходные показатели	Формула / Расчёт	Интерпретация
Оценка эффективности использования дополненной реальности (Ear)		
Дополненная реальность не была использована в данном мероприятии.	$Ear = (Q \times Kar \times Iar) / Car$ Расчёт не проводился	Если $Ear > 1$, то дополненная реальность используется эффективно. Позволяет выделить влияние факторов на эффективность данного инструмента
Оценка эффективности использования 3D-мэппинга и видеомэппинга (Emar)		
V = 0,8 (на основе опросов) Q = 31 680 руб. Aoff = 1 D = 500 000 руб. Aon = 0,15 C = 0,9 (по оценке специалистов). T = 0,8 (учитывая количество технических проблем). Cmap = 100 000 руб.	$Emar = \{V * C * T * (Q * Aoff + D * Aon)\} / Cmap$ $Emar = \{0,8 * 0,9 * 0,8 * (31680 * 1 + 500000 * 0,15)\} / 100000 = 1,0668$ (106,68 %)	$Emar < 1$ свидетельствует о низкой эффективности внедрения технологии, что может быть вызвано: высоким уровнем затрат на внедрение (технических проблем), недостаточной ценностью контента и низким уровнем принятия пользователями, сложностью интеграции инструмента в проведение спортивного мероприятия

Исходные показатели	Формула / Расчёт	Интерпретация
Оценка эффективности привлечения медийной личности (Emp)		
Q = 31 680 руб. Kmp = 1; Ibr = 1; Cmp = 300 000 руб.	$Emp = (Q \times Kmp \times Ibr) / Cmp$ $Emp = (31\,680 \times 1 \times 1) / 300\,000 = 0,1056$ (10,56 %)	Коэффициент Emp < 0,5 свидетельствует о неэффективности инструмента.
Оценка эффективности использования системы ОТТ (over-the-top) (Eott)		
U = 0,5 (50 % активных пользователей) E = 2 часа. T = 0,7 (70 % пользователей возвращаются). Rsub = 10 млн руб. Radv = 2 млн руб. Cott = 5 млн руб.	$Eott = \{(U \times E \times T) \times (Rsub + Radv)\} / Cott$ $Eott = \{(0,5 \times 2 \times 0,7) \times (10 + 2)\} / 5 = 1,68$ (168 %)	Значение Eott > 1 что говорит об эффективности системы, поскольку доходы и удержание превышают затраты.
Оценка эффективности использования видеоконтента (Evideo)		
V = 100 000. E = 0,15 (15 % от всех зрителей взаимодействовали с видео). R = 0,6 (в среднем, пользователи смотрят 60 % видео). D = 500 тыс руб. Cvideo = 200 тыс руб.	$Evideo = \{(D/V) \times E \times R\} / \{Cvideo/V\}$ $Evideo = \{(500\,000 / 100\,000) \times 0,15 \times 0,6\} / \{200\,000 / 100\,000\} = 0,225$ (22,5 %)	Значение Evideo < 1 указывает на низкую эффективность, так как доход и вовлеченность аудитории превышают затраты.
Оценка эффективности использования CRM-системы (Ecrm)		
CRM-система не была использована в данном мероприятии.	Эффективность Ecrm = (Q x Kcrm x Icrm) / Ccrm Расчёт не проводился	Если Ecrm > 1, то инструмент используется эффективно.

Источник: рассчитано авторами.

в 168 %. Предложенный вариант расчёта показателей позволяет учитывать широкий охват аудитории и выявить систему факторов повышения эффективности каждого инструмента.

Полученные результаты также указывают на необходимость комплексной оценки на основе вклада всех инструментов социальных медиа, поскольку низкая эффективность одних инструментов может быть компенсирована более высокой эффективностью других, но в целом каждый инструмент обеспечивает не только экономическую, но и имиджевую составляющую мероприятий и повышает ценность для зрителей и участников спортивного мероприятия.

Таким образом, эмпирический анализ подтвердил возможности формирования монетарной оценки результативности использования инструментов социальных медиа при проведении спортивных мероприятий.

На основе проведённого анализа сделаны выводы об эффективности различных инструментов социальных медиа, что позволит в рамках проведения последующих мероприятий скорректировать направления применения социальных медиа.

Заключение

В условиях растущей конкуренции за внимание аудитории эффективное использование платформ социальных медиа становится необходимым условием для успешного проведения мероприятий. В настоящем исследовании с целью разработки системы показателей оценки эффективности социальных медиа в организации региональных спортивных мероприятий рассмотрены ключевые аспекты оценки эффективности социальных медиа в контексте организации региональных спортивных мероприятий.

Создание системы показателей оценки эффективности позволит организаторам спортивных мероприятий не только оценить, насколько успешно социальные медиа способствуют достижению целей мероприятий, но и выявить области для дальнейшего развития моделей использования и отдельных инструментов социальных медиа. Разработка ключевых монетарных показателей позволяет оценить не только коммуникативную эффективность в виде вирусности контента (измеряемой лайками и репостами), но и трансформировать оценку в систему показателей рентабельности. При этом разработанная авторами система пока-

зателей даёт комплементарный результат немонетарной оценке, что означает отсутствие жёсткого критерия по оценке эффективности, но позволяет сопоставлять различные инструменты социальных медиа и оценивать их вклад в повышение эффективности, а также учитывать не только абсолютное значение полученных показателей, но и оценивать динамику изменения эффективности от мероприятия к мероприятию и в целом во времени.

Представленная система показателей оценки эффективности использования социальных медиа в организации региональных спортивных мероприятий позволяет не только оценить текущую эффективность, но и адаптировать стратегии с целью улучшения взаимодействия с аудиторией и увеличения популярности мероприятий в будущем, что может значительно повысить привлечение новых участников и удержание аудитории, а также способствовать общим целям развития спорта таких, как формирование здорового образа жизни, позитивное отношение к спорту, массовое вовлечение населения в спорт.

Представленный расчёт показателей на основе разработанной методики, показал не только преимущества, но ограничения данной методики, к которым можно отнести доступность показателей количественного анализа эффективности социальных медиа.

Использование методики позволило выделить ряд региональных проблем в проведении спортив-

ных мероприятий: недостаточно широкое использование на региональном уровне инструментов социальных медиа, высокую затратность относительно возможностей генерации доходов, относительно слабую политику организаторов спортивных мероприятий по использованию социальных медиа.

Однако, в целом, опыт оценки эффективности инструментов социальных медиа оказался полезен и позволил сделать ряд практических выводов. Во-первых, привлечение медийной личности должно происходить в более широком контексте, включая интервью с медийной личностью и комментарии медийной личности в социальных медиа. Во-вторых, требуется проработка модели представления видеоконтента в социальных медиа и повышение его эффективности на основе формирования не только полного видео мероприятия, но и коротких видео по различным параметрам просмотра.

Внедрение предложенной системы оценки позволит организаторам региональных спортивных мероприятий не только повысить текущую эффективность своих усилий, но и значительно увеличить шансы на успешное проведение мероприятий в будущем, привлекая новых участников и создавая положительный имидж. Перспективным направлением разработки данной проблематики является уточнение системы показателей, а также использование методики в планировании региональных спортивных мероприятий.

Список источников

1. Данилова М. Н. Спорт как медиакommunikationный феномен // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 3. С. 519–538. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).519-538.
2. Дзялошинский И. М. Игровая составляющая медиаконтента: функционал и типологические модели // Вопросы журналистики. 2018. № 4. С. 25–72. DOI: 10.17223/26188422/4/2.
3. Фирсова И. А., Балова С. Л. Особенности «EVENT-МАРКЕТИНГА» в спортивной индустрии как инструмента коммуникации взаимодействия с аудиторией // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2024. № 2. С. 102–107. DOI: 10.56584/1560-8816-2023-4-102-107.
4. Галкин А. А., Размётов В. С., Гурский Д. Ю. Public relations и медиа в структуре физической культуры и спорта // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2021. № 2(13). С. 35–39. DOI: 10.46554/OlymPlus.2021.2(13).pp.35.
5. Thompson A.-J., Martin A. J., Gee S., Eagleman A. N. Examining the Development of a Social Media Strategy for a National Sport Organization: A Case Study of Tennis New Zealand // Journal of Applied Sport Management. 2014. Vol. 6, No 2. P. 42–63.
6. Левшина О. Н. Социальные сети: трансформация от средства общения к инструменту продаж спортивных услуг // Экономика и управление в спорте. 2023. Т. 3, № 4. С. 259–282. DOI: 10.18334/sport.3.4.120017.
7. Попов Е. В., Комарова О. В., Симонова В. Л. Использование социальных сетей и мессенджеров для взаимодействия в обществе // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 12. С. 1284–1296. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-12-1284-1296.
8. Drummond C., O’Toole T., McGrath H. Social Media resourcing of an entrepreneurial firm network: Collaborative mobilisation processes // Journal of Business Research. 2022. Vol. 145, P. 171–187. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.02.046.

9. Cortez M. R., Johnston W. J., Dastidar G. A. Managing the content of LinkedIn posts: Influence on B2B customer engagement and sales? // *Journal of Business Research*. 2023. Vol. 155. P. 113388. DOI:10.1016/j.jbusres.2022.113388.
10. Ильченко С. Н. Спорт и электронные медиа: аспекты коммуникативного взаимодействия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2009. № 4. С. 232–236.
11. Balaji M. S., Behl A., Jain K., Baabdullah A. M., Giannakis M., Shankar A., Dwivedi Y. K. Effectiveness of B2B social media marketing: The effect of message source and message content on social media engagement // *Industrial Marketing Management*. 2023. Vol. 113. P. 243–257. DOI:10.1016/j.indmarman.2023.06.011.
12. Leek S., Houghton D., Canning L., Twitter and Behavioral Engagement in the Healthcare Sector: An Examination of Product and Service Companies // *Industrial Marketing Management*. 2017. Vol. 81. P. 115–129. DOI:10.1016/J.INDMARMAN.2017.10.009
13. Восколович Н. А. Использование цифровых технологий для повышения активности потребителей услуг спортивных мероприятий // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2022. № 6. С. 10–18. DOI:10.25198/2077-7175-2022-6-10.
14. Youssef Y. M.A., Johnston W. J., AbdelHamid T. A., Dakrory M. I., Seddick M. G.S. A customer engagement framework for a B2B context // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2018. Vol. 33, No 1. P. 145–152. DOI:10.1108/JBIM-11-2017-0286.
15. Беликова Е. В., Степанян В. М., Селиванова С. Р., Перфильева И. В. Экономические особенности формирования инструментов маркетинга в некоммерческих спортивных организациях // *Креативная экономика*. 2022. Т. 16. № 12. С. 5119–5132. DOI: 10.18334/ce.16.12.116755.
16. Иванова Ю. О., Агафонова Ю. В. Специфика маркетингового продвижения спортивных организаций // *Экономика и управление в спорте*. 2021. Т. 1. № 4. С. 207–216. DOI:10.18334/sport.1.4.119899.
17. Ивлиев П. В., Ткаченко Н. И. Развитие спорта в современной России посредством масс медиа: психологические аспекты // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 10(214). С. 80–82. DOI:10.47643/1815-1337_2022_10_80.
18. Казиахмедов А. М., Мусаханян М. Р., Назарова А. С. Эффективность деятельности спортивных организаций // *Теория и практика современной науки*. 2023. № 6(96). С. 87–98.
19. Байкова И. А., Петров А. И. Видеореклама как эффективный маркетинговый инструмент продвижения предприятий индустрии развлечений // *Петербургский экономический журнал*. 2019. № 3. С. 68–76. DOI: 10.25631/PEJ.2019.3.68.76.
20. Заяц П. С. Оценка эффективности продвижения в социальных сетях // *Путь в науку. Экономические науки*. 2023. № 46. С. 162–164.
21. Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: монография / под ред. Л. П. Шестеркиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. 296 с.
22. Туник К. В., Устинов В. С. Приоритеты инновационного развития организаций спортивной индустрии // *Вестник университета*. 2016. № 9. С. 179–185.
23. Яковлева И. В. Внедрение CRM-системы как инструмента повышения эффективности финансово-экономической деятельности организации // *Фундаментальные исследования*. 2022. № 12. С. 118–122. DOI:10.17513/fr.43407.
24. Ablyayev M. R., Abliakimova A. N., Seidametova Z. S. Criteria of evaluating augmented reality applications // *Advanced Engineering Research (Rostov-on-Don)*. 2020. Vol. 20. No 4. Pp.414–421. DOI:10.23947/2687-1653-2020-20-4-414-421
25. Слугина Ю. Н. Маркетинговые коммуникации в социальных сетях: проблемы и перспективы // *Финансы: теория и практика*. 2015. № 2 (86). С. 130–134.
26. Киуру К. В. Пресс-релиз для социальных медиа как источник информации в спортивной журналистике // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 3. С. 190–192.
27. Прохоров А. В., Попов С. А. Направления медиатизации в спорте // *Учёные записки НовГУ*. 2024. № 3(54). С. 382–388. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).382-388.
28. Сяо Я. Использование социальных сетей для оптимизации вовлечения и взаимодействия с аудиторией на мегасобытиях // *Дискуссия*. 2024. Вып. 3 (124). С. 166–172. DOI:10.46320/2077-7639-2024-3-124-166-172.
29. Попов Е. В., Комарова О. В., Гутина А. И. Возможности социальных медиа в проведении региональных спортивных мероприятий // *Экономика, предпринимательство и право*. 2024. Т. 14. № 10. С. 5623–5638. DOI: 10.18334/epp.14.10.121754.

References

1. Danilova MN. Sport as a Media Communication Phenomenon. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2018;7(3):519-538. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).519-538. (In Russ.).
2. Dzyaloshinskiy IM. The Gaming Component of the Media Content: Functional and Typological Models. *Voprosy zhurnalistiki = Russian Journal of Media Studies*. 2018;4: 25-72. DOI: 10.17223/26188422/4/2. (In Russ.).
3. Firsova IA, Balova SL. Features of «EVENT MARKETING» in the Sports Industry as an Interaction Communication with the Audience. *RISK: Resursy, Informatsiya, Snabzhenie, Konkurentsya = RISK: Resources, Information, Supply, Competition*. 2024;(2):102-107. DOI: 10.56584/1560-8816-2023-4-102-107. (In Russ.).
4. Galkin AA, Razmetov VS, Gurskiy DYu. Public Relations and Media in the Structure of Physical Culture and Sports. *OlymPlus. Gumanitarnaya versiya = OlymPlus. Humanitarian version*. 2021;(2):35-39. DOI: 10.46554/OlymPlus.2021.2(13).pp.35. (In Russ.).
5. Thompson A-J, Martin AJ, Gee S, Eagleman AN. Examining the Development of a Social Media Strategy for a National Sport Organization: A Case Study of Tennis New Zealand. *Journal of Applied Sport Management*. 2014;6(2):42-63.
6. Levshina ON. Social networks: transformation from a means of communication to a sales tool for sports services. *Ekonomika i upravlenie v sporte = Economics and management in sports*. 2023;3(4):259–282. DOI: 10.18334/sport.3.4.120017. (In Russ.).
7. Popov EV, Komarova OV, Simonova VL. Using Social Media and Messengers for Social Interactions. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(12):1284–1296. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-12-1284-1296. (In Russ.).
8. Drummond C, O'Toole T, McGrath H. Social Media resourcing of an entrepreneurial firm network: Collaborative mobilisation processes. *Journal of Business Research*. 2022;145:171-187. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.02.046.
9. Cortez MR, Johnston WJ, Dastidar GA. Managing the content of LinkedIn posts: Influence on B2B customer engagement and sales? *Journal of Business Research*. 2023;155:113388. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.113388.
10. Il'chenko SN. Sport and electronic media: aspects of communicative interaction. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of Saint Petersburg University. Series I. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2009;4:232-236. (In Russ.).
11. Balaji MS, Behl A, Jain K, Baabdullah AM, Giannakis M, Shankar A, Dwivedi YK. Effectiveness of B2B social media marketing: The effect of message source and message content on social media engagement. *Industrial Marketing Management*. 2023;113:243-257. DOI: 10.1016/j.indmarman.2023.06.011.
12. Leek S, Houghton D, Canning L, Twitter and Behavioral Engagement in the Healthcare Sector: An Examination of Product and Service Companies. *Industrial Marketing Management*. 2017;81:115-129. DOI: 10.1016/J.INDMARMAN.2017.10.009.
13. Voskolovich NA. Use of digital technologies to increase the activity of consumers of sports events services. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intellect. Innovations. Investments*. 2022;(6):10-18. DOI: 10.25198/2077-7175-2022-6-10. (In Russ.).
14. Youssef YMA, Johnston WJ, AbdelHamid TA, Dakrory MI, Seddick MGS. A customer engagement framework for a B2B context. *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2018;33(1):145–152. DOI: 10.1108/JBIM-11-2017-0286.
15. Belikova EV, Stepanyan VM, Selivanova SR, Perfilova IV. The economics of marketing tools in non-profit sports organisations. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2022;16(12):5119-5132. DOI: 10.18334/ce.16.12.116755. (In Russ.).
16. Ivanova YuO, Agafonova Yu V. Specifics of marketing promotion of sports organizations. *Ekonomika i upravlenie v sporte = Economics and management in sports*. 2021;1(4):207-216. DOI: 10.18334/sport.1.4.119899. (In Russ.).
17. Ivliev PV., Tkachenko NI. Develop sports in modern Russia through mass media: psychological aspects. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2022;10:80-82. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_80. (In Russ.).
18. Kaziakhmedov AM, Musakhanyan MR, Nazarova AS. Efficiency of sports organizations. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki = Theory and practice of modern science*. 2023;6:87-98.
19. Baikova IA, Petrov AI. Video Advertising as an Effective Marketing Tool for the Entertainment Industry Enterprises Promotion. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal = Petersburg Economic Journal*. 2019;(3):68-76. DOI: 10.25631/PEJ.2019.3.68.76. (In Russ.).

20. Zayats PS. Evaluation of the effectiveness of promotion in social networks. *Put' v nauku. Ekonomicheskie nauki = Path to Science. Economic Sciences*. 2023;(46):162-164. (In Russ.).
21. Sotsial'nyye media kak resurs integrirovannykh kommunikativnykh praktik = Social media as a resource of integrated communication practices. Ed. by LP Shesterkina. Chelyabinsk: SUSU; 2017. 296 p. (In Russ.).
22. Tunik K, Ustinov V. Priorities of Innovative Development in Organizations of Sport Industry. *Vestnik Universiteta = University Bulletin*. 2016;(9):179-185. (In Russ.).
23. Yakovleva IV. Implementation of a CRM system as a tool for improving the efficiency of financial and economic activities of an organization. *Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental research*. 2022;(12):118-122. DOI: 10.17513/fr.43407. (In Russ.).
24. Ablyayev MR, Abliakimova AN, Seidametova ZS. Criteria of evaluating augmented reality applications. *Advanced Engineering Research (Rostov-on-Don)*. 2020;20(4):414-421. DOI: 10.23947/2687-1653-2020-20-4-414-421
25. Slugina Yu N. Marketing communications in social networks: problems and prospects. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2015;(2):130-134. (In Russ.).
26. Kiuru KV. Press-Release for Social Media as a Source of Information in Sports Journalism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Kemerovo State University*. 2012;(3):190-192. (In Russ.).
27. Prokhorov AV, Popov SA. Directions of mediatization in sports. *Uchenyye zapiski NovGU = Memoirs of NovSU*, 2024;3(54):382–388. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).382-388. (In Russ.).
28. Yang Xiao. Using social media to optimize engagement and audience interaction at mega events. *Diskussiya = Discussion*. 2024;(124):166-172. (In Russ.).
29. Popov EV, Komarova OV, Gutina AI. Capabilities of social media in hosting sporting regional events events. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(10):5623-5638. DOI: 10.18334/epp.14.10.121754. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Попов — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, доктор физико-математических наук, профессор, директор Центра социально-экономических исследований Уральского института управления РАНХиГС.

О. В. Комарова — доцент кафедры экономической теории и прикладной социологии, кандидат экономических наук, доцент, исследователь Центра социально-экономических исследований Уральского института управления РАНХиГС.

А. И. Гутина — стажер-исследователь Центра социально-экономических исследований Уральского института управления РАНХиГС.

Information about the authors

E. V. Popov — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Director of the Center for Social and Economic Research of the Ural Institute of Management of RANEPА.

O. V. Komarova — Associate Professor of the Department of Economic Theory and Applied Sociology, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Researcher of the Center for Social and Economic Research of the Ural Institute of Management of RANEPА.

A. I. Gutina — Research Intern of the Center for Social and Economic Research of the Ural Institute of Management of RANEPА.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК 657.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-109-120

РЫНОК АУДИТОРСКИХ УСЛУГ В РОССИИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Муртада Таха Иса Абади

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
murtada.t@uokerbala.edu.iq, 0009-0002-5232-0690

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных и институциональных проблем российского рынка аудиторских услуг в период 2021–2025 гг., включая последствия ухода международных компаний «Большой четверки» и усиления регуляторного контроля. На основе комплексного подхода, сочетающего количественные методы (структурно-динамический анализ, расчет коэффициентов концентрации CR3 и индекса Херфиндала — Хиршмана) и нетнографическое исследование профессионального дискурса на форуме audit-it.ru, выявлены ключевые вызовы отрасли. Результаты демонстрируют критическую депрофессионализацию: только 29,5 % аудиторов обладают единым квалификационным аттестатом, что усугубляет риски качества аудита. Олигополистическая структура рынка, где 2 % организаций контролируют 67,5 % объема услуг, обусловлена институциональными факторами, включая дисфункцию саморегулируемых организаций (СРО). Нетнографический анализ дискуссий выявил четыре доминирующие темы: регуляторное давление (76 %), кадровый кризис (48 %), финансовая нерентабельность (29 %) и эмоциональное выгорание (22 %), подтверждая трансформацию СРО в инструмент селективного контроля. Исследование подчеркивает необходимость реформы регуляторной среды, направленной на повышение доступности квалификации, поддержку малых аудиторских организаций и преодоление системной асимметрии в профессиональном сообществе.

Ключевые слова: аудиторские услуги, олигополия, институциональный кризис, квалификационные аттестаты, саморегулируемые организации, нетнография, концентрация рынка, регуляторное давление, профессиональный дискурс, российский рынок

Для цитирования: Абади М. Т. И. Рынок аудиторских услуг в России: структурные изменения, экономические тенденции и факторы конкурентоспособности // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 109–120. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-109-120.

Original article

AUDIT SERVICES MARKET IN RUSSIA: STRUCTURAL CHANGES, ECONOMIC TRENDS AND COMPETITIVENESS FACTORS

Murtada Taha Eesa Abadi

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, murtada.t@uokerbala.edu.iq,
0009-0002-5232-0690

Abstract. The article is devoted to the analysis of structural and institutional problems of the Russian market of audit services in the period 2021–2025, including the consequences of the departure of international companies of the ‘Big Four’ and the strengthening of regulatory control. Based on a comprehensive approach combining quantitative methods (structural dynamic analysis, calculation of CR3 concentration ratios and the Herfindahl-Hirschman index) and netnographic research of professional discourse on the audit-it.ru forum, the key challenges of the industry are identified. The results demonstrate critical deprofessionalisation: only 29.5% of auditors hold a single qualification certificate, which exacerbates audit quality risks. The oligopolistic structure of the market, where 2% of organisations control 67.5% of service volume, is driven by institutional factors, including the dysfunction of self-regulatory organisations (SROs). A netnographic analysis of the discussions revealed four dominant themes: regulatory pressure (76%), staffing crisis (48%), financial unprofitability (2%) and emotional burnout (22%), confirming the

transformation of SROs into an instrument of selective control. The study highlights the need for reform of the regulatory environment aimed at improving the availability of qualifications, supporting small audit organisations and overcoming systemic asymmetry in the professional community.

Keywords: audit services, oligopoly, institutional crisis, qualification certificates, self-regulatory organizations, netnography, market concentration, regulatory pressure, professional discourse, Russian market

For citation: Abadi MTE. Audit Services Market in Russia: Structural Changes, Economic Trends and Competitiveness Factors. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):109-120. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-109-120.

Введение

Исследование современного состояния рынка аудиторских услуг в России приобретает особую актуальность в условиях глобальных экономических трансформаций, санкционного давления и цифровизации бизнес-процессов. В период 2021–2025 гг. российский аудиторский рынок претерпел значительные структурные изменения, связанные с уходом крупных международных компаний «Большой четверки», ужесточением регуляторных требований со стороны Банка России и Федерального казначейства, а также переориентацией на импортозамещение программного обеспечения и методологии аудита. Эти процессы привели к перераспределению рыночных долей между участниками, изменению конкурентной среды и созданию новых условий для развития национальных аудиторских компаний. Важно отметить, что исследование факторов конкурентоспособности на трансформирующемся рынке имеет не только теоретическое, но и практическое значение для формирования эффективных стратегий развития аудиторских организаций, а также для совершенствования государственной политики в сфере регулирования аудиторской деятельности. Анализ экономических тенденций на рынке аудиторских услуг позволяет выявить новые закономерности его функционирования в изменившихся условиях, определить ключевые драйверы роста и барьеры для развития, что необходимо для прогнозирования дальнейшей эволюции данного сегмента профессиональных услуг в России. Особую значимость приобретает исследование взаимосвязи между качеством аудиторских услуг, ценовой политикой компаний и их положением на рынке в условиях усиления контроля за качеством аудита общественно значимых организаций. Кроме того, цифровая трансформация аудиторской деятельности, внедрение технологий искусственного интеллекта, больших данных и блокчейна создают новую парадигму конкурентоспособности, основанную на технологическом лидерстве и инновационности бизнес-моделей. Таким образом, комплексное изучение структурных изменений,

экономических тенденций и факторов конкурентоспособности на российском рынке аудиторских услуг представляет собой актуальное научное направление, результаты которого могут быть использованы для повышения эффективности аудиторской деятельности и обеспечения экономической безопасности страны в условиях внешних вызовов и внутренних трансформаций.

Материалы и методы исследования

Исследование рынка аудиторских услуг в России базировалось на комплексном методологическом подходе, сочетающем количественные и качественные методы анализа. Информационную основу исследования составили официальные статистические данные Министерства финансов РФ о состоянии рынка аудиторских услуг за 2021–2023 гг., включая сведения о количестве аудиторских организаций, численности аудиторов, объемах оказанных услуг и динамике выручки по сегментам рынка. Важным источником данных послужили реестры Центрального банка России и Федерального казначейства, содержащие информацию об аудиторских организациях, имеющих право на проведение проверок общественно значимых организаций по состоянию на 2025 г. Для анализа институциональной структуры рынка использовались сведения из реестра саморегулируемой организации аудиторов Ассоциации «Содружество» (СРО ААС), а также нормативно-правовые акты, регламентирующие аудиторскую деятельность в России. В дополнение к традиционным источникам данных в работе применен метод нетнографии для анализа профессионального дискурса в цифровой среде, предложенный в исследованиях Г. М. Мораиса. Данный метод позволил изучить неформальные аспекты функционирования рынка через анализ обсуждений на профессиональных форумах аудиторов. Эмпирической базой для нетнографического анализа послужили четыре ключевые дискуссионные темы на специализированном форуме audit-it.ru, отобранные по критериям длительности обсуждения, количеству участников и объему тексто-

вого материала. Методологический инструментарий включал структурно-динамический анализ показателей рынка, применение коэффициентов концентрации (CR4, CR8, индекс Херфиндаля — Хиршмана) для оценки степени олигополизации, тематический и контент-анализ текстовых материалов форумов. В рамках нетнографического исследования использовался комбинированный подход, включающий тематический анализ для выявления повторяющихся нарративов и контент-анализ частотности упоминаний регуляторных институтов и процедур. Качество и надежность результатов обеспечивались триангуляцией данных из различных источников: официальной статистики, нормативных документов и материалов профессиональных дискуссий. Теоретико-методологической основой исследования послужили концепции олигополистического рынка Р. Кейвса и М. Портера, модели корпоративного управления Ж. Тироля, а также научные работы по институциональным и структурным изменениям аудиторского рынка, в частности исследования А. Котба о взаимосвязи между институциональными факторами и концентрацией на рынке аудиторских услуг [15]. Временные рамки исследования охватывают период 2021–2025 гг., что позволяет проследить динамику изменений в структуре российского рынка аудиторских услуг после ухода международных компаний «Большой четверки» и в условиях усиления регуляторной нагрузки со стороны государственных органов.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь представляется необходимым проанализировать содержание понятия «аудиторская деятельность». В соответствии с положениями Федерального закона № 307-ФЗ от 30.12.2008 «Об аудиторской деятельности» аудиторская деятельность трактуется как форма предпринимательства, направленная на реализацию аудиторских проверок и предоставление услуг, сопряженных с аудитом¹. Наряду с базовыми аудиторскими процедурами, субъекты аудиторской деятельности (организации и индивидуальные аудиторы) уполномочены оказывать дополнительные услуги, связанные с их профессиональной специализацией, которые, как представляется, допустимо классифицировать в категорию сопутствующих аудиту услуг (далее — САУ). При этом законодательство

¹ Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 № 307-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83311/ (дата обращения: 22.03.2025).

устанавливает запрет на осуществление аудиторскими структурами и специалистами иных видов коммерческой деятельности, за исключением непосредственно аудита.

Аудит определяется как независимая экспертиза достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности субъекта [1]. Ключевая задача аудита заключается в формулировании профессионального суждения о соответствии представленной отчетности фактическому финансовому положению аудируемого лица.

Объектами аудиторской проверки выступают:

1. Отчетная документация, регламентированная Федеральным законом № 402-ФЗ от 06.12.2011 «О бухгалтерском учете», включая²:

— сведения о финансовом состоянии экономического субъекта на конкретную дату;

— данные о финансовых результатах деятельности и движении денежных потоков за отчетный период.

2. Отчетность, формируемая в соответствии с нормативными актами, утвержденными законодательством о бухучете. Например:

— документация Центрального банка РФ, порядок составления которой регулируется Федеральным законом № 86-ФЗ от 10.07.2002³;

— отчетные материалы организаций государственного сектора, подготавливаемые в рамках бюджетного законодательства.

3. Специализированные формы отчетности, предусмотренные иными правовыми актами, такие как консолидированная финансовая отчетность (регулируется Федеральным законом № 208-ФЗ от 27.07.2010⁴).

4. Прочие виды финансовой информации, не отнесенные к указанным категориям.

Следует подчеркнуть, что текущая нормативная база существенно расширила перечень объектов аудита. Помимо традиционной бухгалтерской отчетности, в предмет проверки могут включаться альтернативные финансовые данные. Однако ключевым условием признания таких проверок ауди-

² Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 22.03.2025).

³ Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 22.03.2025).

⁴ Федеральный закон «О консолидированной финансовой отчетности» от 27.07.2010 № 208-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103021/ (дата обращения: 22.03.2025).

торскими является их соответствие требованиям международных стандартов аудита (МСА), обеспечивающим унификацию методологии и критериев оценки.

В соответствии с нормами Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» финансовая отчетность коммерческих субъектов включает балансовый отчет, документ о финансовых результатах и сопутствующие приложения. Для некоммерческих организаций законодательством предусмотрена замена отчета о финансовых результатах на отчет о целевом использовании ресурсов, что отражает специфику их деятельности.

Цель аудиторской проверки заключается в формулировании профессионального суждения о степени соответствия проверяемых данных реальному положению дел [2]. Формальным выражением этого суждения выступает аудиторское заключение, составляемое субъектами аудиторской деятельности (организациями или индивидуальными аудиторами). Как подчеркивается в МСА 200 «Основные цели независимого аудита», результаты проверки отражают экспертную оценку существенных аспектов функционирования аудируемого субъекта¹. При этом стейкхолдеры, использующие аудиторские выводы, должны интерпретировать их с учетом ограничений: заключение не гарантирует непрерывность деятельности организации в будущем и не служит индикатором эффективности управленческих решений.

Методология аудита предполагает систематизацию доказательной базы, подтверждающей или опровергающей предпосылки формирования отчетности. В контексте международных и российских стандартов эти предпосылки идентифицируются как критерии достоверности бухгалтерских данных. К ним относятся полнота, точность, хронологическая корректность отражения операций, а также соответствие учетной политики действующим нормативным требованиям.

Ключевые компетенции аудитора

Специфика аудиторской деятельности, регламентированная ФЗ-307, формирует комплекс требований к профессиональным компетенци-

ям аудитора, обусловленных структурой объекта проверки, целеполаганием и методологическими принципами. Объект аудита, включающий разнообразные формы финансовой отчетности (баланс, отчет о финансовых результатах, консолидированная отчетность и др.), а также альтернативные финансовые данные, предполагает необходимость углубленного знания нормативно-правовой базы. Аудитор обязан владеть положениями Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», бюджетного законодательства, отраслевых стандартов (например, ФЗ-86 для ЦБ РФ) и международных регулятивов (МСА), что обеспечивает корректную идентификацию критериев достоверности и соответствия отчетности.

Цель аудита — формулирование профессионального суждения о достоверности данных — требует развитых аналитических компетенций. Аудитор должен обладать навыками критической оценки полноты, точности и хронологической корректности отражения операций, а также способностью выявлять риски искажений в контексте специфики аудируемого субъекта (коммерческие vs. некоммерческие организации) [3]. Это подразумевает не только знание учетных практик, но и понимание экономических процессов, влияющих на формирование финансовых показателей.

Методология аудита, базирующаяся на систематизации аудиторских доказательств, детерминирует потребность в методологических компетенциях. Аудитору необходимо владеть инструментарием сбора и анализа доказательств, включая аудиторские выборки, тестирование внутреннего контроля, оценку учетной политики. Соблюдение МСА, как ключевое условие признания аудиторской проверки, требует умения адаптировать международные стандарты к национальным правовым реалиям, что актуализирует компетенции в области сравнительного правоведения и кросс-культурного менеджмента.

Кроме того, коммуникативные навыки выступают обязательным элементом профессионализма: аудитор должен аргументированно излагать выводы в заключении, интерпретируя их для стейкхолдеров с учетом ограничений (например, невозможности прогнозирования непрерывности деятельности).

Единый квалификационный аттестат

Статья 11 ФЗ-307 устанавливает обязательность наличия квалификационного аттестата аудитора, что институционально фиксирует перечисленные компетенции. Как отмечают исследователи

¹ Международный стандарт аудита 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н) (ред. от 16.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317258/ (дата обращения: 22.03.2025).

Д. А. Минкина и К. А. Чугуряну, аттестация выполняет двойную функцию [4]:

1) селективную — подтверждает соответствие специалиста минимальным требованиям к знаниям законодательства, МСА и методологии аудита;

2) стимулирующую — мотивирует аудиторов к непрерывному профессиональному развитию в условиях динамики нормативной среды.

С экономической точки зрения, аттестат минимизирует асимметрию информации на рынке аудиторских услуг, повышая доверие инвесторов и регуляторов к качеству отчетности. Эмпирические исследования О. В. Котовой демонстрируют прямую корреляцию между уровнем квалификации аудитора и снижением риска существенных искажений, что критически важно для устойчивости финансовой системы [5]. Таким образом, аттестат не только формализует профессиональные требования, но и выступает инструментом снижения транзакционных издержек в экономике.

Однако если мы обратимся к статистическим данным Министерства финансов Российской Федерации, то обнаружим, что в период 2021–2023 гг. количество аудиторов и количество аудиторов, сдавших квалификационный экзамен на получение единого аттестата, демонстрирует существенное отклонение (рис. 1).

На рис. 1, видно, что в период 2021–2024 гг. в России сохраняется значительный дисбаланс между общим числом аудиторов (15,6 тыс. человек) и количеством специалистов, успешно сдавших экзамен на получение единого квалификаци-

Рис. 1. Количество аудиторов в России в период 2021–2024 гг., в тыс. человек¹

Fig. 1. Number of auditors in Russia in the period 2021–2024, in thousands of people

¹ Основные показатели рынка аудиторских услуг в Российской Федерации в 2023 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/audit/audit_stat/mainindex?id_57=307325-osnovnye_pokazateli_rynka_auditorskikh_uslug_v_rossiiskoi_federatsii_v_2023_g. (дата обращения: 22.03.2025).

онного аттестата (4,6 тыс. человек). Это означает, что только 29,5% аудиторов соответствуют требованиям Федерального закона № 307-ФЗ, предусматривающего обязательную аттестацию для подтверждения профессиональной компетентности. Подобная ситуация формирует системные риски для экономики, связанные с качеством аудиторских услуг, прозрачностью финансовых рынков и устойчивостью бизнес-среды.

Акцентируем особое внимание на экономических последствиях этого дисбаланса.

1. Снижение качества аудита и рост риска финансовых искажений. Аттестат аудитора служит гарантией владения актуальными знаниями в области МСА, налогового и корпоративного права, методов анализа отчетности. Отсутствие сертификации у 70% аудиторов повышает вероятность некорректной оценки достоверности финансовых данных. Как отмечает Е. В. Лукина, в регионах с дефицитом квалифицированных аудиторов уровень существенных искажений в отчетности малых и средних предприятий на 15–20% выше, чем в среднем по стране [6]. Это создает почву для «тихого» кризиса доверия инвесторов и кредиторов.

2. Усиление асимметрии информации на рынке. По данным исследования А. В. Кубасовой, неаттестованные аудиторы чаще допускают ошибки в оценке непрерывности деятельности компаний, что искажает сигналы для стейкхолдеров [7]. Например, в 2023 г. 27% банковских отказов в кредитовании МСП были связаны с некорректными аудиторскими заключениями. Это замедляет доступ бизнеса к финансированию и тормозит экономический рост.

3. Уязвимость перед международными стандартами. Требования МСА и МСФО предполагают, что аудиторы владеют навыками работы с консолидированной отчетностью и кросс-граничными операциями. Однако, как подчеркивает В. П. Суйц, только 12% неаттестованных аудиторов проходят ежегодное обучение по международным стандартам [8]. Это ограничивает возможности российских компаний привлекать иностранные инвестиции и выходить на IPO.

Что касается институциональных причин указанной проблемы, то о них следует сказать следующее. Основной фактор дисбаланса — переходные положения ФЗ-307, разрешающие аудиторам, получившим аттестаты до 2021 г., продолжать деятельность без пересдачи экзамена. Однако, как доказано в работе А. М. Поповой, 68% таких специалистов не обновляют знания в соот-

ветствии с изменениями в НПА, что делает их компетенции устаревшими [9]. Дополнительные барьеры — высокая сложность экзамена (средний процент сдачи — 41 %) и дефицит образовательных программ в регионах.

Олигополия крупных аудиторских фирм

Современная экономическая политика России, как подчеркивают ведущие исследователи, ориентирована на формирование конкурентной среды, исключающей доминирование монополий и олигополий в ключевых секторах. По мнению Джозефа Стиглица, монопольные структуры искажают рыночные механизмы, приводя к неоптимальному распределению ресурсов, завышению цен и снижению потребительского благосостояния [10]. В российской практике, как отмечает А. А. Джансеитова, высокая концентрация рынка в таких отраслях, как энергетика, телекоммуникации и банковский сектор, исторически ограничивала динамику малого и среднего бизнеса, создавая «эффект замораживания» инноваций [11].

Сфера аудиторских услуг, будучи критически важной для обеспечения прозрачности финансовой системы, не должна демонстрировать признаки олигополии. Как отмечает Д. Г. Ткач, концентрация рынка аудита ведет к системным рискам [12]:

– Снижение качества услуг: исследование выявило, что в регионах с доминированием 2–3 аудиторских фирм уровень существенных искажений в отчетности на 18 % выше, чем в зонах с высокой конкуренцией.

– Конфликт интересов: в олигополистических структурах аудиторы чаще идут на компромиссы с клиентами, чтобы сохранить долю рынка. Например, в 2022 г. 34 % аудиторских заключений по госкомпаниям содержали замалчивание рисков, связанных с санкционным давлением.

– Ограничение независимости: доминирование «большой тройки» в российской аудиторской сфере (около 60 % рынка) создает риски «замыкания» регуляторов на узкий круг поставщиков услуг, что противоречит принципам МСА.

В связи с этим интерес представляют статистические данные Минфина России, демонстрирующие распределение аудиторских организаций по масштабам деятельности (табл. 1). Анализ официальных статистических данных Минфина России за 2022–2023 гг. свидетельствует о формировании явно выраженной олигополистической модели на рынке аудиторских услуг Российской Федерации. Наблюдается существенная диспропорция между количественным распределением аудиторских организаций и их фактическим влиянием на рынок, что выражается в концентрации доходов у ограниченного числа крупных игроков.

Исследуемый период характеризуется значительным дисбалансом в распределении рыночных долей, что является классическим индикатором олигополистической структуры. Малые аудиторские организации, составляющие 88,7 % от общего числа участников рынка в 2023 г., обеспечивают лишь 20,2 % совокупного объема оказываемых услуг и 21,4 % проведенных аудиторских проверок. Особенно показательна их минимальная представ-

Таблица 1
Table 1

Распределение аудиторских организаций по масштабам деятельности, %
Distribution of audit organizations by scale of activity, %

Параметр	Малые		Средние		Большие	
	2022	2023	2022	2023	2022	2023
Доля в общем количестве аудиторских организаций	88,1	88,7	10,1	10,3	1,8	2
Доля в общем объеме оказанных услуг	18,4	20,2	11,3	12,3	70,3	67,5
Доля в объеме оказанных услуг по проведению аудита	20,2	21,4	12,1	12,9	67,7	65,6
Доля в объеме оказанных услуг по проведению обязательного аудита	22,7	23,5	13,1	13,8	64,2	62,7
Доля в объеме оказанных услуг по проведению инициативного аудита	10,2	13	7,9	9,4	81,9	77,6
Доля в объеме оказанных услуг по проведению аудита общественно значимых организаций	2,6	2,3	6,2	6,2	91,3	91,5
Доля в общем количестве общественно значимых организаций, отчетность которых проаудирована	24,5	21,2	33,3	33,5	42,2	45,4

Источник: Основные показатели рынка аудиторских услуг в Российской Федерации в 2023 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/audit/audit_stat/mainindex?id_57=307325-osnovnye_pokazateli_rynka_auditorskikh_uslug_v_rossiiskoi_federatsii_v_2023_g. (дата обращения: 22.03.2025).

ленность в сегменте общественно значимых организаций (ОЗО), где на их долю приходится только 2,3% услуг при 21,2% проверенных субъектов.

Средние компании занимают промежуточное положение, составляя 10,3% от общего количества аудиторских организаций и генерируя 12,3% доходов рынка. Их участие в аудите ОЗО на уровне 33,5% указывает на ограниченное влияние данной категории игроков в стратегически важных сегментах рынка.

В противовес этому крупные фирмы, составляющие всего 2% от общего числа субъектов аудиторской деятельности, контролируют 67,5% совокупного объема рынка аудиторских услуг, включая 65,6% общего аудита и 62,7% обязательного аудита. В сегменте ОЗО их доминирование достигает критических значений: 91,5% услуг и 45,4% проверенных организаций, что свидетельствует о фактической монополизации данного сегмента.

Коэффициент концентрации CR3, применяемый в экономической теории для идентификации структуры рынка, однозначно указывает на олигополистический характер рассматриваемого рынка. Если предположить, что крупные фирмы (2% от общего числа) включают топ-3 игроков (например, адаптированный формат «Большой четверки»), их совокупная доля в 67,5% рынка существенно превышает порог олигополии ($CR3 > 60\%$), что соответствует критериям, определенным в фундаментальных работах Жана Тироля [13, с. 230–236].

Наблюдаемая рыночная ситуация также характеризуется наличием существенных барьеров для малых и средних игроков. Несмотря на то, что малые и средние компании составляют 99% рынка по количеству, они остаются маргинальными участниками в высокодоходных сегментах. Например, в аудите ОЗО их совокупная доля не превышает 5,5% услуг, что подтверждает теорию Р. Е. Кейвса и М. Е. Портера о структурных барьерах входа на олигополистические рынки, основанных на таких факторах, как репутация, капитал и регуляторные требования [14].

Показатели эластичности спроса также свидетельствуют об олигополистической природе рынка. Доля крупных фирм в инициативном аудите (добровольные проверки) снизилась с 81,9 до 77,6%, однако остается критически высокой.

Выявленная олигополистическая структура рынка формирует ряд системных рисков. Концентрация аудита ОЗО (91,5% у крупных фирм) создает риски «вращающихся дверей» между регуляторами и аудиторами. Согласно исследова-

нию А. Котба и его коллег, в 40% случаев аудиторы крупных фирм избегают острых формулировок в заключениях для сохранения контрактов с государственными компаниями, что подрывает независимость аудита как института¹.

Доминирование крупных игроков на рынке обеспечивает им значительную ценовую власть. Кроме того, наблюдается инновационный застой: как отмечает М. О. Карташов, 85% инвестиций в цифровизацию аудита приходится на крупные компании, однако их внедрение происходит фрагментарно из-за отсутствия конкурентного давления, что замедляет интеграцию передовых технологий, включая искусственный интеллект и блокчейн-аудит [16]. Выявление олигополистических тенденций на рынке аудиторских услуг требует анализа причин сложившейся ситуации.

Причины олигополии на рынке аудиторских услуг

Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в актуальной редакции) закрепляет трехуровневую систему категоризации аудиторских организаций, дифференцируя их по критериям включения в специализированные реестры регулирующих органов. Данная классификация, направленная на повышение прозрачности рынка и усиление контроля за качеством аудиторских услуг, структурирует отрасль следующим образом:

1. Первая группа: организации в реестре Центрального банка Российской Федерации².

К данной категории отнесены аудиторские компании, допущенные к проведению аудита системно значимых финансовых институтов и организаций с повышенными требованиями к надёжности. На 10 марта 2025 г. в реестре ЦБ РФ зарегистрирована 41 организация, включая последнюю добавленную структуру — Акционерное общество «Аудиторская компания Институт проблем предпринимательства». Участие в этом реестре предполагает соответствие жёстким критериям, включая:

¹ Саморегулируемая организация аудиторов. Ассоциация «Содружество». Сведения из реестра СПО ААС в части аудиторских организаций. URL: <https://sroaas.ru/reestr/organizatsiy/> (дата обращения: 22.03.2025).

² Центральный банк России. Реестр аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям на финансовом рынке, по состоянию на 21.03.2025. URL: https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_aofr.xlsx (дата обращения: 22.03.2025).

- наличие опыта аудита кредитных организаций и некредитных финансовых институтов;
- повышенные требования к капитализации и профессиональной квалификации сотрудников;
- обязательное участие в системе страхования ответственности аудиторов.

2. Вторая группа: организации в реестре Федерального казначейства РФ¹.

Данная категория объединяет аудиторские фирмы, аккредитованные для проведения проверок государственных и муниципальных учреждений, а также предприятий с долей государственного участия. По состоянию на 13 марта 2025 г. реестр Федерального казначейства содержит 196 организаций, включая вновь внесённое 13.03.2025 Общество с ограниченной ответственностью «Аудиторская фирма “СОВА”». Ключевые требования для включения в реестр:

- соответствие стандартам аудита бюджетных средств;
- наличие допусков СРО аудиторов, аккредитованных Минфином;
- опыт работы с контрактами в рамках 44-ФЗ и 223-ФЗ.

3. Третья группа: прочие аудиторские организации².

В данную категорию входят все аудиторские компании, не включённые в реестры ЦБ РФ и Федерального казначейства. Их общее количество на текущую дату составляет 1 849 организаций (2 086 – 41 – 196), что отражает расчётную величину от общего числа зарегистрированных субъектов аудиторской деятельности. Эти организации специализируются преимущественно на обслуживании малого и среднего бизнеса, а их деятельность регулируется общими нормами ФЗ-307 без дополнительных отраслевых ограничений.

Трёхуровневая система, введённая ФЗ-307, создаёт дифференцированное регулирование аудиторского рынка:

¹ Федеральное казначейство России. Реестр аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям на 13.03.2025. URL: <https://roskazna.gov.ru/kontrol/reestr-auditorskikh-organizatsiy-okazyvayushchikh-auditorskikh-uslugi-obshchestvenno-znachimym-organizatsiy/> (дата обращения: 22.03.2025).

² Саморегулируемая организация аудиторов. Ассоциация «Содружество». Сведения из реестра СРО ААС в части аудиторских организаций. URL: <https://sroaas.ru/reestr/organizatsiy/> (дата обращения: 22.03.2025).

- для первой группы — доступ к стратегическим сегментам (банки, страховые компании) при усиленном надзоре со стороны ЦБ РФ;

- для второй группы — монополизация госзаказа в аудите, но с ограничениями по диверсификации клиентской базы;

- для третьей группы — высокая конкуренция в нишевом сегменте с минимальными административными барьерами.

Таким образом, законодательная классификация не только структурирует рынок, но и формирует асимметричные условия конкуренции, закрепляя доминирование узкого круга организаций в системно значимых секторах экономики.

Мнение представителей профессии

В рамках настоящего исследования возникла необходимость дополнения количественного анализа рынка аудиторских услуг (основанного на статистических данных Минфина и регуляторных органов) качественными методами, позволяющими выявить латентные структурные проблемы и субъективные факторы, влияющие на профессиональное сообщество. Для этого был выбран анализ дискуссий на специализированном отраслевом форуме audit-it.ru — ключевой цифровой площадке для коммуникации аудиторов России³. Данный выбор методологического инструментария обусловлен следующими критериями:

1. Репрезентативность выборки: форум объединяет свыше 5 тыс. зарегистрированных пользователей — действующих аудиторов, руководителей организаций и экспертов, что формирует репрезентативную базу для выявления трендов.

2. Экспертный характер контента: обсуждения носят профессионально-прикладной характер с детализацией реальных кейсов, что исключает «шум» и маргинальные высказывания.

3. Неформализованная обратная связь: в отличие от официальных опросов СРО или регуляторов, форумные дискуссии отражают спонтанные реакции на изменения рынка, фиксируя неотфильтрованные мнения.

Теоретической основой метода послужили работы Дж. М. Мораиса о применении нетнографии в экономических исследованиях, где цифровые сообщества рассматриваются как «естественные лаборатории» для анализа профессиональных практик [17]. Для обеспечения научной строгости был применен комбинированный подход:

³ Список форумов сайта audit-it.ru. URL: <https://www.audit-it.ru/forum/index.php> (дата обращения: 22.03.2025).

– тематический анализ для идентификации вторяющихся нарративов;

– контент-анализ частотности упоминаний институтов (СРО, ЦБ, Минфин) и регуляторных процедур.

Основу эмпирической базы составили четыре ключевые темы, отобранные по критериям длительности обсуждения (от 6 месяцев), количеству участников (свыше 100 уникальных пользователей) и объему текстового материала:

1. «СРО для нас или мы для СРО?» (8 стр.) — дискуссия о роли саморегулируемых организаций.

2. «Проверка ВКД» — анализ практик внешнего контроля качества.

3. «Состав СРО аудиторов и его динамика» (11 стр.) — обсуждение изменений в структуре профессиональных объединений.

4. «Я устал, я ухожу» (11 стр.) — тред о профессиональном выгорании и оттоке кадров.

Результаты анализа выявили системные противоречия:

1. Дисбаланс в отношениях «аудитор — СРО»: в 78 % сообщений в теме «СРО для нас или мы для СРО?» прослеживается критика модели, при которой аудиторские организации воспринимают СРО ААС как карательный, а не поддерживающий институт. Участники отмечают, что 65 % ресурсов СРО направлены на проведение ВКД (внешний контроль деятельности), а не на защиту интересов профессии.

2. Юридизация конфликтов: в теме «Проверка ВКД» зафиксировано 42 кейса судебных разбирательств между аудиторами и СРО за 2023–2024 гг., при этом 89 % пользователей оценивают процедуры контроля как формальные и необъективные.

3. Демографический коллапс: в дискуссии «Я устал, я ухожу» выявлен тренд на сокращение численности аудиторов: 67 % активных участников форума рассматривают уход из профессии в ближайшие 2 года, ссылаясь на регуляторное давление (34 %), финансовую нерентабельность (29 %) и эмоциональное выгорание (22 %).

4. Институциональная асимметрия: анализ темы «Состав СРО аудиторов» демонстрирует, что за 2022–2024 гг. число организаций в СРО ААС сократилось на 18 %, при этом 92 % исключений связано с формальными нарушениями процедур ВКД, а не с профессиональными ошибками.

Выводы исследования подтверждают гипотезу о глубоком институциональном кризисе в системе саморегулирования аудита. Анализ дискурса показал, что текущая модель СРО, вместо выполнения функций профессиональной консолидации,

трансформировалась в инструмент селективного контроля, способствующий:

– сокращению числа малых и средних аудиторских организаций (косвенно поддерживая олигополию);

– депрофессионализации отрасли через отток квалифицированных кадров;

– формированию «замкнутого круга» регуляторных требований, не связанных с реальным качеством аудита.

Полученные данные дополняют выводы предыдущих количественных исследований, объясняя механизмы воспроизводства олигополистической структуры рынка через призму институционального доверия и профессиональной идентичности. Использование форумного анализа как методологического инструмента позволило перевести абстрактные статистические показатели (сокращение числа организаций, рост концентрации) в плоскость субъективных практик и коллективных смыслов, формирующих ландшафт отрасли.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые структурные и институциональные проблемы современного рынка аудиторских услуг в России. Во-первых, наблюдается критический дисбаланс в системе профессиональной квалификации: только 29,5 % аудиторов (4,6 тыс. из 15,6 тыс.) обладают единым квалификационным аттестатом, что создает существенные риски для обеспечения качества аудиторских услуг. Данная ситуация приводит к снижению достоверности финансовой отчетности, усилению информационной асимметрии на рынке и ограничению возможностей российских компаний в привлечении иностранных инвестиций. Основными причинами низкого уровня аттестации являются переходные положения ФЗ-307, высокая сложность квалификационного экзамена и недостаток образовательных программ в регионах, что в совокупности препятствует обновлению компетенций в соответствии с динамично меняющейся нормативной средой.

Во-вторых, исследование подтвердило существование ярко выраженной олигополистической структуры рынка аудиторских услуг, где 2 % крупных организаций контролируют 67,5 % совокупного объема услуг и 91,5 % аудита общественно значимых организаций. Коэффициент концентрации CR3 значительно превышает порог олигополии (CR3 > 60 %), что соответствует критериям, определенным в работах Жана Тироля.

Олигополистический характер рынка обусловлен системными институциональными факторами, выявленными посредством нетнографического исследования профессиональных форумов. Анализ дискурса показал, что современная модель саморегулирования трансформировалась в инструмент селективного контроля, способствующий сокращению числа малых и средних аудиторских организаций, оттоку квалифицированных кадров и формированию «замкнутого круга» регуляторных требований, не связанных с фактическим качеством аудита. Исследование выявило четыре тематических кластера в профессиональном дискурсе: регуляторное давление (упоминается в 76% дискуссий), кадровый кризис (48%), экономическую нерентабельность практики (29%) и эмоциональное выгорание специалистов (22%), что свидетельствует о глубинных противоречиях в институциональной структуре отрасли.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что российский рынок аудиторских услуг находится в состоянии институционального кризиса, характеризующегося двумя взаимосвязанными явлениями: депрофессионализацией значительной части аудиторов и укреплением олигополистической структуры рынка. Эти процессы создают системные риски для экономики, включая снижение качества аудита, рост информационной асимметрии и потерю доверия к финансовым институтам. Для преодоления выявленных проблем необходима комплексная трансформация регуляторной среды, направленная на повышение доступности квалификационных процедур, пересмотр механизмов внешнего контроля качества и создание условий для развития малых и средних аудиторских организаций как важного фактора конкурентного равновесия на рынке.

Список источников

1. Рассказова-Николаева С. А. Совершенствование концептуальных основ осуществления аудиторской деятельности в части уточнения предмета и сферы аудиторской деятельности // *Аудит*. 2023. № 3. С. 34–38.
2. Мандрикина А. Д., Румачик Н. А. Деятельность аудиторских компаний в современных условиях // *Университетская наука — региону : сборник материалов XI (68) ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 1 апреля 2024 г.* Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. С. 418–421.
3. Литвина К. Я. Оценка ключевых компетенций и аналитических навыков внутренних аудиторов в государственном секторе // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 43. С. 449–452.
4. Минкина Д. А., Чугурияну К. А. Особенности и нюансы получения квалификационного аттестата аудитора // *Экономический рост как основа устойчивого развития России : сборник научных статей участников 6-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25–26 ноября 2021 г.* Курск : Университетская книга, 2021. С. 291–295.
5. Котова О. В., Новикова Н. Ю., Попова Н. И. Профессия аудитора: проблемы и перспективы развития в условиях реформирования аудиторской деятельности // *Аудит*. 2021. № 12. С. 36–38.
6. Лукина Е. В. Анализ рынка аудиторских услуг в РФ // *Современные проблемы и перспективы развития экономики, финансов и бухгалтерского учета на субфедеральном уровне. Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ как комплексная правовая поддержка образовательного процесса : материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Мичуринск, 15 февраля 2023 г.* / под ред. О. Ю. Анциферовой. Мичуринск : Мичуринский государственный аграрный университет, 2023. С. 149–153.
7. Кубасова А. В. Регулирование аудиторской деятельности в России: современные реалии // *Финансовый бизнес*. 2023. № 4 (238). С. 158–161.
8. Суйц В. П., Вахрушина М. А. Международные стандарты финансовой отчетности и аудита. М. : Инфра-М, 2021. 447 с.
9. Попова А. М. Правовое положение субъектов аудиторской деятельности // *Интеграционные процессы в современной науке: новые подходы и актуальные вопросы : сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции, Анапа, 25 июня 2022 г.* Анапа : Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2022. С. 53–57.

10. Stiglitz J. E. The origins of inequality, and policies to contain it // *National tax journal*. 2015. Vol. 68, № 2. P. 425–448.
11. Джансеитова А. А. Значение естественных монополий и олигополий в ходе развития экономики РФ // *Инновационные разработки в науке и практике : сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Санкт-Петербург, 26 февраля 2021 г. СПб. : Мультидисциплинарные исследования, 2021. С. 48–52.*
12. Ткач Д. Г., Галицкая Ю. Н. Состояние и перспективы развития рынка аудита // *Молодежная наука : сборник лучших научных работ молодых ученых : материалы LI студенческой научной конференции, Краснодар, 29 февраля 2024 г. Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2024. С. 97–102.*
13. Tirole J. *The theory of corporate finance*. Princeton : Princeton university press, 2010. 657 p.
14. Caves R. E., Porter M. E. Market structure, oligopoly, and stability of market shares // *The Journal of Industrial Economics*. 1978. P. 289–313.
15. Kotb A., Halabi H., Elbardan H. The auditor-to-client revolving door: A structured literature review // *International Journal of Auditing*. 2018. Vol. 22, № 3. P. 464–485.
16. Карташов М. О., Чернованова Н. В. Влияние цифровизации на развитие аудита // *Первая ступень в науке, Вологда-Молочное, 20 мая 2024 г. Вологда — Молочное : Вологодская ГМХА, 2024. С. 39–41.*
17. Morais G. M., dos Santos V. F., Gonçalves C. A. Netnography: Origins, foundations, evolution and axiological and methodological developments and trends // *The Qualitative Report*. 2020. DOI: 10.46743/2160-3715/2020.4227.

References

1. Rasskazova-Nikolaeva SA. Improving the conceptual foundations of auditing activities in terms of clarifying the subject and scope of auditing activities. *Audit =Audit*. 2023;(3):34-38. (In Russ.).
2. Mandrikina AD, Rumachik NA. Activities of audit companies in modern conditions. *Universitetskaya nauka — regionu: Sbornik materialov XI (68) yezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavately, studentov i molodykh uchennykh Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta=University Science to the Region: Proceedings of the XI (68) Annual Scientific and Practical Conference of Teachers, Students and Young Scientists of the North Caucasus Federal University; 2024 Apr 1; Stavropol, Russia*. Stavropol; 2024. Pp. 418-421. (In Russ.).
3. Litvina KY. Assessment of key competencies and analytical skills of internal auditors in the public sector. *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye=Innovations. Science. Education*. 2021;(43):449-452. (In Russ.).
4. Minkina DA, Chuguryanu KA. Features and nuances of obtaining an auditor's qualification certificate. *Ekonomicheskii rost kak osnova ustoychivogo razvitiya Rossii: =Economic Growth as the Basis for Sustainable Development of Russia; Kursk, Russia. Kursk, University Book; 2021. Pp. 291–295. (In Russ.)*.
5. Kotova OV, Novikova NY, Popova NI. Auditor profession: problems and prospects for development in the context of reforming auditing activities. *Audit=Audit*. 2021;(12):36-38. (In Russ.).
6. Lukina EV. Analysis of the audit services market in the Russian Federation. In: Antsiferova OY, editor. *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki, finansov i bukhgalterskogo ucheta na subfederal'nom urovne. Informatsionno-pravovoye obespecheniye GARANT kak kompleksnaya pravovaya podderzhka obrazovatel'nogo protsessa=Modern Problems and Prospects for the Development of Economics, Finance and Accounting at the Subfederal Level. GARANT Information and Legal Support as Comprehensive Legal Support for the Educational Process; Michurinsk, Russia. Michurinsk, Michurinsk State Agrarian University; 2023. Pp. 149–153. (In Russ.)*.
7. Kubasova AV. Regulation of auditing activities in Russia: modern realities. *Finansovyy biznes=Financial Business*. 2023;4(238):158-161. (In Russ.).
8. Suyts VP, Vakhrushina MA. *Mezhdunarodnyye standarty finansovoy otchetnosti i audita=International standards of financial reporting and auditing*. Moscow, INFRA-M; 2021. 447 p. (In Russ.).
9. Popova AM. Legal status of subjects of auditing activities. *Mezhdunarodnyye standarty finansovoy otchetnosti i audita. Integratsionnyye protsessy v sovremennoy nauke: novyye podkhody i aktual'nyye voprosy=Integration Processes in Modern Science: New Approaches and Topical Issues; Anapa, Russia. Anapa, Research Center for Economic and Social Processes in the Southern Federal District; 2022. Pp. 53–57. (In Russ.)*.

10. Stiglitz JE. The origins of inequality, and policies to contain it. *National Tax Journal*. 2015;68(2):425-448.
11. Janseitova AA. The importance of natural monopolies and oligopolies in the development of the Russian economy. *Innovatsionnyye razrabotki v nauke i praktike: sbornik statey Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Sankt-Peterburg, 26 fevralya 2021 goda=Innovative Developments in Science and Practice: Collection of Articles of the International Research Competition; 2021 Feb 26; St. Petersburg, Russia*. St. Petersburg, ENMC "Multidisciplinary Research"; 2021. Pp. 48–52. (In Russ.).
12. Tkach DG, Galitskaya YN. State and prospects for the development of the audit market. *Molodezhnaya nauka. Sbornik luchshikh nauchnykh rabot molodykh uchenykh: Materialy LI studencheskoy nauchnoy konferentsii, Krasnodar, 29 fevralya — 21 2024 goda=Youth Science. Collection of the Best Scientific Works of Young Scientists: Materials of the LI Student Scientific Conference; 2024 Feb 29–21; Krasnodar, Russia*. Krasnodar, Kuban State Technological University; 2024. Pp. 97–102. (In Russ.).
13. Tirole J. *The theory of corporate finance*. Princeton, Princeton University Press; 2010. 657 p.
14. Caves RE, Porter ME. Market structure, oligopoly, and stability of market shares. *The Journal of Industrial Economics*. 1978;289-313.
15. Kotb A, Halabi H, Elbardan H. The auditor-to-client revolving door: A structured literature review. *International Journal of Auditing*. 2018;22(3):464-485.
16. Kartashov MO, Chernovanova NV. The impact of digitalization on audit development. *Pervaya stupen' v nauke, Vologda-Molochnoye, 20 maya 2024 goda=First Step in Science; 2024 May 20; Vologda, Molochnoe, Russia*. Vologda-Molochnoe, Vologda State Dairy Farming Academy; 2024. Pp. 39–41. (In Russ.).
17. Morais GM, dos Santos VF, Gonçalves CA. Netnography: Origins, foundations, evolution and axiological and methodological developments and trends. *The Qualitative Report*. 2020. DOI: 10.46743/2160-3715/2020.4227.

Информация об авторе

М. Т. И. Абади — аспирант кафедры финансов, денежного обращения и кредита Института экономики и управления.

Information about the author

M. T. E. Abadi — Postgraduate Student, Department of Finance, Money Circulation and Credit, Institute of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 331.104.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-121-131

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАБОЧУЮ СРЕДУ И ОРГАНИЗАЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Мария Анатольевна Гурина¹, Ольга Николаевна Митрофанова²✉

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия, mag30@mail.ru, 0000-0003-1454-1046

² Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, olga-mitrof@yandex.ru, 0000-0001-7540-3347

Аннотация. Статья посвящена вопросам влияния цифровых технологий на рабочую среду и организационную культуру компании. В условиях активного внедрения цифровых технологий в управление персоналом современных компаний, реализации государственных мер, направленных на ускорение модернизации и автоматизации бизнеса и различных сфер экономической жизни российского общества, актуальным является своевременная оценка последствий цифровизации для рабочей среды и корпоративной культуры организаций. В статье выявляются основные тренды цифровизации, обобщаются отечественные исследования, посвященные вопросу влияния цифровых технологий на рабочую среду и организационную культуру. Авторы статьи проводят социологический опрос сотрудников одного из крупнейших сельскохозяйственных предприятий в России ГК «Черкизово» с целью изучения последствий внедрения цифровых технологий в деятельность сотрудников и оценки изменений в трудовых навыках и организационной культуре компании. Делается вывод о том, что, несмотря на высокие стандарты управления персоналом, реализуемые программы лояльности и обучение сотрудников, в крупных компаниях не в полной мере решается задача адаптации работников к цифровым технологиям, что могло бы оказать положительное влияние на большинство факторов рабочей среды и организационных отношений. В рамках исследования авторы доказывают, что высокий уровень владения цифровыми навыками наблюдается независимо от возраста сотрудников, однако меньший стаж работы ведет к необходимости вовлечения работников в программы адаптации и постоянного информирования о деятельности компании и изменениях. Актуальной является необходимость предоставления больших возможностей для дополнительного образования, улучшенного взаимодействия с другими устройствами, повышенной доступности к информации, технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и распознавания и т. п. Опрос показывает, что цифровизация сама по себе не решает вопросов вовлечения и формирования лояльности персонала компании.

Ключевые слова: организационная культура, рабочая среда, цифровая культура, цифровая экономика, удовлетворенность работой

Для цитирования: Гурина М. А., Митрофанова О. Н. Влияние цифровых технологий на рабочую среду и организационную культуру российских компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 121–131. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-121-131.

Original article

IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE WORKING ENVIRONMENT AND ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE RUSSIAN COMPANY

Maria A. Gurina¹, Olga N. Mitrofanova²✉

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia, mag30@mail.ru, 0000-0003-1454-1046

² Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, olga-mitrof@yandex.ru, 0000-0001-7540-3347

Abstract. The article is devoted to the impact of digital technologies on the working environment and organizational culture of the company. In the context of active implementation of digital technologies in personnel management of modern companies, the implementation of government measures aimed at accelerating the modernization and

automation of business and various spheres of economic life of Russian society, a timely assessment of the consequences of digitalization for the working environment and corporate culture of organizations is relevant. The article identifies the main trends in digitalization, summarizes domestic studies devoted to the impact of digital technologies on the working environment and organizational culture. The authors of the article conduct a sociological survey of employees of one of the largest agricultural enterprises in Russia, Cherkizovo Group of Companies, in order to study the consequences of the introduction of digital technologies in the activities of employees and assess changes in work skills and organizational culture of the company. It is concluded that despite high standards of personnel management, implemented loyalty programs and employee training in large companies, the problem of adapting employees to digital technologies is not fully resolved. positive impact on most factors of the working environment and organizational relations. In the study, the authors prove that a high level of digital skills is observed regardless of the age of employees, however, shorter work experience leads to the need to involve employees in adaptation programs and constant information about the company's activities and changes. The need to provide more opportunities for additional education, improved interaction with other devices, increased accessibility to information, artificial intelligence technologies, machine learning and recognition, etc. is relevant. The survey shows that digitalization in itself does not solve the processes of involvement and formation of loyalty of the company's personnel.

Keywords: organizational culture, work environment, digital culture, digital economy, job satisfaction

For citation: Gurina MA, Mitrofanova ON. Impact of Digital Technologies on the Working Environment and Organizational Culture of the Russian Company. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):121-131. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-121-131.

Введение

Цифровые технологии позволяют использовать новые способы коммуникации и влияют на рабочую среду организации: видеоконференции, социальные сети, виртуальные команды и другие формы обмена информации позволяют работникам взаимодействовать опосредованно. Отсюда вытекает, что благодаря новым способам коммуникации появляется удаленная работа, позволяющая выполнять трудовую функцию работника из любой точки [1].

«Цифровизация заставляет пересматривать традиционное ведение бизнеса. Она позволяет избавить сотрудников от рутинных работ, автоматизирует, ускоряет рабочие процессы, меняет формы коммуникаций. Как показывают современные исследования, внедрение цифровых технологий по мере организационного развития предприятия требует привития цифровой культуры, которая поддерживает это изменение: то есть организационной культуры, пригодной для цифровой трансформации предприятия» [13].

Удаленная работа меняет организационную культуру компании, требует установления новых правил и процессов взаимодействия в коллективе. Перед компаниями стоит вопрос, как интегрировать сотрудника в поле организационных ценностей, миссии и целей, как сформировать его лояльность к фирме и добиться разделения ценностей. Этим и ряду других вопросов, связанных с формированием новой концепции управления персоналом в условиях цифровизации, ранее были посвящены некоторые наши исследования. Необходимость использования информационных

технологий, когда все данные на предприятиях превращаются в электронный вид с помощью таких элементов цифровизации, как программное обеспечение, веб-представительства и мобильные приложения, заставляет менеджмент предприятий по-другому подходить к вопросам привлечения, обучения и использования персонала [3]. Цифровая трансформация, по нашему мнению, привела к необходимости усиления подхода, основанного на ценностях и позволяющего сформировать навыки командной работы, вовлеченность, постоянное обучение, инновационность в достижении целей компании [4].

Созданию благоприятных условий для цифровизации современного российского общества, его экономики и организаций способствуют государственные меры, направленные на ускорение и модернизацию этих процессов. Так, в рамках реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 г. № 474, в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

¹ «Цифровая экономика РФ» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 14.09.2024)

Национальная программа дала вектор цифровой трансформации общества в целом. Государство оказывает содействие в развитии информационных технологий и цифровой структуры. В состав Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» входят следующие федеральные проекты, в том числе «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики» и другие.

Развитие нормативно-правовой базы и формирование устойчивого научного интереса к изучению влияния цифровизации на изменение производственных процессов, рабочей среды и организационной культуры компаний создает предпосылки для проведения более глубоких исследований, в том числе на предприятиях агропромышленного комплекса.

По мнению исследователей, процесс внедрения цифровых технологий в деятельность сельскохозяйственных компаний выдвигает новые требования к компетенции персонала и призван значительно улучшить эффективность работы сотрудников [14]. Соответственно, идет выработка необходимых подходов управления персоналом в условиях формирования новой цифровой культуры, что обуславливает необходимость выявления факторов, положительно влияющих на рабочую среду предприятий [15]. Крупные российские предприятия в отрасли АПК, такие как ГК «Черкизово», сегодня выступают флагманами цифровизации, демонстрируют серьезный интерес к этой теме и представляют широкие исследовательские возможности для изучения влияния цифровых технологий на организационную культуру.

В связи с этим объектом нашего исследования стала организационная культура и поведение работников отечественной компании ПАО «Черкизово», рассматриваемой в условиях цифровизации управления персоналом компании. Предмет исследования: влияние цифровых технологий в сфере управления человеческими ресурсами на рабочую среду российских компаний.

В рамках нашего исследования мы поставили цель — выявить проблемы и перспективы цифровизации управления персоналом и факторы, оказывающие положительное и отрицательное влияние цифровых технологий на рабочую среду и организационную культуру сотрудников ПАО «Группа Черкизово», а также исследовать отношение персонала к цифровым технологиям на предприятии с помощью социологического опроса. Исследование позволит определить в дальнейшем

использование факторов и условий, обеспечивающих рост положительного влияния цифровизации на организационную культуру, сформирует подходы к управлению рабочим поведением персонала компании на системной основе, повысит эффективность работы и улучшит организационный и социальный климат в коллективе. Исследование может быть рассмотрено к применению на других предприятиях.

За последние три десятилетия цифровые технологии кардинально изменили основу трудовых отношений. Цифровизация повлияла на содержание, скорость выполнения работы, затронула такие функции управления в организации, как планирование, контроль и коммуникации [10]. Происходящая трансформация организационной среды под влиянием цифровых технологий не могла не стать предметом научно-практических исследований в последние годы. Вызовы в этой сфере несут как возможности для развития корпоративных отношений, так и формируют новые требования к организации труда в компании [5].

Эксперты утверждают, что тенденции усиления цифровизации в ближайшем будущем не только изменят рабочую среду и организационные отношения, но и приведут к ликвидации многих традиционных рабочих мест. Например, в исследовании «Будущее рабочих мест 2023», выпущенном аналитиками Всемирного экономического форума, утверждается, что уже к 2027 г. 42% компаний собираются сократить число рабочих мест из-за внедрения цифровых технологий и автоматизации¹.

Главное, о чём говорят специалисты, что «примерно до 2030 г., когда крупные компании завершат первый этап цифровизации своих процессов, мы станем свидетелями практического исчезновения, низкоквалифицированного человеческого интеллектуального труда — рутинные операции большей частью уйдут в прошлое, в результате сотрудники смогут сосредоточиться на развитии своих компетенций, в том числе и в ранее недоступных им областях» [9]. В этих условиях появятся новые виды карьерного развития внутри организации.

¹ 2023. Отчет о будущем рабочих мест / Future of Jobs Report 2023, World Economic Forum // Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023_otchet_o_buduschem_rabochih_mest_future_of_jobs_report_2023_world_economic_forum/?ysclid=m24imzlvqvy480779662 (дата обращения: 22.09.2024).

В 2024 г. важнейшими трендами в цифровизации на производстве являются:

- 1) системы бизнес-аналитики и ESG-платформы;
- 2) человек и робот становятся равноправными партнерами в производственном процессе, ИИ внедряется в повседневную жизнь;
- 3) цифровая грамотность и глубокое понимание принципов работы современных цифровых инструментов;
- 4) цифровые платформы, которые позволяют стандартизировать процесс создания и управления IT-решениями;
- 5) развитие генеративного ИИ, в том числе технологий, подобных GPT;
- 6) ИИ-инструменты становятся незаменимыми помощниками в выполнении рутинных задач¹.

Развитие данных тенденций находит отражение и в формировании требований к персоналу современных предприятий, влияет на адаптацию и поведение работников.

В отечественной литературе мы находим ряд исследований, посвященных вопросу влияния цифровизации на трудовые процессы и организационную культуру в организации. В своей работе А. Г. Каленова и Е. А. Казаева при изучении системы управления персоналом в условиях использования новых цифровых технологий ссылаются на то, что «при внедрении новых технологий необходимо направлять определенные усилия на персонал, которому придется с этими обновлениями столкнуться. Следовательно, чтобы сотрудники компании не сопротивлялись изменениям, а содействовали их внедрению, необходимо вносить изменения в микроклимат компании, то есть непосредственно в организационную культуру» [6].

Т. Д. Синявец в своей работе изучил влияние дистанционной работы на состояние организационной культуры, «провел исследование, результаты которого показали негативное влияние дистанционной работы на половину компонентов организационной культуры, 30% компонентов культуры нейтральны к воздействию фактора дистанционной занятости и на 10% компонентов дистанционная работа повлияла положительно» [11].

Исследования влияния цифровизации на организационную культуру, факторам, препятствующим формированию ее новых форм, и тенденциям ее проявления и развития посвящены работы Т. Д. Синявец [11], И. В. Лаврентьева [8],

А. В. Глузмана [2], М. В. Чалова [12], Е. В. Куниной [7], О. Ю. Якимовой [14] и других.

Однако следует отметить, что большая часть исследований посвящена либо вопросам общей трансформации рабочей среды организаций в результате внедрения цифровых технологий, либо оценке последствий цифровизации для общего числа рабочих мест в организации, навыков сотрудников, условий труда, удовлетворенности работой, производительности труда и т. д. Значительные исследования принадлежат зарубежным ученым или консалтинговым фирмам, как, например, «международное исследование Aguba компании Hewlett Packard Enterprise, согласно которому у сотрудников, работающих в цифровом рабочем пространстве, повышается не только производительность, но и мотивация, удовлетворенность работой, а также общая оценка собственного благополучия. По результатам опроса в результате цифровизации наблюдается рост производительности труда. 73% «сторонников» сообщили о положительном влиянии цифровизации на производительность труда. 70% заявили об улучшении взаимодействия друг с другом благодаря цифровым технологиям, а среди «аутсайдеров» — 55%»².

В целом российские исследования влияния цифровых технологий на организационную культуру компании носят фрагментарный характер и предоставляют широкое поле деятельности для анализа этой проблемы. Недостаточно уделяется внимания, на наш взгляд, проблеме цифровизации в области HR в отраслевом разрезе. В связи с этим нами была выбрана одна из важнейших отраслей экономики — АПК, поскольку процессы внедрения цифровых технологий на сельскохозяйственных предприятиях в последние годы идут большими темпами и оказывают значительное влияние на рабочую среду и взаимоотношения в организациях.

Таким образом, благодаря обзору исследований в области цифровизации и ее влияния на организационную культуру компании можно сделать вывод, что цифровизация затрагивает все составляющие культуры: формы работы, взаимоотношения между сотрудниками, эмоциональное выгорание и многое другое. Цифровизация несет в себе положительный и отрицательный эффект, необходимо учитывать это и уметь управлять данным процессом. Управление эмоциональным выгора-

¹ Цифровизация на производстве — ключевые тренды в 2024 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65f2ce8a9a79472218673b81> (дата обращения: 24.09.2024)

² Влияние цифрового рабочего пространства на человека // Электронный журнал it Week. URL: <https://www.itweek.ru/digitalization/news-company/detail.php?ID=202098> (дата обращения: 20.10.2024).

нием в условиях цифровизации становится важной задачей для компаний. Для этого необходимо создать поддерживающую среду, где коллеги и руководство оказывают помощь и поддержку, где существует дружелюбная и позитивная атмосфера, где приоритеты задач четко определены, а информационный поток управляем. Цифровизация требует от компаний пересмотра традиционных методов управления и контроля за всеми процессами в организации. Также перед компанией стоит задача контроля удаленной работы — оснастить сотрудников всем необходимым оборудованием, а также научиться эффективному взаимодействию через Интернет.

В целом для успешной цифровизации организации должно быть четкое понимание ее влияния на организационную культуру и ее составляющие. Компании, которые способны адаптироваться под новые реалии новейших технологий, будут иметь преимущество перед конкурентами и смогут добиться гораздо большего успеха по сравнению с ними. Таким образом, цифровизация не только изменяет способы работы, но и требует от организаций переосмысления своих ценностей, норм и практик, чтобы создать культуру, способную поддерживать и ускорять цифровую трансформацию.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с помощью социологического опроса. Для достижения цели нами была составлена анкета и проведен опрос среди работников «ГК Черкизово» на предмет оценки влияния цифровых технологий на корпоративную культуру и рабочую среду компании. В опросе участвовало 215 человека разного возраста, производственных площадок компании; преимущественно в опросе приняли участие женщины, занимающие должности специалистов и руководителей. Исследование проходило с помощью сервиса «Мои анкеты»¹, позволяющего проводить опрос и визуализировать данные.

Обсуждение и результаты

В качестве объекта — предприятия для проведения исследования, было выбрано крупное российское предприятие «ГК Черкизово». «Группа компаний Черкизово» — это вертикально интегрированный агрохолдинг, крупнейший производитель мяса в России и один из лидирующих пе-

реработчиков»². Компания занимает первое место на рынке производства куриного мяса, второе — на рынке мяса индейки и четвертое — свинины. Группа ориентирована на производство первой-классной продукции, учитывающей предпочтения потребителей.

В сфере управления персоналом предприятие проводит грамотную и эффективную политику подбора, использования и развития кадров, имеет свою систему корпоративных ценностей, определенные институциональные правила, зафиксированные в кодексах и положениях. Компания позиционирует себя как высокотехнологичная организация с высокими стандартами цифровизации.

«Все новые сотрудники Группы “Черкизово” проходят онлайн-курс по ознакомлению с ключевыми производственными процессами “Кулинарные истории” и интерактивные экскурсии по предприятиям, вводный курс по охране труда, курс по общему качеству, информационной безопасности. Группа активно использует технологии онлайн-обучения для всех категорий персонала. В компании действует портал обучения и развития МИР “Черкизово”. Сотрудники проходят онлайн-курсы и слушают вебинары, которые проводят в том числе их коллеги»².

Рассматриваемая компания демонстрирует человекоориентированный подход к управлению кадрами. В официальных документах заявлены основные положения, отражающие, что персонал — это основа бизнеса, без него невозможно достичь целей организации и наращивать масштабы деятельности, повышать конкурентоспособность.

Одним из признаков внутренней клиентоцентричности является практика проведения ежегодного опроса вовлеченности сотрудников, это диалог компании и сотрудников. С помощью опроса выясняется отношение коллектива к предоставляемым компанией условиям, оцениваются разные аспекты взаимодействия и определяется вектор развития внутренних проектов, в ответ компания получает интересные идеи для улучшения текущей ситуации. Претворяя в жизнь изменения по результатам опроса, компания идет к взаимовыгодному сотрудничеству — сотрудники получают те условия, ту атмосферу, в которой им нравится и где они замотивированы работать, компания — высокие результаты.

¹ Официальный сайт сервиса «Мои анкеты». URL: <https://my.survio.com/>

² Официальный сайт компании «Черкизово» // Черкизово. URL: <https://cherkizovo-group.com/> (дата обращения: 22.09.2024)

Результаты опроса — маркер, который подсвечивает, правильную ли стратегию компания выбирает ежегодно по работе с персоналом или же ее необходимо скорректировать. «Группа Черкизово» заинтересована в удовлетворенности своих сотрудников, это повышает качество продукции, любовь к компании, приверженность. Опросы последних лет показывают, что сотрудники компании имеют высокий уровень лояльности и приверженности своей компании, они удовлетворены уровнем заработной платы, условиями труда. В 2023 г. в опросе приняло участие 28 000 сотрудников, результаты опроса представлены в табл. 1.

Авторами также было проведено собственное исследование для оценки влияния цифровых технологий на поведение работников и организационную культуру крупной компании, которое показало следующие результаты.

Большинство опрошенных сотрудников выделили как положительные, так и отрицательные последствия цифровизации в своей работе и работе организации.

Подробные данные ответов респондентов представлены на рис. 1.

Положительное влияние и улучшение было отмечено большим числом респондентов по следующим характеристикам рабочей среды, результатам работы и корпоративной культуры под воздействием цифровых технологий: более 80% отметили повышение эффективности работы, 68% респондентов отметили скорость выполнения рутинных задач, доступ к информации — около 80%, качество выполнения работы улучшилось для 72% сотрудников, вырос интерес к работе (60%), безопасность данных (74%), совместная (командная) работа с коллегами (65%), коммуникации с коллегами (67%).

Также, по мнению большинства опрошенных, выросли перегруженность и утомляемость на рабочем месте (46%).

Оценка последствий для социально-психологического климата и дружеских корпоративных мероприятий оказалась неоднозначной. Примерно половина сотрудников высказали мнение об улучшении, другая половина респондентов заявила о том, что в коллективе не произошло никаких изменений. Это означает, что пока невозможно сказать о прямой положительной зависимости между внедрением цифровых технологий и социальной средой компании, хотя большая часть опрошенных высказалась за улучшение большинства параметров рабочей обстановки.

Интересным представляется тот факт, что количество ошибок в работе лишь для 30% стало меньше благодаря внедрению цифровых форматов работы, а для остальных 30% всё осталось неизменным либо выросло.

В целом 20% сотрудников не заметили никаких изменений, а меньшая часть сотрудников и вовсе отметили ухудшения в результате цифровизации.

Около 13% респондентов отметили ухудшения большинства факторов рабочей среды и организационной культуры в компании.

62,8% опрошенных считают, что подготовка и владение цифровыми навыками у сотрудников организации находятся на высоком уровне (по 10-балльной системе респонденты отметили от 10 до 8 баллов), 30,2% опрошенных считают, что у сотрудников средний уровень владения цифровыми навыками (7–5 баллов), 7% считают, что у сотрудников низкий уровень владения (4–3 балла) (рис. 2).

Компания уделяет внимание развитию навыков цифровизации своих сотрудников, проводит

Таблица 1
Table 1

Общие результаты опроса вовлеченности за 2023 год
Overall results of the Engagement Survey for 2023

Показатель	Результат, %	Характеристика
Лояльность (лояльны к организации, не готовы менять работу)	80	сотрудники готовы выполнять больше функций; гордость продукцией и работой компании; сотрудники рекомендуют продукцию компании своим знакомым
Вовлеченность (готовность делать больше)	75	нехватка персонала; сложная внешняя ситуация; работа в направлении автоматизации
Удовлетворенность (условия труда и гигиенические факторы)	79	положительная динамика для удержания сотрудников; улучшение условий труда; работа в направлении анализа зарплат и льгот

Источник: составлено авторами в ходе исследования на основе данных сайта компании «Черкизово». URL: <https://cherkizovo-group.com/> (дата обращения: 22.09.2024).

Рис. 1. Структура ответов сотрудников о последствиях цифровизации в организации, % респондентов
 Fig. 1. The structure of employee responses about the consequences of digitalization in the organization, % of respondents

Источник: составлено авторами в ходе исследования

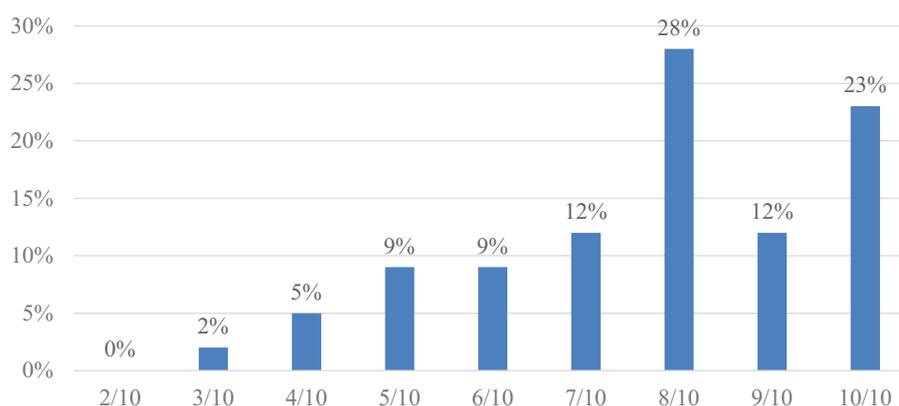

Рис. 2. Оценка сотрудниками подготовки и владения цифровыми навыками персонала организации, % респондентов
 Fig. 2. Employees' assessment of the organization's staff's training and digital skills, % of respondents

Источник: составлено авторами в ходе исследования

дополнительное обучение. Однако оценка показала, что требуется особое внимание к повышению компетентности в этой сфере, особенно для тех, кто только трудоустроился в компанию. Как уже было сказано, 62,8% сотрудников заявили о высоком уровне владения навыками цифровых технологий, 30,2% подтвердили, что имеют средний уровень и 7% имеют низкий уровень подготовки в этой области. При этом более 77% подтвердили готовность обучаться дополнительным цифровым компетенциям.

Сотрудники организации используют в своей ежедневной работе следующие технологии: электронная почта, специальные технологии (в том

числе корпоративные программы), мессенджеры для делового общения.

Большую часть опрошенных удовлетворяет качество цифровых технологий, но 9,3% оценивают качество на 4–1 балла. Компании следует обратить внимание на качество и характер используемых сервисов, оснащение рабочих мест и провести дополнительные исследования на предмет выявления причин неудовлетворенности.

В компании каждый готов помочь своему коллеге в освоении навыков цифровых технологий: 58,1% опрошенных ответили, что коллеги приходят на помощь, когда возникают трудности в освоении цифровых технологий. Эта информация

указывает на дружелюбную организационную культуру компании «Черкизово». Коллеги готовы прийти друг другу на помощь, делиться своими знаниями и навыками. Такая атмосфера способствует производительности и результативности труда.

По анализу отчетной информации компания часто проводит исследования и цифровые опросы, чтобы собрать информацию о персонале и удовлетворенности работой. Это говорит о том, что организация учитывает мнение своих сотрудников, стремится использовать цифровые технологии и думает о комфорте своих сотрудников. Благодаря опросам сотрудников организация получает достоверные и правдивые данные. Однако результаты социологического опроса показали, что около 50 % считают, что в компании часто проводят исследования, 32,6 % полагают, что редко и 18,6 % вообще затруднились с ответом. Это свидетельствует о недостаточной информированности сотрудников о наличии обратной связи.

В вопросе «Какие навыки и знания вы считаете необходимы для работы с цифровыми технологиями?» респонденты выбрали следующие ответы:

- 1) умение работать с большими данными (60,5 %);
- 2) базовые компьютерные навыки (60,5 %);
- 3) стремление к самообразованию (44,2 %);
- 4) навыки коммуникации и сотрудничества (44,2 %);
- 5) аналитические навыки (44,2 %);
- 6) знания основ программирования (30,2 %);
- 7) креативность и инновационное мышление (25,6 %);
- 8) базовые знания о сетях и безопасности (25,6 %).

Сотрудники считают, что наиболее важными навыками при работе с цифровыми технологиями являются «умение работать с большими данными» и «базовые компьютерные навыки». Результаты вопроса показывают важность навыков в работе с цифровыми технологиями.

76,7 % опрошенных заинтересованы в дополнительном обучении цифровым технологиям, 11,6 % ответили, что не имеют интереса в дополнительном образовании и не хотели бы его пройти, 11,6 % затруднились ответить на этот вопрос.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать ряд выводов:

Работники используют цифровые технологии каждый день и во всех процессах, видят их по-

ложительное влияние на большинство факторов рабочей среды и организационных отношений.

Высокий уровень владения цифровыми навыками наблюдается независимо от возраста сотрудников, однако меньший стаж работы ведет к необходимости вовлечения работников в программы адаптации и постоянного информирования о деятельности компании и изменениях.

Работникам крупной компании не хватает автоматизации, удобства использования, также требуется больше возможностей для дополнительного образования, улучшенного взаимодействия с другими устройствами, повышенной доступности к информации, технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и распознавания и синтеза речи.

Треть респондентов отметили ухудшение в таких последствиях цифровизации, как «Ошибки в работе», что требует анализа данного фактора и поиска алгоритмов решения, поскольку в конечном счете ошибки ведут к повторным операциям и перегрузке в работе.

Более 70 % удовлетворены качеством цифровизации в организации и широко используют в равной степени почту, сервисы и мессенджеры, однако около 20 % респондентов оценивают качество цифровых технологий ниже 5 баллов по 10-балльной шкале. У опрошенных сотрудников не хватает знаний при работе с цифровыми технологиями, они испытывают потребность в дополнительном обучении и поддержке со стороны специализированных подразделений (IT) корпорации.

Несмотря на высокий уровень распространения цифровых технологий в компании, постоянного обмена информацией, пятая часть опрошенных имеют слабое представление о целях и будущем компании.

Проведенное исследование выявило дополнительные факторы роста положительного влияния цифровизации: поддержка руководства и коллег; реализация эффективных мер кибербезопасности; благоприятная обстановка в коллективе; системы мотивации для сотрудников, активно использующих и осваивающих цифровые технологии. Главное, что цифровизация сама по себе не решает процессы вовлечения и формирования лояльности. Формирование новой цифровой культуры требует от менеджмента предприятия разработки комплекса мероприятий по адаптации и интеграции персонала, особенно сотрудников с небольшим стажем работы, так как они могут испытывать трудности. Также серьезными проблемами в создании благоприятной рабочей среды

остаётся перегруженность информацией и утомляемость персонала, и, очевидно, в дальнейшем эта тенденция будет усиливаться. Выявленные тенденции носят универсальный характер для

российских компаний, а результаты исследования могут быть использованы не только применительно к ГК «Черкизово».

Список источников

1. Бахарев Е. Ю., Анисимов А. Ю. Стратегические аспекты цифровой трансформации организаций: выгоды и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 200–209. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209.
2. Глузман А. В., Тимиргалеева Р. Р., Переверзев М. В. Модель формирования и развития цифровой культуры вуза // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2021. № 2 (54). С. 51–56.
3. Гурина М. А., Абрамова М. С. К вопросу о цифровизации бизнес-процессов менеджмента персонала в организации // III Открытые экономические чтения студентов, посвященные памяти Онищенко Дмитрия Ивановича, Липецк, 7 декабря 2022 г. Липецк : Издат. дом «Державинский», 2023. С. 8–11.
4. Гурина М. А. Концепция управления персоналом на основе ценностей: ответ на вызовы цифровой трансформации // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества : материалы XV Международной научно-практической конференции, Липецк, 21 апреля 2021 г. Воронеж : АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2021. С. 375–382.
5. Журавлева О. В., Королева И. В., Митрофанова О. Н. Управление талантливыми сотрудниками: опыт российских промышленных компаний // Лидерство и менеджмент. 2024. Т. 11, № 2. С. 709–728. DOI: 10.18334/lim.11.2.121063.
6. Каленова А. Г. Изучение вопросов глобальной цифровизации и ее влияния на организационную культуру предприятия // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10, № 3. С. 68–72. DOI: 10.12737/2305-7807-2021-10-3-68-72.
7. Кунина Е. В. Влияние цифровых технологий на организационное развитие предприятия // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2021. № 3. С. 11. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-8-20.
8. Лаврентьева И. В., Руденко Д. С. Трансформация организационной культуры в современном мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3. С. 153–157.
9. Подколзина И. М. Цифровая трансформация рынка труда в условиях финансовой нестабильности // Современные вызовы и реалии экономического развития России : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 14–16 апреля 2022 г. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2022. С. 322–325.
10. Румянцева Ю. В., Митрофанова О. Н. Применение электронных инструментов контроля деятельности персонала в компетентностном подходе к HR-процессам // Вестник МИРБИС. 2023. № 2 (34). С. 87–100. DOI: 10.25634/MIRBIS.2023.2.10.
11. Синявец Т. Д. Влияние дистанционной работы на состояние организационной культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 4. С. 103–116. DOI: 10.17308/econ.2022.4/10573.
12. Чалова М. В., Брагина З. В., Игнатьева Е. В., Харчина Н. Б. Можно ли достичь осязаемых преимуществ в современном бизнесе, пренебрегая цифровой корпоративной культурой? // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 12-1. С. 172–185.
13. Шехматова К. А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на рабочую среду и организационную культуру компании // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2024. № 1 (48). С. 49–54.
14. Якимова О. Ю., Коваленко Е. Г., Завиваев Н. С. Цифровые компетенции работников сельскохозяйственного производства // Вестник НГИЭИ. 2023. № 2 (141). С. 68–78.
15. Яковлева М. В., Шапченко Е. В., Митрофанова Т. С., Шитова Д. М., Яковлев П. Э. Удобство и эффективность в одном: как в гибридном формате осуществить отслеживание рабочих мест // Экономика и социум: современные модели развития. 2023. Т. 13, № 3. С. 165–176. DOI: 10.18334/ecsoc. 13.3.119366.

References

1. Bakharev EYu, Anisimov AYu. Strategic aspects of digital transformation of organizations: benefits and prospects. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;6(488):200-209. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209. (In Russ.).
2. Gluzman AV, Timirgaleeva RR, Pereverzev MV. Model of formation and development of the digital culture of the university. *Gumanitarnye nauki (g. Yalta) = Humanities (Yalta)*. 2021;2(54):51-56. (In Russ.).
3. Gurina MA, Abramova MS. On the issue of digitalization of business processes of personnel management in the organization. *III Otkrytyye ekonomicheskkiye chteniya studentov, posvyashchennyye pamyati Onishchenko Dmitriya Ivanovicha = III Open Economic Readings of Students, dedicated to the memory of Dmitry Ivanovich Onishchenko*, Lipetsk, December 7, 2022. Lipetsk Derzhavinsky Publishing House; 2023. Pp. 8–11. (In Russ.).
4. Gurina MA. The concept of values-based personnel management: a response to the challenges of digital transformation. *Tsifrovyye transformatsii v razvitiy ekonomiki i obshchestva: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Digital transformations in the development of the economy and society: materials of the XV International scientific and practical conference*, Lipetsk, April 21, 2021. Voronezh, ANO NAUKA-UNIPRESS; 2021. Pp. 375–382. (In Russ.).
5. Zhuravleva OV, Koroleva IV, Mitrofanova ON. Managing talented employees: the experience of Russian industrial companies. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*. 2024;11(2):709-728. DOI: 10.18334/lim.11.2.121063. (In Russ.).
6. Kalenova AG. Studying the issues of global digitalization and its impact on the organizational culture of the enterprise. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*. 2021;10(3):68-72. DOI: 10.12737/2305-7807-2021-10-3-68-72. (In Russ.).
7. Kunina EV. The Impact of Digital Technologies on the Organizational Development of an Enterprise. *Vestnik RGGU. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Economics. Management. Law*. 2021;(3):11. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-3-8-20> (In Russ.).
8. Lavrenteva IV, Rudenko DS. Transformation of Organizational Culture in the Modern World. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;3:153-157. (In Russ.).
9. Podkolzina IM. Digital Transformation of the Labor Market in the Context of Financial Instability. *Sovremennyye vyzovy i realii ekonomicheskogo razvitiya Rossii: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Modern Challenges and Realities of Economic Development of Russia: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference*, Stavropol, April 14–16, 2022. Stavropol, North Caucasian Federal University; 2022. Pp. 322–325. (In Russ.).
10. Rumyantseva YuV, Mitrofanova ON. Application of electronic tools for monitoring personnel activities in the competence-based approach to HR processes. *Vestnik MIRBIS = MIRBIS Bulletin*. 2023;2(34):87-100. DOI: 10.25634/MIRBIS.2023.2.10. (In Russ.).
11. Sinyavets TD. The impact of remote work on the state of organizational culture. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2022;4:103-116. DOI: 10.17308/econ.2022.4/10573. (In Russ.).
12. Chalova MV, Bragina ZV, Ignatyeva EV, Kharchina NB. Is it possible to achieve tangible advantages in modern business, neglecting the digital corporate culture? *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;1(1):172-185. (In Russ.).
13. Shekhmatova KA. On the impact of digital technologies on the working environment and organizational culture of the company. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt = Actual problems and prospects for economic development: Russian and foreign experience*. 2024;1(48):49-54. (In Russ.).
14. Yakimova OYu, Kovalenko EG, Zavivaev NS. Digital competencies of agricultural workers. *Vestnik NGIEI = Bulletin of NGIEI*. 2023;2(141):68-78. (In Russ.).
15. Yakovleva MV, Shapchenko EV, Mitrofanova TS, Shitova DM, Yakovlev PE. Convenience and efficiency in one thing: how to track jobs in a hybrid format. *Ekonomika i socium: sovremennyye modeli razvitiya = Economics and society: modern models of development*. 2023;13(3):165-176. DOI: 10.18334/ecsoc. 13.3.119366. (In Russ.).

Информация об авторах

М. А. Гурина — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента.

О. Н. Митрофанова — старший преподаватель кафедры государственного управления и менеджмента.

Information about the author

M. A. Gurina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management.

O. N. Mitrofanova — Senior Lecturer of the Department of Public Administration and Management.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.43

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-132-144

ИЕРАРХИЯ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Лариса Айдаровна Ильина^{1✉}, Артем Александрович Павлов²

¹ Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия, ilyinalarissa@yandex.ru, 0000-0002-5174-4275

² Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия, art.-art@mail.ru, 0009-0002-6135-7321

Аннотация. Высокотехнологичное сельское хозяйство обеспечивает устойчивое развитие в продовольственных, экологических и экономических аспектах. Несмотря на многообразие научных исследований мировых и российских ученых в области внедрения искусственного интеллекта и других цифровых инструментов в сельском хозяйстве, риски и проблемные зоны внедрения новых технологий остаются высокими, поэтому комплексное исследование проблемных зон, сдерживающих развитие АПК, весьма актуально. Курс на государственную поддержку цифровизации сельскохозяйственной отрасли в России взят с 2016 г. Правительством Российской Федерации выделены приоритетные направления развития отрасли, прописаны механизмы их финансирования за счет бюджетных средств, заданы направления развития научно-технического потенциала страны в АПК. Исследование направлено на выявление теоретико-методологического обоснования причин, замедляющих развитие цифровизации АПК в цепочке создания сельскохозяйственной продукции. В исследовании сгруппированы проблемы, сдерживающие как развитие цифровых технологий в целом, так и препятствующие цифровому развитию сельского хозяйства. В работе сформирована иерархия фундаментальных условий развития сельского хозяйства в реалиях импортозамещения с учетом проблем в смежных отраслях; доказана эффективность применения цифровых технологий на конкретных примерах российских компаний АПК и международных исследований перспектив совершенствования сельского хозяйства. Результаты исследования вносят вклад в понимание комплекса проблем, которые препятствуют совершенствованию управления отрасли сельского хозяйства. Их решение позволит сельскохозяйственным организациям и государственным структурам, координирующим модернизацию, эффективно выявить риски и скрытые угрозы на начальном этапе внедрения цифровых технологий в цепочке создания сельскохозяйственной продукции и скорректировать вектор развития отрасли.

Ключевые слова: система управления, сельское хозяйство, цифровизация, АПК, цифровые технологии, цифровая экономика, проблемы цифровизации АПК

Для цитирования: Ильина Л. А., Павлов А. А. Иерархия условий развития цифрового сельского хозяйства // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 132–144. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-132-144.

Original article

CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL AGRICULTURE

Larisa A. Ilyina^{1✉}, Artem A. Pavlov²

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia, ilyinalarissa@yandex.ru, 0000-0002-5174-4275

² Samara State University of Economics, Samara, Russia, art.-art@mail.ru, 0009-0002-6135-7321

Abstract. High-tech agriculture provides sustainable development in food, environmental and economic aspects. Despite the variety of scientific research by world and Russian scientists in the field of the introduction of artificial intelligence and other digital tools in agriculture, the risks and problem areas of the introduction of new technologies remain high, therefore, a comprehensive study of problem areas holding back the development of the agro-industrial complex is very important. State support for the digitalization of the industry in Russia began in 2016. The Government of the Russian Federation has identified priority areas for the development of the industry, prescribed financing mechanisms at the expense of budgetary funds, and set directions for the development of the country's

scientific and technical potential. The study is aimed at identifying the theoretical and methodological justification of the reasons that slow down the development of digitalization of the agro-industrial complex in the chain of creating agricultural products. The authors analyze the problems that impede the development of digital technologies in general and the digital development of agriculture. The work has formed a hierarchy of fundamental conditions for the development of agriculture in the realities of import substitution, considering the problems in related industries. The results of the study contribute to the understanding of a set of problems that impede the improvement of the agricultural industry. Their solution will effectively identify risks and hidden threats at the initial stage of the introduction of digital technologies in the chain of creating agricultural products.

Keywords: agriculture, digitalization, agro-industrial complex, digital technologies, digital economy, problems of digitalization of agro-industrial complex

For citation: Ilyina LA, Pavlov AA. Conditions for the Development of Digital Agriculture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):132-144. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-132-144.

Введение

Сельское хозяйство во всём мире сегодня динамично развивается в ногу с современными технологиями. Продовольственная безопасность — это не только внутренняя проблема конкретной страны, но важнейшая тема взаимодействия для мирового сообщества. Исследованиями продовольственной безопасности и рационом жителей в странах с низким и средним уровнями доходов занимаются ученые со всего мира [1–3].

Международная интеграция и кооперация, равно как и политическая сепарация, коалиции развитых и развивающихся стран — всё это способствует повсеместному совершенствованию отрасли сельского хозяйства, изменению структуры внешнеторговых сделок на рынке продовольственных товаров между странами. Последние годы структура внешнеторговой деятельности в России претерпела значительные изменения. На это повлияла сложная геополитическая обстановка, санкции, введенные другими странами, создание новых логистических цепочек.

Эффективное растениеводство и животноводство зависит от множества факторов, но определяющим фактором является география региона и его пригодность для сельскохозяйственных работ. Климат и плодородность почвы остаются по-прежнему базовыми условиями для успешного земледелия и скотоводства.

Среди основных проблем агропромышленного комплекса следует выделить следующие [1; 3; 4]:

- непригодность почв для сельскохозяйственных нужд и общая деградация земельного фонда;
- зависимость от импортного оборудования, комплектующих, семенных материалов;
- географическое положение и погодные условия;
- неблагоприятная экологическая обстановка;
- нехватка квалифицированного персонала и невостребованность направления АПК кадрами;

- ограниченность водных ресурсов и лесного фонда;

- большие финансовые издержки;
- неэффективный менеджмент в сельскохозяйственных предприятиях;
- экономические санкции;
- длительный цикл создания и апробации новых технологий;
- низкий приток частного инвестирования и государственной поддержки в технологические инновации.

Сельское хозяйство — стратегически важная отрасль, обеспечивающая фундаментальные потребности населения [4]. Цифровизация экономики России набирает серьезные обороты последние годы, в планах отраслевого развития любого государства заложена цифровая модернизация производства. К примерам развития науки и технологий в производственных цепочках создания продукта в АПК следует относить: внедрение искусственного интеллекта, цифровое прогнозирование и моделирование, роботизацию, применение современных аэрокосмических технологий, обработку и аналитику больших данных, облачные вычисления, развитие интернета вещей и e-коммерции. Эти цифровые инструменты позволяют повысить эффективность сельского хозяйства в России и в мире.

Цифровые технологии в сельском хозяйстве, по данным китайских исследований, влияют на развитие зеленой экономики [5], способны повысить реальные доходы сельских жителей за счет модернизации производства [6] и развития их цифровых компетенций [7] и приобщения к электронной коммерции сельского населения [8].

Целью исследования является установление основных проблем, связанных с внедрением цифровых технологий в производственные процессы сельскохозяйственных предприятий. Для

достижения цели в рамках исследования выделены следующие задачи:

- установлены проблемные области, сдерживающие развитие цифровых технологий в АПК;
- для каждой проблемной области установлены конкретные проблемы, препятствующие цифровому развитию сельского хозяйства;
- разработана пирамида фундаментальных условий развития цифровизации АПК на фоне политики импортозамещения с учетом выявленных проблемных областей;
- доказана эффективность применения цифровых технологий на конкретных примерах российских компаний АПК и международных исследований перспектив совершенствования сельского хозяйства.

Методы и материалы

Для достижения целей и задач исследования в статье применены методы теоретического исследования. Метод анализа и синтеза позволил классифицировать информацию в научно-исследовательской литературе, системно изучить уже имеющиеся научные и практические результаты, выявить проблематику цифровизации сельского хозяйства и внедрения систем искусственного интеллекта. Метод обобщения позволил объединить проблемы, возникающие в процессе совершенствования отрасли АПК и связать их с конкретной отраслью. Метод прогнозирования и метод логического обоснования способствовали поиску решений для развития отрасли и преодолению сложностей, вызванных процессами цифровизации сельскохозяйственных организаций.

Результаты исследования и их обсуждение

К прорывным технологиям в сельском хозяйстве в России относятся целые системы, способные контролировать полный цикл растениеводства и животноводства, а именно устройства, осуществляющие различные замеры качества почвы, состояние растений и микроклимата, автоматизируемое сельскохозяйственное оборудование и т. д. Специальные датчики привязываются к программному обеспечению, за счёт чего в режиме реального времени поступают данные о том или ином процессе¹.

Применение цифровых решений в производственном процессе агропромышленных предприятий способствует повышению производи-

тельности труда, эффективности использования сельскохозяйственных земель, снижению затрат на производстве, сокращению убыли продукции на всех этапах ее производства и формированию конкурентной способности по сравнению с традиционными методами ведения растениеводства и животноводства.

Наблюдение за объектами растениеводства на основе спутниковой навигации, а также с использованием вычислительной техники и сельскохозяйственных цифровых карт дает возможность повысить рациональность процессов при эффективном использовании финансовых средств, при этом при расчете себестоимости работ можно более точно рассчитать и учесть экономические факторы, влияющие на рыночную стоимость и потенциальную доходность земли [9]. Ценность применения искусственного интеллекта в сельском хозяйстве, а именно в точном земледелии и в «умном» фермерстве, подтверждена в исследованиях индийских специалистов [10]. Внедрение и развитие цифровых технологий в сельском хозяйстве будут способствовать решению таких ключевых проблем агропромышленного комплекса, как низкая производительность и высокие издержки агропредприятий страны [11].

Результативность применения технологии цифровых двойников в сельском хозяйстве изучается российскими [12], австрийскими [13], голландскими учеными [14]. В исследовании малайзийских ученых указано, что в 2050 г. население планеты достигнет 10 млрд человек, что увеличит спрос на эффективное сельское хозяйство в реалиях сокращения ресурсов [15]. С этим мнением солидарны ученые из Иордании и США, которые утверждают, что производство продуктов питания к этому периоду должно увеличиться на 70% [16]. Новейшие технологические разработки и инструменты «умного сельского хозяйства» позволят найти баланс между растущим спросом и ограниченным предложением для обеспечения продовольственной безопасности населения. По мнению авторов, умное сельское хозяйство позволит повысить устойчивое развитие агропромышленного комплекса и решить текущие проблемы в растениеводстве и животноводстве.

Перспективы внедрения искусственного интеллекта и блокчейна рассмотрены в исследованиях китайских и индийских ученых [17]. Главной идеей исследования является применение объяснимого искусственного интеллекта и блокчейн-технологий для отслеживания скоропортящихся продуктов питания и быстрого изъятия их с полок

¹ Cognitive Agro Pilot: Сельскохозяйственные роботы. URL: <https://cognitivepilot.com/products/cognitive-agro-pilot/> (дата обращения: 18.11.2024).

магазинов. Технология блокчейн в данном случае способствует оптимизации цепочки поставок, когда клиент напрямую приобретает продукцию у фермера.

Разрабатываемые платформы «умного сельского хозяйства» на основе 5G, позволяющие контролировать все этапы сельскохозяйственных работ от отбора семян до сбора урожая [18], несмотря на многообещающие перспективы, пока не могут получить широкое распространение, так как проблема покрытия сельскохозяйственных угодий хорошим сигналом Интернета существует не только в России.

Трехэтапный метод сопоставления карт для оливковых и виноградных культур, позволяющий за счет цифровых инструментов разработать эффективный маршрут для сотрудников, выполняющих полевые работы, сокращает трудозатраты и позволяет более точно определять зрелость плодов у растений [19]. Основными ограничениями для технологий умного поля прежде всего являются окупаемость внедрения инноваций и обеспечение хорошего сигнала доступного вида связи для автоматизированного сбора данных с сельскохозяйственных угодий.

Цифровые системы оценки состояния животных в скотоводстве позволяют измерить и передать автоматизированные данные по терморегуляции, зависящие от колебаний внешней среды и теплового комфорта и влияющие на показатели иммунологических и гематологических реакций у скота [20]. Пока сдерживающим фактором широкого использования таких методик, по мнению авторов, выступают наличие шерсти и ее длина у животных, так как такой параметр способен влиять на точность автоматизированного сбора данных и составление прогнозов состояния животного на базе искусственного интеллекта.

Развитие цифрового сельского хозяйства сопряжено с большим количеством рисков и преодолением технических, операционных, кадровых, нормативных и других барьеров [21]. К основным проблемам цифровизации АПК относят отсутствие хорошего интернет-покрытия в сельских регионах, большой горизонт планирования проектов из-за их инновационности, необходимость привлечения значительных инвестиций в отрасль из-за высокой стоимости технологий, низкую цифровую грамотность кадров и слабую информационную безопасность, незначительное количество агропредприятий, готовых апробировать новейшие технологии [22]; недостаточный уровень профессиональных знаний специ-

алистов в области применения информационно-технологических решений, отсутствие или значительные ограничения финансового потенциала, необходимого для внедрения цифровых технологий в производственный процесс, а также дефицит квалифицированных кадров АПК [23].

Отдельной категорией выступают экологические проблемы, влияющие на производственный процесс сельхозпродукции и на качество жизни населения в целом. В исследовании [24] анализируются проблемы и перспективы внедрения экологически безопасных методов ведения сельского хозяйства, рассматриваются теоретические аспекты применения климатически ориентированного сельского хозяйства в странах Африки к югу от Сахары. К основным проблемам автор относит отсутствие грамотной политики распространения знаний зеленой экономики, институциональные и финансовые ограничения. CSA-методики построены не только на классических методах защиты экологии, но и включают в себя современные цифровые инструменты, позволяющие снижать негативное воздействие сельского хозяйства на окружающую среду [25; 26], выявлять закономерность влияния технологий климатического сельского хозяйства на продовольственную безопасность [27].

Специалисты отмечают, что по состоянию на 2023 г. технологии искусственного интеллекта в сельском хозяйстве еще недостаточно распространены в отрасли, при этом российские научные разработки не уступают зарубежным. По результатам мониторинга Индекса готовности приоритетных отраслей экономики РФ к внедрению искусственного интеллекта в АПК около 12% организаций используют технологии ИИ, 37% компаний планируют их внедрить в ближайшее время. Эксперты прогнозируют, что внедрение технологий ИИ положительно отразится на приросте валовой добавленной стоимости, в процентном соотношении к 2025 г. возможен прирост на 25% в растениеводстве и на 13% в животноводстве. По прогнозам Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, спрос отечественной сельскохозяйственной отрасли на ИИ-технологии к 2030 г. может достигнуть 86 млрд руб., что на 2205% больше показателя 2020 г., который в денежном эквиваленте составил 3,9 млрд руб.¹

¹ «Умные» фермы: как искусственный интеллект меняет сельское хозяйство // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/06/2023/64802aae9a7947c6121756b7 (дата обращения: 18.11.2024)

Все проблемы, с которыми сталкиваются сельскохозяйственные производители на этапах совершенствования отрасли, можно разделить на категории (табл. 1).

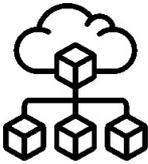
Проблемы внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство многогранны и сопряжены с проблемами цифровизации в смежных отраслях. Представленные проблемы имеют важное значение в экономике страны, направления решения межотраслевой проблематики прописаны в государственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 в рамках реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Фактически развитие отрасли, особенно в условиях необходимости импортозамещения современных технологий, требует комплексного подхода по цифровизации всей экономики России. В основании иерархии фундаментальных условий развития цифрового

сельского хозяйства, по нашему мнению, должно находиться государственное регулирование цифровых технологий АПК (рис. 1).

Государственное регулирование цифровыми технологиями АПК — это прежде всего структурированная законодательная основа, которая является базисом для постройки и запуска комплексной системы цифровизации сельского хозяйства. Фактически решение всех описанных проблем сопрягается с плоскостью государственного регулирования, так как бизнесу самостоятельно сложно координировать процессы внедрения инноваций по всей отрасли. У предприятий, особенно у малых, с небольшим оборачиваемым капиталом, не хватает ни финансового запаса, ни специализированных кадров на внедрение по всей цепи производства цифровых инструментов. Анализ законодательных инициатив и действующих нормативных правовых актов показывает значительную вовлеченность государства в модернизацию сельскохозяйственной отрасли, однако присутствуют запреты, ограничения и направления, требующие развития. Государственное регулирование позволяет на высоком уровне решать вопросы внешнеторгового сотрудничества с дружественными странами, подразумевающего прежде всего научно-технический обмен новейшими

Таблица 1
Table 1

Проблемные области, сдерживающие развитие цифровых технологий в агропромышленном комплексе
Problems of development of digital technologies in the agro-industrial complex

Проблемные области	Подразделы проблемных областей	Краткое описание основной проблематики
	Связь	Ограничение зоны покрытия сети Интернет в сельской местности
	Информация и данные	Отсутствие достаточных баз данных для агротехнологий и для автоматизированного анализа природного ландшафта и (или) угодий
	Технологии	Неразвитость цифровой инфраструктуры АПК; несовершенство программного обеспечения; нехватка производственных мощностей для реализации цифровых проектов по модернизации, механизации и роботизации
	Запреты	Запреты на использование технологий аэрокосмической отрасли в АПК, например, запреты на полеты дронов в некоторых регионах, использование данных со спутников для частных предприятий АПК
	Ограничения	Ограничения в сфере селекции и генетики новых пород в животноводстве, новых сортов растений; ограничения в производстве новых источников пищи и сельскохозяйственного сырья
	Неразвитость НПА	Недостаточная развитость системы стандартизации и сертификации продукции; неразвитость НПА в части полного цикла переработки сельскохозяйственной продукции.

Проблемные области	Подразделы проблемных областей	Краткое описание основной проблематики
Информационная и кибер-безопасность 	Импортозамещение ПО	Количественное преобладание на рынке импортного ПО, зависимость от иностранных поставщиков
	Конфиденциальность	Недоработанность механизмов сохранения конфиденциальности данных и информации
	Исправность работы ПО	Несовершенство ИТ-продуктов и ПО в сфере АПК
Экономика 	Управление персоналом	Невостребованность профессий молодыми специалистами в сфере АПК; отсутствие и недостаточность ИТ-компетенций у специалистов АПК; отсутствие и (или) ограниченность актуализации образовательных программ СПО и ВО в сфере АПК; нехватка специалистов, обладающих мульти-компетенциями в нескольких отраслях экономики, нехватка высококвалифицированных специалистов; этический аспект замены человеческого труда на роботизированные и механизированные технологии
	Финансы	Точечная господдержка проектов АПК, не покрывающая потребности для развития всей области; слабое развитие частных производств из-за ограниченного интереса инвесторов в сфере АПК в связи с высокими экономическими рисками
	Управление бизнес-процессами	Недостаточное развитие современных подходов к автоматизации учетов, в частности управленческого, бухгалтерского и налоговых учетов; экономия на ресурсах в финансово-хозяйственной деятельности предприятий для выхода предприятий АПК на положительные показатели рентабельности производства
Экология 	Переход на зеленую экономику в сфере АПК	Отсутствие достаточных стимулов для перехода АПК в РФ на зеленую экономику и для повсеместного развития органической продукции и безвредного производства и упаковки продукции
	Безотходное производство	Отсутствие условий для использования получаемых в процессе производства сельскохозяйственных продуктов отходов или сведение таких отходов к минимуму для повышения эффективности использования сырья и снижения негативного воздействия на окружающую среду
Международное сотрудничество 	Геополитические риски	Зависимость от иностранных поставщиков сельскохозяйственного сырья и продукции, в частности закупка племенных импортных пород животных и птиц, семенного материала, готовой пищевой продукции; экономические санкции и ограничения в сотрудничестве с рядом стран (в особенности стран Европы и Североамериканского союза); переориентация рынков сбыта на новые партнерства, слабое развитие международной e-коммерции
	Внешнеторговая интеграция	Отсутствие единых механизмов международной сертификации сельскохозяйственной продукции, ограниченность сотрудничества в части обмена опытом, научно-техническими разработками.

Источник: составлено авторами.

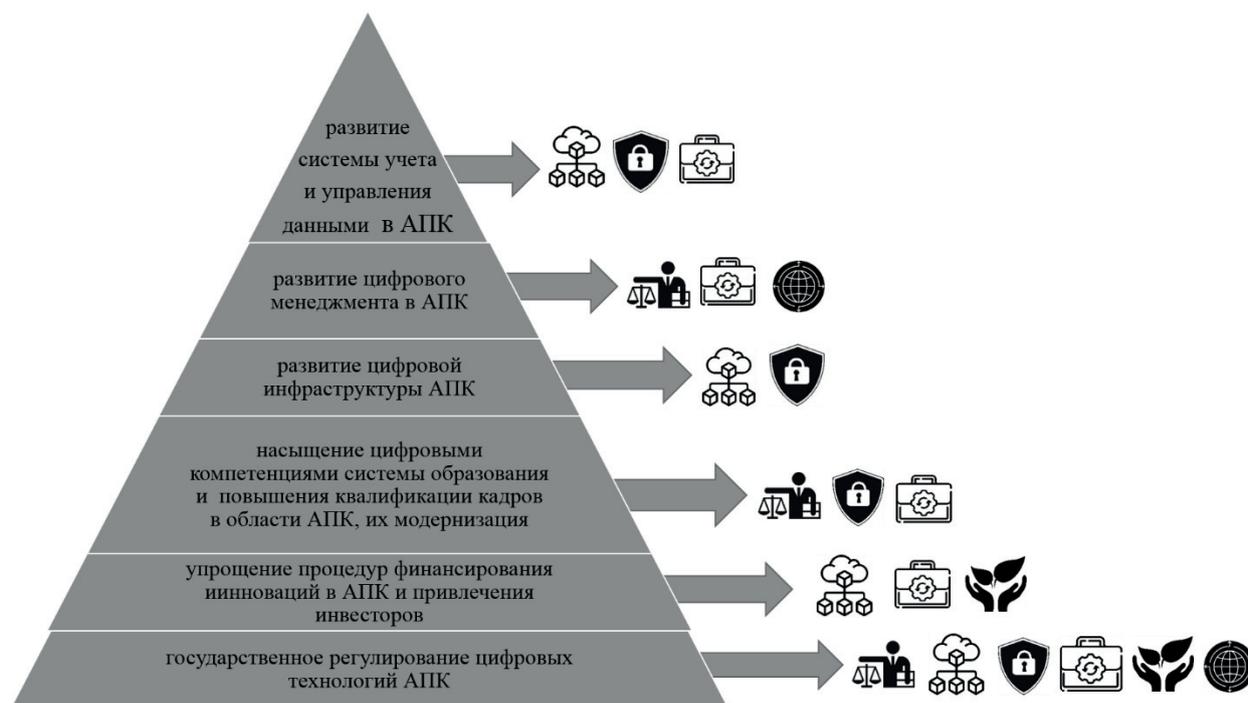

Рис. 1. Иерархия фундаментальных условий развития цифрового сельского хозяйства
 Fig. 1. The hierarchy of fundamental conditions for the development of digital agriculture
 Источник: составлено авторами

технологиями и опытом; реализацию сельскохозяйственных материалов и готовой продукции.

Устойчивость иерархии, в основании которой лежит государственное регулирование цифровых технологий АПК, обусловлена прежде всего фундаментальным законодательным регулированием экономической и кибербезопасности цифровых технологий, а следовательно, поддержанием продовольственной безопасности страны. Развитие инновационной сферы в АПК происходит за счет стимулирования инвестиционной активности стейкхолдеров и финансовой поддержки государственных программ, направленных на цифровизацию отрасли.

Упрощение процедур финансирования инноваций в АПК и привлечения частных инвесторов ведет к насыщению рынка необходимой финансовой поддержкой из бюджетных и внебюджетных источников. Финансово-хозяйственная деятельность сельскохозяйственного предприятия подразумевает большую ресурсоемкость. Следует учитывать специфику некоторых организаций АПК, где преобладает длительный производственный цикл и длительный период обращения денежных средств вплоть до нескольких лет. Для привлечения бюджетных средств процедура финансирования организаций АПК должна быть популяризована, максимально понятна и доступна в короткие сроки без сбора излишних и дублиру-

ющих документов. Для привлечения инвесторов в отрасль необходимо прописать механизм гарантий возврата инвестиций, так как сельское хозяйство относится к высокорискованным отраслям. Цифровое прогнозирование и аналитика больших данных, моделирование производственных циклов сельскохозяйственной продукции с применением технологий цифровых двойников позволит снизить риски и произвести точный расчет потенциальной прибыли проекта.

Насыщение цифровыми компетенциями системы образования и повышения квалификации кадров в области АПК, их модернизация — постулаты развития человеческого капитала предприятий агропромышленного комплекса. В рамках ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» создана электронная образовательная платформа «Земля знаний» — это открытый аграрный университет, обучение в котором реализуется при участии ведущих вузов и научно-исследовательских институтов в сфере АПК. Для постоянной актуализации знаний требуется рассмотреть вариации непрерывного образования специалистов — регулярное повышение квалификации в период 3–5 лет без отрыва от производства.

Развитие цифровой инфраструктуры в АПК подразумевает прежде всего решение ключевой проблемы — неравномерного и ограниченного по-

крытия территорий сельскохозяйственного назначения сетью Интернет и нестабильный спутниковый сигнал. Второй по масштабу проблемой, требующей решений, является разработка и внедрение дорогостоящих технологий, которые требуют инновационного прорыва в отрасли и стабильного финансирования — системы роботизации рабочих процессов сельскохозяйственной техники на базе искусственного интеллекта, которые подключаются к спутниковой связи или применяют RTK-поправки. Такой подход требует бесперебойной работы сети Интернет или большого покрытия территории спутниковым сигналом.

Развитие цифрового менеджмента в АПК — создание методологии оперативного, тактического и стратегического планирования деятельности сельскохозяйственных организаций, что позволит провести цифровую трансформацию предприятий и повысить безопасность инфраструктуры АПК и обеспечить планомерный рост потенциала всей производственной цепи с учетом политики импортозамещения современных технологий.

Развитие системы учета и управления данными в АПК предполагает не только оптимизацию работы с постоянно нарастающим объемом больших данных, но и повышение эффективного управления и защиты каналов передачи и хранения Big Data. За счет обработки массива данных обеспечивается бесперебойное высокотехнологичное функционирование в производственной цепи сельскохозяйственного продукта, что позволяет увеличить рентабельность, выйти на показатели финансовой стабильности и предотвратить убыточность организаций в отрасли.

Цифровая обработка информации в агропромышленном секторе позволяет составлять реалистичные отраслевые прогнозы, учитывающие в анализе такие параметры, как специфика ландшафта и природно-географическое расположение сельскохозяйственных земель, особенности климатических зон, необходимость химической обработки сельскохозяйственных культур от сорняков, вредителей и возбудителей болезней для растениеводства. В животноводстве к актуальным мониторингам относятся сбор и анализ данных по жизненным показателям скота: температурные режимы содержания, мониторинг показателей жизнедеятельности и активности скота, местонахождение животных на выпасе и выгуле, количество подаваемого и съедаемого корма, жидкостей и медикаментов. Автоматизированные системы учета установлены и применяются в основном в крупных сельскохозяйственных организаци-

ях, например ООО «Заречное», ГК «Мираторг», ООО «Русская аграрная группа», ГК «Агротех-Гарант» и др.¹

Применение беспилотных летательных аппаратов в полях становится новым актуальным направлением модернизации отрасли. Стремительный рост производства беспилотников обусловлен не только военными потребностями и функцией контроля, осмотра сельскохозяйственных угодий. Беспилотники в сельском хозяйстве позволяют доставлять и распылять удобрения, отслеживать и регулировать процессы посевов и ухода за сельскохозяйственными культурами. Также беспилотники могут доставлять медикаменты, необходимые товары в труднодоступные сельские поселения.

Модернизация и совершенствование сельского хозяйства — необходимый шаг для развития отрасли, которая обеспечивает базовые потребности человека в любой точке мира. Рост населения земного шара, негативные изменения в экологии и климате, напряженная геополитическая обстановка требуют не только современных подходов к оптимизации производственных процессов, но и внедрения инновационных методов и типов растениеводства и животноводства. К примеру, актуальным становится вертикальное земледелие, выращивание растений на подземных фермах, развитие фудтех-рынка. Инновационные подходы требуют хорошей научно-технической базы и прежде всего государственных и частных инвестиций при высоких рисках сельскохозяйственного рынка. Финансовая поддержка в свою очередь требует прозрачной бизнес-модели и долгосрочного горизонта прогнозирования результатов деятельности.

Согласно данным Россельхозбанка, средний уровень цифровизации организаций АПК составил 23 % по России в 2023 г., при этом только 10 % агропредприятий постоянно используют в своей производственной деятельности новейшие технологии. В 2022 г. отрасль сельского хозяйства смогла привлечь инвестиций в объеме более 30 млн долл., что обеспечило приток агротехнических стартапов на 30 % больше за период 2022–2023 гг. Однако данный показатель среди ведущих стран является низким: США за 2022 г. привлекли инвестиций в размере 12,4 млрд долл., Китай — 1,3 млрд долл., а Индия — 2,7 млрд долл.

¹ «Умные» фермы: как искусственный интеллект меняет сельское хозяйство // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/06/2023/64802aae9a7947c6121756b7 (дата обращения: 18.02.2025).

Самыми популярными агропромышленными инновациями в 2023 г. стали биотехнологии, создание сенсоров и решения в сфере «Интернета вещей», а также технологии точного земледелия. Совокупная доля перечисленных инноваций превысила 50% от всех агротехнических стартапов в РФ. При этом инвестиции на инновационные решения преобладают в области лесоводства — 27% инвестиционной поддержки, в области животноводства — 24%, в области выращивания и добычи водных биоресурсов — 22%, в области растениеводства — 21%.

Заключение

Ученые со всего мира сходятся во мнении, что применение цифровых решений в производственном процессе агропромышленных предприятий способствует повышению производительности труда, эффективности использования сельхозугодий, снижению затрат на производстве, сокращению убыли продукции на всех этапах ее производства и формированию конкурентной способности по сравнению с традиционными методами ведения растениеводства и животноводства. Направления дальнейших исследований связаны с изучением практик и формированием баз данных наблюдений за объектами сельского хозяйства на основе спутниковой навигации, а также с использованием вычислительной техники и сельскохозяйственных цифровых карт, что даст возможность повысить рациональность процессов при эффективном использовании финансовых средств, более точно рассчитать и учесть экономические факторы, влияющие на рыночную стоимость и потенциальную доходность земли; также возможно произвести качественный расчет для минимизации различных рисков, оптимизировать производственную деятельность через применение новых бизнес-процессов.

Представленная в исследовании классификация проблемных областей, сдерживающих развитие цифровых технологий в агропромышленном комплексе, позволила выявить основные угрозы трансформации сельского хозяйства и соотнести их с различными экономическими категориями. Пути устранения препятствий для цифровизации отрасли сельского хозяйства заложены в иерархии фундаментальных условий управления цифрового сельского хозяйства в условиях импортозамещения с учетом выявленных в исследовании проблемных областей.

Основой иерархии служит государственное регулирование процесса цифровизации АПК, которое способно обеспечить защиту отрасли от цифровых угроз и нивелировать экономические риски за счет инструментов государственной поддержки. Представленные в статье практические примеры иллюстрируют эффективность применения цифровых технологий для развития отрасли.

Таким образом, можно сделать выводы, что на низкий уровень цифровизации влияет не только материальный аспект — низкий уровень инвестиционной активности в России в агропромышленный сектор, но и отсутствие цифрового менеджмента в организациях сельского хозяйства, способного администрировать организационно-хозяйственную деятельность компаний в условиях цифровой трансформации. По нашему мнению, под понятием «цифрового менеджмента» следует понимать «совокупность информационно-коммуникационных процедур, направленных на управление агропредприятием, обеспечивающих цифровой обмен данными с целью развития эффективной и современной инфраструктуры в организации, для обеспечения потребительского спроса и поддержания продовольственной безопасности страны».

Традиционные подходы к управлению сельскохозяйственной организацией не способны в нынешних реалиях покрыть потребности рынка сельского хозяйства в цифровых технологиях и повлиять на естественную убыль продукции. Так, к примеру, изменение климата и факторы «глобального потепления» делают продукцию сельского хозяйства зависимой от резких колебаний погодных условий. Государственная поддержка как стимул инновационной активности АПК позволяет снизить издержки на цифровизацию отрасли, выделить перспективные направления развития для стимулирования роста производительности труда и расширения номенклатуры производимой продукции. Практические кейсы применения цифровых технологий крупными компаниями АПК позволяют среднему и малому бизнесу перенять реальный опыт и модели управления цифровыми технологиями. Поставленная цель исследования достигнута авторами. Проработка проблематики технологического развития сельского хозяйства посредством цифровизации отрасли дает возможность в дальнейшем выстроить модель для оценки рисков и эффектов от внедрения цифровых технологий АПК для предприятий любого масштаба.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Demmler K. M., Friesen V. M., Neufeld L. M. Food security and nutrition surveillance in low- and middle-income countries // *Encyclopedia of Human Nutrition (Fourth Edition)*. Academic Press. 2023. P. 420–434. DOI: 10.1016/B978-0-12-821848-8.00152-9.
2. Waha K., Accatino F., Godde C., Rigolot C., Bogard J., Domingues J. P., Gotor E., Herrero M., Martin G., Mason-D'Croz D., Tacconi F., Wijk M. The benefits and trade-offs of agricultural diversity for food security in low- and middle-income countries: A review of existing knowledge and evidence // *Global Food Security*. 2022. Vol. 33, № 100645. DOI: 10.1016/j.gfs.2022.100645.
3. Saboori B., Alhattali N. A., Gibreel T. Agricultural products diversification-food security nexus in the GCC countries; introducing a new index // *Journal of Agriculture and Food Research*. 2023. Vol. 12, № 100592. DOI: 10.1016/j.jafr.2023.100592.
4. Abbasi R., Martinez P., Ahmad R. The digitization of agricultural industry — a systematic literature review on agriculture 4.0 // *Smart Agricultural Technology*. 2022. Vol. 2, № 100042. DOI: 10.1016/j.atech.2022.100042.
5. Sun G., Fang J., Li J., Wang X. Research on the impact of the integration of digital economy and real economy on enterprise green innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024. Vol. 200, № 123097. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.123097.
6. Tao J., Wang Z., Xu Y., Zhao B., Liu J. Can the digital economy boost rural residents' income? Evidence from China based on the spatial Durbin model // *Economic Analysis and Policy*. 2024. Vol. 81. P. 856–872. DOI: 10.1016/j.eap.2024.01.004.
7. Lin J., Tao J. Digital resilience: A multiple case study of Taobao village in rural China // *Telematics and Informatics*. 2024. Vol. 86, № 102072. DOI: 10.1016/j.tele.2023.102072.
8. Wang W., Xu H., Liu Y. Platform ruralism: Digital platforms and the techno-spatial fix // *Geoforum*. 2022. Vol. 131. P. 12–19. DOI: 10.1016/j.geoforum.2022.02.009.
9. Suiubayeva S. N., Gola A., Zakimova A. M. Satellite systems and digital technologies in agriculture: state, problems, professional competencies // *Problems of agrimarket*. 2023. Vol. 2. DOI: 10.46666/2023-2.2708-9991.08.
10. Shaikh T. A., Rasool T., Lone F. R. Towards leveraging the role of machine learning and artificial intelligence in precision agriculture and smart farming // *Computers and Electronics in Agriculture*, Faisal Rasheed. 2022. Vol. 198, № 107119. DOI: 10.1016/j.compag.2022.107119.
11. Zhumaxanova K. M., Yessymkhanova Z. K., Yessenzhigitova R. G., Kaydarova A. T.: The current state of agriculture digitalization: problems and ways of solution // *Central Asian Economic Review*. 2019. Vol. 5 (128). P. 144–155.
12. Жолобова А. И., Ергунова О. Т. Использование цифровых двойников в сельском хозяйстве // *Вопросы отраслевой экономики*. 2023. № 2 (2). С. 31–39. DOI: 10.24888/2949-2793-2023-2-31-39.
13. Purcell W., Neubauer T. Digital Twins in Agriculture: A State-of-the-art review // *Smart Agricultural Technology*. 2023. Vol. 3, № 100094. DOI: 10.1016/j.atech.2022.100094.
14. Pylaniadis C., Osinga S., Athanasiadis I. N. Introducing digital twins to agriculture // *Computers and Electronics in Agriculture*. 2021. Vol. 184, № 105942. DOI: 10.1016/j.compag.2020.105942.
15. Zul Azlan Z. H., Junaini S. N., Bolhassan N. A., Wahi R., Arip M. A. Harvesting a sustainable future: An overview of smart agriculture's role in social, economic, and environmental sustainability // *Journal of Cleaner Production*. 2024. Vol. 434, № 140338. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.140338.
16. Jararweh Y., Fatima S., Jarrah M., AlZu'bi S. Smart and sustainable agriculture: Fundamentals, enabling technologies, and future directions // *Computers and Electrical Engineering*. 2023. Vol. 110, № 108799. DOI: 10.1016/j.compeleceng.2023.108799.
17. Chen H.-Y., Sharma K., Sharma C., Sharma S. Integrating explainable artificial intelligence and blockchain to smart agriculture: Research prospects for decision making and improved security // *Smart Agricultural Technology*. 2023. Vol. 6, № 100350. DOI: 10.1016/j.atech.2023.100350.
18. Kasera R. K., Gour S., Acharjee T. A comprehensive survey on IoT and AI based applications in different pre-harvest, during-harvest and post-harvest activities of smart agriculture // *Computers and Electronics in Agriculture*. 2024. Vol. 216, № 108522. DOI: 10.1016/j.compag.2023.108522.
19. Silva A., Mendes-Moreira J., Ferreira C., Costa N., Dias D. Map-matching methods in agriculture // *Computers and Electronics in Agriculture*. 2024. Vol. 216, № 108529. DOI: 10.1016/j.compag.2023.108529.

20. Freitas Silveira R. M., Evangelista Façanha D. A., McManus C., Bermejo Asensio L. A., Oliveira da Silva I. J. Intelligent methodologies: An integrated multi-modeling approach to predict adaptive mechanisms in farm animals // *Computers and Electronics in Agriculture*. 2024. Vol. 216, № 108502. DOI: 10.1016/j.compag.2023.108502.
21. Козлов В. Д., Мансуров А. П., Котылева Е. А. Современное состояние и основные проблемы внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство // *Московский экономический журнал*. 2022. № 9. С. 329–337. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_10_577.
22. Минеева Л. Н., Пшеницова А. И. Трансформация сельского хозяйства: проблемы и цифровые возможности развития сельских территорий // *Modern Economy Success*. 2023. № 2. С. 36–41.
23. Каманина А. Н. Цифровая трансформация экономической деятельности сельского хозяйства: проблемы и перспективы развития // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № S1. URL: <https://esj.today/PDF/94FAVN123.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).
24. Wakweya R. B. Challenges and prospects of adopting climate-smart agricultural practices and technologies: Implications for food security // *Journal of Agriculture and Food Research*. 2023. Vol. 14, № 100698. DOI: 10.1016/j.jafr.2023.100698.
25. Tadesse B., Ahmed M. Impact of adoption of climate smart agricultural practices to minimize production risk in Ethiopia: A systematic review // *Journal of Agriculture and Food Research*. 2023. Vol. 13, № 100655. DOI: 10.1016/j.jafr.2023.100655.
26. Erekaló K. T., Yadda T. A. Climate-smart agriculture in Ethiopia: Adoption of multiple crop production practices as a sustainable adaptation and mitigation strategies // *World Development Sustainability*. 2023. Vol. 3, № 100099. DOI: 10.1016/j.wds.2023.100099.
27. Bazzana D., Foltz J., Zhang Y. Impact of climate smart agriculture on food security: An agent-based analysis // *Food Policy*. 2022. Vol. 111, № 102304. DOI: 10.1016/j.foodpol.2022.102304.

References

1. Demmler KM, Friesen VM, Neufeld LM. Food security and nutrition surveillance in low- and middle-income countries. *Encyclopedia of Human Nutrition (Fourth Edition)*. Academic Press. 2023. Pp. 420–434. DOI: 10.1016/B978-0-12-821848-8.00152-9.
2. Waha K, Accatino F, Godde C, Rigolot C, Bogard J, Domingues JP, Gotor E, Herrero M, Martin G, Mason-D’Croz D, Tacconi F, Wijk M. The benefits and trade-offs of agricultural diversity for food security in low- and middle-income countries: A review of existing knowledge and evidence. *Global Food Security*. 2022;33:100645. DOI: 10.1016/j.gfs.2022.100645.
3. Saboori B, Alhattali NA, Gibreel T. Agricultural products diversification-food security nexus in the GCC countries; introducing a new index. *Journal of Agriculture and Food Research*. 2023;12:100592. DOI: 10.1016/j.jafr.2023.100592.
4. Abbasi R, Martinez P, Ahmad R. The digitization of agricultural industry — a systematic literature review on agriculture 4.0. *Smart Agricultural Technology*. 2022;2:100042. DOI: 10.1016/j.atech.2022.100042.
5. Sun G, Fang J, Li J, Wang X. Research on the impact of the integration of digital economy and real economy on enterprise green innovation. *Technological Forecasting and Social Change*. 2024;200:123097. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.123097.
6. Tao J, Wang Z, Xu Y, Zhao B, Liu J. Can the digital economy boost rural residents’ income? Evidence from China based on the spatial Durbin model. *Economic Analysis and Policy*. 2024;81;856-872. DOI: 10.1016/j.eap.2024.01.004.
7. Lin J, Tao J. Digital resilience: A multiple case study of Taobao village in rural China. *Telematics and Informatics*. 2024;86:102072. DOI: 10.1016/j.tele.2023.102072.
8. Wang W, Xu H, Liu Y. Platform ruralism: Digital platforms and the techno-spatial fix. *Geoforum*. 2022;131:12-19. DOI: 10.1016/j.geoforum.2022.02.009.
9. Suiubayeva SN, Gola A, Zakimova AM. Satellite systems and digital technologies in agriculture: state, problems, professional competencies. *Problems of agrimarket*. 2023;2. DOI: 10.46666/2023-2.2708-9991.08.
10. Shaikh TA, Rasool T, Lone FR. Towards leveraging the role of machine learning and artificial intelligence in precision agriculture and smart farming. *Computers and Electronics in Agriculture, Faisal Rasheed*. 2022;198:107119. DOI: 10.1016/j.compag.2022.107119.

11. Zhumaxanova KM, Yessymkhanova ZK, Yessenzhigitova RG, Kaydarova AT: The current state of agriculture digitalization: problems and ways of solution. *Central Asian Economic Review*. 2019;5(128):144-155.
12. Zholobova AI, Ergunova, OT. The usage of digital twins in agriculture. *Questions of Industrial Economics*. 2023;2(2):31-39. DOI: 10.24888/2949-2793-2023-2-31-39. (In Russ.).
13. Purcell W, Neubauer T. Digital Twins in Agriculture: A State-of-the-art review. *Smart Agricultural Technology*. 2023;3:100094. DOI: 10.1016/j.atech.2022.100094.
14. Pylianidis C, Osinga S, Athanasiadis IN. Introducing digital twins to agriculture. *Computers and Electronics in Agriculture*. 2021;184:105942, DOI: 10.1016/j.compag.2020.105942.
15. Zul Azlan ZH, Junaini SN, Bolhassan NA, Wahi R, Arip MA. Harvesting a sustainable future: An overview of smart agriculture's role in social, economic, and environmental sustainability. *Journal of Cleaner Production*. 2024;434:140338. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.140338.
16. Jararweh Y, Fatima S, Jarrah M, AlZu'bi S. Smart and sustainable agriculture: Fundamentals, enabling technologies, and future directions. *Computers and Electrical Engineering*. 2023;110:108799. DOI: 10.1016/j.compeleceng.2023.108799.
17. Chen HY, Sharma K, Sharma C, Sharma S. Integrating explainable artificial intelligence and blockchain to smart agriculture: Research prospects for decision making and improved security. *Smart Agricultural Technology*. 2023;6:100350. DOI: 10.1016/j.atech.2023.100350.
18. Kasera RK, Gour S, Acharjee T. A comprehensive survey on IoT and AI based applications in different pre-harvest, during-harvest and post-harvest activities of smart agriculture. *Computers and Electronics in Agriculture*. 2024;216:108522. DOI: 10.1016/j.compag.2023.108522.
19. Silva A, Mendes-Moreira J, Ferreira C, Costa N, Dias D. Map-matching methods in agriculture. *Computers and Electronics in Agriculture*. 2024;216:108529. DOI: 10.1016/j.compag.2023.108529.
20. Freitas Silveira R. M., Evangelista Façanha D. A., McManus C., Bermejo Asensio L. A., Oliveira da Silva I. J. Intelligent methodologies: An integrated multi-modeling approach to predict adaptive mechanisms in farm animals. *Computers and Electronics in Agriculture*. 2024;216:108502. DOI: 10.1016/j.compag.2023.108502.
21. Kozlov V. D., Mansurov A. P., Kotyleva E. A. The current state and the main problems of the introduction of digital technologies in Agriculture. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2022;9:329-337. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_10_577 (In Russ.).
22. Mineeva L. N., Pshencova A. I. Transformation of Agriculture: Problems And Digital Opportunities For Rural Development. *Modern Economy Success*. 2023;2:36–41. (In Russ.).
23. Kamanina AN. Digital transformation of the economic activity of agriculture: problems and development prospects. *Vestnik yevraziyskoy nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15: s1. Available at: <https://esj.today/PDF/94FAVN123.pdf> (accessed: 15.11.2024) (In Russ.).
24. Wakweya RB. Challenges and prospects of adopting climate-smart agricultural practices and technologies: Implications for food security. *Journal of Agriculture and Food Research*. 2023;14:100698. DOI: 10.1016/j.jafr.2023.100698.
25. Tadesse B, Ahmed M. Impact of adoption of climate smart agricultural practices to minimize production risk in Ethiopia: A systematic review. *Journal of Agriculture and Food Research*. 2023;13:100655. DOI: 10.1016/j.jafr.2023.100655.
26. Erekaló KT, Yadda TA. Climate-smart agriculture in Ethiopia: Adoption of multiple crop production practices as a sustainable adaptation and mitigation strategies. *World Development Sustainability*. 2023;3:100099. DOI: 10.1016/j.wds.2023.100099.
27. Bazzana D, Foltz J, Zhang Y. Impact of climate smart agriculture on food security: An agent-based analysis. *Food Policy*. 2022;111:102304. DOI: 10.1016/j.foodpol.2022.102304.

Информация об авторах

Л. А. Ильина — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры учета, анализа и экономической безопасности.

А. А. Павлов — аспирант кафедры учета, анализа и экономической безопасности.

Information about the authors

L. A. Ilyina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Economic Security.

A. A. Pavlov — Postgraduate Student of the Department of the Department of Accounting, Analysis and Economic Security.

Статья поступила в редакцию 23.11.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 23.11.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.8

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-145-154

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ И РЕМОНТА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

Николай Константинович Кемайкин^{1✉}, Иван Михайлович Павленков²,
Игорь Николаевич Пугин³

¹ Дзержинский филиал «РАНХиГС», Дзержинск, Россия, kemaykin.gms@yandex.ru, 0000-0003-4631-4147

² Дзержинский филиал «РАНХиГС», Дзержинск, Россия, pavlenkov-im@ranepa.ru

³ Дзержинский филиал «РАНХиГС», Дзержинск, Россия, pin52@mail.ru

Аннотация. В исследовании описаны многочисленные попытки государства по улучшению качества услуг в сфере ЖКХ. Авторы приводят обоснование недостаточности ресурсов для качественного управления и ремонта многоквартирных домов. В связи с этим возникает необходимость скорейших изменений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Авторами дана критическая оценка всех вариантов трансформации сферы жилищно-коммунального хозяйства, которые на сегодняшний день обсуждаются в органах власти. Определен наиболее перспективный вариант изменений на рынке услуг управления и ремонтов многоквартирных домов с точки зрения повышения качества в условиях ограниченности ресурсов. При предлагаемом варианте не решаются полностью все проблемы, но создаются предпосылки и условия для повышения эффективности управления и ремонтов многоквартирных домов. В исследовании приведены примеры создания управляющих компаний с государственным участием. Результаты исследования могут быть полезны законодательным органам власти РФ, а также органам власти субъектов РФ и муниципальных образований при формировании стратегии развития сферы по обслуживанию и ремонту многоквартирных домов.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, ЖКХ, качество услуг, лицензирование, МКД, многоквартирный дом, саморегулирование, тариф, управляющая компания

Для цитирования: Кемайкин Н. К., Павленков И. М., Пугин И. Н. Перспективные направления развития сферы управления и ремонта многоквартирных домов // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 145–154. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-145-154.

Original article

PROMISING AREAS FOR THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT AND REPAIR OF APARTMENT BUILDINGS

Nikolai K. Kemaykin^{1✉}, Ivan M. Pavlenkov², Igor N. Pugin³

¹ Dzerzhinsk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dzerzhinsk, Russia, kemaykin.gms@yandex.ru, 0000-0003-4631-4147

² Dzerzhinsk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dzerzhinsk, Russia, pavlenkov-im@ranepa.ru

³ Dzerzhinsk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dzerzhinsk, Russia, pin52@mail.ru

Abstract. The study describes numerous attempts by the state to improve the quality of services in the housing and communal services sector. The authors provide a justification for the lack of resources for high-quality management and repair of apartment buildings. In this regard, there is a need for early changes in the sphere of housing and communal services. The authors have given a critical assessment of all the options for the transformation of the housing and communal services sector, which are currently being discussed in the authorities. The most promising option for changes in the market of management services and repairs of apartment buildings in terms of quality improvement in conditions of limited resources has been identified. The proposed option does not completely solve

all problems, but creates prerequisites and conditions for improving the efficiency of management and repairs of apartment buildings. The study provides examples of the creation of management companies with state participation. The results of the study may be useful to the legislative authorities of the Russian Federation, as well as to the authorities of the subjects of the Russian Federation and municipalities in forming a strategy for the development of the sphere of maintenance and repair of apartment buildings.

Keywords: apartment building, housing and communal services, licensing, management company, quality of services, payment, self-regulation

For citation: Kemaykin NK, Pavlenkov IM, Pugin IN. Promising Areas for the Development of Management and Repair of Apartment Buildings. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):145-154. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-145-154.

Введение

Сфера жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) затрагивает интересы всех граждан страны. В структуре ЖКХ особое место занимают услуги по управлению многоквартирными домами (МКД), так как собственники чаще всего обращаются в первую очередь в управляющую компанию (УК) по вопросам содержания и ремонта МКД.

Глобальная трансформация сферы содержания и ремонта многоквартирных домов началась с принятия Жилищного кодекса Российской Федерации в декабре 2004 г. Впервые появились три формы управления многоквартирным домом: непосредственное управление собственниками; управление товариществами собственников недвижимости (ТСН); управление управляющей организацией.

С 1 сентября 2014 г. вступили в действие поправки в Жилищный кодекс РФ, обязывающие управляющие компании получать лицензию на ведение деятельности в сфере управления и обслуживания МКД.

Другим важным этапом трансформации сферы содержания и ремонта МКД стало создание

в 2015 г. фондов капитального ремонта в каждом субъекте Российской Федерации. С собственников МКД стала взиматься плата на капитальный ремонт. Региональные операторы фонда капитального ремонта стали формировать программы по ремонту и организовывать выполнение ремонтных работ.

Стоит также отметить, что в период действия Жилищного кодекса РФ государственными органами власти предпринимались многочисленные попытки повышения качества регулирования сферы и качества услуг ЖКХ (табл. 1). По данным справочно-правовой системы «Консультант-Плюс», в настоящий момент сферу ЖКХ регулирует 421 федеральный нормативный акт, в том числе 113 федеральных нормативных актов регулируют деятельность по содержанию и ремонту многоквартирных домов. Это говорит о том, что сфера ЖКХ сильно зарегулирована.

В табл. 2 представлено распределение жилищного фонда по периодам ввода в эксплуатацию¹. Большая часть МКД (около 78%) эксплуатируются от 30 до 80 лет.

¹ Жилищное хозяйство в России. 2022 : стат. сб./ Росстат. М., 2022. 83 с.

Таблица 1
Table 1

Количество нормативных актов, регулирующих сферу ЖКХ
The number of regulations governing the housing and communal services sector

Область регулирования	Кол-во всех федеральных нормативных актов, включая утратившие силу и отмененные, на сентябрь 2024 г., шт.	Кол-во действующих федеральных нормативных актов на сентябрь 2024 г., шт.
Вся сфера ЖКХ	5 810	421
в т. ч. деятельность УК	838	113

Источник: Здесь и далее все таблицы в статье составлены авторами.

Таблица 2
Table 2

Распределение жилищного фонда по годам постройки на 2021 год (МКД, ед.)
Distribution of housing stock by year of construction for 2021

Годы постройки				
До 1920	1921–1945	1946–1970	1971–1995	после 1995
59 269	89 661	550 819	709 337	202 296

В табл. 3 представлена динамика аварийно-го жилищного фонда. В период с 2017 по 2021 г. отмечен прирост аварийного жилищного фонда на 63 % по общей площади помещений МКД.

Таблица 3
Table 3

Аварийный жилищный фонд, м²
Emergency housing stock, m²

2017	2018	2019	2020	2021
13 512	16 180	17 464	19 616	22 059

Таким образом, задача поиска новых действенных механизмов повышения качества жилищных услуг назрела и является актуальной. Необходимы существенные изменения в сфере содержания и ремонта многоквартирных домов.

Научных работ, посвященных сфере ЖКХ, достаточно много. Некоторые исследователи, например И. Е. Горюшинская, М. В. Долженкова, А. Н. Гузеев, Ж. А. Казорина, утверждают, что для перспективного повышения качества услуг ЖКХ необходимо использовать инновационные подходы при формировании кадровой политики [1; 2]. Данная работа рассматривает лишь один аспект управления в отрасли, хотя многие ученые говорят об общем недофинансировании сферы.

В своих работах И. А. Баранова, М. А. Авдюшина и А. Э. Гынденова связывают перспективы развития сферы ЖКХ с привлечением инвестиций в отрасль [3; 4]. Привлечение инвестиций возможно через концессионные механизмы, которые обеспечивают долгосрочные условия работы компании. Такие механизмы возможны лишь в части сферы ЖКХ, а именно среди ресурсоснабжающих компаний. Управляющие компании работают на основе решения собрания собственников, что не гарантирует долгосрочных отношений и снижает привлекательность бизнеса для инвесторов.

Исследование И. В. Рыбальченко сводится к обоснованию эффективности муниципальной модели управления предприятиями сферы ЖКХ [5]. Автор в поддержку муниципальной модели обозначает такие основные аргументы, как улучшение координации сферы ЖКХ муниципального образования и отсутствие ориентации на прибыль. В работе рассматривается набор рекомендаций, направленный на конкретное муниципальное образование, а не всей сферы ЖКХ, не представлена оценка альтернативных вариантов развития отрасли.

Исследования Т. Х. Аблязова, В. В. Асаула, М. А. Гаранина, Е. К. Чиркуновой, В. В. Авсие-

вич направлены на изучение влияния цифровых технологий на развитие сферы ЖКХ и повышение качества услуг [6; 7]. Безусловно, цифровые технологии позволят частично повысить качество услуг, но они не решают комплексно проблемы всей отрасли.

Таким образом, большинство исследований рассматривают развитие всей отрасли ЖКХ. Работ по повышению качества услуг управляющих компаний мало. Исследователи не дают оценок вариантам реформирования отрасли, которые уже рассматриваются на законодательном уровне. Обычно исследователи предлагают частные рекомендации, затрагивающие один из аспектов управления сферой ЖКХ; кардинальные предложения, направленные на существенные преобразования в отрасли, практически отсутствуют.

Материалы и методы исследования

Целью исследовательской работы является определение перспективного направления развития сферы управления и ремонта многоквартирных домов из вариантов, рассматриваемых органами власти в настоящий момент.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие подзадачи:

- оценить ресурсы, направляемые на обслуживание и ремонт многоквартирных домов;
- оценить рассматриваемые органами власти варианты трансформации сферы жилищно-коммунального хозяйства.

Предметом исследования является совокупность теоретическо-методических вопросов управления в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

В качестве методов использовалось решение поставленных задач с применением системного подхода, методов и инструментальных технологий научного исследования, анализ исследований ученых, табличные методы представления и обработки данных.

Оценка ресурсов, направляемых на обслуживание и ремонт многоквартирных домов

В процессе качественного оказания любой услуги важно наличие необходимого объема ресурсов и важна эффективность их использования.

Оценим достаточность ресурсов в сфере ЖКХ на оказание необходимого объема качественных услуг по содержанию и ремонту МКД.

Рассмотрим процесс эксплуатации МКД собственниками помещений в более широком аспекте. С точки зрения бизнес-терминологии этот

процесс является услугой по обеспечению проживания домохозяйства. Если рассматривать процесс оказания услуги по обеспечению проживания с точки зрения создания добавленной стоимости по аналогии с бизнесом, то процесс оказания услуги укрупненно будет состоять из следующих элементов:

- приобретения средства производства. В данном случае мы подразумеваем приобретение жилого помещения и, как следствие, доли в общем имуществе МКД, включая долю земельного участка. С точки зрения бизнеса, мы бы это назвали инвестиционными расходами на приобретение основного средства;

- обеспечение объекта коммунальными ресурсами. Взаимодействие с ресурсоснабжающими организациями. С точки зрения бизнеса, мы бы это назвали производственными расходами;

- содержание средства производства в исправном состоянии. Это обслуживание и текущий ремонт МКД;

- капитальный ремонт основного средства или его выбытие и замена на новое основное средство для обеспечения непрерывности цикла оказания услуги в долгосрочной перспективе. Основано на принципе, согласно которому домохозяйство должно всегда иметь жилье. С точки зрения бизнеса, это инвестиционные расходы.

В экономике существует понятие амортизации. Амортизация — это перенос части стоимости основного средства на затраты для того, чтобы в дальнейшем заменить отслужившее основное средство на новое либо его капитально отремонтировать.

Если бы в рынке оказывалась услуга по обеспечению проживания домохозяйства, то в составе стоимости этой услуги была бы начислена амортизация, которая позволила формировать амортизационный фонд для капитального ремонта основного средства или его замены.

Существует несколько способов начислений амортизации для зданий: линейный способ; способ уменьшаемого остатка; способ списания сто-

имости по сумме чисел лет срока полезного использования; способ списания стоимости пропорционально объему продукции (работ).

В целях нашего исследования и простоты расчетов используем линейный способ начисления амортизации. Расчет амортизации будем проводить на 1 м² жилого помещения многоквартирного дома по формуле

$$\text{Сумма амортизации за месяц} = \frac{\text{Рыночная стоимость}}{\text{Срок эксплуатации}}. \quad (1)$$

Определим срок эксплуатации МКД в соответствии со «Сводом правил 255.1325800.2016 Здания и сооружения. Правила эксплуатации. Основные положения», пункт 5.7. К категории МКД подходят две группы:

- здания (сооружения) массового строительства в обычных условиях эксплуатации (здания жилищно-гражданского и производственного строительства). Срок службы не менее 50 лет;

- уникальные здания (сооружения). Срок службы более 100 лет.

Так как большая часть МКД в соответствии с табл. 2 относится к массовой застройке, для целей нашего исследования примем срок эксплуатации МКД 100 лет.

Рыночную стоимость жилья определим по данным официальной статистики на примере Нижегородской области¹ (табл. 4).

Расчеты амортизации жилого помещения на примере Нижегородской области представлены в табл. 5.

Согласно постановлению администрации города Нижнего Новгорода № 2659 от 23.04.2024 «муниципальный тариф» для МКД со всеми видами благоустройства, с лифтами, системами дымоудаления и мусоропроводами составляет 42,55 руб./м² в месяц. Данный тариф включает в себя плату за содержание и текущий ремонт МКД.

¹ Средние цены на рынке жилья // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 04.09.2024).

Таблица 4
Table 4

Средние цены на рынке жилья в Нижегородской области в 2024 г. по всем типам квартир
Average prices on the housing market in the Nizhny Novgorod region
in 2024 for all types of apartments

Показатель	По Нижегородской области	По Нижнему Новгороду
Средние цены на первичном рынке жилья, руб. за 1 м ² общей площади	149 206	163 493
Средние цены на вторичном рынке жилья, руб. за 1 м ² общей площади	127 343	129 670

Таблица 5

Table 5

Амортизация жилья в Нижегородской области
Depreciation of housing in the Nizhny Novgorod region

Показатель	По Нижегородской области	По Нижнему Новгороду
Амортизация жилья на первичном рынке, руб. за 1 м ² в месяц	124,34	136,24
Амортизация жилья на вторичном рынке, руб. за 1 м ² в месяц	106,12	108,06

Согласно постановлению правительства Нижегородской области от 13.11.2023 № 984 минимальный размер взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме с лифтами, оборудованном внутридомовыми инженерными системами теплоснабжения и не оборудованном внутридомовыми инженерными системами газоснабжения, составляет 12,03 руб./м².

Согласно данным Единого портала бюджетной системы Российской Федерации на 2024 г. администрацией города Нижнего Новгорода запланировано выделение субсидий в размере 1 462 млн руб. на содержание и ремонт МКД¹ (табл. 6).

Согласно постановлению администрации города Нижнего Новгорода № 190 от 25.01.2017 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017–2022 годы» жилищный комплекс города Нижнего Новгорода представлен 9 800 многоквартирными жилыми домами с общей площадью 31 184 тыс. м² [8].

Разделив объем муниципальных субсидий на площадь жилого фонда города Нижнего Нов-

города и разделив полученное значение на 12, мы получим среднее значение бюджетного финансирования расходов на содержание и ремонт МКД 3,91 руб./м² в месяц.

Суммируя все фактические источники расходов на содержание и ремонт МКД, получаем фактический объем финансирования, равный 58,49 руб./м² (табл. 7).

Если бы в рынке оказывалась услуга по обеспечению проживания домохозяйства, примерная расчетная величина расходов на содержание и ремонт МКД со всеми видами благоустройства на вторичном рынке Нижнего Новгорода, включая амортизацию, составила бы 150,61 руб./м² в месяц (табл. 7).

Таким образом, выполненный укрупненный анализ с использованием экономической категории «амортизация» и допущений наглядно показывает недостаточность ресурса для качественного оказания услуги по содержанию и ремонту МКД. При этом анализе также учитывалась помощь государства в виде бюджетного финансирования части расходов, что дополнительно подтверждает недостаточность ресурса при оплате расходов только собственниками МКД. Очевидно, что ухудшение технического состояния основного средства, в нашем случае многоквартирного дома, с годами неизбежно.

Таблица 6

Table 6

Размер субсидий, запланированный на 2024 г., на содержание и ремонт МКД в Нижнем Новгороде
The amount of subsidies planned for 2024 for the maintenance and repair of residential buildings in Nizhny Novgorod

Субсидия	Сумма субсидий, млн руб.
Расходы на ремонт дворовых территорий	496
Капитальный ремонт МКД	355
Установка ИТП на системе отопления в МКД	308
Ремонтные работы в МКД	160
Расходы на благоустройство в целях содержания общего имущества МКД	91
Расходы на возмещение недополученных доходов по содержанию общего имущества в МКД	52
Итого на 2024 год	1 462

**Расходы на содержание и ремонт МКД со всеми видами благоустройства
на вторичном рынке Нижнего Новгорода**
**Expenses for the maintenance and repair of residential buildings with all types of landscaping
in the secondary market of Nizhny Novgorod**

Фактические расходы	Источник	Тариф	Взносы на капитальный ремонт	Бюджетное финансирование	Сумма, руб./м ² в месяц
		Значение, руб. м ²	42,55	12,03	3,91
Расчетное значение необходимых расходов	Источник	Тариф	Амортизационный фонд		
	Значение, руб. м ²	42,55	108,06		150,61
Абсолютное отклонение, руб./м ² в месяц					92,12
Относительное отклонение, %					157

Оценка вариантов трансформации сферы жилищно-коммунального хозяйства

Каким же образом оказывать качественно услуги в условиях жесткого дефицита ресурсов? В таких условиях важно использовать ресурсы эффективно. Необходимо искать пути повышения эффективности.

В Государственной Думе рассматривают три варианта трансформации управления МКД:

– «консервативный» — заключается в сохранении лицензирования для управляющих компаний и ужесточении требований к лицензиатам;

– «прогрессивный» — заключается в переходе от лицензирования к обязательному саморегулированию. Часть функций контроля из Государственной жилищной инспекции должны перейти в саморегулируемые организации (СРО). Предусматривается создание одной СРО в регионе, в правление которой будут входить и чиновники;

– «альтернативный» — заключается в создании государственных региональных операторов, которые будут выбирать подрядчиков на содержание и эксплуатацию МКД. В этом случае управляющие компании упраздняются. Рынок становится полностью регулируемым государством.

В варианте «консервативный» всё сводится к мотивации и контролю управляющих компаний через инструмент лицензирования. Однако данный инструмент не показал своей эффективности [9]. Инициаторы лицензирования ожидали, что существенная часть недобросовестных управляющих компаний покинут рынок, однако этого не произошло, а наоборот, многие предприниматели зарегистрировали новые УК и получили на них лицензии «на всякий случай». Многие требования процедуры получения лицензии носят формальный характер [10], которые с успехом обходят некоторые участники рынка.

В варианте «прогрессивный» предполагается, что часть функций контроля переходят от Государственной жилищной инспекции в СРО. Получается, что государственный орган власти не выполняет эффективно свои задачи и создается новый дополнительный институт контроля за деятельностью УК. Источником покрытия расходов деятельности СРО будут вступительные и членские взносы управляющих компаний, которые в свою очередь прямо или косвенно будут финансироваться из средств собственников МКД. Возможно, государство в результате перехода на саморегулирование начнет экономить бюджетные средства, переложив часть функций контроля на СРО и упразднив часть государственных органов [11]. В противном случае получается общее удорожание реализации функции контроля за деятельностью управляющих компаний.

Например, в строительстве замена института лицензирования на саморегулирование дала неоднозначные результаты. До сих пор в законодательстве отсутствуют четкие показатели эффективности СРО в строительстве [12]. В период действия СРО увеличилось число несчастных случаев на производстве [13].

В строительстве в соответствии со ст. 55.16 Градостроительного кодекса РФ СРО в рамках денежных средств компенсационного фонда несет субсидиарную ответственность по обязательствам своих членов по возмещению ущерба в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения строительной организацией своих обязательств по договору подряда. Для реализации подобного механизма в сфере ЖКХ нужны колоссальных размеров компенсационные фонды, которые формируются из членских взносов, а следовательно, прямым или косвенным образом из платежей собственников МКД.

Учитывая, что услуги ЖКХ являются социально значимыми [14], возникают большие сомнения в целесообразности передачи функции контроля от государства в рыночные институты, в качестве которых выступают саморегулируемые организации.

Вариант «альтернативный» предусматривает использование государственных механизмов управления сферой ЖКХ, которая оказывает социально значимые услуги для граждан. Ранее нами обозначалось, что стоит задача повышения качества оказываемых услуг в условиях жесткого дефицита ресурсов. На наш взгляд, учитывая специфику и особенности сферы ЖКХ, решить задачу по повышению качества услуг возможно при следующих условиях:

- прозрачность деятельности по оказанию услуги. На сегодняшний день поступает много нареканий от собственников МКД на непрозрачность деятельности УК. Государство предпринимает попытки заставить бизнес действовать открыто и прозрачно, например использовать единые формы отчетности перед жителями или использовать единые формы квитанций. Результаты пока оставляют желать лучшего. Гарантом прозрачной деятельности по управлению и ремонту многоквартирных домов может выступить только государство;

- использование передовых цифровых технологий. В настоящий момент в РФ доступ к передовым цифровым технологиям имеют крупные IT-компании и государство. Большинство управляющих компаний относятся к малому и среднему бизнесу, что не позволяет им иметь доступ к передовым технологиям либо их использование становится дорогостоящим. Поэтому данное условие роста качества услуг в большей степени способно обеспечить государство;

- повышение производительности труда. По исследованиям Банка России¹, производительность труда на малых и средних предприятиях ниже производительности на крупных предприятиях. Внедрение передовых методов повышения труда требует организационных, а иногда и материальных затрат. Так как большинство управляющих компаний относятся к малому и среднему бизнесу, то реализация данного условия вероятнее в государственном секторе управления;

¹ Как ускорить рост производительности труда: роль малых и средних предприятий // Cbr.ru: аналитическая записка. URL: https://cbr.ru/content/document/file/71818/analytic_note_200429_dip.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

- реновация ветхого и аварийного жилья. Речь идет о более активных мерах в процессе обновления жилого фонда. В табл. 3 представлена динамика увеличения аварийного фонда на территории РФ. В первой части исследования было обосновано, что остановить этот процесс существующими подходами ценообразования услуг по обслуживанию и ремонту МКД невозможно. Решением могло бы быть участие государства в постепенном обновлении жилого фонда, как это реализуется на территории города Москвы. Причем процесс реновации жилья позволяет поддерживать отрасль жилищного строительства и тем самым демпфировать кризисные периоды в отрасли.

Таким образом, наибольшая вероятность выполнения условий по повышению качества услуг возникает при государственном участии в управлении и ремонтах многоквартирных домов.

Наиболее наглядным примером государственного участия в управлении и ремонтах МКД является город Москва [15]. Самыми крупными УК города Москва являются: ООО «ПИК-Комфорт», ГБУ «Жилищник района Южное Бутово», ГБУ «Жилищник района Хорошево-Мневники», ГБУ «ЭВАЖД», ГБУ «Жилищник района Люблино».

Большая часть МКД находится в управлении государственных управляющих компаний в форме государственных бюджетных учреждений. Данное обстоятельство позволяет создать следующие предпосылки повышения качества услуг:

- защита собственников от банкротства УК;
- больше ресурса на производственную деятельность, так как у компаний нет цели получать прибыль;
- больше доступа к бюджетному финансированию за счет получения субсидий;
- использование муниципальных или государственных активов (помещения, техника и т. д.);
- бюджетные гарантии при использовании финансовых инструментов кредитования в случае необходимости;
- близость расположения для собственников МКД. Центры по работе с населением УК могут быть интегрированы в систему МФЦ или других органов и представительств власти;
- подчинение органам власти. Влияние на качество услуг со стороны органов власти, контроль качества;
- выполнение работ хозяйственным способом с минимальным привлечением подрядчиков.

Таким образом, на территории города Москвы представлен «альтернативный» вариант трансформации управления МКД.

Одной из разновидностей «альтернативного» варианта трансформации может быть создание государственных региональных операторов, которые будут выбирать подрядчиков на содержание и эксплуатацию МКД по аналогии с региональными операторами капитального ремонта.

«Альтернативный» вариант оказания услуг управления и ремонта МКД с полным государственным участием имеет больше перспектив для повышения качества оказываемых услуг, так как появляется возможность реализовать необходимые условия и предпосылки.

Заключение

В исследовании показаны многочисленные попытки государства по улучшению качества услуг в сфере ЖКХ, однако к результату это не приводит. Анализ текущего обеспечения деятельности по оказанию услуг в сфере по управлению и ремонту МКД с применением экономической категории «амортизация» показал, что ресурсов для качественного оказания услуг недостаточно. Обеспечение составляет около 30% от необходимого объема денежных средств. Ухудшение технического состояния многоквартирных домов неизбежно. Необходима глобальная трансформация сферы содержания и ремонта многоквартирных домов. Органами власти в настоящий момент рассматриваются три варианта изменений: «консервативный», «прогрессивный», «альтернативный».

Вариант «консервативный» не даст существенных изменений качества оказания услуг. Вариант «прогрессивный» увеличит контроль за УК за счет средств собственников МКД, но не приведет к видимым и явным улучшениям. В рамках исследования обоснован как наиболее перспективный вариант трансформации рынка ЖКХ вариант «альтернативный», при котором вероятнее всего повысить эффективность использования ограниченных ресурсов для повышения качества оказания услуг, но при этом государство станет монополистом в сфере обслуживания и ремонтов МКД, тем самым возьмет полную ответственность за качество оказываемых жилищных услуг и состояние жилищного фонда. В исследовании приведены примеры создания управляющих компаний с государственным участием. Важно подчеркнуть, что вариант государственного участия в управлении и обслуживании МКД не решит всех проблем с обеспеченностью финансирования, но позволит создать лучшие условия и предпосылки для повышения качества услуг в сравнении с частным бизнесом. Учитывая социальную значимость услуг ЖКХ, следует снижать долю бизнеса в отрасли. Результаты исследования могут быть полезны законодательным органам власти РФ, а также органам власти субъектов РФ и муниципальных образований при формировании стратегии развития сферы по обслуживанию и ремонту многоквартирных домов.

Список источников

1. Горюшинская И. Е., Долженкова М. В. Повышение качества жилищно-коммунальных услуг через формирование инновационной кадровой политики в ЖКХ // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. 2019. № 3 (10). С. 95–101.
2. Гузеев А. Н., Казорина Ж. А. Проблемы кадрового потенциала на примере предприятий жилищно-коммунального хозяйства // Экономика. Социология. Право. 2022. № 1 (25). С. 44–49.
3. Баранова И. А. Управление институциональными преобразованиями жилищно-коммунального хозяйства // Экономика. Социология. Право. 2019. № 1 (13). С. 16–21.
4. Авдюшина М. А., Гынденева А. Э. Финансовое обеспечение сферы жилищно-коммунального хозяйства // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 1. С. 6.
5. Рыбальченко И. В. Как увеличить эффективность жилищно-коммунального хозяйства в современных условиях? Приемы управления хозяйственными субъектами городского и муниципального подчинения // Муниципальная академия. 2024. № 4. С. 48–58.
6. Аблязов Т. Х., Асаул В. В. Цифровая трансформация жилищно-коммунального хозяйства России на основе применения междисциплинарного подхода // Международный научный журнал. 2020. № 4. С. 21–28.
7. Гаранин М. А., Чиркунова Е. К., Авсиевич В. В. Внедрение продуктов цифровой экономики в сферу жилищно-коммунального хозяйства // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 3 (27). С. 44–54.
8. Кемайкин Н. К., Королева М. Е. Анализ рынка жилищных услуг г. Нижнего Новгорода // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 206–210.

9. Кондюкова Е. С., Никитина О. М., Шершнева Е. Г., Руткаускас К. В. «Генеральная уборка» сферы ЖКХ в контексте лицензирования управляющих компаний // Экономика строительства. 2016. № 2 (38). С. 14–22.

10. Галаева А. А. Лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами и административная ответственность за нарушение правил ее осуществления // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 5А. С. 75–85.

11. Османов О. А., Шахназаров У. М. Регулирование деятельности по управлению общим имуществом в многоквартирном доме: лицензирование или саморегулирование? // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2024. Т. 39, № 2. С. 104–109.

12. Билык В. И., Пославский Д. М. Исследовательские подходы к решению проблем правового регулирования государственного контроля в сфере строительства // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 8. С. 70–76.

13. Кошечев М. В., Канхва В. С. Предпосылки формирования института саморегулирования в отечественном строительстве // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9, № 4. С. 548–574.

14. Кемайкин Н. К. Стратегический контроллинг в сфере жилищно-коммунального хозяйства. М. : Знание-М, 2024. 168 с. DOI: 10.38006/00187-726-4.2024.1.168. EDN GUKBFC.

15. Ларионова Ю. В., Ковалев А. С. Особенности управления жилищным фондом города Москвы // Экономика строительства. 2020. № 1 (61). С. 40–49.

References

1. Goryushinskaya IE, Dolzhenkova MV. Improving the quality of housing and communal services through the formation of an innovative personnel policy in housing and communal services. *Zhilishchnoye khozyaystvo i kommunal'naya infrastruktura = Housing and communal infrastructure*. 2019;3(10):95-101. (In Russ.).

2. Guzeev AN, Kazorina ZhA. Problems of human resources potential on the example of housing and communal services enterprises. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo = Economy. Sociology. Right*. 2022;1(25):44-49. (In Russ.).

3. Baranova IA. Management of institutional transformations of housing and communal services. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo = Economy. Sociology. Right*. 2019;1(13):16-21. (In Russ.).

4. Avdyushina MA, Gindenova AE. Financial support for housing and communal services. *Baikal Research Journal*. 2019;10(1):6. (In Russ.).

5. Rybalchenko IV. How to increase the efficiency of housing and communal services in modern conditions? management techniques of economic entities of urban and municipal subordination. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*. 2024;4:48-58. (In Russ.).

6. Ablyazov TKh, Asaul VV. Digital transformation of housing and communal services in Russia based on the application of an interdisciplinary approach. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal = International Scientific Journal*. 2020;4:21-28. (In Russ.).

7. Garanin MA, Chirkunova EK, Avsievich VV. Introduction of digital economy products in the sphere of housing and communal services. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual problems of economics and management*. 2020;3 (27):44-54. (In Russ.).

8. Kemaikin NK, Koroleva ME. Analysis of the housing services market in Nizhny Novgorod. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo = Business. Education. Right*. 2021;4(57):206-210. (In Russ.).

9. Kondyukova ES, Nikitina OM, Shershneva EG, Rutkauskas KV. “General cleaning” of the housing and communal services sector in the context of licensing management companies. *Ekonomika stroitel'stva = The economics of construction*. 2016;2(38):14-22. (In Russ.).

10. Galaeva AA. Licensing of management of apartment buildings and administrative responsibility for violation of the rules of its implementation. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2017;7(5A):75-85. (In Russ.).

11. Osmanov OA, Shakhnazarov UM. Regulation of the management of common property in an apartment building: licensing or self-regulation? *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. 2024;39(2):104-109. (In Russ.).

12. Bilyk VI, Poslavsky DM. Research approaches to solving problems of legal regulation of state control in the field of construction. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2023;16(8):70-76. (In Russ.).

13. Kosheev MV, Kankhva VS. Prerequisites for the formation of the institute of self-regulation in domestic construction. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2024;9(4):548-574. (In Russ.).

14. Kemaikin NK. *Strategicheskiy kontrolling v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva = Strategic controlling in the field of housing and communal services*. Moscow: Znanie-M Publishing House; 2024. 168 p. DOI: 10.38006/00187-726-4.2024.1.168. EDN GUKBFC. (In Russ.).

15. Larionova YuV, Kovalev AS. Features of the management of the housing stock of the city of Moscow. *Ekonomika stroitel'stva = The economics of construction*. 2020;1(61):40-49. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. К. Кемайкин — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики.

И. М. Павленков — кандидат экономических наук, директор.

И. Н. Пугин — старший преподаватель.

Information about the authors

N. K. Kemaikin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Economics Department.

I. M. Pavlenkov — Candidate of Economic Sciences, Director.

I. N. Pugin — Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 09.10.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 09.10.2024; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.46; 339.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-155-167

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ УСЛУГ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Наталья Витальевна Усова^{1✉}, Михаил Павлович Логинов²

¹ Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Уральский государственный экономический университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, nata-ekb-777@yandex.ru, 0000-0002-7575-6078

² Уральский государственный экономический университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, port-all@mail.ru, 0000-0003-0831-3004

Аннотация. Исследование рынка цифровых услуг розничной торговли и определение его перспективных направлений является одним из значимых вопросов. В данной работе для авторов представляет научный интерес междисциплинарный подход, что обусловлено совершенствованием архитектуры самого рынка и соответствующим усложнением путем популяризации маркетплейсов, интернет-магазинов, агрегаторов, классифайдов и социальных сетей как платформ для осуществления купли-продажи товаров. В то же время одним из ограничений является фрагментарное правовое регулирование отношений, возникающих на рынке цифровых услуг розничной торговли. Авторами проведен анализ тенденций развития рынка цифровых услуг розничной торговли и выявлены пробелы в нормах права. Полученные результаты позволили авторам предложить ряд мероприятий, направленных на их нивелирование и повышение эффективности развития исследуемого рынка. В качестве приоритетных направлений авторы выделяют совершенствование правовой базы в части закрепления категорий «маркетплейс», «агрегатор» и «интернет-магазин», а также прав и обязанностей этих участников рынка; введение субсидиарной ответственности маркетплейса и продавца в случае предоставления некачественного товара; дополнение способов заключения сделки. Второй блок мероприятий касается организационных вопросов: повышение уровня цифровой грамотности населения, расширение перечня обязательной к размещению информации для потребителя, как в мобильных приложениях, так и на сайтах маркетплейсов, агрегаторов, интернет-магазинов; осуществление перманентного сбора сведений обо всех заключенных договорах купли-продажи в Единой информационной системе. В совокупности предлагаемые мероприятия способствуют ускоренному развитию исследуемого рынка.

Ключевые слова: цифровые услуги розничной торговли, маркетплейс, агрегатор, интернет-магазин, цифровая экономика, правовое регулирование

Для цитирования: Усова Н. В., Логинов М. П. К вопросу о проблемах развития цифровых услуг розничной торговли // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 155–167. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-155-167.

Original article

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL RETAIL SERVICES

Natalya V. Usova^{1✉}, Mikhail P. Loginov²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural Institute of Management; Ural State University of Economics; Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, nata-ekb-777@yandex.ru, 0000-0002-7575-6078

² Ural State University of Economics, Ural Federal University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural Institute of Management, Yekaterinburg, Russia, port-all@mail.ru, 0000-0003-0831-3004

Abstract. The study of the digital retail services market and the identification of its promising areas is one of the significant issues. In this work, the authors are interested in an interdisciplinary approach, which is due to both the

improvement of the architecture of the market itself and the corresponding complication through the popularization of marketplaces, online stores, aggregators, classifieds and social networks as platforms for the purchase and sale of goods. At the same time, one of the limitations is the fragmented legal regulation of relations arising in the digital retail services market. The authors analyzed the trends in the development of the digital retail services market and identified gaps in legal norms. The results obtained allowed the authors to propose a number of measures aimed at leveling them and increasing the effectiveness of the development of the market under study. The authors identify as priority areas the improvement of the legal framework regarding the consolidation of the categories “marketplace”, “aggregator” and “online store”, as well as the rights and obligations of these market participants; the introduction of subsidiary liability of the marketplace and the seller in the case of the provision of low-quality goods; additions to the methods of concluding a transaction. The second block of events concerns organizational issues: increasing the level of digital literacy of the population, expanding the list of mandatory information for consumers, both in mobile applications and on websites of marketplaces, aggregators, online stores; carrying out permanent collection of information on all concluded purchase and sale agreements in a Single information system. Together, the proposed measures contribute to the accelerated development of the market under study.

Keywords: digital retail services, marketplace, aggregator, online store, digital economy, legal regulation

For citation: Usova NV, Loginov MP. On the Issue of the Problems of the Development of Digital Retail Services. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):155-167. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-155-167.

Введение

Трансформация архитектуры национальной экономики и рынка услуг розничной торговли обусловлена рядом факторов, среди которых ограничения, связанные с пандемией Covid-19, глобальный тренд на цифровую трансформацию, а также ряд санкционных ограничений и определение государством в качестве приоритетного направления формирование цифровой экономики в России.

Отметим, что изменения, которые наблюдаются в архитектуре экономики РФ, носят значимый характер. В то же время возникают определенные сложности, обусловленные отсутствием ряда норм права для обеспечения эффективного функционирования отдельных цифровых рынков, а также сложностями, касающимися взаимодействия участников рынка и определенным недоверием к цифровым платформам со стороны потребителей.

Наравне с офлайн-форматами, такими как единичные магазины, сетевые операторы, торговые центры, рынки и прочие, всё большую популярность приобретают и цифровые форматы, а именно интернет-магазины, агрегаторы, маркетплейсы, а социальные сети и мессенджеры становятся точками взаимодействия продавца и покупателя.

При этом важным вопросом является наличие действующих норм права, позволяющих обеспечить защиту прав всех участников цифрового рынка и тем самым сформировать основу для ускорения темпов развития данного сегмента.

Авторами в данном исследовании ставится цель изучить тенденции развития рынка цифровых услуг розничной торговли и дать характеристику степени разработанности правового аспекта в ус-

ловиях формирования цифровой модели национальной экономики.

Сейчас наблюдается усиление исследовательского интереса к вопросам цифровизации сферы услуг и формирования рынка цифровых услуг розничной торговли, который на современном этапе характеризуется достаточно большой дифференциацией. Так, на цифровом рынке представлены единичные интернет-магазины, маркетплейсы, агрегаторы, классифайды. При этом доминирующее положение на рынке цифровых услуг розничной торговли занимают маркетплейсы.

Отметим, что в целом доступные авторам научные труды, посвященные рынку цифровых услуг розничной торговли, можно разделить на несколько групп в зависимости от основного аспекта исследования.

В первую группу нами включены исследования, посвященные в целом цифровой трансформации сферы розничной торговли.

Исследование М. Г. Кораблева посвящено процессам цифровой трансформации на рынке розничной торговли непродовольственными товарами в России [6]. Автором уделяется пристальное внимание не только росту рынка цифровых услуг розничной торговли, но и внедрению ряда прогрессивных технологий, а именно big data, интернет вещей, искусственный интеллект и пр.

Ключевые тенденции, влияющие на рынок FMCG-ритейла в период пандемии Covid-19 и после нее, были представлены И. В. Пеньковой [11]. Автором рассматривается сущность институционально-знаниевых аспектов цифровой трансформации маркетинга розничной торговли товаров и услуг.

Мы согласны со следующим суждением Д. Н. Ткач, что «...неспособность внедрять инновации достаточно быстро, когда есть риск потерять клиентов из-за устаревшего способа работы... Недостаток присутствия в Интернете также является упущенной возможностью распознать тенденции и лучше узнать своего клиента с помощью аналитического программного обеспечения» [19, с. 60].

Анализ современного состояния рынка услуг розничной торговли и тенденций его развития представлен в работе Е. А. Тумакова [20]. Также автором дано обоснование значимости применения эволюционно-циклического подхода для обеспечения эффективного стратегического планирования устойчивого развития предприятия розничной торговли.

О. С. Веремеенко предложен и апробирован методический подход к оценке эффективности услуг розничной торговли, в основе которого анализ эффективности взаимодействия предприятия с потребителями и партнерами, а также оценка эффективности внутренней среды предприятия [1].

В свою очередь в процессе анализа А. В. Плотников применил коэффициент ранговой корреляции Спирмена [12].

Во вторую группу вошли работы, рассматривающие технологический аспект развития цифровых услуг розничной торговли.

Так, С. В. Зенченко исследовала один из ключевых аспектов развития цифровых услуг розничной торговли — технологическую составляющую [4].

Значимость внедрения цифровых технологий в сферу розничной торговли на примере России и Китая рассмотрели Ч. Пэй и С. Го [13], отмечая, что лидером в данном направлении является Китай.

Значимость прогрессивных технологий для сферы розничной торговли также подчеркивает в своем исследовании С. А. Кумеков [7]. В свою очередь Р. Н. Лепа рассмотрел применение цифровых технологий в сфере розничной торговли на современном этапе [8]. При этом автором делается акцент именно на маркетинговую составляющую.

Также представляют интерес работы С. Н. Гамидуллаева и Т. Б. Толстихиной, В. И. Теплова, В. Н. Сердюк.

Так, в работе С. Н. Гамидуллаева и Т. Б. Толстихиной нашли свое отражение вопросы развития услуг трансграничной электронной торговли [3]. Авторы провели анализ состояния трансграничной электронной торговли как вида розничной

торговли сферы услуг в контексте основных последствий вызовов и, соответственно, сформировавшихся тенденций и перспектив ее развития, а также рассмотрели специфику ее таможенного регулирования.

В. И. Теплов с коллегами исследовали стратегические направления развития розничной торговли в сфере маркетингового продвижения на основе использования цифровых инструментов [17].

Работа В. Н. Сердюк также посвящена исследованию стратегического аспекта развития рынка цифровых услуг розничной торговли [15].

Характеризуя степень научной разработанности маркетплейсов как структурного элемента современного рынка цифровых услуг розничной торговли, можно выделить следующие труды.

К примеру, А. А. Гайдаенко характеризует маркетплейсы как площадки электронной коммерции, на которых размещается информация о товарах, их производителях и продавцах, которые не участвуют в создании реализуемой продукции [2].

Анализ состояния российских маркетплейсов и перспективы их развития представлены в работе С. В. Панасенко и коллег [10].

Также представляет интерес исследование П. С. Романцовой, С. А. Шахватовой и Е. С. Марковой [14], в котором авторы выделяют ряд тенденций развития маркетплейсов и отмечают, в частности, что рынок маркетплейсов уже сейчас является высококонкурентным, а цифровые платформы обладают разнообразием услуг для населения.

Е. Е. Тарасова, Е. В. Матузенко и О. А. Глазунова, исследуя маркетплейсы, выделили ряд преимуществ (экономия на рекламе, большая целевая аудитория, обширная география продаж, доверие покупателей, повышение среднего чека и наличие ответственности за сделку) и недостатков (конкурирование по цене, невыгодные условия сотрудничества, изменение условий сотрудничества, отсутствие контроля, отсутствие лояльной аудитории) [16].

В свою очередь Т. Ф. Тимофеева и В. В. Тимофеев выделили ключевые отличия торгового агрегатора, а именно анализ большого количества предложений в одном информационном окне, сокращение издержек, связанных с поиском информации относительно ключевых характеристик товара (состав, ассортимент и иных) и обеспечение купли-продажи товаров/услуг по наиболее выгодной цене [18].

При этом одним из оснований, оказывающих сдерживающее влияние на развитие рынка цифровых услуг розничной торговли, является

недостаточная проработанность норм права. Так, А. И. Клименко отмечает, что «Нормативные правовые акты и отдельные стандарты не приспособлены к регулированию отношений в сфере потребителей товаров в интернет-пространстве. Базовое понятие для маркетплейса «электронный потребитель» до сих пор не имеет стандартного определения» [5, с. 581].

В свою очередь И. В. Фадеева, анализируя правовой аспект регулирования маркетплейсов и агрегаторов, отмечает, что «необходимость правового регулирования интернет-торговли и, конкретно, деятельности маркетплейсов назрела уже давно. На сегодняшний день это одна из немногих отраслей, которая активно развивается в силу того, что данная сфера не требует решения большого количества сложных организационных вопросов и не связана с существенными издержками. Поэтому важно, с одной стороны, установить нормы, позволяющие соблюсти баланс интересов потребителей и интернет-компаний, а с другой — не отяготить осуществление интернет-коммерции введением излишнего государственного регулирования» [21, с. 224].

Таким образом, для нас представляет интерес именно междисциплинарный подход, учитывающий как экономический аспект, выражающийся в динамике развития маркетплейсов, их востребованности, так и правовой — действующие нормы права, направленные на гармонизацию взаимодействия участников рынка.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования авторами были применены такие методы, как компаративный анализ, обобщение, сопоставление, группировка и ретроспективный анализ.

Информационной базой выступили Tinkoff eCommerce, Data Insight, исследования Яндекс, АКИТ, Система обеспечения законодательной деятельности, Гарант, данные Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. Для выявления тенденций развития рынка цифровых услуг розничной торговли авторами использована совокупность данных Tinkoff eCommerce, Data Insight, исследования Яндекс, АКИТ, что позволило охарактеризовать как сам рынок, так и востребованность у потребителей услуг, предлагаемых на нем. Применительно к рассмотрению правового аспекта авторами использованы данные Системы обеспечения законодательной деятельности, Гаранта, Межпарламентской Ассамблеи

государств — участников Содружества Независимых Государств, что позволило провести анализ действующих норм права и правоприменительной практики в контексте исторического развития данного аспекта. В совокупности предлагаемый подход позволил исследовать инновационный и востребованный рынок с позиции междисциплинарного подхода.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных условиях потребитель может использовать различные точки взаимодействия, как онлайн, так и офлайн. Покупатель может обратиться в офлайн-магазин, но в современных условиях ускорения ритма жизни время становится одним из ключевых факторов и всё большую популярность набирают онлайн-каналы, среди которых агрегаторы, маркетплейсы, интернет-магазины.

О росте популярности рынка цифровых услуг розничной торговли свидетельствуют данные, представленные на рис. 1 и 2.

Как мы видим на рис. 1, пандемия Covid-19 «подтолкнула» к росту востребованности рынка цифровых услуг розничной торговли. Прирост значения показателя по результатам 2023 г. к 2018 г. составил 283,77%.

Маркетплейсы являются одним из основных каналов сбыта товаров в цифровом пространстве. Так, если в 2021–2022 гг. основными каналами являлись маркетплейсы и сайты, то в 2023 г. ситуация изменилась, что связано с появлением дополнительных каналов, к которым относятся социальные сети, мессенджеры и сайты объявлений¹. При этом популярность маркетплейсов не снижается, о чем свидетельствуют данные, представленные на рис. 2.

Как мы видим, если в 2019 г. доля двух крупнейших маркетплейсов составляла 38%, то по результатам 2023 г. значение показателя составило 76%.

Далее рассмотрим частоту приобретения на рынке цифровых услуг розничной торговли (рис. 3).

Популярность цифрового пространства для приобретения товаров усиливается, о чем свидетельствует рост в 2021 г. по отношению к 2019 г. таких показателей, как приобретение товаров в цифровом пространстве «один или несколько раз в неделю» (17,4% в 2019 г. и 27% в 2021 г.) и «каж-

¹ Онлайн-продажи 2023: тренды и драйверы // Data Insight URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Virin_inSales_OnlineSales2023_trends_drivers.pdf (дата обращения: 04.11.2024)

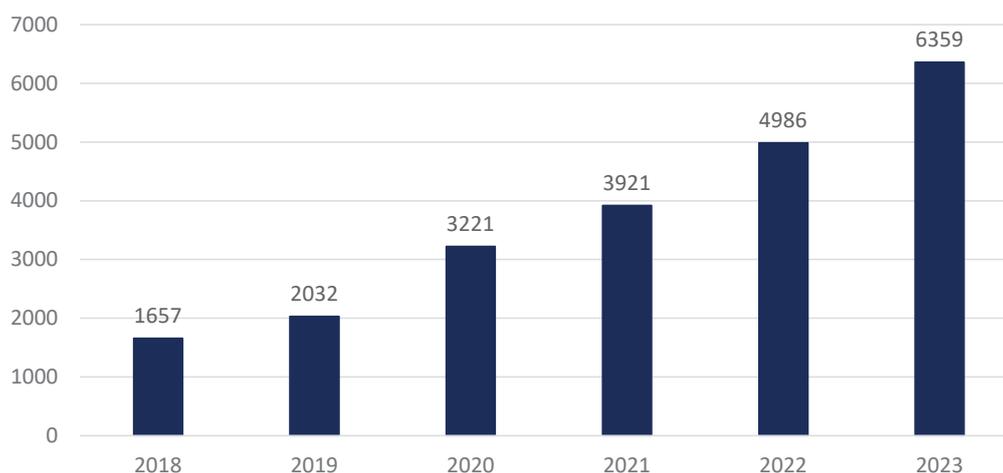

Рис. 1. Объем рынка цифровых услуг розничной торговли за период с 2018 по 2023 г., млрд руб.
Fig. 1. The volume of the digital retail services market for the period from 2018 to 2023, billion rubles

Составлено авторами по: Рынок интернет-торговли в России // АКИТ. URL: <https://akit.ru/analytics/analyt-data> (дата обращения: 04.11.2024).

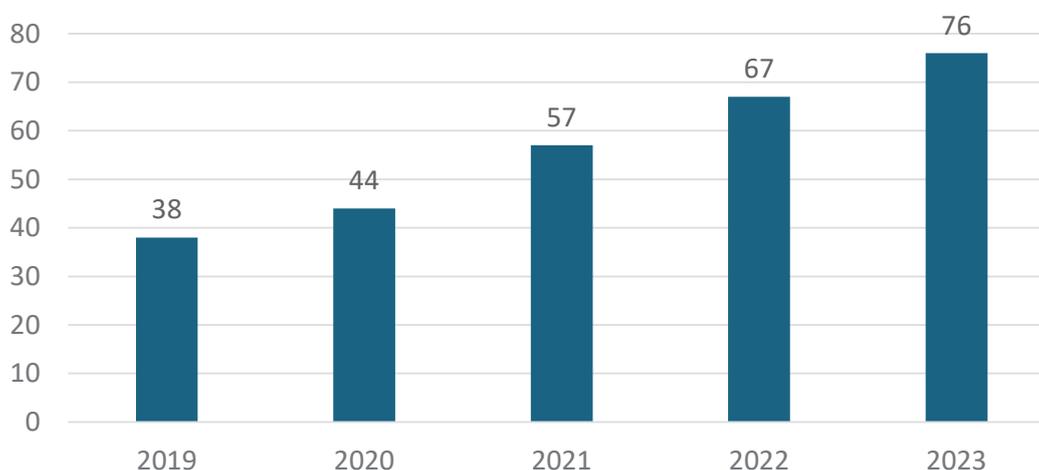

Рис. 2. Доля маркетплейсов Wildberries и Ozon от всех онлайн-заказов, %
Fig. 2. The share of Wildberries and Ozon marketplaces from all online orders, %

Составлено авторами по: Маркетплейсы 2024: тренды, стратегии, точки роста. // Data Insight URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_FedorVirin_SandM_2024.pdf (дата обращения 04.11.2024)

дый или почти каждый день» (5,1 % в 2019 г. и 10,1 % в 2021 г.).

Также вызывают интерес некоторые данные, представленные Tinkoff eCommerce¹:

– растет активность жителей регионов РФ — увеличилось число транзакций на маркетплейсах, которые совершают россияне за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, и общий объем этих транзакций в денежном выражении;

- средний чек снизился на 10 % — до 1 789 руб.;
- самая популярная площадка по оборотам

¹Итоги года на маркетплейсах: в 2023 году количество покупок выросло на 63 % // Т-Банк URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/29012024-marketplaces-year-results-number-of-purchases-increased-by-63-percent-in-2023/> (дата обращения 04.11.2024)

и числу совершенных покупок — Wildberries, на втором месте — Ozon. На два этих маркетплейса приходится 86 % продаж (в рублях).

Как уже было отмечено в одной из наших публикаций 2020 г., «...для большинства респондентов ключевыми факторами выбора в пользу онлайн-торговли являются возможность сравнения цены и экономия денежных средств, так как в сети Интернет товары дешевле. Кроме того для пользователей важны возможность приобретения товара в любое время суток, снижение временных затрат на покупки и возможность ознакомиться с отзывами других людей. В свою очередь, основными причинами отказа от приобретения товаров и услуг в сети Интернет являются отсутствие возможности потрогать и примерить товар,

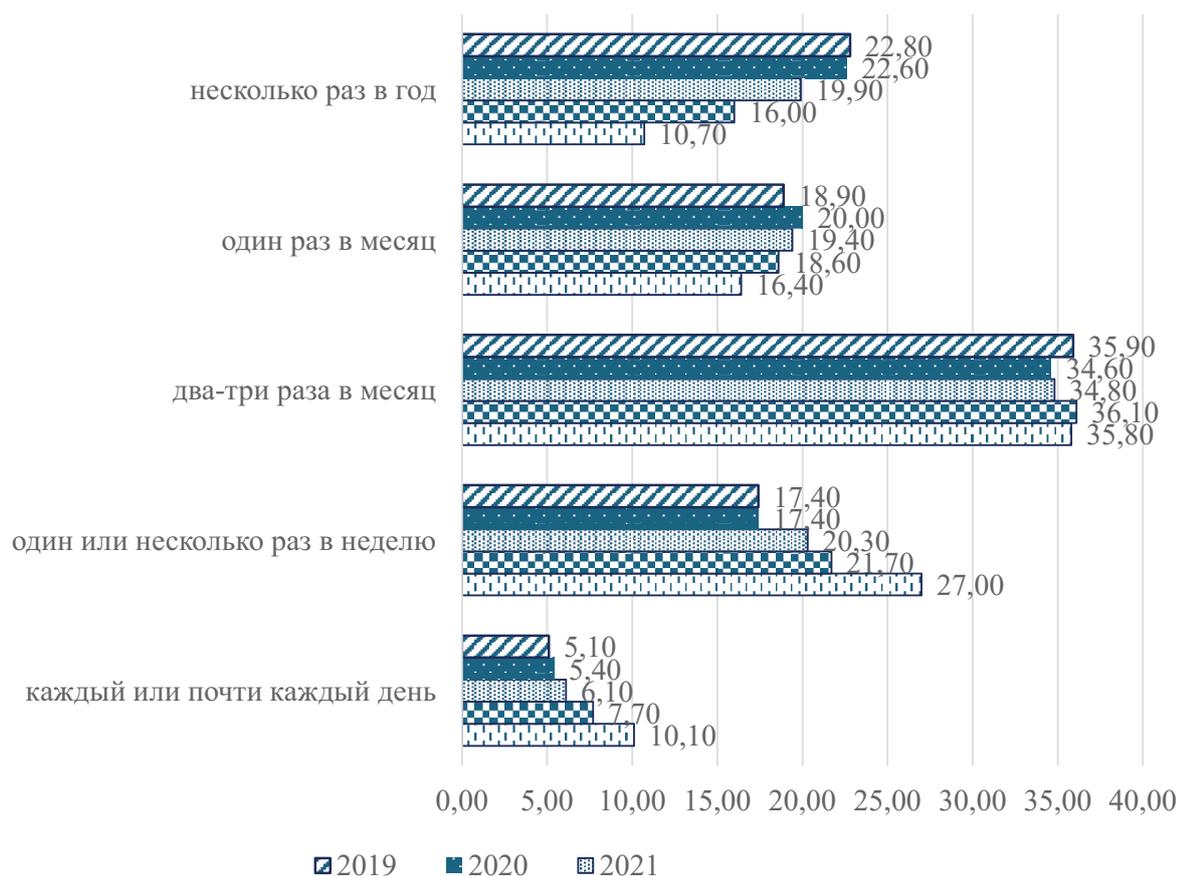

Рис. 3. Изменение частоты покупок в цифровом пространстве российской аудитории интернет-магазинов по данным опроса Яндекс Маркет и компания GfK Rus, %

Fig. 3. Changes in the frequency of purchases in the digital space of the Russian audience of online stores according to a survey by Yandex Market and GfK Rus, %

Составлено авторами по: Развитие онлайн-торговли в России // Яндекс URL: <https://yandex.ru/company/researches> (дата обращения 04.11.2024)

наличие сомнений в качестве приобретаемого товара, а также определенных страхов относительно того, что непонятно к кому обращаться в случае проблем, и боязнь возникновения сложностей, связанных с возвратом товара» [8, с. 207].

Далее рассмотрим, как изменялись причины приобретения на рынке цифровых услуг розничной торговли с 2020 по 2023 г. (табл. 1).

На протяжении 2020–2023 гг. для покупателей сохраняют свою значимость возможность сравнивать цены и искать выгодные предложения. При этом значимость таких причин, как «есть возможность почитать отзывы других людей» и «это дешевле, чем в обычном магазине», снижается. В то же время причины «не люблю ходить по магазинам» и «это удобнее и приятнее, чем в обычном магазине» набирают популярность.

В целом на развитие рынка цифровых услуг розничной торговли, а также маркетплейсов как

доминирующих участников рынка оказывают влияние четыре группы факторов:

- 1) экономические (уровень доходов населения и уровень инфляции);
- 2) правовые (регулирование купли-продажи товаров, взаимодействие между продавцом и правообладателем на маркетплейс, правовое регулирование защиты прав потребителей в цифровом пространстве);
- 3) технологические (уровень развития цифровых технологий, доступность цифрового пространства);
- 4) психологические (уровень доверия к цифровым технологиям и цифровым услугам).

И вся эта совокупность факторов влияет на уровень удовлетворенности, посещаемости маркетплейсов, а также на средний чек, количество заказов, частоту посещений.

При этом существует проблема распределения рисков и ответственности, связанных с браком

Причины приобретения на рынке цифровых услуг розничной торговли
Reasons for acquiring digital retail services in the market

Причина	2020	2021	2022	2023
Можно сравнивать цены, искать выгодные предложения	58,2	54,8	52	42,3
Пункт выдачи находится близко, удобно забрать	н/д	н/д	н/д	39,5
Есть возможность почитать отзывы других людей	50,5	48,3	41,5	39,4
Не надо никуда ехать, тратить силы и время	46,9	44,6	45,9	38,7
Это дешевле, чем в обычном магазине	51,6	46,7	41,2	37,4
Можно делать покупки в любое время и из любого места	49,2	47,2	45,6	37,2
Шире ассортимент	35,6	38,6	37,2	34,9
Проще и быстрее искать нужный товар	36,6	38,1	38	30,6
Выгодные скидки программы лояльности	н/д	н/д	н/д	26,2
Так быстрее покупать	23,5	25,2	29,1	22,4
Можно узнать подробную информацию о товаре	25,8	25	26,6	19,2
Не люблю ходить по магазинам	12,4	14,6	15,9	15
Это удобнее и приятнее, чем в обычном магазине	11,10	13,1	14,4	12,6
Это способ хорошо провести время, найти интересные вещи	9,8	9	9,3	7,7
Это безопаснее в условиях эпидемии коронавируса	19,6	15	7,90	н/д
Другое	0,9	0,6	0,1	н/д

Составлено авторами по: Развитие онлайн-торговли в России // Яндекс URL: <https://yandex.ru/company/researches> (дата обращения 04.11.2024).

и повреждениями товара в процессе транспортировки.

«На практике распространены случаи утери товара, невозврата нереализованного товара, необоснованного взимания штрафов с продавцов. Нередки также сбои системы, из-за которых позиция может быть продана по цене ниже указанной в карточке товара, и т. п. И поскольку маркетплейсы неохотно реагируют на досудебные претензии предпринимателей по таким вопросам, им приходится обращаться за защитой своих прав в суд»¹.

Согласно изменениям в законодательстве, вступившим в силу с 1 марта 2023 г., маркетплейсы несут ответственность за продажу контрафактных и немаркированных товаров, что означает наличие у них обязанности по контролю за легальностью товаров, продаваемых на сайте, и принятию мер по удалению контрафактных товаров и тех, которые не соответствуют требованиям нормативных актов².

¹ Торговля на маркетплейсах: современные тенденции судебной практики по спорам между предпринимателем и интернет-площадкой // ГАРАНТ.РУ URL: <https://www.garant.ru/article/1620205/> (дата обращения 04.11.2024)

² Маркетплейсы будут нести ответственность за продажу контрафакта и контроль маркировки // Честный ЗНАК. URL: <https://честныйзнак.рф/info/news/marketpleysy-budut-nesi-otvetstvennost-za-prodazhu-kontrafakta-i-kontrol-markirovki/> (дата обращения 04.11.2024)

Важно отметить, что на законодательном уровне отсутствует разграничение понятий «маркетплейс», «агрегатор» и «интернет-магазин». По мнению авторов, необходимо разделять на законодательном уровне три категории — «интернет-магазин», «агрегатор» и «маркетплейс», что обусловлено спецификой каждого из участников рынка цифровой торговли (табл. 2).

На данный момент интернет-торговля в России регулируется достаточно фрагментарно. Можно найти отдельные нормы права в Гражданском кодексе РФ, Законе о защите прав потребителей, но при этом единого правового акта, осуществляющего правовое регулирование цифровой торговли, пока нет.

В октябре 2000 г. на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «Об электронной торговле», который прошел первое чтение, но 23.04.2004 г. был отклонен и снят с рассмотрения.

Как отмечается в стенограмме обсуждения от 23.04.2004 г., основаниями для снятия с рассмотрения стали отрицательное заключение правительства; также отмечается «отклоняемый

Таблица 2

Table 2

Сравнительная таблица категорий «интернет-магазин», «агрегатор» и «маркетплейс»
Comparative table of the categories “online store”, “aggregator” and “marketplace”

Критерий	Интернет-магазин	Агрегатор	Маркетплейс
Роль	Осуществление продаж	Информационная	Посредническая
Представленность товаров	Только одного продавца	Который собирает товары и услуги со всех интернет-магазинов и дает на них ссылки	Множество различных продавцов
Возможность заключения договора купли-продажи и осуществления платежей	Есть	Предоплата	Есть
Источник дохода	Продажа товаров и услуг	Трафик, приводящий в интернет-магазины и реклама	Процент от суммы сделок

Источник: составлено авторами.

законопроект, или предлагаемый к отклонению законопроект, является калькой первой части закона США об электронной торговле»¹.

В 2008 г. на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ был принят Модельный закон «Об электронной торговле» (постановление № 31-12 от 25.11.2008 г.), в соответствии с которым выделяется три группы участников, а именно продавцы, осуществляющие электронную торговлю товарами, выполнение работ, оказание услуг; покупатели соответствующих товаров, работ и услуг; посредники, которые опосредованно участвуют либо способствуют совершению электронных сделок.

Основываясь на данных, представленных в табл. 2, авторы приходят к выводу о дискусионности в отношении возможных участников. Целесообразно выделить в качестве отдельного участника в числе посредников организации, выступающие в роли оператора цифровых платформ, на которых осуществляется взаимодействие продавца, покупателя, кредитных организаций. Внесение данной поправки целесообразно в связи с развитием цифровой торговли, популяризацией маркетплейсов, а также экосистем.

Также, по мнению авторов, необходимо дополнить ГК РФ, обозначив возможными и такие способы заключения сделки, как подписание договора простой электронной подписью, квалифицированной/неквалифицированной усиленной подписью, направления соответствующего электронного сообщения.

¹ Законопроект № 11081-3 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/11081-3> (дата обращения 04.11.2024)

Согласно судебной практике, в соответствии с постановлением Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011 если информация отправлена с адреса корпоративной почты, то данный факт является подтверждением совершения соответствующих действий от имени организации, пока лицом не будет доказано обратное.

Получение смс-сообщения с комбинацией цифр и букв также может считаться фактом заключения договора. Так, в соответствии с определением 1 КСЮО от 30.10.2020 № 88-22889/2020 по делу № 2-1314/2019 нет четкого закрепления относительно использования конкретных информационных технологий или технических средств. Таким образом, заключение договора возможно путем использования технологии удаленного банковского обслуживания, обмена письмами в электронной почте, смс-сообщения (в частности, при оформлении займа дистанционным способом).

При условии, что доля цифровой торговли и цифрового взаимодействия увеличивается, актуальность приобретает и развитие цифрового урегулирования гражданско-правовых споров.

Так, с марта 2021 г. в Государственной Думе Российской Федерации рассматривается законопроект № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей” и Федеральный закон “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров.

В соответствии с данным законопроектом предполагается наличие онлайн-сервиса портала Госуслуг и закрепление процедуры урегулирования споров. Благодаря данному онлайн-сервису будет обеспечен процесс предъявления, рассмотрения и удовлетворения требований потребителей в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» в рамках досудебного урегулирования споров между потребителем и изготовителем, а также исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером, владельцем агрегатора по вопросу продажи товаров/выполнения работ/оказания услуг в цифровом пространстве.

Что касается Закона РФ «О защите прав потребителей», то в данном правовом акте закреплены вопросы дистанционной торговли. Так, ст. 26.1 регулирует дистанционный способ продажи товара, а последствия продажи товара ненадлежащего качества дистанционным способом регулируются ст. 18–24 настоящего Закона.

В 2020 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «О маркетплейсах», но в 2021 г. он был отклонен по результатам рассмотрения профильного комитета¹.

По настоящее время отсутствует отдельный правовой акт либо нормы права, регулирующие правовые отношения, возникающие между маркетплейсами, предпринимателями и потребителями.

Также включено в примерную программу решением Государственной Думы на ноябрь 2024 г. рассмотрение Федерального закона «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”»².

¹ Законопроект № 1015918-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1015918-7> (дата обращения 04.11.2024)

² Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” (в части введения правового регулирования деятельности агрегаторов информации о товарах)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8> (дата обращения 23.04.2024)

Таким образом, розничная купля-продажа товаров в сети Интернет регламентируется отдельными статьями Гражданского кодекса РФ и Закона РФ «О защите прав потребителей», однако остаются нерешенными вопросы, связанные с регулированием цифровых услуг, а также вопросы досудебного урегулирования гражданско-правовых споров.

Выводы

При исследовании рынка цифровой торговли с правовой точки зрения возникает ряд вопросов, связанных с регулированием взаимодействия между участниками рынка.

Актуальным является и защита прав потребителей. Рынок цифровой торговли получил существенный толчок к дальнейшему развитию благодаря пандемии Covid-19. Именно в период самоизоляции, введения ограничений для предприятий розничной торговли многие потребители перешли в цифровое пространство, о чем свидетельствовали данные о темпах прироста. При этом возникают вопросы, касающиеся ответственности за предоставляемый товар.

Также к проблемам относятся достаточно фрагментарный характер правового регулирования цифровой экономики в целом и рынка цифровой торговли как структурного элемента цифровой экономики. По настоящее время ведутся активные дискуссии относительно выделения цифрового права в отдельную отрасль права.

Кроме того, присутствует, с одной стороны, преемственность, а с другой — междисциплинарность. Так, развитие рынка цифровой торговли связано не только с развитием цифровых технологий как таковых, но и с востребованностью традиционной аналоговой торговли. При этом отсутствие норм права, регулирующих взаимодействие участников рынка, приводит к дискусионности взаимодействия и снижению востребованности цифровых услуг, повышению уровня недоверия к цифровому сегменту.

В Законе «О защите прав потребителей» отсутствуют нормы права, в которых закреплялись бы категории «маркетплейс», «интернет-магазин» и «агрегатор». Остается непонятным вопрос относительно защиты прав потребителей и ответственности маркетплейсов, интернет-магазинов и агрегаторов в случае приобретения некачественного товара, контрафактной продукции либо нарушений сроков доставки. При условии, что каждый из перечисленных выше участников рынка имеет свою модель взаимодействия,

целесообразно закрепить это и на законодательном уровне.

Также отсутствие правового статуса данных участников рынка приводит к сложностям при определении доминирующего либо монопольного положения на рынке.

В условиях текущей санкционной повестки вопросы цифрового взаимодействия и развития цифровых услуг входят в число ключевых, что в свою очередь сопряжено с наличием правовых механизмов регулирования цифровых услуг. При условии, что рынок цифровой торговли является одним из ключевых, необходимо не только выявлять тенденции его развития, но и формировать актуальное правовое поле, что выражается в совершенствовании норм права и закреплении новых категорий.

Для решения выявленных проблем авторами предлагаются следующие мероприятия.

Во-первых, внести поправки в закон «О защите прав потребителей» в части правового закрепления категорий «маркетплейс», «агрегатор», «интернет-магазин».

Во-вторых, на официальных сайтах маркетплейсов, агрегаторов, интернет-магазинов, в том числе в мобильных приложениях, обязательно размещать информацию для потребителей относительно ответственности продавца, владельца маркетплейса/агрегатора/интернет-магазина в случае нарушения сроков доставки, возврата некачественного товара либо товара надлежащего качества.

В-третьих, в целях обеспечения конкурентной среды и на цифровом рынке авторами предлагается закрепить ответственность маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов обеспечивать перманентный сбор сведений обо всех заключенных договорах купли-продажи в Единой информационной системе. Введение Единой информационной системы позволит выявлять рыночную ситуацию в режиме реального времени и в случае выявления доминирующего положения принимать соответствующими органами меры реагирования. Кроме того, данная система позволит отслеживать и при необходимости блокировать недобросовестных продавцов либо службы доставки. С одной стороны, это позволит снизить долю контрафактной продукции на рынке, а с другой — обеспечить защиту от недобросовестных продавцов, которые в настоящее время могут просто перейти с од-

ной платформы на другую без каких-либо ограничений. Также в данной системе будет осуществляться фиксация претензий и рекламаций, и тем самым участники рынка не смогут проигнорировать данную претензию/рекламацию, а на основе поступивших претензий и рекламаций будет формироваться ежегодный рейтинг маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов.

Также данная система будет способствовать сокращению числа поддельных сайтов в сети Интернет.

В-четвертых, закрепить на законодательном уровне (в Законе «О защите прав потребителей») права и обязанности маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов. На современном этапе развития маркетплейс не несет ответственности за технические сбои. Также, по мнению авторов, необходимо ввести субсидиарную ответственность маркетплейса и продавца в случае предоставления некачественного товара.

В-пятых, необходимо проведение мероприятий, направленных на повышение уровня цифровой грамотности населения с целью обеспечения актуальными знаниями с учетом появления новых технологий и киберугроз.

В-шестых, по мнению авторов, необходимо дополнить ГК РФ, обозначив возможными и такие способы заключения сделки, как подписание договора простой электронной подписью, квалифицированной/неквалифицированной усиленной подписью, направление соответствующего электронного сообщения.

Таким образом, в условиях перехода к цифровой модели национальной экономики актуальность приобретают не только повышение экономической эффективности предприятий сферы торговли, но и развитие рынка цифровой торговли, повышение уровня конкурентоспособности и качества жизни населения. Для достижения этого требуется создание не только экономических условий, но и актуального правового поля, учитывающего разнообразие существующих видов цифровых участников рынка, их роль в системе, а также возможные риски.

Предлагаемые авторами рекомендации позволят сделать более прозрачными договоры купли-продажи и возмездного оказания услуг в цифровом пространстве, что в дальнейшем позволит использовать весь потенциал рынка цифровой торговли.

Список источников

1. Веремеенко О. С. Формирование системы показателей оценки эффективности услуг розничной торговли на рынке продовольственных товаров // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3-4 (55). С. 118–128. DOI: 10.25686/2306-2800.2022.3-4.118.
2. Гайдаенко А. А. Гражданско-правовая охрана товарных знаков, используемых на маркетплейсах // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 92–104.
3. Гамидуллаев С. Н., Толстихина Т. Б. Тенденции и перспективы развития трансграничной электронной розничной торговли как вида услуг // Проблемы современной экономики. 2022. № 4(84). С. 161–164.
4. Зенченко С. В. Технологические тенденции развития электронной торговли в условиях цифровой трансформации сферы услуг // Торговля и рынок. 2023. Т. 1, № 4 (68). С. 57–62.
5. Клименко А. И. Пробелы в правовом регулировании защиты прав потребителей на маркетплейсах // Eromen. Global. 2023. № S34. С. 579–585.
6. Кораблев М. Г. Рынок услуг розничной торговли непродовольственными товарами в условиях цифровой трансформации и взаимодействие его участников // Экономика строительства. 2024. № 12. С. 195–197.
7. Кумеков С. А. Экономическая сущность розничной торговли в контексте перехода к цифровой экономике // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 2, № 10 (151). С. 160–166. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.10.02.015.
8. Лепа Р. Н. Цифровые технологии в современной розничной торговле // Торговля и рынок. 2022. Т. 2, № 4-2 (64). С. 80–86.
9. Логинов М. П., Усова Н. В. Развитие онлайн-торговли на рынке цифровых услуг в условиях кризиса // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики : материалы докладов Международной научно-практической конференции. Витебск, 2020. С. 205–209.
10. Панасенко С. В., Сурай Н. М., Никишин А. Ф., Корнева Г. В. Отечественные маркетплейсы: современное состояние и перспективы развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2(55). С. 27–36. DOI: 10.47598/2078-9025-2022-2-55-27-36.
11. Пенькова И. В. Институционально-знаниевые аспекты цифровой трансформации маркетинга розничной торговли товаров и услуг // Торговля и рынок. 2022. Т. 2, № 4-2 (64). С. 92–100.
12. Плотников А. В. Анализ взаимодействия политики в области цифровой коммерции: выводы из Индекса ограничений торговли цифровыми услугами // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4(76). URL: <https://eee-region.ru/article/7632/> (дата обращения 04.11.2024)
13. Пэй Ч., Го С. Цифровые операции: новая эра для розничной торговли // Горизонты экономики. 2024. № 2 (82). С. 65–69.
14. Романцова П. С., Шахватова С. А., Маркова Е. С. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции // Инновационная экономика и право. 2022. № 4 (23). С. 80–87. DOI: 10.53015/2782-263X_2022_4_80.
15. Сердюк В. Н. Цифровая трансформация предприятий розничной торговли как основа адаптивной стратегии // Финансы, учет, аудит : сборник научных работ серии. 2023. № 3(31). С. 217–225. DOI: 10.5281/zenodo.10057399.
16. Тарасова Е. Е., Матузенко Е. В., Глазунова О. А. Маркетплейсы как онлайн-платформы развития интернет-торговли в России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2022. № 4 (95). С. 100–112. DOI: 10.21295/2223-5639-2022-4-100-112.
17. Теплов В. И., Исаенко Е. В., Тарасова Е. Е. Стратегические направления развития розничной торговли в сфере маркетингового продвижения на основе использования цифровых инструментов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2023. № 3 (100). С. 175–187. DOI: 10.21295/2223-5639-2023-3-175-187.
18. Тимофеева Т. Ф., Тимофеев В. В. Проблемы правового регулирования торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы // OeconomiaetJus. 2022. № 3. С. 73–79. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-3-73-79.
19. Ткач Д. Н. Некоторые аспекты развития розничной торговли в условиях цифровых трендов // Альманах Крым. 2023. № 39. С. 57–62.

20. Тумаков Е. А. Эволюционно-циклический подход к диалектике рынка услуг розничной торговли в условиях цифровизации // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № S2. С. 190–197.

21. Фадеева И. В. Недобросовестные маркетплейсы и товарные агрегаторы как субъекты административной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 222–225. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10234.

References

1. Veremeenko OS. Forming a system of indicators for evaluating the efficiency of retail trade services in the food market. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie = Bulletin of the Volga State Technological University. Series: Economics and Management*. 2022;(3-4(55)):118-128. DOI: 10.25686/2306-2800.2022.3-4.118. (In Russ.).

2. Gaidaenko AA. Civil law protection of trade marks being used on marketplaces. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Issues of Russian justice*. 2022;(21):92-104. (In Russ.).

3. Gamidullaev SN, Tolstikhina TB. Tendencies and perspectives of transborder electronic retail trade as a type of services. *Problemy sovremennoj jekonomiki = Problems of modern economy*. 2022;(4(84)):161-164. (In Russ.).

4. Zenchenko SV. Technological trends in the development of electronic commerce in the context of digital transformation of the service sector. *Torgovlja i rynek = Trade and market*. 2023;1(4(68)):57-62. (In Russ.).

5. Klimenko AI. Gaps in consumer protection law on marketplaces. *Epomen. Global = Epomen. Global*. 2023;(S34):579-585. (In Russ.).

6. Korablev MG. The market of retail services of non-food products in the context of digital transformation and the interaction of its participants. *Jekonomika stroitel'stva = Construction economics*. 2024;(12):195-197. (In Russ.).

7. Kumekov SA. The economic essence of retail trade in the context of the transition to the digital economy. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija = Economics and management: problems, solutions*. 2024;2(10(151)):160-166. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.02.015. (In Russ.).

8. Lepa RN. Digital in today's retail. *Torgovlja i rynek = Trade and market*. 2022;2(4-2(64)):80-86. (In Russ.).

9. Loginov MP, Usova NV. Development of online trading in the digital services market in a crisis. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye organizatsiy i regionov v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki. Materialy dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Socio-economic development of organizations and regions in the context of digitalization of the economy. Materials of the reports of the International Scientific and Practical Conference*. Vitebsk; 2020. Pp. 205–209. (In Russ.).

10. Panasenko SV, Suray NM, Nikishin AF, Korneva GV. Domestic marketplace: current state and development prospects. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy) = Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;(2(55)):27-36. DOI: 10.47598/2078-9025-2022-2-55-27-36. (In Russ.).

11. Penkova IV. Institutional and knowledge aspects of digital transformation of retail marketing of goods and services. *Torgovlja i rynek = Trade and market*. 2022;2(4-2(64)):92-100. (In Russ.).

12. Plotnikov AV. Analysis of the interaction of digital commerce policy: conclusions from the Digital services trade restrictiveness index. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal = Regional economics and management: electronic scientific journal*. 2023;(4(76)). URL: <https://eee-region.ru/article/7632/> (date of request 04.11.2024) (In Russ.).

13. Pei ZH, Guo X. Digital operations: a new era for retail. *Gorizonty jekonomiki = Horizons of economy*. 2024;(2(82)):65-69. (In Russ.).

14. Romantsova PS, Shakhvatova SA, Markova ES. Marketplaces as the main trend of e-commerce. *Innovacionnaja jekonomika i pravo = Innovative economics and law*. 2022;(4(23)):80-87. DOI: 10.53015/2782-263X_2022_4_80 (In Russ.).

15. Serdyuk VN. Digital transformation of retail enterprises as the basis of an adaptive strategy. *Sbornik nauchnyh rabot serii "Finansy, uchet, audit" = Collection of scientific works of the series "Finance, accounting, audit"*. 2023;(3(31)):217-225. DOI: 10.5281/zenodo.10057399. (In Russ.).

16. Tarasova EE, Matuzenko EV, Glazunova OA. Marketplaces as online development platforms of internet trade in Russia *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of Belgorod university of cooperation, economics and law*; 2022;(4(95)):100-112. DOI: 10.21295/2223-5639-2022-4-100-112 (In Russ.).

17. Teplov VI, Isaenko EV, Tarasova EE. Strategic directions for the development of retail trade in the field of marketing promotion based on the use of digital tools. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of Belgorod university of cooperation, economics and law*. 2023;(3(100):175-187. DOI: 10.21295/2223-5639-2023-3-175-187. (In Russ.).

18. Timofeeva TF, Timofeev VV. Problems of legal regulation of a trade aggregator as a digital technology platform. *OeconomiaetJus = OeconomiaetJus*. 2022;(3):73-79. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-3-73-79. (In Russ.).

19. Tkach DN. Some aspects of retail development in the context of digital trends. *Al'manah Krym = Almanac Crimea*. 2023;(39):57-62. (In Russ.).

20. Tumakov EA. An evolutionary cyclical approach to the dialectic of the service market retail trade in the context of digitalization. *Regional'naja i otraslevaja jekonomika = Regional and sectoral economy*. 2023;(S2):190-197. (In Russ.).

21. Fadeeva IV. Unfair marketplaces and product aggregators as subjects of administrative responsibility. *Vestnik of Moscow University of the Minisrty of Internal Affairs of Russia = Bulletin of the Moscow university of the ministry of internal affairs of Russia*. 2020;(4):222-225. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10234 (In Russ.).

Информация об авторах

Н. В. Усова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории; доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента; доцент кафедры маркетинга.

М. П. Логинов — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита; профессор кафедры менеджмента; профессор кафедры экономической теории.

Information about the authors

N. V. Usova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory; Associate Professor of the Department of Marketing and International Management; Associate Professor of the Department of Marketing.

M. P. Loginov — Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Finance, Money Circulation and Credit; Professor of the Department of Management; Professor of the Department of Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 168–178.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497)):168–178

Научная статья

УДК 339.97

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-168-178

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОЛИТИКУ И ЭКОНОМИКУ АРКТИЧЕСКИХ СТРАН

Екатерина Юрьевна Кочемасова

Информационно-аналитический центр «Наука» РАН, Москва, Россия, hakone@yandex.ru, 0000-0002-4732-9298

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации при реализации стратегий и программ выявляются их низкие эффективность и результативность, поэтому они корректируются и нередко завершаются без подведения итогов. Многие стратегические просчеты происходят из-за отсутствия или неправильного построения причинно-следственных связей между различными факторами, создающими проблемы устойчивого развития и угрозы национальной безопасности. Теоретическая экономическая модель «причина и следствие» имеет широкое распространение за рубежом, в нашей стране она явно недооценена. Проведен причинно-следственный анализ национальных стратегий, реализуемых в Арктике. Приоритеты политики арктических и внерегиональных стран зависят от глобальных объективных процессов и национальных интересов. В отношении развития России в Арктике в национальных стратегиях других стран определено три позиции: выстраивание взаимовыгодного сотрудничества с Россией в Арктике с принятием мер по снижению рисков совместных проектов; ограничение экономического развития России в Арктике и прекращение сотрудничества с ней; избирательное взаимодействие с Россией в Арктике с применением санкций и ограничительных мер. Установлено, что политика иностранных государств, действия внешних сил по ограничению экономического развития и нанесению ущерба России в Арктике не могут изменить стратегический курс развития Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ), но создают дополнительные риски реализации мероприятий на арктическом направлении. Предложен механизм (алгоритм) полноценного обеспечения национальных интересов России в Арктике в условиях глобальных трансформаций, предусматривающий мониторинг развития ситуации в Арктике, реагирование на политику и действия других стран наряду с решением задач по развитию стратегической ресурсной базы АЗРФ и Северного морского пути (далее — СМП).

Ключевые слова: причинно-следственный анализ, теоретическая модель «причина и следствие», государственная политика, национальные интересы, национальная безопасность, Арктика, Северный морской путь

Для цитирования: Кочемасова Е. Ю. Особенности влияния глобальных процессов на политику и экономику арктических стран // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 168–178. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-168-178.

Original article

FEATURES OF THE INFLUENCE OF GLOBAL PROCESSES ON THE POLITICS AND ECONOMY OF ARCTIC COUNTRIES

Ekaterina Y. Kochemasova

Information and Analytical Center “Science” of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia, hakone@yandex.ru, 0000-0002-4732-9298

Abstract. Currently, in the Russian Federation, the implementation of strategies and programs reveals their low efficiency and effectiveness, so they are adjusted and often completed without summarizing the results. Many strategic

miscalculations occur due to the absence or incorrect construction of cause-and-effect relationships between various factors that create problems of sustainable development and threats to national security. The theoretical economic model of “cause and effect” is widely used abroad, and it is clearly underestimated in our country. A causal analysis of national strategies implemented in the Arctic has been carried out. The policy priorities of the Arctic and non-regional countries depend on global objective processes and national interests. Regarding Russia’s development in the Arctic, the national strategies of other countries have identified three positions: building mutually beneficial cooperation with Russia in the Arctic with the adoption of measures to reduce the risks of joint projects; limiting Russia’s economic development in the Arctic and ending cooperation with it; selective cooperation with Russia in the Arctic with the use of sanctions and restrictive measures. It has been established that the policies of foreign states and the actions of external forces to limit economic development and harm Russia in the Arctic cannot change the strategic course of development of the Arctic zone of the Russian Federation, but they create additional risks for the implementation of measures in the Arctic area. A mechanism (algorithm) is proposed for fully ensuring Russia’s national interests in the Arctic in the context of global transformations, providing for monitoring the development of the situation in the Arctic, responding to the policies and actions of other countries, along with solving the tasks of developing the strategic resource base of the Russian Arctic and the Northern Sea Route.

Keywords: causal analysis, the theoretical model of “cause and effect”, state policy, national interests, national security, Arctic, Northern Sea Route

For citation: Kochemasova EY. Features of the Influence of Global Processes on the Politics and Economy of Arctic Countries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):168-178. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-168-178.

Введение

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. (далее — Основы-2035)¹ обозначены национальные интересы России в сфере устойчивого развития Арктики, в том числе развития стратегической ресурсной базы АЗРФ, развития СМП и охраны арктической окружающей среды. Для обеспечения этих национальных интересов в Основах-2035 определены задачи государственной политики.

В Арктике, помимо России, находятся еще семь государств. Национальные интересы арктических стран и способы их обеспечения существенно различаются. Арктические государства, за исключением России, входят в военно-политический блок НАТО. США и их союзники декларируют намерения устойчивого развития Арктики, а также ограничение развития России в этом регионе. Для установления причин реализации такой политики проведена процедура причинно-следственного анализа (далее — ПСА) [1].

Суть теоретической экономической модели ПСА заключается в установлении по каждой значимой проблемной ситуации группы взаимосвязанных факторов, которые влияют на общий процесс и итоговый результат [2].

Эмпирической базой ПСА являются факторы устойчивого развития, определенные в национальных стратегиях арктических стран. Анализ

факторов позволяет: а) сравнивать национальные интересы арктических стран и способы их обеспечения; б) оценивать полноту учета внешних факторов в формулировках задач государственной политики России в Арктике; в) выявлять риски развития России в Арктике, связанные с глобальными трансформациями и политикой других стран.

Целью настоящей работы является выработка на основе результатов ПСА алгоритма обеспечения национальных интересов России в Арктике с учетом трансформации глобальных процессов и действий стран-конкурентов и иных внешних сил по ограничению развития и нанесению ущерба России в Арктике.

Основная часть

Исчерпывающее обеспечение национальных интересов и эффективная реализация стратегических приоритетов в системе стратегического планирования достигается путем учета четырех категорий (типологических групп) факторов: а) глобальных объективных процессов (факторы Ф1); б) институциональных условий (факторы Ф2); в) факторов отраслевой деятельности (факторы Ф3); г) непосредственных, видимых факторов, показывающих социально-экономическое развитие и состояние безопасности на конкретных территориях (факторы Ф4) [3]. Факторы Ф1, Ф2, Ф3 и Ф4 взаимосвязаны и взаимообусловлены (далее — причинно-следственные факторы). К факторам Ф1 относятся природно-климатические, экологические, экономические, политические и иные процессы, которые наблюдаются в планетарных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2025 года».

системах и трансформируются в конкретных условиях на страновом, региональном и отраслевом уровнях. Глобальные процессы имеют циклическую повторяемость (например, экономические кризисы, многолетняя и сезонная изменчивость природных процессов) или необратимую динамику (рост энерго- и ресурсопотребления, истощение ископаемых ресурсов, загрязнение окружающей среды). Факторы Ф2 и Ф3 разделяются на внешние и внутренние. Факторы, показывающие состояние развития конкретных территорий, включают три подтипа: факторы условий жизнедеятельности, факторы качества жизни, факторы безопасности [4]. В национальных стратегиях арктических государств причинно-следственные факторы учитываются в разной степени. Так, в арктической стратегии США учитываются в основном глобальные процессы и внешние институциональные условия, а арктическая политика России строится с учетом внутренних институ-

циональных условий и развития своей арктической территории.

Проведен причинно-следственный анализ политики США в Арктике¹. В формулировках стратегии США выделено 47 причинно-следственных факторов (табл. 1), в том числе 30 факторов глобальных экономических, политических, природно-климатических и экологических процессов (включая факторы трансформации глобальных процессов в Арктике); 11 факторов внешних институциональных условий; 1 фактор внутренних условий; 4 фактора отраслевой деятельности и 1 фактор, характеризующий условия жизнедеятельности на арктической территории. Эти данные показывают, что в арктической стратегии США проблемы развития собственной арктической тер-

¹ National Strategy for the Arctic region. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

Таблица 1
Table 1

Причинно-следственный анализ (ПСА) стратегии США в Арктике
Causal Analysis (CAA) of US Arctic Strategy

Факторы ПСА	Факторы, представленные в формулировках стратегии США (показаны курсивом)
Глобальные объективные процессы — Ф1	Экономические и политические процессы: <i>стратегическая конкуренция между странами; рост геополитической напряженности; война России на Украине; геополитическая напряженность в отношениях с Россией; быстрое развитие экономической инфраструктуры в Арктической зоне России; модернизация российских военных баз в Арктике; ограничение экономического развития российской арктической территории; ограничение российской военной модернизации в Арктике; сосредоточение внимания российских военных на Украине; введение санкций против России; война России на Украине удвоила единство и решимость НАТО; управление милитаризацией; стремление к тому, чтобы Арктический регион был: мирным, стабильным, процветающим и способным к сотрудничеству.</i> Природные и экологические процессы: <i>потепление климата; трансграничный перенос загрязняющих веществ; повышение уровня Мирового океана; потепление климата в Арктике (в три раза быстрее, чем в остальной части мира); уменьшение количества морского льда; таяние вечной мерзлоты; деградация ледяного покрова; береговая эрозия; деградация экосистем; улучшение научного понимания изменения климата; повышение устойчивости к изменениям климата; смягчение последствий изменения климата; сохранение экосистем; глобальные усилия по снижению трансграничного загрязнения</i>
Институциональные условия — Ф2	Внешние условия — <i>невозможность сотрудничества с правительством России; Россия ограничивает свободу судоходства в Арктике; вызовы арктическому сотрудничеству в результате агрессии России на Украине; лидерство США в Арктике; соблюдение международного права; поддержка институтов арктического сотрудничества; сотрудничество в рамках Арктического совета; координация действий с союзниками и партнерами; санкции против России; свобода судоходства в Арктике; возможность сотрудничества с Россией на определенных условиях.</i> Внутренние условия: <i>сотрудничество с общинами Аляски</i>
Отраслевая деятельность — Ф3	<i>Обеспечение устойчивого развития во всём Арктическом регионе; поддержка растущих секторов экономики; опережающие инвестиции в устойчивое развитие; повышение обороноспособности США</i>
Условия жизнедеятельности — Ф4	<i>Улучшение условий жизни жителей Арктики</i>

Источник: составлено автором.

ритории детально не рассматриваются, в основном определяются геостратегические задачи с учетом трансформации глобальных процессов и изменения внешних институциональных и экономических условий.

Свою политику в Арктике США обосновывают глобальными процессами («потепление климата», «усиление глобальной конкуренции», «рост политической нестабильности в мире») и факторами трансформации этих процессов в Арктике («уменьшение количества морского льда», «геополитическая напряженность в отношениях с Россией», «угрозы для США, связанные с развитием России в Арктике»). Эти факторы используются в качестве аргументов для принятия мер по адаптации к климатическим изменениям, активизации экономической и военной деятельности США в регионе, ограничению развития России в Арктике. В табл. 2 представлено 13 факторов, характеризующих деятельность России в Арктике и позицию США в отношении России. Основные позиции США сводятся к следующему: Россия развивает собственный экономический и военный потенциал в Арктике; Россия ограничивает свободу судоходства в Арктике; Россия ведет войну на Украине; с Россией необходимо прекратить сотрудничество и установить против нее санкции.

По экспертной оценке, увязка американо-российского сотрудничества в Арктике с конфликтом на Украине имеет политический характер и не имеет экономических обоснований, так как Украина не является арктической страной и не ведет экономическую деятельность в Арктике.

Разногласия между США и Россией по режиму судоходства в акватории СМП имеют многолетнюю историю. В 1963 г. в связи с заходом судна

США в акваторию СМП в США была направлена дипломатическая нота, в которой указано, что СМП проходит через проливы, которые являются внутренними водами, исторически принадлежащими СССР. В ответ США заявили: «...на основании действия международного права о мирном проходе всех судов через проливы, используемые для международного судоходства между двумя частями открытого моря, и действие этого права не может быть приостановлено...». [5]. Эту позицию США сохраняют до сих пор без учета суверенных прав России по установлению правового режима прибрежных акваторий, национальных норм и правил судоходства во внутренних водах и территориальном море.

Намерения США о лидерстве в Арктике в сфере устойчивого развития, а также об ограничении развития России в Арктике также имеют политический характер. Полуостров Аляска, которым владеют США, занимает сравнительно небольшую площадь в Арктике. В Северном Ледовитом океане площадь сектора США (от Северного полюса до берегов Аляски) составляет 0,126 млн км² — это менее 1,5% от площади океана. Территория АЗРФ охватывает евразийскую часть Арктики, которая составляет почти половину площади арктической циркумполярной зоны. Площадь российского сектора Северного Ледовитого океана (от Северного полюса до берегов России) составляет 5,842 млн км², или 68,6% всей площади этого океана¹. Отсутствие у США

¹ Характеристика Арктики. История закрепления территории за приарктическими государствами // Vuzlit. URL: http://vuzlit.com/36063/harakteristika_arktiki_istoriya_zakrepleniya_territorii_priarkticheskimi_gosudarstvami (дата обращения: 24.11.24).

Таблица 2
Table 2

Перечень факторов, характеризующих развитие России в Арктике и позиции США
List of factors characterizing Russia's development in the Arctic and the US position

	Факторы (показаны курсивом)	
	Оценка деятельности России в Арктике	Позиции США по отношению к России
Экономика	<i>Быстрое развитие экономической инфраструктуры в арктической зоне России; Россия ограничивает свободу судоходства в Арктике</i>	<i>Ограничение экономического развития российской арктической территории; введение санкций против России; невозможность сотрудничества с правительством России; возможность сотрудничества с Россией на определенных условиях</i>
Политика	<i>Геополитическая напряженность в отношениях с Россией; модернизация российских военных баз в Арктике; война России на Украине; вызовы арктическому сотрудничеству в результате агрессии России на Украине</i>	<i>Ограничение российской военной модернизации в Арктике; сосредоточение внимания российских военных на Украине; война России на Украине удвоила единство и решимость НАТО</i>

Источник: составлено автором.

реальных возможностей влиять на ситуацию в евразийской части Арктики на территории АЗРФ мотивирует США к активизации экономической и иной деятельности на территориях других арктических стран.

В НАТО нет единого подхода к решению проблем Арктики в связи наличием территориальных и иных разногласий между странами-членами альянса. Например, сохраняются разногласия между США и Канадой по статусу Северо-Западного прохода, расположенного в канадских территориальных водах [6]. Активизация НАТО в Арктике произошла после выхода в свет в 2008 г. доклада национальной геологической службы США, в котором потенциальные запасы углеводородов в циркумполярной зоне оценены в 90 млрд баррелей нефти и 1 669 трлн куб. футов природного газа¹.

Анализ показывает, что политика и действия арктических стран НАТО направлены на достижение трех целей: 1) мотивирование России к участию в арктическом сотрудничестве на условиях стран Запада. В арктической стратегии США определено: «...стратегическая цель США: поддерживать Арктический совет и другие арктические институты и соглашения...»; «...в течение ближайшего десятилетия, возможно, удастся возобновить сотрудничество с Россией при определенных условиях...»; 2) обеспечить лидирующие позиции США: «...США будут работать с союзниками и партнерами над обеспечением устойчивого развития во всем Арктическом регионе...»; 3) создать ограничения для развития России в Арктике путем поддержки конфликта на Украине: «...санкции, введенные против России после ее вторжения в Украину, могут осложнить экономическое развитие российской арктической территории...». В действительности, США и другие западные страны, вставшие на путь ограничений развития России в Арктике, имеют возможность вести активную деятельность в основном в пределах северо-американской части Арктики.

В Европейском союзе принят ряд документов, определяющих его политику в Арктике². Уста-

¹ Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. Информационный бюллетень 2008-3049 // USGS. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (дата обращения: 24.11.24).

² Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps // European Commission. 2012. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/join_2012_19.pdf; European Parliament Resolution on the EU strategy for

новленные Россией правила плавания в акватории СМП рассматриваются в Евросоюзе как дискриминационные, но вместе с тем допускается возможность избирательного сотрудничества с Россией в Арктическом регионе. В 2021 г. Европарламент опубликовал отчет о геополитических вызовах и вызовах безопасности в Арктике³. Действия России по защите своих национальных интересов в Арктике оценены как необоснованные. Европарламент считает, что любое сотрудничество с Россией в Арктическом регионе должно соответствовать принципу избирательного взаимодействия, реализация которого не должна отменять санкции и ограничительные меры.

Неарктические страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) занимают прагматичную позицию в отношении сотрудничества с Россией в Арктике, в том числе в части использования СМП⁴. Страны АТР выражают заинтересованность в транзите своих грузов по СМП и доставки сырьевых товаров из АЗРФ (нефти, газа, металлов, удобрений и др.), но отмечают наличие рисков для совместных проектов на территории АЗРФ и в акватории СМП.

В дальнейшей перспективе нельзя исключать поиск взаимных компромиссов и новых форм международного арктического сотрудничества. Вполне вероятно, что объективные процессы, происходящие в мире и в Арктическом регионе, будут побуждать арктические страны к взаимовыгодному партнерству с целью сохранения мира, политической стабильности и устойчивого развития.

the Arctic // European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P7-TA-2014-0236+0+DOC+PDF+V0//EN>; Council conclusions on developing a European Union Policy towards the Arctic Region. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/142554.pdf; An Integrated European Union policy towards the Arctic // European Union. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integratedeuropean-union-policy-for-the-arctic_en.pdf. (дата обращения: 10.07. 2021).

³ European Parliament's resolution on an integrated European Union policy for the Arctic // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0093_EN.html (дата обращения: 10.07. 2021).

⁴ China's Arctic Policy, The State Council Information Office of the People's Republic of China, 26.01.2018; Ministry of Earth Sciences (MoES), India. India's Arctic Policy: Building a partnership for sustainable development, 17.03.2022; Japan's Arctic Policy. Prime Minister of Japan and his Cabinet, 16.10.2015. P5.

Россия, оставаясь лидером в изучении и освоении евразийской части Арктики, может участвовать в международном арктическом сотрудничестве, руководствуясь своими национальными интересами и привлекая к сотрудничеству заинтересованные страны. Например, возможно взаимовыгодное сотрудничество в пограничных районах. Ранее, в 2010-х гг., при участии организаций системы ООН был подготовлен программный документ по комплексному адаптивному управлению приморскими территориями и прибрежными акваториями Берингова моря в условиях изменения климата [6]. В этом морском районе имеется Берингов пролив, который находится в территориальных водах России и США и является «воротами» Арктики. Одной из задач международного проекта было создание российского технологического комплекса «Морской электронный путь» для управления навигаций в морском районе СМП. Аналогичная система управления создана в восточной части Берингова моря в штате Аляска, где некоммерческая организация «Морская биржа Аляски» осуществляет мониторинг судов при помощи Автоматической системы идентификации и системы спутникового слежения с использованием транспондеров. В рамках такого проекта может быть создана в районе Берингова пролива единая система морского пространственного (акваториального) планирования, необходимая для регулирования судоходной деятельности с учетом миграции китов и иных ценных биологических видов, а также для сохранения морской экосистемы.

Конкурентные преимущества России, прежде всего такие, как большие запасы углеводородов и минерального сырья, выгодное транспортно-географическое положение для развития международного арктического судоходства и кросс-полярных воздушных маршрутов, интегрируемые с накопленным экономическим потенциалом в АЗРФ и усилиями Правительства Российской Федерации по развитию ледокольного флота и иной инфраструктуры, служат основанием для предложения иностранным партнерам модели устойчивого развития, применимой в ее евразийской части Арктики, отличающейся призывом к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях со всеми арктическими и внерегиональными государствами независимо от их геостратегической ориентации.

Влияние глобальных экономических и политических процессов на развитие России в Арктике ранее не рассматривалось как значимое, так

как стратегическая ресурсная база сосредоточена на территории АЗРФ, а акватория СМП находится во внутренних морских водах, территориальном море и исключительной экономической зоне Российской Федерации. Политика и действия других стран, направленные на ограничение развития России в Арктике, могут иметь значение на внешнем контуре территории АЗРФ и акватории СМП. Ограничительные меры могут стать факторами риска развития экспорта сырьевых ресурсов из АЗРФ и развития международного судоходства в акватории СМП.

Проведен причинно-следственный анализ государственной политики Российской Федерации в Арктике, в том числе национальных интересов, угроз национальной безопасности и задач государственной политики.

В части национальных интересов — в Основах-2035 факторы глобальных процессов не учитываются, представлены только внешние и внутренние факторы (табл. 3). К внешним факторам, характеризующим внешние институциональные условия и внешнюю отраслевую деятельность, можно отнести «мирное развитие Арктики», «взаимовыгодное партнерство», «доступ к мировому рынку». По экспертной оценке, для полноценного обеспечения национальных интересов потребуется дополнительно учитывать глобальные экономические и политические процессы, прежде всего истощение ресурсного потенциала в экономиках других арктических стран, глобальную конкуренцию за доступ к ресурсам и транспортным коммуникациям, нестабильность экономического развития, формирование новых центров экономического роста, экономические кризисы, межгосударственные конфликты, политическую нестабильность. Если США и их союзники учитывают глобальные процессы, чтобы обеспечить доминирующее положение в Арктике, в том числе контролировать стратегическую напряженность и управлять милитаризацией в регионе, то для России учет этих процессов важен для снижения рисков устойчивого развития АЗРФ и развития СМП.

В части угроз и вызовов национальной безопасности в Основах-2035 представлены факторы, характеризующие глобальные процессы, институциональные условия, отраслевую деятельность, условия жизнедеятельности. Ключевыми являются угрозы, характеризующие напряженность в межгосударственных отношениях, активизацию внешних сил по нанесению ущерба России в Арктике, отставание в инфраструктурном раз-

Таблица 3

Table 3

Причинно-следственный анализ (ПСА) национальных интересов Российской Федерации в Арктике (по данным Основ-2035)
Cause and Effect Analysis (CEA) of the National Interests of the Russian Federation in the Arctic (based on the Fundamentals-2035)

Факторы ПСА	Факторы, определенные в формулировках национальных интересов (курсив)
Глобальные процессы — Ф1	Факторы глобальных процессов в национальных интересах России не учитываются
Институциональные условия — Ф2	<i>Внешние условия: мирное развитие Арктики, взаимовыгодное партнерство с другими странами.</i> <i>Внутренние условия: обеспечение суверенитета России, сохранение территориальной целостности России, сохранение национального статуса СМП</i>
Факторы отраслевой деятельности — Ф3	<i>Внешние факторы: доступ к мировому рынку.</i> <i>Внутренние факторы: развитие ресурсной базы, рациональное использование ресурсов, повышение конкурентоспособности СМП, экономический рост</i>
Факторы, характеризующие условия жизнедеятельности — Ф4	<i>Повышение качества жизни, сохранение благоприятной окружающей среды, защита среды обитания коренных народов Арктики</i>

Источник: составлено автором.

витии и сокращение численности населения АЗРФ (табл. 4). Следует отметить, что формирование конфликтного потенциала в Арктике и действия внешних сил по ограничению деятельности России в Арктике имеют не только военно-политическое, но и экономическое измерения. С учетом роста экономической составляющей наносимого ущерба России в Арктике необходимо определить риски устойчивого развития этого региона.

В части задач государственной политики в Основы-2035 включены факторы формирования внешней и внутренней институциональной среды, факторы внутренней отраслевой деятельности, факторы, показывающие условия жизнедеятельности в АЗРФ (табл. 5). Факторы глобальных процессов представлены только факторами климатических, природных и экологических процессов.

В формулировках задач государственной политики не представлены глобальные экономические и политические процессы и факторы их трансформации в евразийской части Арктики, а также факторы, характеризующие политику иностранных государств и действия внешних сил по нанесению ущерба России в Арктике. По экспертной оценке [7; 8], эти факторы могут служить аргументами для осуществления мер по реагированию на указанные процессы, политику иностранных государств и действия внешних сил.

Для исчерпывающего обеспечения национальных интересов России в Арктике применим алгоритм, предусматривающий дополнительные задачи по адаптации к глобальным объективным процессам (Ф1) и реагированию на политику и действия иностранных государств (Ф2)

Таблица 4

Table 4

Причинно-следственный анализ (ПСА) угроз и вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике (по данным Основ-2035)
Cause-and-Effect Analysis (CEA) of Threats and Challenges in the Sphere of Ensuring National Security of the Russian Federation in the Arctic (based on the data of the Fundamentals-2035)

Факторы ПСА	Факторы, определенные в формулировках угроз и вызовов (курсив)
Глобальные процессы — Ф1	<i>Возрастание конфликтного потенциала в Арктике</i>
Институциональные условия — Ф2	<i>Пересмотр международных договоров, незавершенность разграничения арктического морского пространства; дискредитация и ограничение деятельности России в Арктике</i>
Факторы отраслевой деятельности — Ф3	<i>Наращивание в Арктике военного присутствия иностранных государств; низкий уровень развития инфраструктуры в АЗРФ; отставание в развитии СМП; низкие темпы геологического изучения; риски реализации экономических проектов; неготовность системы мониторинга окружающей среды</i>
Условия жизнедеятельности — Ф4	<i>Сокращение численности населения</i>

Источник: составлено автором.

**Причинно-следственный анализ (ПСА) задач государственной политики Российской Федерации в Арктике в сфере устойчивого развития (по данным Основ-2035)
Cause-and-Effect Analysis (CEA) of the tasks of the state policy of the Russian Federation in the Arctic in the field of sustainable development (based on the data of the Fundamentals-2035)**

Факторы ПСА	Факторы, определенные в формулировках задач государственной политики (выделены курсивом)
Ф1 — глобальные объективные процессы	<p>Климатические процессы: <i>исследование климата, адаптация к изменениям климата, сотрудничество в области климата.</i></p> <p>Природные процессы: <i>проведение фундаментальных и прикладных исследований, экспедиционные исследования, мониторинг многолетней мерзлоты, прогнозирование, развитие особо охраняемых природных территорий, сохранение биоразнообразия, развитие научно-исследовательского флота.</i></p> <p>Экологические процессы: <i>мониторинг окружающей среды, исследование проблем рационального природопользования, сохранение экологических систем, ликвидация накопленного вреда, снижение негативного воздействия, сотрудничество в области трансграничного переноса загрязняющих веществ.</i></p> <p>Социокультурные процессы: <i>участие малочисленных народов в межгосударственных контактах</i></p>
Ф2 — институциональные условия	<p>Внешние условия: <i>разграничение арктического пространства, экономическое сотрудничество, сотрудничество по проблемам устойчивого развития Арктики, сотрудничество на архипелаге Шпицберген, сотрудничество в области освоения природных ресурсов, участие в многосторонних структурах и механизмах, международная деятельность в рамках Арктического совета, развитие двусторонних отношений, информирование международной общественности о деятельности РФ в Арктике.</i></p> <p>Внутренние условия: <i>издание правовых актов, регулирующих экономическую и экологическую деятельность, соблюдение экологических стандартов, жилищные субсидии гражданам, поддержка предпринимательства и инвестиционных проектов; совершенствование государственного управления в АЗРФ, создание единой статистической и информационно-аналитической системы, контроль государства за реализацией шельфовых проектов</i></p>
Ф3 — факторы внутренней отраслевой деятельности	<p>Развитие ресурсной базы АЗРФ: <i>наращивание объемов геолого-разведочных работ, разработка трудноизвлекаемых углеводородных месторождений, участие частных инвесторов в проектах на шельфе, глубокая переработка сырьевых ресурсов, развитие рыболовства и аквакультуры, производство сельскохозяйственной продукции, развитие лесного хозяйства.</i></p> <p>Развитие транспортной системы АЗРФ: <i>формирование ледокольного и иного флота, обеспечение безопасности судоходства, управление транспортными потоками, импортозамещение, внедрение технологий, гидрометеорологическое, навигационное и гидрографическое обеспечение предупреждения и ликвидации разливов нефти, строительство морских портов, судоходство по рекам, строительство железнодорожных магистралей, расширение сети аэропортов, обеспечение авиaperевозок.</i></p> <p>Развитие социальной и производственной инфраструктуры АЗРФ: <i>развитие социальной инфраструктуры, развитие традиционных отраслей хозяйствования, развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, космический мониторинг, энергоснабжение, система обращения с отходами, развитие туризма</i></p>
Ф4 — условия жизнедеятельности и услуги населению	<p><i>Медицина, образование, культура, спорт, услуги ЖКХ, транспортная доступность населенных пунктов, завоз в населенные пункты топлива, продовольствия и товаров, услуги связи, обеспечение граждан жильем, переселение населения</i></p>

Источник: составлено автором.

в комплексе с решением плановых задач, определенных в Основах-2035, по инфраструктурному (Ф3) и социально-экономическому развитию территорий АЗРФ (Ф4) (рис. 1).

В современных условиях ключевое значение для обеспечения национальных интересов в сфере устойчивого развития России в Арктике имеют три разновидности (класса) глобальных про-

цессов: глобальные природно-климатические (Ф1.1), глобальные экономические (Ф1.2) и глобальные политические (Ф1.3) процессы. Факторы глобальных процессов Ф1.1, Ф1.2 и Ф1.3 влияют на политику арктических государств (Ф2.1) и политику России в Арктике (Ф2.2). От институциональных факторов Ф2.1 Ф2.2 зависит отраслевая деятельность, в том числе развитие ресурсного

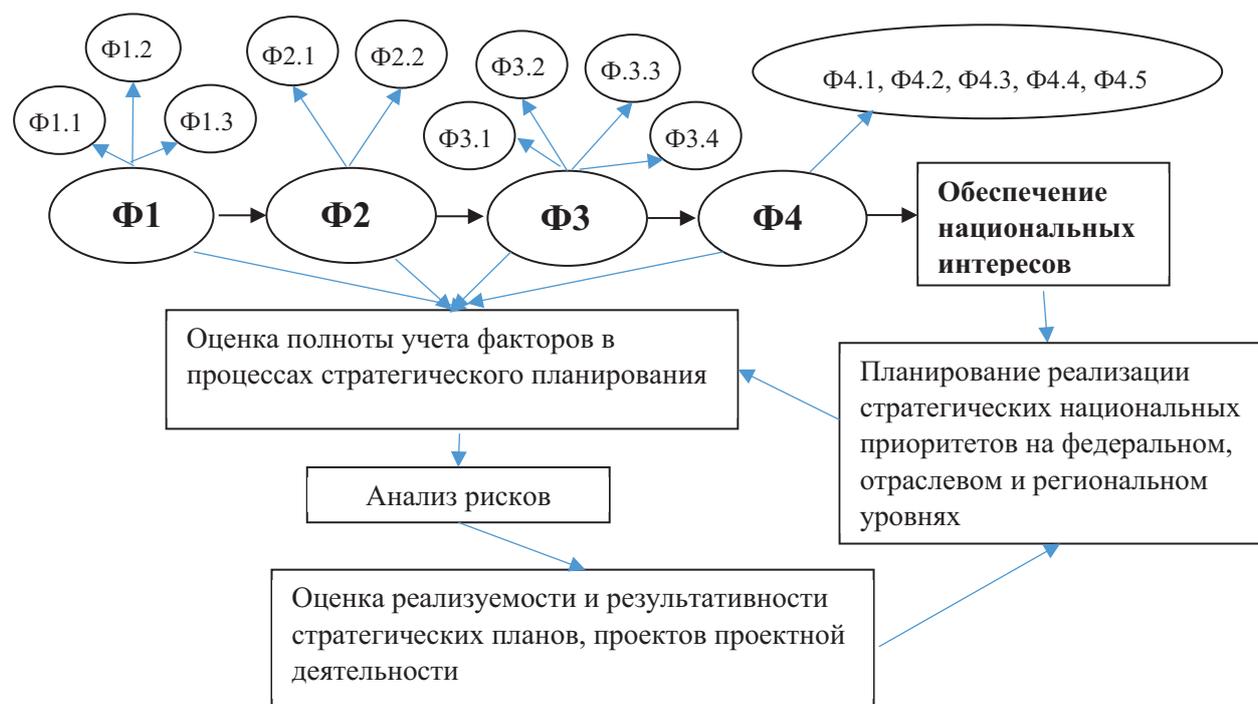

Рис. 1. Схема алгоритма полноценного обеспечения национальных интересов в сфере устойчивого развития России в Арктике. Обозначения в тексте

Fig. 1. Scheme of the algorithm for fully ensuring national interests in the sphere of sustainable development of Russia in the Arctic. Designations in the text

Источник: составлено автором

и транспортного потенциалов АЗРФ (Ф3.1), организация «северного завоза» в труднодоступные районы Арктики (Ф3.2), экспорт сырьевых ресурсов из АЗРФ и транзитные международные перевозки грузов в акватории СМП (Ф3.3), выбор способов противодействия силам и средствам, используемым внешними силами для нанесения ущерба национальным интересам России в Арктике (Ф3.4). От отраслевых факторов Ф3.1, Ф3.2, Ф3.3 и Ф3.4 зависят безопасность экономической деятельности (Ф4.1), конкурентоспособность товаров и услуг (Ф4.2), транспортная доступность территорий АЗРФ (Ф4.3), условия жизнедеятельности населения (Ф4.4), экологическое состояние территорий и акваторий (Ф4.5). Эти причинно-следственные факторы являются аргументами и обоснованиями для определения плановых задач государственной политики Российской Федерации в Арктике, а также основанием при оценке рисков их реализации.

Глобальные процессы и факторы их трансформации в евразийской части Арктики должны являться предметом научно-экспертной стратегической оценки, которая в настоящее время должным образом не проводится. Стратегическая оценка включает следующие процедуры: а) анализ динамики факторов (циклическая измен-

чивость или необратимые изменения); б) выбор способов реагирования (адаптация к циклической изменчивости или принятие мер по снижению ущерба от негативной необратимой тенденции); в) приоритизация факторов по степени значимости (факторы первого порядка являются аргументом для определения плановых задач, факторы второго порядка — для установления потенциальных угроз и вероятных рисков); г) оценка влияния факторов глобальных процессов на реализуемую политику и отраслевую деятельность с построением причинно-следственной цепи и визуализацией ее на графической диаграмме для принятия стратегических решений.

Внешние факторы, связанные с циклическими и необратимыми глобальными процессами, межгосударственными и мирохозяйственными отношениями, политикой и действиями других стран, а также возможные последствия для развития России в Арктике трудно прогнозируемы. В этом случае значение имеет ретроспективная оценка причинно-следственных факторов, создавших проблемные ситуации, а также анализ приоритетов и позиций конкурирующих стран в их национальных стратегиях арктических стран и применяемых способов реализации приоритетов в текущих условиях. По этим данным можно

установить совокупность внешних факторов и выстроить причинно-следственную цепочку между глобальными процессами, реализуемой политикой, отраслевой деятельностью и развитием ситуации на местах. Визуализация причинно-следственных факторов в виде графических диаграмм и/или в табличной форме является приемлемым способом оценки состояния обеспечения национальных интересов России в Арктике путем: 1) анализа проблемных ситуаций с установлением корневых, опосредованных и непосредственных причин их образования; 2) анализа реализуемости планов посредством оценки полноты учета причинно-следственных факторов в формулировках плановых мероприятий для установления пробелов в причинно-следственных связях и рассмотрения их в качестве рисков реализации; 3) анализа результативности планов путем оценки полноты учета причинно-следственных факторов в формулировках запланированных и фактически достигнутых результатах деятельности с установлением максимальных коэффициентов значимости для общественно значимых результатов, отвечающих запросам конечных потребителей. Риски реализации возникают тогда, когда причинно-следственные факторы, характеризующие корневые, опосредованные и непосредственные причины проблемных ситуаций, учитываются в плановых мероприятиях неполно. Оценка полноты учета причинно-следственных факторов в плановых мероприятиях рассматривается как главный критерий их реализуемости и результативности.

Разработка методологии стратегической оценки — первоочередная задача научно-методологического обеспечения государственной политики России в Арктике.

Заключение

Многие арктические страны строят свою политику в Арктике с учетом глобальных объективных процессов, включая стратегическую конкуренцию между странами, рост геополитической напряженности в мире; потепление глобального климата, повышение уровня Мирового океана, трансграничный перенос загрязняющих веществ. В национальных стратегиях также учитываются факторы трансформации глобальных процессов в Арктике, в том числе рост геополитической напряженности между странами НАТО и Россией, возрастание конфликтного потенциала в Арктике, ускорение потепления климата в Арктике (в сравнении с глобальным климатом), уменьшение количества морского льда в арктических морях, таяние вечной мерзлоты.

На обеспечение российских национальных интересов в Арктике влияют многие факторы глобальных процессов, например, истощение ресурсного потенциала в экономиках арктических и вне-региональных стран, рост мирового энерго- и ресурсопотребления, нестабильность экономического развития; формирование новых центров экономического роста, экономические и финансовые кризисы, которые должным образом не учитываются в российских стратегических документах.

Факторы трансформации глобальных процессов, политика других стран по ограничению развития России в Арктике, действия внешних сил по нанесению ущерба России в Арктике являются факторами риска развития экспорта сырьевых ресурсов из АЗРФ и риска развития международного судоходства в акватории СМП. Эти риски могут быть минимизированы путем применения предложенного алгоритма исчерпывающего обеспечения национальных интересов России в Арктике.

Список источников

1. Руководство для проведения причинно-следственного анализа. Методология GIWA: детальная оценка, причинно-следственный анализ, выбор политики. UNEP, 2002.
2. Маленков Ю. А. Причинно-следственные модели в стратегическом планировании // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5 (2). С. 116–129.
3. Кочемасова Е. Ю. Стратегическое планирование России в условиях глобальных трансформаций. М. : Ленанд, 2020. 208 с.
4. Кочемасова Е. Ю., Кочемасов Ю. В. Оценка реализуемости и результативности стратегий и национальных проектов в условиях глобальных трансформаций // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2, № 4. С. 483–499.
5. Тодоров А. А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 74–89.
6. Кочемасов Ю. В., Кочемасова Е. Ю., Седова Н. Б. Проблемы природопользования в Арктике: анализ и решение : монография. М. : Инфра-М : Научная мысль, 2019. 324 с.

7. Малинин В. Н., Вайновский П. А. О причинах первого потепления Арктики в XX столетии // Ученые записки РГГМУ. 2018. № 53. С. 34–55.
8. Фролов И. Е., Гудкович З. М. и др. Научные исследования в Арктике. Т. 2 : Климатические изменения ледяного покрова морей Евразийского шельфа. СПб. : Наука, 2007. 136 с.

References

1. *Rukovodstvo dlya provedeniya prichinno-sledstvennogo analiza. Metodologiya GIWA: detal'naya otsenka, prichinno-sledstvennyy analiz, vybor politiki = Guidelines for conducting causal analysis. GIWA methodology: detailed assessment, causal analysis, policy selection.* UNEP; 2002.
2. Malenkov YA. Causal models in strategic planning. St. Petersburg. Rukovodstvo dlya provedeniya prichinno-sledstvennogo analiza. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta = Bulletin of St. Petersburg University.* 2011;(5(2)):116-129. (In Russ.).
3. Kochemasova EY. *Strategicheskoye planirovaniye Rossii v usloviyakh global'nykh transformatsiy = Strategic planning of Russia in the context of global transformations.* Moscow. Lenand; 2020. 208 p. (In Russ.).
4. Kochemasova EY, Kochemasov YV. Assessment of the feasibility and effectiveness of strategies and national projects in the context of global transformations. *Strategirovaniye: teoriya i praktika = Strategizing: theory and practice.* Moscow. 2022;2(4):483-499. (In Russ.).
5. Todorov AA. The legal dispute between Russia and the USA about the Northern Sea Route and a similar issue about the North-Western Sea Route. *Arktika i Sever = Arctic and North.* 2017;(29):74-89. (In Russ.).
6. Kochemasov YV, Kochemasova EY, Sedova NB. *Problemy prirodnopol'zovaniya v Arktike: analiz i resheniye: monografiya=Problems of environmental management in the Arctic: analysis and solution: monograph.* Moscow: Infra-M; 2019. 324 p. (In Russ.).
7. Malinin VN, Vainovsky PA. On the causes of the first warming of the Arctic in the twentieth century. *Uchenyye zapiski RGGMU = Scientific notes of the RGGMU.* 2018;(53):34-55. (In Russ.).
8. Frolov IE, Gudkovich ZM. *Nauchnyye issledovaniya v Arktike. Tom 2. Klimaticheskiye izmeneniya ledyanogo pokrova morey Yevraziyskogo shel'fa = Scientific research in the Arctic. Climatic changes in the ice cover of the seas of the Eurasian shelf.* St. Petersburg: Nauka; 2007. 136 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Кочемасова — кандидат экономических наук, соискатель, главный специалист.

Information about the author

E. Y. Kochemasova — Candidate of Economic Sciences, Applicant, Chief Specialist.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.101

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-179-187

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ РЫНОК

Филипп Антонович Раздорский¹, Ольга Валентиновна Брижак^{2✉},
Ольга Викторовна Журавлева³

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, phill2002@yandex.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, brizhak71@mail.ru,
0000-0003-3744-0950

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, olvzhuravleva@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния событий на территории Сирии на мировой энергетический рынок с 2011 г. по настоящее время. Рассматриваются основные аспекты энергетической политики Сирийской Арабской Республики (САР), начиная с ее стратегического положения и роли углеводородных ресурсов в экономике и заканчивая последствиями международного вмешательства и санкций для инфраструктуры и глобального баланса энергоресурсов. Особое внимание уделено восстановлению энергетического сектора страны и влиянию на глобальные рынки в условиях продолжающегося конфликта. Авторы отмечают, что запасы нефти и природного газа в стране стали не только источником доходов, но и инструментом внешнеполитических манипуляций. Авторами сделан вывод о том, что сирийские события в долгосрочной перспективе могут оказать влияние на формирование энергетической политики и цен на мировом рынке. В статье использованы познавательные ресурсы системного, диалектического и историко-логического подходов экономической науки.

Ключевые слова: Сирия, энергетический рынок, углеводородные ресурсы, санкции, энергетическая инфраструктура, геополитика, международные инвестиции, восстановление, транзитный потенциал, Ближний Восток

Для цитирования: Раздорский Ф. А., Брижак О. В., Журавлева О. В. Влияние событий на территории Сирийской Арабской Республики на мировой энергетический рынок // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 179–187. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-179-187.

Original article

THE IMPACT OF EVENTS IN THE TERRITORY OF THE SYRIAN ARAB REPUBLIC ON THE GLOBAL ENERGY MARKET

Philip A. Razdorsky¹, Olga V. Brizhak^{2✉}, Olga V. Zhuravleva³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, phill2002@yandex.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, brizhak71@mail.ru,
0000-0003-3744-0950

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, olvzhuravleva@fa.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the impact of events in Syria from 2011 to the present on the global energy market. The main aspects of the energy policy of the Syrian Arab Republic (SAR) are considered, starting with its strategic position and the role of hydrocarbon resources in the economy, ending with the consequences international intervention and sanctions for infrastructure and the global balance of energy resources. Particular attention is paid to the restoration of the country's energy sector and the impact on global markets in the context of the ongoing conflict. The authors note that the country's oil and natural gas reserves have become not only a source of income, but also an instrument of foreign policy manipulation. The authors conclude that the events in Syria in

the long term may have an impact on the formation of energy policy and prices on the world market. The article uses the cognitive resources of the systemic, dialectical and historical-logical approaches of economics.

Keywords: Syria, energy market, hydrocarbon resources, sanctions, energy infrastructure, geopolitics, international investments, reconstruction, transit potential, the Middle East

For citation: Razdorskiy PhA, Brizhak OV, Zhuravleva OV. The Impact of Events in the Territory of the Syrian Arab Republic on the Global Energy Market. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):179-187. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-179-187.

Введение

Актуальность темы исследования связана с тем, что сирийские события оказали значительное влияние на мировой энергетический рынок. Конфликт, начавшийся в 2011 г., продолжает вызывать нестабильность в регионе, что сказывается на ценах на нефть и газ. Причинами такой нестабильности является геополитическая напряженность, транссирийские газопроводы, служащие маршрутом для транзита газа из Ирана и Катара в Европу, влияние на энергетическую безопасность соседних стран. Сирия, находящаяся на перекрестке трех континентов, имеет многослойную историю и сложную социокультурную ткань. Это страна, где пересекаются интересы различных культур, религий и этнических групп. За свою многовековую историю страна пережила множество завоеваний, от древних ассирийцев до арабского завоевания и Османской империи [1; 2]. Актуальность исследования усиливается в контексте эскалации региональных конфликтов и продолжающегося влияния внешних факторов на ход сирийского кризиса, что требует разделения событий на исторические и современные этапы для более глубокого анализа.

Целью исследования является изучение влияния сирийского конфликта на глобальные энергетические потоки через анализ ключевых причинно-следственных связей между региональными конфликтами, изменением структуры энергетических рынков и действиями международных акторов, а также разработка рекомендаций по восстановлению энергетического сектора Сирии в контексте глобальных тенденций.

Основными задачами исследования являются:

- анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на энергетический сектор Сирии;
- оценка роли международных акторов в формировании ситуации на энергетическом рынке Сирии;
- разработка рекомендаций по восстановлению энергетического сектора Сирии и его влиянию на мировой энергетический рынок.

С политической точки зрения Сирия отличается сложной экономико-политической структурой,

которая развивалась на протяжении различных исторических периодов. В 1946 г. Сирия получила независимость, и с тех пор страна стала предметом геополитических манипуляций. За годы правления Асада Сирия сохраняла союзнические отношения с Ираном и Хезболлой, что позволяло ей участвовать в геополитических играх на Ближнем Востоке.

Как отмечает В. М. Ахмедов, Иран стремился обеспечить свою безопасность и укрепить региональное влияние, предоставив военно-политическую поддержку сирийскому режиму. В частности, Иран использовал свое влияние через шиитские милиции и силы Иранской революционной гвардии (IRGC), что позволило ему не только поддержать Асада, но и укрепить свои позиции в энергетической и военной сферах на Ближнем Востоке [16].

Активная внешняя политика Сирии рассматривается как попытка сохранить национальную целостность и устойчивость в сложных условиях международных и региональных конфликтов. Географическое положение страны, находящейся рядом с Израилем, Ливаном и Ираком, делает ее важным игроком на Ближнем Востоке.

Кроме того, Сирия обладает значительными запасами углеводородов, к которым с течением времени появился интерес со стороны великих держав. Это также подчеркивает ее стратегическую значимость на мировой арене. Энергетические ресурсы Сирии, хотя и не столь масштабные, как у соседей, всё же остаются предметом споров и экономических противоречий, что усугубляет внутренние проблемы страны [2].

Значение энергетических ресурсов для Сирии

Несмотря на то, что запасы нефти Сирии несравнимы с такими странами, как Саудовская Аравия или Ирак, тем не менее они имеют стратегическое значение. На пике своего развития нефтяной сектор приносил около 25% общего дохода бюджета страны. Энергетические ресурсы служили катализатором экономического роста и развития инфраструктуры. Многие проекты по улучшению электроэнергетики и развитию транспорта напря-

мую зависели от доходов, полученных от экспорта углеводородов. До начала гражданской войны Сирия была нетто-экспортером нефти, достигнув пика добычи в 1995 г. с объемом 580 тыс. баррелей в сутки. Однако с началом конфликта правительство утратило контроль над большинством нефтяных месторождений, что привело к резкому снижению добычи и экспорта нефти [3].

Природный газ также занимает значительное место в энергетическом балансе Сирии. Основные запасы газа сосредоточены на севере и востоке страны, которые использовались как для удовлетворения внутренних потребностей, так и для экспорта. В 2000-х гг. Сирия начала развивать проекты по строительству газопроводов, что вызывало интерес у международных инвесторов, а также добавило сложностей в геополитической ситуации на Ближнем Востоке.

Несмотря на разрушения, потенциал энергетических ресурсов Сирии остается высоким. При условии разрешения противоречий и установления стабильности возможно возвращение иностранных инвестиций и восстановление добычи энергоресурсов. Важным аспектом является внешнее вмешательство, которое может замедлить путь к созданию долгосрочной эффективной стратегии по управлению энергоресурсами страны.

Ключевые события на территории Сирии и их влияние на энергетический сектор

Нестабильность экономико-политических событий в Сирии повлияла на все сферы жизни страны — от влияния на состояние энергетической инфраструктуры до изменения баланса сил различных групп интересов внутри страны. Объектами противоречий и изменений баланса сил за сферы влияния в стране стали нефтяные и газовые месторождения [3; 4]. Череда конфликтов в Сирии, которые происходили в рамках Арабской весны, переросла в гражданскую войну, в которую вовлеклись и другие страны. Экономика Сирии сильно пострадала от данных событий, выросла инфляция, безработица, сильно пострадали жилой фонд, сферы образования, здравоохранения, 30% населения оказались за чертой бедности, были разрушены предприятия промышленности, объекты газовой и нефтяной инфраструктуры, транспортная сеть. Масштабы разрушений за кризисный период конфликтов в Сирии оцениваются сотнями миллиардов долларов. Нефтепроводы и газопроводы, построенные за десятилетия, были разрушены за несколько лет, что привело к резкому сокращению объемов добычи ресурсов

и необходимости полного восстановления инфраструктуры. Многие из действующих предприятий, которые сохранились за время сирийских событий на территории страны, не могли функционировать на полную мощность. Согласно отчетам ООН, количество разрушенных нефтяных и газовых объектов на территории Сирии за период с 2011 по 2020 г. составило 40% от всех энергетических объектов страны. Эти разрушения вызвали рост цен на нефть на международных рынках на 15% в течение первых двух лет конфликта¹ [4].

Различные страны предоставляли поддержку как правительственным войскам, так и оппозиционным группировкам, что привело к дальнейшему сегментированию контроля над энергоресурсами. Санкции в отношении Сирии со стороны западных стран сделали почти невозможными получение новых технологий и инвестиций, необходимых для восстановления энергетического сектора. Нефть перестала быть просто товаром, она приобрела статус геополитического инструмента, оставаясь в центре внимания влиятельных держав.

В 2016 и 2017 гг. российская поддержка правительственных сил позволила им вернуть контроль над некоторыми ключевыми месторождениями. Вновь открывшиеся возможности для добычи ресурсов привели к росту надежд на восстановление энергетической инфраструктуры. Однако из-за беспорядков и продолжающегося противостояния полное восстановление экономики Сирии было затруднено² [5].

Несомненно, участие России в сирийском конфликте оказало значительное влияние на энергетический сектор страны. Россия в 2015 г. активно поддерживала восстановление энергетической инфраструктуры, включая восстановление нефтяных месторождений и газопроводов. В 2020 г. Россия добилась значительных успехов в восстановлении контроля над ключевыми энергетическими объектами в стране [14]. В свою очередь и участие Ирана в сирийском конфликте стало важным аспектом проводимой политики на Ближнем Востоке, усиливая влияние на ключевые сектора региона, включая сектор энергетики.

¹ Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennyi-konflikt-v-sirii-i-ego-znachenie-dlya-mirovogo-rynka/> (дата обращения: 17.01.2025).

² World Energy Outlook // Сайт Международного энергетического агентства (IEA). 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020> (дата обращения: 22.01.2025).

Восстановление энергетического сектора Сирии является одним из ключевых направлений работы правительства в послевоенный период. Несмотря на значительные разрушения нефтегазовой инфраструктуры, Россия и Иран приступили к ремонту ключевых энергетических объектов. В 2023 г. был подписан ряд соглашений о реконструкции нефтеперерабатывающих заводов, а также модернизации системы электроснабжения страны [15].

Несмотря на жесткие международные санкции, Сирия продолжает развивать экономические отношения с Россией, Ираном и Китаем. В 2023 г. объем двусторонней торговли между Сирией и Ираном увеличился на 25 % по сравнению с 2022 г. Основными направлениями сотрудничества стали поставки энергоносителей, продовольственных товаров и технологий для сельского хозяйства. Россия продолжает инвестировать в сирийские инфраструктурные проекты, включая порты и транспортные узлы [14].

Экономический кризис в САР всё еще остается критическим. В 2023 г. инфляция в стране достигла рекордных 120 %, ВВП страны составляет менее 40 % от докризисного уровня, а безработица превышает 50 %. Сирийское правительство вынуждено использовать бартерные схемы торговли и внешнюю финансовую помощь со стороны Ирана и России для стабилизации экономики [14].

Многие из этих событий негативно отразились на экономике страны и привели к глубокому кризису в энергетическом секторе. Особенно остро проявилась проблема газоснабжения, необходимого как для электроэнергетики страны, так и для обеспечения потребностей в нем других стран. Опыт сирийских событий вызвал к необходимости переосмысления подходов к управлению энергоресурсами в Сирии для достижения устойчивого развития в будущем¹ [4].

Эмбарго и санкции: влияние на мировой рынок

С введением международных санкций против Сирии после начала кризисных событий в 2011 г. энергетический сектор страны оказался под серьезным давлением, что определенно отразилось на глобальном энергетическом рынке. Санкции со стороны западных стран были направлены

на изоляцию правительства Сирии и дальнейшее ослабление его экономической базы. В результате доступ Сирии к международным рынкам и технологиям оказался сильно ограничен, что сузило горизонты для развития энергетической инфраструктуры.

Санкции касались не только напрямую нефтяной и газовой отраслей, но и всех связанных секторов. Запреты на импорт сирийской нефти и нефтепродуктов снизили экспортные доходы страны и привели к углублению экономического кризиса. Всем известно, что любое движение начинается на финансовых рынках, сокращение финансовых ресурсов ограничило возможности не только для поддержания существующей инфраструктуры, но и для ее модернизации. Энергетическая зависимость от внешних поставок, особенно в области электричества и топлива, стала одной из главных проблем, стоящих перед сирийской экономикой. Нестабильная политико-экономическая обстановка в Сирийской Арабской Республике послужила неким триггером в отношении распространения конфликта на соседние страны, что в свою очередь создавало риски для глобальных энергетических потоков².

Мировой рынок отреагировал на уменьшение экспорта сирийской нефти изменением конъюнктуры, так как она была важна для потребителей указанного рынка. Со снижением предложения сирийских энергоресурсов некоторые компании столкнулись с дефицитом, что повлияло на динамику мировых цен. Нестабильность в регионе и общая волатильность нефтяного рынка, связанного с событиями в Сирии, стали сигналом к потенциальным рискам.

Рост геополитической напряженности на Ближнем Востоке, включая ситуацию в Сирии, неизбежно влияет на стабильность в регионе [6; 7]. Современный кризис в Сирии в 2024 г. показал, насколько сильно региональные конфликты могут дестабилизировать энергорынки. Так, с изменением политического руководства в Сирии контроль над газовыми и нефтяными месторождениями изменился, теперь поле экономической конкуренции по восстановлению энергетической отрасли страны будет складываться между Россией, Ираном и США.

¹ Нефть, газ и Сирия: как меняется энергетический рынок // Вестник Кавказа — новости и аналитика. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/neft-gaz-i-siria-kak-menaetsa-energeticeskij-rynok.html> (дата обращения: 16.01.2025).

² Нефть, газ и Сирия: как меняется энергетический рынок // Вестник Кавказа — новости и аналитика. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/neft-gaz-i-siria-kak-menaetsa-energeticeskij-rynok.html> (дата обращения: 16.01.2025).

Восстановление сирийского энергетического сектора, вероятно, потребует длительного периода. После окончания конфликта и возможного снятия санкций потребуются огромные инвестиции и новые технологии для запуска добычи и восстановления утраченных мощностей. Компании, которые будут стремиться вернуть свои интересы в Сирии, столкнутся с неопределенностью и потенциальными рисками.

Использование САР как транзитной страны для поставок углеводородов в Европу через заранее построенные и находящиеся под контролем объекты может повлечь за собой изменения в геополитике региона, учитывая интересы соседних стран. Со стороны европейских держав сохраняется интерес к восстановлению стабильности в Сирии с целью обеспечения надежных поставок ресурсов. Учитывая все эти аспекты, становится понятно, как международные санкции против Сирии изменили не только ее энергетический сектор, но и эфемерный баланс сил на мировом энергетическом рынке [2; 3].

Глобальные последствия для энергетического рынка

Сирийский кризис стал ареной столкновения интересов различных международных и региональных игроков, стремящихся контролировать энергетические ресурсы и маршруты их транспортировки. Это подчеркивает стратегическую важность Сирии в контексте глобальной энергетической повестки¹ [4]. Многие эксперты прогнозируют, что с окончанием конфликта процесс оздоровления сирийской экономики в значительной степени будет зависеть от восстановления энергетического сектора. Возможное снятие санкций откроет новые горизонты для страны, что окажет существенное влияние на распределение поставок энергоресурсов с учетом существующих мировых тенденций [8; 9].

Сирия, будучи ключевым игроком по пути транспортировки газа из Ирана и Катара в Европу, сталкивается с конкурентной борьбой на мировом энергетическом рынке. С учетом растущего спроса на природный газ в Европе ценовая динамика в этой области остается неопределенной. Россия стремится сохранить свое стратегическое влияние, обеспечивая баланс сил и справедливое распределение ресурсов. На современном этапе

¹ World Energy Outlook // Сайт Международного энергетического агентства (IEA). 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020> (дата обращения: 22.01.2025)

Сирия переживает непростой, но всё же решающий период по восстановлению своего энергетического сектора. Без существенной реконструкции энергетической отрасли в регионе окончание разногласий будет затруднительным, что повлечет за собой очередной цикл экономической и политической нестабильности, санкции, колебания конъюнктуры в экономиках экспортеров [10; 11].

С начала кризисного периода в САР более 6 млн сирийцев покинули страну, производство нефти и газа практически прекратилось. В 2022 г. ВВП Сирии составил менее четверти уровня 2010 г., что привело к дальнейшему ухудшению экономической ситуации и росту бедности среди населения [15]. В 2023 г. произошло возобновление дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, что стало важным шагом в процессе выхода Сирии из международной изоляции и восстановления экономического сотрудничества с арабскими странами. В 2024 г. эти изменения продолжали оказывать влияние на российскую стратегию в регионе, способствуя укреплению позиций России как ключевого игрока на Ближнем Востоке. Это отражается в ее усилиях по восстановлению энергетической инфраструктуры Сирии, а также в ее влиянии на формирование новых геополитических трендов в регионе [15].

В 2024 г. ряд арабских стран, включая ОАЭ и Саудовскую Аравию, объявили о намерении инвестировать в инфраструктурные проекты в Сирии. Эти инвестиции направлены на восстановление транспортных узлов, энергетических объектов и промышленных предприятий, что свидетельствует о постепенном возвращении сирийской экономики в регион.

Сирийские события последних месяцев позволили России усилить свою геополитическую позицию на Ближнем Востоке, используя энергоносители как стратегический инструмент. Россия активно поддерживает проекты по восстановлению и развитию энергетической инфраструктуры, включая строительство новых газопроводов и линий электропередач, что позволяет ей контролировать поставки энергии в регион [15].

Как отмечается в работах К. А. Хубиева и И. М. Тенякова, зависимость экономики от экспорта энергоресурсов делает Сирию уязвимой перед глобальными шоками: «В условиях отсутствия внутренних источников роста приходится полагаться на доходы от экспорта энергоносителей. Но это экзогенный и не долгосрочный фактор. Мы уже имеем печальный пример развала государства (СССР) на фоне обвала цен на нефть

во второй половине 80-х годов прошлого века» [5; 6]. Эти утверждения применимы и к современной ситуации, когда геополитические потрясения, подобные сирийскому конфликту, могут привести к обвалу цен на нефть. Дестабилизация Ближнего Востока вызывает неопределенность на мировых рынках, провоцируя резкие колебания конъюнктуры рынков. Санкции против стран-экспортеров, перебои с поставками и изменение маршрутов транспортировки углеводородов усиливают нестабильность. Таким образом, Сирия стала одним из факторов, влияющих на перераспределение сил на энергетическом рынке и заставляющих крупнейших игроков адаптировать свою стратегию к условиям новых вызовов [7; 8].

Все эти аспекты создают особую ситуацию, которая нуждается в серьезном анализе и требует определенного внимания. Изменения на сирийском рынке, в зависимости от уровня восстановительных процессов, способны оказать значительное влияние на мировой энергетический рынок, формируя новые ценовые ориентиры и строительные схемы. Перспективы будущего сирийской экономики определяются общим состоянием энергетического сектора и уровнем спроса на энергоресурсы на международном рынке.

Заключение

Мировой энергетический рынок находится в состоянии постоянной эволюции, и события в Сирии играют значимую роль в изменении динамики этого рынка. Перспективы влияния сирийских событий на будущее энергетического рынка могут быть определены через призму восстановления и устойчивости, а также через новые геополитические реалии, которые формируются в процессе изменения баланса сил на Ближнем Востоке [12].

Во-первых, окончание войны и восстановление сирийской экономики откроет новые возможности для привлечения иностранных инвестиций в энергетический сектор. Иностранные компании, которые в течение конфликта были вынуждены покинуть рынок, могут вернуться с новыми технологиями и более современными подходами к организации добычи и переработки углеводородов. Это приведет к улучшению качества инфраструктуры и, как следствие, повышению объемов производства¹ [4].

¹ Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennyi-konflikt-v-sirii-i-ego-znachenie-dlya-mirovogo-rynka/> (дата обращения: 17.01.2025).

Во-вторых, перспектива восстановления энергетического сектора Сирии может повлиять на глобальные цены на нефть и газ. С увеличением объемов добычи в регионе, который ранее страдал от недостатка инвестиций и технологий, предложение на мировом рынке возрастет. Такой фактор может способствовать снижению цен на энергоносители. Это особенно актуально в условиях растущего спроса на отдельные виды топлива, в том числе и на природный газ, который становится всё более важным в качестве переходного источника энергии в свете глобальных климатических изменений [9; 10].

Третьим аспектом, влияющим на долгосрочные тренды, станет изменение глобальной геополитической карты. Ситуация вокруг Сирии может стать катализатором новых союзов и экономических интеграций в регионе. Восточные поставки углеводородов, включая природный газ, могут оказаться в центре интересов Европы, что создаст новые транспортные коридоры и акселераторы для переработки ресурсов. Переговоры о построении новых трубопроводов, а также возможности выхода на европейский рынок представляют собой значительный интерес для иностранных инвесторов, но не входят в интересы России.

Политическая и экономическая реабилитация Сирии напрямую зависит от участия партнерских стран в восстановлении энергетической инфраструктуры и социально-политической стабильности в регионе [16].

Сирийский конфликт повлиял на развитие сельского хозяйства в стране и на объем инвестиций в сельские энергетические проекты. Ожидание неопределенности и рисков в экономике ухудшают инвестиционный климат и приводят к сдерживанию будущих инвестиций. Чтобы минимизировать потенциальные риски, инвесторам необходимо предоставить гарантии стабильности и безопасности для реализации проектов, связанных с долгосрочными горизонтами планирования [11; 13].

Наконец, изменение климата и переход к устойчивым источникам энергии будут определять актуальные тенденции, в которых будет развиваться энергетический рынок Сирии. Правила и нормы, установленные международными соглашениями по климату, могут вводить дополнительные требования к добыче и переработке углеводородов. Это будет означать, что сирийский энергетический сектор должен будет адаптироваться к новым условиям и перспективам, а также искать возможности для интеграции с возобновляемыми источниками энергии.

Ожидается, что восстановление энергетической инфраструктуры Сирии после окончания конфликта в 2024 г. может привести к росту объемов добычи нефти и газа на 20% в течение следующих пяти лет, что окажет заметное влияние на мировой рынок. Согласно прогнозам IEA, стабилизация поставок нефти из Сирии приведет к снижению цен на нефть в долгосрочной перспективе на 5–7%¹.

В результате проведенного исследования было установлено, что события в САР могут оказать

¹ Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennyu-konflikt-v-sirii-i-ego-znachenie-dlya-mirovogo-rynka/> (дата обращения: 17.01.2025).

значительное влияние на мировой энергетический рынок и в перспективе вызвать следующие тенденции: изменение цен на нефть и логистики катарского газа в Европу; увеличение рисков инвестирования, так как из-за нестабильности на Ближнем Востоке инвесторы могут отложить вложения в энергетические проекты; перенаправление торговых потоков, что изменит традиционные маршруты поставок, окажет влияние на устойчивость поставок газа и может вызвать колебания конъюнктуры на рынке природного газа, особенно в Европе; увеличение неопределенности может привести к более быстрому переходу на альтернативные источники энергии и снижению зависимости от традиционных энергоносителей.

Список источников

1. Брижак О. В. Качественные изменения системы экономики: новая реальность. Курск : Университетская книга, 2024. 168 с.
2. Глобальное мирохозяйство: проблемы и противоречия / М. Л. Альпидовская, В. Н. Бобков, О. В. Брижак [и др.] ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М. : Проспект, 2022. 416 с.
3. Кузнецов А. А. Энергетический фактор в сирийском конфликте // Постсоветский материк. 2015. № 1 (5). С. 104–114.
4. Василенко Н. В., Хассан Б. Перспективы развития энергетики сирийской экономики // Научное обозрение. 2021. № 2. С. 10–14.
5. Валиахметова Г. Н. Сирийский кризис как отражение трендов развития глобальной энергетики // *Tempus et memoria*. 2016. Т. 11, № 1. С. 81–90.
6. Хубиев К. А., Теняков И. М. Состояние и потенциал российской экономической модели на фоне глобальных вызовов XXI века // Региональный экономический журнал. 2022. № 2 (33). С. 5–26.
7. Современные экономические системы: трансформационные шоки и финансовые штормы / О. В. Брижак, И. В. Манахова, В. С. Новиков [и др.]. М. : Перо, 2023. 212 с.
8. Генералов А. Ю. Вклад ирано-российского сотрудничества в урегулирование сирийского кризиса // Общество. Наука. Инновации (НПК-2024) : сборник материалов XXIV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции : в 2 т., Киров, 23–25 апреля 2024 г. Киров : Вятский государственный университет, 2024. С. 547–551.
9. Матвеев О. В., Рыбалкин А. Н. Межгосударственные отношения России, Сирии и Ирана в условиях изменяющегося мира // Человеческий капитал. 2024. № 11 (191). С. 19–25. DOI: 10.25629/НС.2024.11.02.
10. Чернавский С. Я., Хачатурян Н. Р., Цветаева З. Н. Перекрестное субсидирование в дизайне тарифов на электроэнергию // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 3, № 7. С. 30–39. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.07.03.004.
11. Гияси З. Влияние сирийского кризиса на российско-иранские отношения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14, № 6(111). С. 1999–2004. DOI: 10.35775/PSI.2024.111.6.030.
12. Averde D. Russia's 'strategic narratives': the case of SYRIA and the 'Arab Spring' // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Vol. 3, no. 3. P. 317–325. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-3-317-325.
13. Vogel A. Russian-Iranian-Turkish trilateral relations in the Syrian civil war // *Pathways to Peace and Security*. 2023. No. 1 (64). P. 76–110. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-76-110.
14. Akhmedov V. M. The Syrian Crisis: History and Current Politics // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. Vol. 3. P. 265–272. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-265-272.
15. Hassan L. M. Global and Local Challenges Facing Syria and Russia in the Light of the Resolution of the Syrian Crisis // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023. Vol. 15, № 4. P. 790–799. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.413>.

16. Akhmedov V. M. Arab-Iranian Relations in Context of the Syrian Crisis // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023. Vol. 15, № 4. P. 779–789. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.412>.

17. Антощенко Д. В. Сирийско-израильские отношения в контексте современных кризисов на арабском Востоке // *Социально-политические науки*. 2024. Т. 14, № 2. С. 45–54. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-45-54.

References

1. Brizhak OV. *Kachestvennyye izmeneniya sistemy ekonomiki: novaya real'nost' = Qualitative Changes in the Economic System: A New Reality*. Kursk, JSC University Book' 2024. 168 p. (In Russ.).

2. Alpidovskaya ML, Bobkov VN, Brizhak OV. *Global'noye mirokhozaystvo: problemy i protivorechiya = Global Economy: Problems and Contradictions*; Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, LLC Prospekt; 2022. 416 p. (In Russ.).

3. Kuznetsov AA. The Energy Factor in the Syrian Conflict. *Postsovetskij Materik = Post-Soviet Continent*. 2015;1(5):104-114. (In Russ.).

4. Vasilenko NV, Hassan B. Prospects for the Development of Energy in the Syrian Economy. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*. 2021;(2):10-14. (In Russ.).

5. Valiakhmetova GN. The Syrian Crisis as a Reflection of Global Energy Development Trends. *Tempus et Memoria*. 2016;11(1):81-90. (In Russ.).

6. Khubiev KA, Tenyakov IM. The State and Potential of the Russian Economic Model Amid the Global Challenges of the 21st Century. *Regionalnij Ekonomicheskij Jurnal = Regional Economic Journal*. 2022;2(33):5-26. (In Russ.).

7. Brizhak OV, Manakhova IV, Novikov VS. *Sovremennyye ekonomicheskiye sistemy: transformatsionnyye shoki i finansovyye shtormy = Modern Economic Systems: Transformational Shocks and Financial Storms*. Moscow, Publishing House "Pero"; 2023. 212 p. (In Russ.).

8. Generalov AYu. The Contribution of Iranian-Russian Cooperation to the Settlement of the Syrian Crisis. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2024): Sbornik materialov XXIV Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh tomakh, Kirov, 23–25 aprelya 2024 goda = Society. Science. Innovations (NPK-2024): Collection of Materials of the XXIV All-Russian (National) Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, Kirov, April 23–25, 2024*. Kirov: Vyatka State University; 2024. Pp. 547–551. (In Russ.).

9. Matveev OV, Rybalkin AN. Interstate relations of Russia, Syria and Iran in a changing world. *Chelovecheskiy kapital = Human capital*. 2024;(11(191):19-25. DOI: 10.25629 / HC.2024.11.02. (In Russ.).

10. Chernavsky SY, Khachatryan NR, Tsvetayeva ZN. Cross-Subsidization in Electricity Tariff Design. *Ekonomika i Upravlenie: Problemi i Resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2020;3(7):30-39. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.07.03.004. (In Russ.).

11. Ghiasi Z. The impact of the Syrian crisis on the Russia-Iran relationship. *Voprosy Nacional'nyh i Federativnyh Otnoshenij = Issues of National and Federative Relations*. 2024;14(6(111):1999-2004. DOI: 10.35775/PSI.2024.111.6.030.

12. Averre D. Russia's 'strategic narratives': the case of SYRIA and the 'Arab Spring'. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*. 2019;3(3):317-325. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-3-317-325.

13. Vogel A. Russian-Iranian-Turkish trilateral relations in the Syrian civil war. *Pathways to Peace and Security*. 2023;(1(64):76-110. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-76-110.

14. Akhmedov VM. The Syrian Crisis: History and Current Politics. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN = Vestnik of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020;3:265-272. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-265-272 (In Russ.).

15. Hassan LM. Global and Local Challenges Facing Syria and Russia in the Light of the Resolution of the Syrian Crisis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023;15(4):790-799. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.413>.

16. Akhmedov VM. Arab-Iranian Relations in Context of the Syrian Crisis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023;15(4):779-789. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.412> (In Russ.).

17. Antoshchenko DV. Syrian-Israeli Relations in the Context of Contemporary Crises in the Arab East. *Socialno-politicheskiye nauki = Sociopolitical Sciences*. 2024;14(2):45-54. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-45-54. (In Russ.).

Информация об авторах

Ф. А. Раздорский — магистрант факультета международных экономических отношений.

О. В. Брижак — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории.

О. В. Журавлева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории.

Information about the authors

Ph. A. Razdorsky — Master's Student.

O. V. Brizhak — Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor, Department of Economic Theory.

O. V. Zhuravleva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 18.12.2024; approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 188–196.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497)):188-196.*

Обзорная статья

УДК 339.9

doi: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-188-196

ЕАЭС 10 ЛЕТ СПУСТЯ: ЦЕЛИ И ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Людмила Игоревна Заволокина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, lz2005@yandex.ru, 0000-0002-5397-5878

Аннотация. 29 мая 2024 г. ЕАЭС исполнилось 10 лет со дня подписания Договора о его создании. Цель исследования — сопоставление указанных в Договоре целей создания Союза с достигнутыми результатами. Проанализирована динамика ряда макроэкономических показателей развития ЕАЭС за 2014–2024 гг. Для оценки реализации цели повышения конкурентоспособности национальных экономик стран-участниц ЕАЭС использованы международные рейтинги ВЭФ и IMD. Для оценки изменения благосостояния населения стран-участниц ЕАЭС проанализирована динамика индекса человеческого развития. В качестве материалов обсуждения использованы выступления лидеров стран-участниц ЕАЭС на юбилейном саммите объединения, а также предложены мнения ведущих экономистов относительно итогов существования интеграции.

Ключевые слова: ЕАЭС, Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, цели и результаты за 10 лет существования

Для цитирования: Заволокина Л. И. ЕАЭС 10 лет спустя: цели и достигнутые результаты // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 188–196. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-188-196.

Original article

THE EAEU 10 YEARS LATER: GOALS AND ACHIEVED RESULTS

Liudmila I. Zavolokina

RUDN University, Moscow, Russia, lz2005@yandex.ru, 0000-0002-5397-5878

Abstract. On May 29, 2024, the EAEU celebrated its 10th anniversary since the signing of the Treaty on its establishment. The purpose of the study is to compare the goals of creating the Union specified in the Treaty with the results achieved. The dynamics of a number of macroeconomic indicators of the EAEU development for 2014-2024 were analyzed. To assess the implementation of the goal of increasing the competitiveness of the national economies of the EAEU member states, the international ratings of the WEF and IMD were used. To assess the change in the welfare of the population of the EAEU member states, the dynamics of the human development index were analyzed. The speeches of the leaders of the EAEU member states at the anniversary summit of the association were used as discussion materials, and the opinions of leading economists on the results of the existence of the integration were offered.

Keywords: EAEU, Eurasian Economic Union, Eurasian integration, goals and results over 10 years of existence

For citation: Zavolokina LI. The EAEU 10 Years Later: Goals and Results Achieved. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):188-196. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-188-196.

Введение

Евразийскому экономическому союзу в мае 2024 г. исполнилось 10 лет со времени подписания Договора о ЕАЭС. Государства-члены объединения: Республика Армения, Республика Бела-

рус, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

На долю ЕАЭС приходится 2,4 % мирового населения, 3,2 % мирового ВВП, 2,2 % мирового промышленного производства, 2,7 % мирового

экспорта. В энергетической сфере ЕАЭС принадлежит 14,5 % мировой выработки нефти, 20,3 % природного газа, 4,7 % выработки электроэнергии, в промышленности — 4,3 % мирового производства стали и чугуна, в сельском хозяйстве — 6,1 % мирового производства зерновых и зернобобовых культур. По длине железнодорожных путей ЕАЭС занимает третье место в мире, по протяженности автомобильных дорог — четвертое место в мире¹.

Каких же результатов удалось достичь ЕАЭС за эти годы? При создании ЕАЭС основными целями указывались повышение конкурентоспособности национальных экономик и рост благосостояния населения государств-членов. Проведенное исследование, что же удалось реализовать за 10 лет существования интеграции.

Материалы исследования

В связи с отнесением данных об объемах внешней и взаимной торговли отдельными государствами-членами ЕАЭС к сведениям ограниченного распространения с января-февраля 2022 г. провести всесторонний анализ по ряду абсолютных макроэкономических показателей ЕАЭС представляется весьма затруднительным. Тем не менее для анализа использованы официальные относительные данные, размещенные на официальном сайте организации, а также цифры, названные специальными уполномоченными лицами в СМИ.

На юбилейном заседании Высшего Евразийского экономического совета, прошедшего 8 мая 2024 г. в Москве, были подведены некоторые итоги десятилетнего существования организации. Так, за 10 лет совокупный ВВП ЕАЭС вырос на 56 % (с \$1,6 трлн до \$2,5 трлн), товарооборот с третьими странами увеличился на 60 % (с \$579 млрд до \$923 млрд), объем взаимной торговли, деградировавшей в 2002–2009 гг. [1], возрос почти в два раза (с \$45 млрд до \$89 млрд)². Взаимная торговля государств-членов ЕАЭС в 2023 г. выросла на 5,4 % по сравнению с 2022 г. и составила 7,4 трлн рублей, что является рекордной цифрой за 10 лет существования Союза³. А уже

¹ Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaunion.org/#about> (дата обращения: 17.06.2024).

² Путин: за 10 лет совокупный ВВП стран ЕАЭС увеличился до \$2,5 трлн // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/05/08/1036280-vvp-stran-eaes-velichilsya> (дата обращения: 9.09.2024).

³ Взаимная торговля стран ЕАЭС выросла за три месяца 2024 года // РИА Новости от 13.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240613/eaes-1952523688.html> (дата обращения: 9.09.2024).

за 10 месяцев 2024 г. взаимная торговля выросла на 9,8 %⁴, что продолжает траекторию стабильного роста и тенденцию углубления интеграции и взаимосвязей государств-членов ЕАЭС [2]. Кроме того, доля расчетов стран Союза в национальных валютах составляет более 90 %.

В активе ЕАЭС в настоящее время шесть соглашений о свободной торговле (ССТ) с Вьетнамом, Ираном, Сингапуром, Сербией и два неpreferенциальных соглашения с Китаем. Помимо указанных стран, по словам министра иностранных дел С. Лаврова, около 50 государств мира «выразили заинтересованность налаживания сотрудничества с ЕАЭС»⁵. Взаимодействие Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) с ШОС, а также поступательное развитие сотрудничества с АСЕАН позволили выйти на оформление нового интеграционного контура: ЕАЭС-ШОС-АСЕАН. Новое содержание получил трек взаимодействия ЕАЭС с СНГ: сопряжение права Союза и нормативной базы СНГ [3].

Однако ЕАЭС столкнулся с геополитическими и геоэкономическими вызовами. Очевидно, что беспрецедентная санкционная война Запада против России не могла не сказаться на общих макроэкономических показателях Союза. Так, совокупный ВВП всех государств-членов ЕАЭС за январь-декабрь 2022 г. по сравнению с соответствующим периодом 2021 г. сократился за счет России (88 % экономики ЕАЭС⁶) и Республики Беларусь, также находящейся под действием сдерживающих мер коллективного Запада, на 1,6 %, хотя во всех остальных государствах Союза отмечался рост ВВП. Так, в Армении ВВП увеличился на 12,6 %, в Кыргызской Республике — на 9 %, в Казахстане — на 3,2 %. Причинами роста ВВП в указанных государствах в значительной степени послужили влияние релокации и параллельного импорта. Но уже за январь-декабрь 2023 г. совокупный ВВП ЕАЭС вырос на 3,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. (см. рис. 1). Если рассматривать динамику ВВП по отдель-

⁴ В Минэке сообщили о росте взаимной торговли ЕАЭС на 9,8 % за 10 месяцев 2024-го // Известия. URL: <https://iz.ru/1827452/2025-01-24/v-mineke-soobsilio-roste-vzaimnoi-torgovli-eaes-na-98-za-10-mesacev-2024-go> (дата обращения: 13.03.2025).

⁵ Что такое ЕАЭС и какие страны входят в союз // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/65e56b4a9a7947aed364fd2f?from=copy> (дата обращения: 9.09.2024).

⁶ Евразийскому союзу грозит распад? Что не устраивает партнеров России // News. URL: <https://news.ru/cis/evrazijskomu-soyuzu-grozit-raspad-chto-ne-ustrivaet-partnerov-rossii/> (дата обращения: 9.09.2024).

ным странам, то за январь-декабрь 2023 г. самый высокий прирост ВВП по-прежнему отмечался в Республике Армения (8,3 %), где триггером экономического роста оставалась активизация как по линии притока капитала, так и по линии внешней торговли [4]. Совокупный ВВП ЕАЭС в 2024 г. вырос на 4 %, что выше среднемировых темпов роста (3,2 %) и первоначальных прогнозов⁷.

⁷ Годовой доклад об итогах социально-экономического развития государств-членов Евразийского

В табл. 1 представлены некоторые социально-экономические показатели ЕАЭС за 2022–2024 гг.

На рис. 2 можно увидеть распределение промышленного производства по отдельным странам-членам ЕАЭС за январь-декабрь 2023 г.

экономического союза и мерах макроэкономической политики // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/makroekonomicheskie-doklady/ (дата обращения: 13.03.2025).

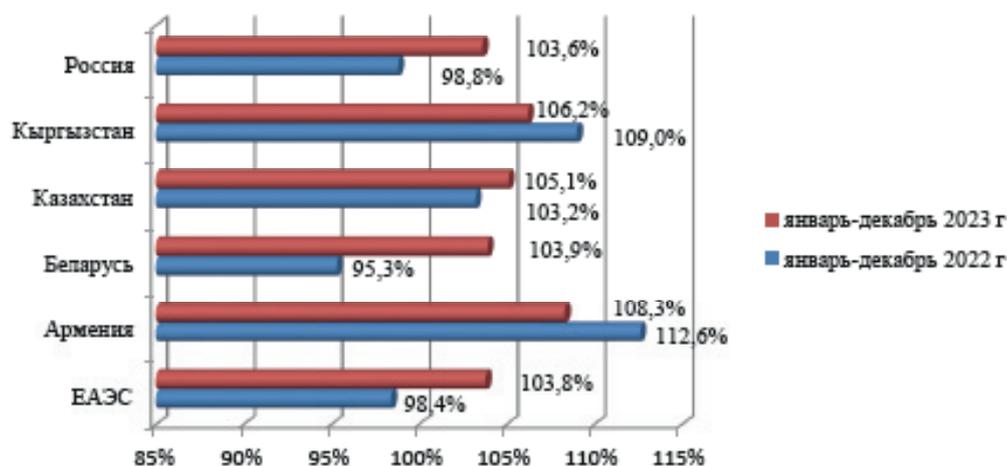

Рис. 1. Динамика ВВП ЕАЭС (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года).

Fig. 1. Dynamics of the EAEU GDP (as a percentage of the corresponding period of the previous year).

Источник: составлено автором на основе данных ЕЭК*.

* Официальный сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/analytical_reviews/monthly_review.php (дата обращения: 9.09.2024).

Таблица 1

Table 1

Отдельные социально-экономические показатели ЕАЭС Selected socio-economic indicators of the EAEU

Показатели	В % к соответствующему периоду прошлого года		
	январь-декабрь 2022	январь-декабрь 2023	январь-декабрь 2024
Промышленное производство,	100,5	103,7	104,5
<i>в том числе</i>			
горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	101,2	99,4	99,2
обрабатывающая промышленность	100,2	107,4	108,2
электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	100,3	100,3	102,7
водоснабжение; канализационная система и пр.	96,9	97,8	99,9
Производство с/х продукции	110,4	98,9	99,7
Объем выполненных строительных работ	107,2	108,6	103,3
Инвестиции в основной капитал*	104,7	110,3	108,2
Грузооборот всех видов транспорта	97,7	99,4	99,5
Пассажиروоборот	104,0	112,6	107,1
Оборот розничной торговли	94,3	106,6	107,6

*за январь-сентябрь 2022–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных ЕЭК**.

**Департамент статистики ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/ (дата обращения: 9.09.2024).

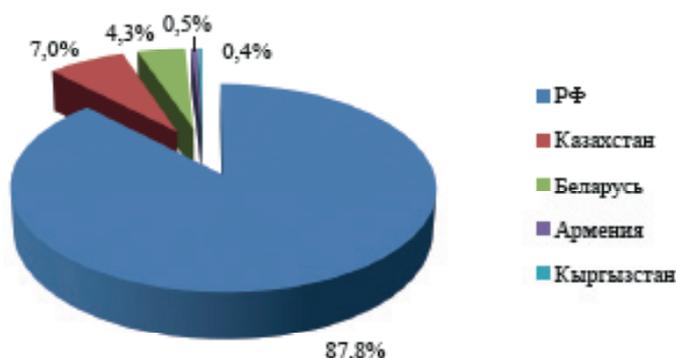

Рис.2. Удельный вес государств-членов ЕАЭС в совокупном промышленном производстве ЕАЭС в январе-декабре 2023 г.

Fig. 2. Share of EAEU member states in total industrial production of the EAEU in January-December 2023.

Источник: составлено автором на основе данных ЕЭК*.

*Департамент статистики ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/ (дата обращения: 9.09.2024).

Рост промпроизводства за рассматриваемый период был зафиксирован во всех государствах. Самый большой прирост пришелся на Республику Беларусь (на 7,7 %), на развитие которой во многом влияет ее членство в Союзном государстве с Россией, где реализуется более глубокая модель интеграционного взаимодействия, позволяющая нашим двум странам адекватно реагировать на возникающие вызовы [5].

За 2023 г. выросла инвестиционная активность ЕАЭС: «темпы роста инвестиций втрое выше среднемирового уровня»⁸, что поддерживается высокими темпами роста в обрабатывающей промышленности и строительстве — соответственно 7,4 % и 8,6 % за январь-декабрь 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. Среди дру-

гих социально-экономических показателей с положительной динамикой за 2023 г. по сравнению с 2022 г. следует отметить сокращение уровня инфляции в два раза, рост взаимной торговли также в два раза в основном за счет инвестиционных и потребительских товаров, увеличение пассажирооборота на 12,6 %.

О реализации в ЕАЭС цели повышения конкурентоспособности национальных экономик стран-участниц Союза можно судить на основе их позиций в международных рейтингах Всемирного экономического форума (ВЭФ) и швейцарского Института менеджмента (IMD). Рейтинг по версии IMD охватывает чуть более 60 стран. Из стран ЕАЭС в нем рассматривались только Казахстан и Россия, причем последнюю «из-за ограничений достоверности собранных данных»⁹ исключили из рейтинга с 2022 г. (см. табл. 2)

⁹ IMD World Competitiveness Ranking (WCR) // IMD. URL: <https://www.imd.org/news/updates/denmark-tops-economic-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 23.02.2023).

Таблица 2

Table 2

Участие стран ЕАЭС в рейтинге глобальной конкурентоспособности по версии IMD
Participation of the EAEU countries in the global competitiveness rating according to IMD

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество стран в рейтинге IMD	60	61	61	63	63	63	63	64	63	64	67
Казахстан	32	34	47	32	38	34	42	35	43	37	35
Россия	38	45	44	46	45	45	50	45	-	-	-

Источник: составлено автором на основе данных IMD*.

* World Competitiveness Ranking 2024 // IMD. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 9.09.2024).

Как видно из табл. 2, за время существования ЕАЭС Казахстан хаотично менял свое место в рейтинге с 47 по 32, единой тенденции повышения конкурентоспособности страны не было. Причем если сравнивать 2024 г. с 2014 г. Казахстан ухудшил свои позиции на 3 пункта. Россия в данном рейтинге в течение 2014–2021 гг. уступала свои позиции Казахстану за исключением 2016 г. и, подобно Казахстану, в последнем году своего включения в рейтинг (2021) продемонстрировала ухудшение своих позиций по сравнению с 2014 г.

В отличие от рейтинга IMD, индекс глобальной конкурентоспособности по версии ВЭФ рассчитывается по значительно большему количеству стран и включает все страны Союза, кроме Республики Беларусь. Последний свой рейтинг ВЭФ опубликовал за 2019 г. Тем не менее с его использованием представляется возможным отследить, как менялась конкурентоспособность стран Союза за первые пять лет его существования.

Из табл. 3 видно, что наиболее высокие места в рейтинге ВЭФ занимала РФ: с 2014 по 2019 гг. она поднялась до 43 места, улучшив свои позиции на 10 пунктов. Далее следует Казахстан, занимавший в 2019 г. 55 место, который, однако, ухудшил свою позицию в рейтинге по сравнению с 2014 г. Затем идет Армения, поднимавшаяся за рассматриваемый период с 85 до 69 места. Наконец, наихудший результат из представленных в рейтинге стран ЕАЭС показал Кыргызстан, который тем не менее улучшил свое положение с 108 места до 96.

Таким образом, из двух проанализированных рейтингов более-менее определенную тенденцию роста конкурентоспособности национальных

экономик государств-участниц ЕАЭС за рассматриваемый период, а следовательно, и в целом положительное влияние интеграции на страны демонстрирует рейтинг по версии ВЭФ. Если рассматривать суммарную конкурентоспособность Союза в рейтинге глобальной конкурентоспособности ВЭФ, следует отметить ее значительный рост: в 2014 г. — 53 место, а в 2019 — уже 45 [6].

Для оценки изменения благосостояния населения стран-участниц ЕАЭС проанализируем динамику индекса человеческого развития (ИЧР). В новом докладе ООН о человеческом развитии за 2023–2024 гг. для расчета рейтинга стран использовалась последняя официальная статистика только за 2022 год.

Как видно из табл. 4, страны-участницы ЕАЭС существенно не улучшили свои позиции в данном рейтинге, а Республика Беларусь даже ухудшила. Россия, Беларусь и Казахстан признаются странами с высоким уровнем ИЧР, Армения меняла в течение рассматриваемого периода свои позиции со стран с высоким уровнем ИЧР на страны со средним уровнем развития ИЧР. Республика Кыргызстан относится ООН к странам со средним уровнем ИЧР.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует по ряду макроэкономических показателей положительные тенденции в целом для ЕАЭС, но не позволяет сделать однозначных выводов о достижении целей существования ЕАЭС и о пользе интеграции для всех стран ее участниц.

Обсуждение результатов исследования

В качестве материалов обсуждения использованы выступления лидеров стран-участниц

Таблица 3

Table 3

Участие стран ЕАЭС в рейтинге глобальной конкурентоспособности по версии ВЭФ Participation of the EAEU countries in the global competitiveness rating according to the WEF

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество стран в рейтинге	144	140	138	137	139	143
Армения	85	82	79	73	70	69
Беларусь*	-	-	-	-	-	-
Казахстан	50	42	53	57	59	55
Кыргызстан	108	102	111	102	97	96
Россия	53	45	43	38	43	43

*Данные в рейтинге отсутствуют.

Источник: составлено автором на основе данных IMD**.

** World Competitiveness Ranking 2024 // IMD. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 9.09.2024).

Место в рейтинге «Индекс человеческого развития»
Place in the Human Development Index ranking

Страна	2014*	2015**	2016	2017	2018	2019***	2020	2021	2022****
Армения	87	85	84	83	81	81	87	85	76
Беларусь	53	50	52	53	50	53	-	60	69
Казахстан	70	56	56	58	50	51	59	56	67
Кыргызстан	125	120	120	122	122	120	121	118	117
Россия	57	50	49	49	49	52	49	52	56

Источник: составлено автором.

* Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843> (дата обращения: 9.09.2024).

** Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285> (дата обращения: 9.09.2024).

*** Индекс человеческого развития (ИЧР) // Nonews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/index-human> (дата обращения: 9.09.2024).

**** Доклад о человеческом развитии за 2023–2024 гг. // UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24snapshotru.pdf> (дата обращения: 9.09.2024).

ЕАЭС на юбилейном саммите объединения, а также мнения ведущих экономистов и ученых.

На юбилейном саммите в Москве, прошедшем 8 мая 2024 году, В. Путин указал, что ЕАЭС показал свою эффективность перед лицом вызовов. Президент заявил об обеспечении высокой степени свободы перемещения товаров благодаря ликвидации множества торговых и административных барьеров. В. Путин также говорил об укреплении технологического суверенитета, успешном достижении цели продовольственной безопасности союза, высоких темпах роста объемов взаимных грузоперевозок, цифровизации как приоритетном направлении развития. Н. Пашинян заявил, что формирование нормативной базы ЕАЭС далеко от завершения, «существенно затянулся процесс формирования общего рынка с едиными системами регулирования в сфере энергоресурсов». А. Лукашенко отметил, что несмотря на принятые в 2023 г. в ЕАЭС решения о финансовой поддержке промышленной кооперации, «серьезной активности бизнеса пока не наблюдается». Кроме того, Президент Беларуси подчеркнул сохранение «национального протекционизма» в сфере госзакупок, отметил недостаточное внимание ЕАЭС к диалогу со странами Африки и Латинской Америки. К.-Ж. Токаев говорил о сохранении практики скрытых ограничений при движении товаров в Союзе. С. Жапаров указал на возникающие сложности в проведении расчетов в связи с внешним давлением на финансовые системы стран ЕАЭС.

По мнению Е. Кузьминой, «из намеченных к созданию четырех общих рынков — товаров, услуг, рабочей силы и финансов, — пока не удалось создать финансовый рынок, подразумевающий соответствующий валютный или финансовый союз, а также общую платежную систему и эмиссионный центр»¹⁰. Не создан до сих пор общий рынок газа, нефти и нефтепродуктов, хотя это определялось как один из приоритетов совместного экономического сотрудничества интеграционных партнеров к 2025 г. [7], [8].

С. Глазьев говорит о том, что имеющийся в ЕАЭС потенциал экономического роста в полной мере не реализуется¹¹. Макроэкономические показатели ЕАЭС изменились незначительно, связанность экономик стран-участниц Союза не повысилась. Удельный вес ЕАЭС в мировой экономике постепенно снижается. Если сопоставлять с целевым сценарием развития, за период с 2015 по 2022 г. общий удельный вес стран-участниц Союза в мировом ВВП должен был увеличиться с 3,7 % до 3,9 %, а он сократился до 3,5 %. Удельный вес ЕАЭС в мировой торговле товарами

¹⁰ Как главы государств отметили 10-летие Евразийского экономического союза // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/09/1036341-kak-glavi-gosudarstv-otmetili-10-letie> (дата обращения: 9.09.2024).

¹¹ Глазьев С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС. Международная жизнь. 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25238> (дата обращения: 09.09.2024).

и услугами, предполагалось, повысится с 2,3 % до 2,5 %, а он уменьшился до 2,1 % [9]. Кроме того, снижается вес Союза в ШОС, где с 2015–2022 г. общий удельный вес стран-участниц по ВВП снизился с 13,5 % до 11,6 %, а по торговле товарами и услугами — с 14,8 % до 9,2 %. Таким образом, «полученные результаты и имеющиеся заделы в строительстве ЕАЭС пока не конвертировались в потенциальные эффекты, а странам Союза не удалось приступить к реализации прогрессивного сценария развития вместо постоянно протлеваемого инерционного сценария» [9].

В целом сторонники ЕАЭС критикуют интеграцию за узкие рамки экономического сотрудничества, за слабую выраженность «союзности» действий стран-участниц, в том числе в политической сфере¹². В СМИ чаще всего освещается тема выставления взаимных «счетов» в рамках ЕАЭС за относительные потери. При этом учет абсолютных преимуществ интеграции зачастую остается за пределами профильных совещаний и новостей. Противники ЕАЭС видят угрозу интеграции для суверенитетов стран-участниц, ведь на Западе Союз воспринимают как некое «второе издание СССР» [10]. В действительности Союз только укрепляет национальную безопасность, независимость и территориальную целостность его членов. Во-первых, благодаря праву вето всех стран Союза на все решения, в силу чего страны-участницы имеют возможность влиять на политику друг друга и прежде всего малые государства на значительно более мощную Россию. При этом Союз не обязывает страны обязательно поддерживать решения друг друга по широчайшему кругу вопросов. По ним они обладают значительной степенью свободы. Во-вторых, ЕАЭС позволяет опираться странам-участницам на мощь друг друга во взаимодействии с внешними партнерами — Китаем, ЕС, США, АСЕАН. Например, Белоруссии ЕАЭС помогает в отношениях с западными соседями, Казахстану и Кыргызстану в отношениях с Китаем, Армении — в отношениях с Ираном и Турцией. России помогает и более широкий рынок и большой демографический потенциал за спиной, и возможность ссылаться на необходимость учитывать позиции союзников, когда нашей стране предлагают невыгодные решения.

¹² Бордачев Т., Лихачева А., Королев А. и др. Евразийская экономическая интеграция: между абсолютными и относительными выгодами. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/26831/>

С точки зрения В. Додонова, ЕАЭС необходимо рассматривать, ограничиваясь его исключительно экономической сущностью, что является «методически корректно», ведь интеграция создавалась как сугубо экономический проект. В этом случае, по мнению эксперта, вполне правомерно оценивать текущие результаты деятельности ЕАЭС как промежуточные, поскольку ряд интеграционных форматов, предусмотренных Договором, еще не созданы в полной мере (общий финансовый рынок, общие рынки нефти и газа). Там же, где наблюдается полноценное функционирование интеграционных форматов (например, повышение устойчивости экономик в условиях геополитических вызовов, создание общего рынка услуг и рынка рабочей силы с основными двумя направлениями ее приема — Россией и Казахстаном), можно говорить о прогрессе интеграции и соответствии заявленным в Договоре целям¹³.

Заключение

Таким образом, согласно официальным аналитическим обзорам ЕЭК, материалам юбилейного заседания ВЕЭС, ЕАЭС за 10 лет своего существования смог доказать свою состоятельность, успешно реализуя поставленные перед собой цели.

Проведенное автором исследование не позволяет сделать однозначных выводов о повышении конкурентоспособности национальных экономик и росте благосостояния общества всех членов Союза.

Мнения ведущих экспертов в этой области также расходятся в оценке результатов деятельности ЕАЭС за рассматриваемый период. Тем не менее нельзя не согласиться с тем, что ЕАЭС приносит странам-участницам, несмотря на неизбежный конфликт интересов, свойственный любой интеграции, определенные выгоды. Это касается прежде всего укрепления их национального суверенитета, независимости и территориальной целостности. Союз действительно играет роль ускорителя роста для стран-участниц. Совместные усилия стран-членов ЕАЭС позволяют объединению выдерживать беспрецедентное давление в условиях геополитических и геоэкономических вызовов. По мнению экспертов, в ближайшее десятилетие прогресс в развитии ЕАЭС будет преобладать над его проблемами.

¹³ Додонов В. Прогресс и проблемы евразийской интеграции // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/progress-i-problemy-evraziyskoy-integratsii/> (дата обращения: 09.09.2024).

Список источников

1. Глазатова М. К., Аветисян С. С., Алешин Д. А. и др. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023. Международный доклад НИУ ВШУ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 306 с.
2. Огнева Н. Ф., Броян И. В. Развитие интеграционных процессов стран-членов Евразийского экономического союза // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 3.
3. Мясникович М. В. Евразийский экономический союз: сегодня и завтра. Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 3. С. 20–36.
4. Сандоян Э. М., Восканян М. А. Некоторые аспекты развития экономики Армении в контексте взаимодействия со странами ЕАЭС // Семнадцатая Годичная научная конференция : сборник научных статей, Ереван, 04–08 декабря 2023 года. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2024. С. 172–178. DOI: 10.24412/cl-37234-2024-1-172-178.
5. Емельянов Д. Е. Сотрудничество России и республики Беларусь в условиях политической интеграции Союзного государства с 2021 по 2024 год // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 38–48.
6. Абрамов В. Л. Оценка конкурентоспособности стран Евразийского экономического союза: теория и практика // Экономические науки. 2020. № 192. С. 9–12.
7. Телегина Е. А., Халова Г. О., Еремин С. В. и др. Современная экономическая интеграция и формирование единого энергетического пространства: монография в 2 ч. Часть 2. Энергетическая интеграция государств ЕАЭС: предпосылки, вызовы и возможности. Москва: РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2017. 309 с.
8. Филькевич И. А., Чжан Ц. Современные тенденции развития нефтегазовой промышленности Евразийского экономического союза // Фундаментальные исследования. 2024. № 1. С. 50–54.
9. Глазьев С. Ю., Ткачук С. П. О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года // Международная торговля и торговая политика. 2023. № 9 (1). С. 90–112. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-90-112.
10. Балытников В., Боклан Д. Евразийский экономический союз: предпосылки создания, проблемы формирования, перспективы развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106). С. 69–82.

References

1. Glazatova MK, Avetisyan SS, Aleshin DA. et al. Otsenka integratsionnykh protsessov YEAEES v sfere trgovli: 2023. Mezhdunarodnyy doklad NIU VSHU=Assessment of the integration processes of the EAEU in the field of trade: 2023. International report of the National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 306 p. (In Russ.).
2. Ogneva NF, Broyan IV. Development of integration processes of the member countries of the Eurasian Economic Union. *Vestnik yevraziyskoy nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2022;14(3). (In Russ.).
3. Myasnikovich MV. The Eurasian economic union: Today and tomorrow. *Mir novoy ekonomik=The World of the New Economy*. 2022;16(3):20-36. (In Russ.).
4. Sandoyan E, Voskanyan M. Some aspects of economic development of Armenia in the context of interaction with the EAEU countries. *Semnadtsataya Godichnaya nauchnaya konferentsiya : sbornik nauchnykh statey, Yerevan, 04–08 dekabrya 2023 goda= Seventeenth Annual Scientific Conference: collection of scientific articles, Yerevan, December 4-8, 2023*. 2024:172-178. (In Russ.).
5. Yemelyanov DE. Cooperation between Russia and the Republic of Belarus in the context of political integration of the Union State from 2021 to 2024. *Izvestiya TulGu=Izvestia Tula State University. Humanities*. 2024;2:38-48. (In Russ.).
6. Abramov VL. Assessment of the competitiveness of the countries of the Eurasian Economic Union: theory and practice. *Ekonomicheskkiye nauki=Economic sciences*. 2020;(192):9-12. (In Russ.).
7. Telegina EA, Khalova GO, Eremin SV. et al. Sovremennaya ekonomicheskaya integratsiya i formirovaniye yedinogo energeticheskogo prostranstva: monografiya v 2 ch. Chast' 2. Energeticheskaya integratsiya gosudarstv YEAEES: predposylki, vyzovy i vozmozhnosti=Modern economic integration and the formation of a single energy space: a monograph in 2 parts. Part 2. Energy integration of the EAEU states: prerequisites, challenges and opportunities. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas, 2017. 309 p. (In Russ.).

8. Filkevich IA, Zhang J. Modern trends in the development of the oil and gas industry of the Eurasian Economic Union. *Fundamental'nyye issledovaniya=Fundamental research*. 2024;1:50-54. (In Russ.).
9. Glazyev SY, Tkachuk SP. On the parameters of economic development in the EAEU until 2035. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika=International Trade and Trade Policy*. 2023;9(1):90-112. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-90-112. (In Russ.).
10. Balytnikov V, Boklan D. Eurasian Economic Union: prerequisites for creation, problems of formation, development prospects. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye=Comparative constitutional review*. 2015;3(106):69-82 (In Russ.).

Информация об авторе

Л. И. Заволокина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики.

Information about the author

L. I. Zavalokina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338.24

doi: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-197-208

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СФЕРЕ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ В 2018–2024 гг.

Дмитрий Александрович Плетнёв^{1✉}, Юлия Анатольевна Меньшикова²,
Анастасия Александровна Токарева³

^{1✉} Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, menshikowajulia74@mail.ru

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, anastasiatok21yk@xmail.ru

Аннотация. Внедрение проектного управления в деятельность государственных органов способствует повышению гибкости и эффективности, но также сопряжено с рисками, связанными с редукцией многообразия функций до временных проектов, что может привести к потере стратегического видения. Анализ международного опыта показывает, что успешная реализация проектного управления в государственном секторе требует преодоления организационных и кадровых барьеров, а также адаптации к специфике государственной деятельности. Ключевые факторы успеха включают внедрение международных стандартов, активное взаимодействие с гражданами и использование современных технологий. В результате предлагается ряд обобщений по оптимизации проектного управления в России, направленных на повышение его эффективности и устойчивости для успешной реализации национальных проектов.

Ключевые слова: проектное управление, государственное стратегическое управление, национальные проекты

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А. Проектное управление в государственной сфере: мировой опыт и предварительные итоги реализации Национальных проектов в России в 2018–2024 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 197–208. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-197-208.

Review article

PROJECT MANAGEMENT IN THE PUBLIC SECTOR: GLOBAL EXPERIENCE AND PRELIMINARY RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS IN RUSSIA IN 2018-2024

Dmitri A. Pletnev^{1✉}, Yulia A. Menshikova², Anastasia A. Tokareva³

^{1✉} Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, 0000-0002-6494-572X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, menshikowajulia74@mail.ru

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, anastasiatok21yk@xmail.ru

Abstract. The implementation of project management in the activities of government agencies contributes to increased flexibility and efficiency, but also carries risks associated with reducing the variety of functions to temporary projects, which can lead to a loss of strategic vision. An analysis of international experience shows that the successful implementation of project management in the public sector requires overcoming organizational and personnel barriers, as well as adapting to the specifics of government activities. Key success factors include the implementation of international standards, active interaction with citizens and the use of modern technologies. As a result, a number of generalizations on optimizing project management in Russia are developed. The paper aim at increasing efficiency and sustainability of the successful implementation of national projects.

Keywords: project management, state strategic management, national projects

For citation: Pletnev DA, Menshikova YuA, Tokareva AA. Project Management in The Public Sector: Global Experience and Preliminary Results of the Implementation of National Projects in Russia in 2018-2024. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497)):197-208. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-197-208.

Введение

Использование проектного подхода в государственном управлении в России становится все более профессиональным. Не в том смысле, что оно становится лучше и эффективнее, чем раньше (не отрицая такой возможности, оговоримся, что речь не об этом), а в том, что все больше чиновников приобретают навыки проектного управления, овладевают проектным языком, используют соответствующие ему инструменты и нарративы в своей деятельности. Вместе с тем, столь широкое, как сейчас, распространение проектного подхода порождает риск сведения всего многообразия форм деятельности именно к проекту — ограниченной во времени и в пространстве активности. Установление мобилизующих сроков и излишняя фрагментация оценивающих проект показателей ведет к тому, что цель и «дух» проекта теряются за суетой его реализации в вечных дедлайнах. И чтобы нивелировать влияние таких рисков на эффективность государственного управления в целом, необходимо понимать как возможности, так и ограничения использования проектного подхода в государственном управлении [17]. В этом может помочь как непосредственный анализ собственного опыта проектного управления, так и изучение уже проведенных исследований подобного рода. В настоящей статье мы предприняли попытку обобщить результат второго подхода.

Основные тенденции использования проектного управления в деятельности разных стран

Современные тенденции развития государственного управления в передовых странах мира характеризуются активным заимствованием методов и инструментов корпоративного менеджмента, в частности, применением проектного подхода [1]. Данный подход рассматривается в качестве эффективного средства повышения гибкости, клиентоориентированности и рациональности использования ресурсов в государственном секторе [2]. Вместе с тем внедрение проектного управления в деятельность органов власти сопряжено с рядом сложностей организационного, нормативно-правового характера [3].

Анализ литературы показал, что в развитых странах в последние годы происходит «управленческая революция», связанная с внедрением в систему государственного управления методов и инструментов корпоративного менеджмента, в том числе проектного подхода [1, 4].

Одним из ключевых элементов этих управленческих трансформаций является внедрение проектного менеджмента в деятельность органов власти. Проектный подход рассматривается как эффективный инструмент реализации задач «нового государственного управления», позволяющий повысить гибкость, ориентацию на результат и эффективность использования ресурсов [1], но и не свободен от недостатков [5].

Однако, как показывает исследование Г. Иسنовой [1], внедрение проектного менеджмента в государственном секторе постсоветских стран сталкивается с рядом серьезных проблем. К ним относятся:

- Недостатки нормативно-правовой базы, не обеспечивающей надлежащую регламентацию проектной деятельности.
- Организационные барьеры, связанные с сохранением традиционных иерархических структур и бюрократических процессов.
- Дефицит компетенций государственных служащих в области управления проектами.
- Технологические ограничения, выражающиеся в нехватке необходимых информационных систем и инструментов.

В качестве решения автор предлагает ряд конкретных рекомендаций, включающих совершенствование нормативно-правовой базы, развитие компетенций государственных служащих в сфере проектного управления, внедрение современных информационных технологий, а также оптимизацию организационных структур и процессов [1].

Внедрение проектного менеджмента в государственном секторе — это сложный, но необходимый процесс. Использование комплексного подхода позволит ускорить его и достичь результатов в реформировании государственного управления [1].

В условиях, когда необходимо более эффективно и результативно использовать ограниченные бюджетные ресурсы, повышать устойчивость

финансовых систем и прозрачность государственного управления, многие страны переходят к использованию проектного подхода [2].

Как показывает обзор, проведённый А. Г. Силуановым и А. В. Пенчук [2], в государственном секторе различных стран есть общие тенденции использования проектного менеджмента:

- 1) проектный подход часто реализуется в рамках программно-целевого управления;
- 2) проектное управление, как правило, применяется преимущественно к бюджетным инвестициям и расходам на внедрение новых продуктов или услуг;
- 3) для координации и сопровождения проектной деятельности создаются специализированные органы – проектные офисы;
- 4) стандартизация проектного управления осуществляется на основе международных и национальных стандартов.

Изучение международного опыта использования проектного подхода к управлению бюджетными расходами позволяет определить перспективные направления его развития и особенности внедрения в практику государственного управления [2].

Однако внедрение проектного подхода также может вызвать некоторые организационные, кадровые и методологические сложности, которые требуют комплексного подхода для их преодоления.

Изучение международного опыта проектного управления в государственном секторе может быть полезным для улучшения системы управления государственными финансами и разработки эффективных механизмов реализации государственной политики [2].

В условиях современных вызовов, связанных с необходимостью модернизации общественной инфраструктуры, развития технологий и удовлетворения новых потребностей граждан, гибкость, оперативность и комплексный подход в государственном управлении становятся особенно важными. Как отмечает Е. В. Атамась [3] в своем исследовании, эти факторы играют ключевую роль в эффективном управлении государственными ресурсами.

По мнению автора, проектная работа является подходящей формой для решения сложных задач в государственном секторе, и методы проектного менеджмента активно внедряются в практику органов власти по всему миру. При этом Е. В. Атамась подчеркивает, что специфические особенности государственных структур, такие как фи-

нансирование из бюджета, публичная отчётность и социальный эффект, требуют особого учета при внедрении проектного подхода.

Обобщая зарубежный опыт, исследователь выделяет ключевые факторы успешной реализации государственных проектов:

1. Использование международных стандартов и передового мирового опыта в сфере проектного управления.
2. Организация эффективного взаимодействия между различными государственными органами, а также с гражданами и другими заинтересованными сторонами.
3. Создание условий для гибкости, оперативности и комплексного подхода к решению задач, характерных для государственного сектора.

Внедрение проектного подхода в госуправлении — актуальный шаг для эффективного реагирования на вызовы. Гибкость и оперативность позволяют адаптироваться к изменяющимся условиям, эффективно использовать ресурсы и удовлетворять потребности граждан.

При реализации госпроектов важно учитывать специфику госсектора, включая финансирование, отчётность и социальный эффект. Использование международных стандартов, передового мирового опыта, организация эффективного взаимодействия и создание условий для гибкости и оперативности — ключевые факторы успеха.

Проектное управление активно развивается во всем мире, в том числе в государственном управлении, так как позволяет достигать целей в оптимальные сроки, налаживать межведомственное взаимодействие и эффективно использовать ресурсы. Проектный подход эффективнее стандартного функционального подхода в государственном секторе, но несет дополнительную ресурсную нагрузку в виде администрирования, документирования и необходимости мобилизации большой команды, отмечает О. А. Зябеликова [6].

Использование инструментов управления проектами в государственном планировании имеет давнюю историю в России. Еще в СССР с 1930-х гг. применялись элементы проектного управления, а в 1970-80-е гг. российскими учеными были разработаны усовершенствованные методики. Однако в 1990-е гг. наблюдалась стагнация, после чего началось активное внедрение западных подходов к проектному менеджменту.

В настоящее время в России накоплен определенный опыт успешной реализации проектного

управления на региональном и муниципальном уровнях, например, в Белгородской, Рязанской, Волгоградской и Пензенской областях.

Вместе с тем, как подчеркивает автор, существует объективная потребность в повышении эффективности государственного управления, которая сталкивается с недостатком практических рекомендаций по совершенствованию проектной деятельности в органах власти. Решение этого противоречия является важной задачей для дальнейшего развития проектного менеджмента в государственном секторе.

Как отмечают в своем исследовании О. К. Джолдасбаев и Д. Ж. Рахматуллаева [7], внедрение технологий проектного менеджмента в сферу государственного управления сталкивается с определенными трудностями. Во многих странах наблюдается противоречие между стремлением к применению передовых методов проектного управления и их недостаточным распространением в реальной практике органов власти.

По мнению авторов, это связано, прежде всего, с консервативностью и инерционностью мышления государственных служащих, особенно в развивающихся странах и недавно вступивших в ЕС государствах. Устоявшиеся национальные и корпоративные практики управления зачастую вытесняют новые технологии проектного менеджмента.

Вместе с тем роль проектного управления в государственном секторе обусловлена более широкими процессами институционального развития, начавшимися еще с 1980-х гг. Речь идет не просто об административной реформе, а о необходимости развития инновационного потенциала и внедрения проектного подхода в государственное управление.

В данном контексте авторы подчеркивают, что концепции Нового государственного управления (NPM) включают в себя элементы проектного менеджмента, что становится ключевым аспектом для эффективной реализации инновационных разработок. Особенно примечательной является модель зрелости Total Project Management (TRM), которая зарекомендовала себя в практике Словении и продемонстрировала свою эффективность в управлении проектами различной сложности. Эта модель может служить ценным ориентиром для дальнейшего изучения и адаптации в рамках отечественной практики управления проектами, учитывая ее успешное применение в условиях динамично меняющейся среды. При-

менение принципов TRM может значительно повысить качество и результативность реализации государственных проектов, способствуя более эффективному использованию ресурсов и улучшению взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами.

Общий вывод исследователей заключается в том, что инновации и развитие информационных технологий способствовали формированию современной проектной деятельности, которая является важным аспектом Нового государственного управления. Однако преодоление консервативности мышления и внедрение проектного подхода в государственных органах остается серьезной управленческой задачей.

Н. Д. Базаев [8] в своем исследовании, отмечает, что современное развитие общества и экономики неразрывно связано с использованием передовых информационных технологий, что позволяет повысить эффективность государственного управления. Однако одной из ключевых проблем в работе государственных структур является недостаточная результативность механизмов принятия решений.

По мнению автора, для решения данной проблемы все чаще применяются методы проектного управления, которые помогают достигать общественно значимых целей. Проектная деятельность в госсекторе, в отличие от рутинной операционной работы, нацелена на кардинальные изменения в определенных сферах при ограниченности ресурсов. В этой связи особое значение приобретает использование проектного подхода, основанного на национальных и международных стандартах.

Как показывает обзор, страны Центральной и Восточной Европы успешно внедряют цифровые технологии, стимулируют инновации и образование, совершенствуют финансовые инструменты, создают новые рабочие места для молодежи и борются с бедностью. При этом, по мнению автора, Великобритания является лидером в применении проектного подхода в государственном секторе, реализуя в основном проекты трансформационного характера.

Особое внимание Н. Д. Базаев [8] уделяет оценке результатов проектной деятельности в Великобритании. Так, Британский Институт проектного управления использует пятибалльную шкалу, где «зеленый» уровень означает высокую вероятность успешного завершения. При этом к 2015 г. лишь незначительная часть государственных проектов (0,25 %) вызывала серьезные опасения.

В целом, анализ применения проектного управления в Европе, проведенный автором, показывает различия в его развитии между странами. Однако это компенсируется совместной реализацией крупных международных проектов при поддержке различных фондов.

Как отмечают в своей работе А. Ю. Юфкин и А. И. Галкин [9], проектное управление является эффективным инструментом для решения сложных задач в сжатые сроки как в частном, так и в государственном секторе. Авторы подчеркивают, что управление проектами позволяет мобилизовать и оптимизировать ресурсы, сокращая время реализации и затраты, что делает его важным элементом экономического и управленческого арсенала во многих странах.

По мнению исследователей, особенностью развития теории проектного управления в зарубежных странах является то, что оно рассматривается как деятельность, направленная на решение поставленных перед организацией задач на основе имеющейся ресурсной базы в условиях временных ограничений. При этом методы проектного менеджмента характеризуются гибкостью, позволяющей им подстраиваться под особенности национальных систем управления. Так, в разных странах приняты собственные стандарты проектного управления, многие из которых нашли широкое признание во всем мире.

Специфические особенности деятельности государственных властных структур, такие как финансирование проектов из бюджета, публичная отчетность и общественный контроль, направленность на социальный эффект, а не на получение выгод от инвестиций, обязательно должны учитываться при внедрении проектного подхода в органах власти.

В этой связи авторы приводят примеры эффективного применения проектного управления в муниципальных образованиях зарубежных стран. Так, во многих странах, в том числе в США и Германии, созданы специальные структуры, отвечающие за разработку и реализацию региональных и местных проектов, направленных на социально-экономическое развитие территорий.

В целом, исследование показывает, что проектное управление, несмотря на необходимость учета специфики государственного сектора, зарекомендовало себя как действенный инструмент повышения эффективности деятельности органов власти во многих странах. Его дальнейшее разви-

тие и внедрение в государственном управлении является важным направлением совершенствования системы государственного управления.

В своей работе И. В. Мирошниченко и Л. А. Шпиро [10] рассматривают внедрение проектного управления в государственном секторе как результат административных реформ, проводимых современными государствами. Они основываются на управленческой парадигме нового государственного менеджмента.

Авторы представляют объяснительную модель проектного управления в госсекторе, описывая виды деятельности, необходимые для его успешной реализации: аналитическую, организационно-управленческую, коммуникативную и документационную.

Особый интерес представляет описание успешных кейсов внедрения проектного управления в ряде зарубежных стран, таких как Канада, Великобритания и Норвегия. В этих странах проектный подход был применён для трансформации сферы государственных услуг, реформирования информационных и коммуникационных технологий, реализации крупных строительных проектов и наращивания военного потенциала.

Мирошниченко и Шпиро также дают промежуточную оценку российского опыта перехода государственных органов на инновационную систему управления на базе проектов [10]. Они считают, что ключевым ресурсом инноваций в этой сфере является человеческий капитал — квалифицированные и опытные специалисты. Однако, по их мнению, одной лишь методологии может оказаться недостаточно для успешной реализации проектного управления.

В целом, проведённый анализ показывает, что применение проектного подхода в государственном секторе активно развивается как в зарубежных странах, так и в России. Этот процесс является важной частью административных реформ, направленных на повышение эффективности и результативности государственного управления. Авторы статьи отмечают, что научный интерес к проектному управлению в государственном управлении обусловлен важностью устойчивого развития страны и её конкурентоспособности в мировой экономике. Они подчёркивают необходимость изучения опыта других стран и особенностей национального контекста для оценки эффективности проектного управления в российской системе.

Теоретические основы проектного управления в государственном управлении базируются на концепции «нового государственного

менеджмента». В системе государственного управления используются два подхода: процессный и проектный. Исследователи приводят примеры внедрения проектного управления в различных странах. Например, в Великобритании за это отвечает Infrastructure and Projects Authority, где применяются стандарты, в том числе PRINCE2®, помогающие эффективно управлять любым проектом. В Квебеке разработано руководство по управлению проектами, успех которых зависит от координации и эффективного руководства.

Исследователи также отмечают положительный эффект от привлечения крупных компаний к реализации государственных проектов. В качестве примера приводится опыт Норвегии, где была создана автоматизированная система подсчёта голосов с помощью испанской компании Indra.

Авторы констатируют, что Россия также внедряет проектный подход в государственном управлении для решения стратегических задач. В качестве примера приводятся Белгородская область, Югра и Ленинградская область, где были выявлены риски, влияющие на качество проектной деятельности.

В заключении авторы исследования приходят к выводу, что использование проектного подхода помогает улучшить систему государственного управления, независимо от разнообразия её институтов. В этой новой системе человеческий капитал становится ключевым ресурсом для эффективного управления.

Анализ предварительных итогов реализации национальных проектов в России в 2018–2024 гг.

Национальные проекты (НП) в России, ключевые инструменты достижения национальных целей развития, требуют значительных ресурсов и конкретных результатов. Утвержденные в 2018 г. методические указания по разработке НП задают основу для их формирования и реализации, но реализация сталкивается с рядом серьезных проблем, требующих систематического анализа. Национальные проекты детализируют задачи указа № 474¹, федеральные проекты конкретизируют цели и показатели, а региональные проекты реализуют их на местах [11, 12]. Иерар-

хия управления сталкивается с такими проблемами, как низкое качество планирования и отсутствие конкретизации, что требует глубокого понимания взаимодействия управленческих институтов. Низкая вовлеченность исполнителей создает мотивационные проблемы, препятствуя достижению целей, а экономическое неравенство добавляет дополнительные барьеры.

Для решения этих проблем необходимы новые механизмы и подходы. Разработка подпрограмм на региональном и муниципальном уровнях, а также проекты НКО и молодежного правительства могут улучшить ситуацию, учитывая потребности населения и принципы прозрачности. Объединяющая национальная идея поможет решить проблему неравенства и сформировать эффективную стратегию реализации национальных проектов.

Система сотрудничества между уровнями власти должна основываться на открытости и взаимопонимании. Комплексный подход к управлению и активное участие граждан и бизнеса повысят эффективность проектов и вернут доверие к государственным институтам, что важно для устойчивого развития страны [11].

Национальные проекты (НП) в Российской Федерации, официально введенные в 2019 г., представляют собой стратегическую инициативу, направленную на комплексное развитие экономики и повышение качества жизни граждан. С момента их внедрения было разработано и частично реализовано 12 проектов, общий объем финансирования которых составляет 25,7 трлн рублей и распределен на три ключевых направления, подчеркивающих их значимость для социально-экономического развития страны. Однако, несмотря на наличие позитивных трендов, таких как улучшение демографической ситуации и рост некоторых экономических показателей, наблюдаются и негативные тенденции, которые определяют эффективность реализации НП [12].

Основной задачей национальных проектов является улучшение качества жизни населения и демографической ситуации в стране. Тем не менее, реализация проектов зачастую осуществляется фрагментарно, что препятствует комплексному развитию [11]. По данным Счетной палаты, не все бюджетные средства, предусмотренные для реализации НП, были освоены, что указывает на наличие серьезных организационных и технических проблем. Наименьший процент освоения наблюдается в таких проектах,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 02.03.2025).

как «Цифровая экономика» и «Экология», где уровень исполнения расходов составил лишь 55 % от запланированных показателей [11, 12].

Системные недостатки, такие как низкое качество планирования и отсутствие конкретизации направлений НП, приводят к неопределенности в их реализации [11]. Завышенные показатели, утвержденные Министерствами РФ, часто оказываются недостижимыми, что указывает на необходимость пересмотра региональных составляющих на основании фактических данных и разработки методик расчета показателей для органов исполнительной власти субъектов РФ [12]. Внедрение стандартизированных форм отчетности и системы «Электронный бюджет» станет важным шагом к повышению прозрачности и эффективности использования бюджетных средств.

Борьба с коррупцией, включая нецелевое использование бюджетных средств и махинации при госзакупках, важна. Усиление ответственности за неэффективное использование и прозрачность процессов необходимы для восстановления доверия граждан к государственным институтам [11]. В заключение реализация НП в России в период с 2018 по 2024 гг. требует внесения значительных корректировок в законодательные акты и разработки «Электронного бюджета» для онлайн-трансляции поступления и распределения средств [12].

Эффективность реализации НП также зависит от восприятия их различными группами акторов, включая национальную элиту, население и бизнес. Увеличивающееся экономическое неравенство в стране препятствует повышению эффективности проектов, подчеркивая необходимость наличия объединяющей национальной идеи, способной помочь в решении проблемы экономического неравенства [11]. Ключевым фактором, влияющим на эффективность реализации проектов, является система сотрудничества между различными уровнями государственной власти и местного самоуправления [12].

В условиях пандемии COVID-19, оказавшей значительное влияние на ход реализации НП, необходимо адаптировать подходы к планированию и реализации новых инициатив. Несмотря на негативные последствия, исполнение финансовых обязательств по НП происходило более равномерно, что свидетельствует о гибкости системы в условиях кризиса [11]. Однако, необходимо провести корректировку целевых показателей и разработать более четкие индикаторы

для оценки эффективности НП, чтобы обеспечить их реальное воздействие на социально-экономическое развитие страны и улучшение качества жизни граждан [12]. Это позволит не только повысить результативность реализации проектов, но и создать устойчивую основу для дальнейшего развития.

Национальные проекты в России, направленные на развитие экономики и повышение качества жизни, сталкиваются с серьезными управленческими и организационными проблемами, такими как низкое качество планирования, недостаточная вовлеченность граждан и экономическое неравенство. Несмотря на позитивные тренды, фрагментарная реализация проектов и неэффективное использование бюджетных средств требуют корректировок в законодательстве и внедрения новых механизмов управления.

Для успешной реализации НП необходимо создать условия для активного участия граждан и бизнеса, а также обеспечить прозрачность и сотрудничество между уровнями власти. Адаптация подходов к планированию и оценке эффективности проектов в условиях кризисов станет ключевым шагом к устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Национальные проекты, разработанные для достижения ключевых целей, таких как улучшение благосостояния граждан, создание комфортной жизненной среды, развитие регионов, цифровая трансформация и расширение возможностей для самореализации, стали важнейшими инструментами социально-экономического прогресса России [13]. Их актуальность возросла на фоне антироссийских санкций. Инициативы, реализуемые в рамках нацпроектов, направлены на преодоление структурных проблем и экономических ограничений, способствующих повышению качества жизни населения. Для повышения эффективности реализации нацпроектов и достижения поставленных целей необходимо внедрить дополнительные механизмы, такие как пороговые значения экономической безопасности. Эти инструменты помогут минимизировать отклонения от целевых показателей, сократить нецелевое использование бюджетных средств и оперативно сигнализировать о проблемах в исполнении программ, что, в свою очередь, будет способствовать успешной реализации национальных целей и защите экономических интересов страны.

Реализация национальных проектов в регионах представляет собой сложный, но увлекательный

процесс, наполненный как вызовами, так и возможностями [14]. Разнообразие социально-экономических условий, потребностей и законодательных нюансов создает уникальную среду для адаптации и инноваций. Региональный подход позволяет не просто следовать предписанным алгоритмам, а творчески переосмысливать их, используя местные ресурсы и компетенции для достижения выдающихся результатов. Каждый регион имеет шанс трансформировать общий план реализации, опираясь на глубокую диагностику своей ситуации и активное вовлечение местного населения [15]. Гибкие методы управления и механизмы общественного контроля становятся неотъемлемыми инструментами для повышения эффективности и результативности проектов. Успех в реализации этих инициатив требует внимательного учета социально-экономических реалий, потребностей граждан и доступных ресурсов, а также специфики местного управления. Адаптивные стратегии, активное участие общественности и прозрачность процессов играют ключевую роль в достижении поставленных целей. Таким образом, региональный подход к реализации национальных проектов открывает новые горизонты для улучшения качества жизни, стимулирования регионального развития и достижения стратегических целей страны, требуя глубокого анализа и стратегического мышления на каждом этапе.

Национальные проекты выступают в роли мощного катализатора, побуждающего региональные и местные власти к активному привлечению инвестиций и ресурсов. Это не только укрепляет межбюджетные связи, но и создает основу для динамичного развития регионов [16]. Однако на этом пути таится опасность конфликтов между различными уровнями власти, связанных с распределением финансовых ресурсов. Поэтому критически важно при планировании и реализации этих инициатив учитывать интересы всех участников — от федерального до местного уровня. Такой сбалансированный подход обеспечит эффективное и целенаправленное использование бюджетных средств, минимизируя риск недопонимания и противоречий.

Национальные проекты затрагивают критически важные сферы общественной жизни, но их воплощение сталкивается с множеством неотложных вызовов [17]. Для преодоления этих препятствий необходимо внедрение ци-

фровых решений, автоматизация управленческих процессов и углубление законодательного регулирования. Такой подход позволит не только оптимизировать ресурсы, но и создать более прозрачную и эффективную систему взаимодействия между государством и гражданами.

С 2018 по 2024 гг. Россия пережила эпоху преобразований, воплотивших в жизнь амбициозные национальные проекты². Городская инфраструктура преобразилась, с почти 95 тысячами благоустроенных общественных и дворовых пространств, что стало основой для создания более уютной и привлекательной городской среды. Дорожная сеть также значительно улучшилась: более 85 % магистралей в крупных агломерациях теперь соответствуют современным стандартам. Экологические инициативы стали настоящим прорывом: ликвидировано 157 свалок и существенно сократив объем загрязненных сточных вод, удалось восстановить здоровье таких величественных водоемов, как Волга и Байкал. В сфере здравоохранения построено и модернизировано свыше тысячи поликлиник, а также закуплено множество единиц современного оборудования, что кардинально повысило доступность медицинских услуг для населения. Демографические и образовательные проекты привели к созданию значительного числа мест в яслях и детских садах, а также к строительству почти 1400 школ, что открыло двери к качественному образованию для сотен тысяч детей. Модернизация транспортной инфраструктуры обеспечила рост доли авиарейсов между регионами без необходимости пересадок в Москве, что значительно упростило связь между городами. Эти достижения подчеркивают не только значительный прогресс в реализации национальных проектов, но и их глубокое влияние на качество жизни граждан, формируя более комфортное и устойчивое будущее для страны.

Национальные проекты, нацеленные на удовлетворение потребностей страны и регионов, способствуют улучшению качества жизни населения, при этом субъективные факторы играют важную роль в проектировании будущего состояния региона. Основная цель

² Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол заседания. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/4d8e72c2b8bd15bd4425db6458202000/> (дата обращения: 02.03.2025).

их реализации — повышение качества жизни граждан, а научная новизна исследования заключается в определении эффективности взаимосвязи между национальными проектами и устойчивым развитием регионов с использованием традиционных методов экономического анализа [18].

На уровне регионов успешно реализуются проекты в таких сферах, как демография, где акцент сделан на поддержку семей и развитие общественного здоровья, и здравоохранение, где внедряются поликлиники и меры по борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Создание аккредитационно-симуляционных центров для подготовки медиков, а также поддержка медицинских работников способствуют развитию медицинских услуг. В сфере туризма развитие инфраструктуры через льготные кредиты и гранты повышает доступность туристических услуг, включая бесплатные маршруты для школьников. Поддержка самозанятых и начинающих предпринимателей через льготные налоги и кредиты улучшает бизнес-среду и создает цифровые платформы для МСП. Интеграция процессов в высшем образовании и науке, а также строительство научно-исследовательских зданий способствуют технологическому трансферу. Наконец, сравнение плановых и фактических показателей, а также анализ динамики исполнения проектов подчеркивают необходимость совершенствования системы управления региональными инициативами [18].

Таким образом, национальные проекты в России, запущенные в 2019 г., направлены на развитие экономики и улучшение качества жизни. Несмотря на позитивные изменения, реализация сталкивается с проблемами, такими как низкое качество планирования и недостаточная вовлеченность граждан. Для повышения эффективности необходимы новые механизмы управления, активное участие населения и бизнес-сообщества, а также прозрачность на всех уровнях власти. Успешная реализация этих проектов требует глубокого анализа и адаптации к текущим условиям.

Заключение

Проведенный анализ публикаций, посвященных различным аспектам проектного управления в государственной сфере, позволяет сделать ряд обобщений:

1. Проектное управление в государственном управлении — относительно новый и популярный тренд, в его процессы и процедуры уже вовлечена значительная часть государственных служащих в разных странах;

2. Проектное управление уже доказало свою эффективность в повышении качества работы органов власти во многих государствах. Однако его внедрение часто сталкивается с сопротивлением из-за консервативности мышления и недостатка практических рекомендаций;

3. Проектное управление имеет свой язык, позволяющий эффективно коммуницировать представителям разных уровней иерархии государственного управления, а также облегчающий привлечение к решению задач государственного проектного управления сотрудников, пришедших из частного сектора;

4. Одновременно масштабное внедрение проектного управления часто приводит к актуализации проблемы недостаточной компетентности кадров в системе государственного управления;

5. Порой внедрение проектного управления в государственном секторе происходит за счет образования новых структур и подразделений, администрирующих процесс проектного управления, что увеличивает число работников в госструктурах;

6. Удачные примеры проектного управления в государственном секторе часто связаны с инвестициями в инфраструктуру;

7. Применение проектного управления в государственном секторе позволяет использовать накопленный богатый опыт в реализации новых проектов и в стратегическом государственном управлении;

8. Внедрение проектного управления в государственном управлении имеет часто целью не только и не столько его улучшение за счет новых методов и подходов, сколько перезагрузку системы госуправления как таковой, избавления ее от неэффективных и косных структурных элементов, и алгоритмов работы, повышение прозрачности управляемости; если рассматривать этот процесс именно в таком свете, то оценка результатов внедрения в узком смысле, как соотношения результатов и затрат конкретного проекта, может не дать полной и точной информации о его влиянии на всю систему государственного управления.

Список источников

1. Исенова Г. Проблемы внедрения проектного менеджмента в государственном секторе постсоветских стран // Экономика. Управление. Образование. 2017. № 2 (5). С. 66–74.
2. Силуанов А. Г., Пенчук А. В. Обзор международного опыта проектного управления в государственном секторе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XIX Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 15 января 2019 года. Часть 2. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.). 2019. С. 76–78.
3. Атамась Е. В. Проектное управление в органах власти: зарубежный опыт // РППЭ. 2020. № 12 (122). С. 97–103.
4. Плетнев Д. А., Меньшикова Ю. А., Токарева А. А. Мировой опыт проектного управления в государственном секторе через призму академических публикаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 54–67. DOI 10.47475/1994-2796-2024-492-10-54-67.
5. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Иллюзии государственного управления в цифровую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 7–9.
6. Зябликова О. А. Реализация проектного управления в органах государственной власти // Вестник ГУУ. 2022. № 5. С. 13–21.
7. Джолдасбаев О. К., Рахматуллаева Д. Ж. Использование международного опыта проектной системы в государственном управлении // Central Asian Economic Review. 2019. № 3. С. 38–50.
8. Базаев Н. Д. Обзор практики применения проектного управления в странах Европы // Журнал социологических исследований. 2019. № 3. С. 29–36.
9. Юфкин А. Ю. Галкин А. И. Зарубежный опыт проектного управления в органах власти // Журнал социологических исследований. 2019. № 3. С. 29–36.
10. Мирошниченко И. В., Шпиро Л. А. Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и Российская практика // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. № 3. С. 360–368.
11. Лысенко А. А., Шайбакова Л. Ф. Проблемы при реализации национальных проектов Российской Федерации // Скиф. 2021. № 1 (53). С. 234–238.
12. Филимонова Н. М., Лускатова О. В., Филимонова В. Д. Влияние национальных проектов России на рынок труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 151–157. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-151-157.
13. Козачинская Д. Ю. Специфика и основные проблемы реализации национальных проектов РФ // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью : материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 13 апреля 2021 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2021. С. 165–170.
14. Плотников В. А., Саркисов В. А. Национальные проекты и их вклад в обеспечение национальной экономической безопасности // ТТПС. 2024. № 1 (67).
15. Куликова Е. С., Газиева А. Э. Особенности алгоритмов реализации национальных проектов в регионе // Деловой вестник предпринимателя. 2023. № 2 (12). С. 82–85.
16. Глотова И. И., Дороскова А. Р., Руденко Е. В. Влияние национальных проектов на межбюджетные отношения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 8 (74). С. 47–53.
17. Моргун В. Р., Водясов П. В. Проблемы реализации национальных проектов и пути их совершенствования // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 6 (105). С. 14–17.
18. Макагонов С. Н. Национальные проекты и их реализация на региональном уровне // ЕГИ. 2023. № 6 (50). С. 304–306.

References

1. Isenova G. Problems of project management implementation in the public sector of post-Soviet countries. *Ekonomika. Upravlenie. Obrazovanie = Economy. Management. Education*. 2017;2(5):66-74. (In Russ.).
2. Siluanov AG. Review of international experience in project management in the public sector. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii : sbornik statej XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 ch., Penza, 15 yanvarya 2019 goda. Chast' 2.*

Penza: "Nauka i Prosveshchenie" (IP Gulyaev G.Yu.) = Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the XIX International Scientific and Practical Conference: at 2 a.m., Penza, January 15, 2019. Part 2. Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.). 2019;76-78. (In Russ.).

3. Atamas EV. Project management in government bodies: foreign experience. *RPPE = RPE*. 2020;12(122):97-103. (In Russ.).

4. Pletnev DA, Menshikova YuA, Tokareva AA. The global experience of project management in the public sector through the prism of academic publications. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;10(492):54-67. DOI 10.47475/1994-2796-2024-492-10-54-67. (In Russ.).

5. Barkhatov VI, Pletnev DA. Illusions of public administration in the digital age. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;12(458):7-9. (In Russ.).

6. Zyablikova OA. Implementation of project management in public authorities. *Vestnik GUU = Bulletin of GUU*. 2022;(5):13-21. (In Russ.).

7. Dzholdasbayev OK, Rakhmatullayeva DZh. Using the international experience of the project system in public administration. *Central Asian Economic Review*. 2019;(3):38-50. (In Russ.).

8. Bazaev ND. Review of the practice of project management in European countries. *Zhurnal sociologicheskikh issledovaniy = Journal of Sociological Research*. 2019;(3):29-36. (In Russ.).

9. Yufkin AY, Galkin AI. Foreign experience of project management in government. *Zhurnal sociologicheskikh issledovaniy = Journal of Sociological Research*. 2019;(3):29-36. (In Russ.).

10. Miroshnichenko IV, Shpiro LA. Project management in the public sector: foreign experience and Russian practice. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*. 2019;(3):360-368. (In Russ.).

11. Lysenko AA, Shaibakova LF. Problems in the implementation of national projects of the Russian Federation. *Skif = Skif*. 2021;1(53):234-238. (In Russ.).

12. Filimonova NM, Luskatova OV, Filimonova VD. The impact of Russia's national projects on the labor market. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Administration. Scientific notes*. 2022;(1):151-157. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-151-157. (In Russ.).

13. Kozachinskaya DY. Specifics and main problems of the implementation of national projects of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: vyzovy i sovremennye tekhnologii raboty s molodezh'yu : materialy Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (Ekaterinburg, 13 aprelya 2021 g.)*. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta = State youth policy: challenges and modern technologies of working with youth : proceedings of the International Youth Research Conference (Yekaterinburg, April 13, 2021). Yekaterinburg : Ural Publishing House. univ. 2021;165-170. (In Russ.).

14. Plotnikov VA, Sarkisov VA. National projects and their contribution to ensuring national economic security. *TTPS = TTPS*. 2024;1(67). (In Russ.).

15. Kulikova ES, Gazieva AE. Features of algorithms for the implementation of national projects in the region. *Delovoj vestnik predprinimatel'nykh organizatsiy = Business Bulletin of the Entrepreneur*. 2023;2(12):82-85. (In Russ.).

16. Glotova II, Doroskova AR, Rudenko EV. The impact of national projects on inter-budgetary relations. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2023;8(74):47-53. (In Russ.).

17. Morgun VR, Vodiasov PV. Problems of implementation of national projects and ways of their improvement. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya = Universum: economics and jurisprudence*. 2023;6(105):14-17. (In Russ.).

18. Makagonov SN. National projects and their implementation at the regional level. *EGI = EGI*. 2023;6(50):304-306. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Ю. А. Меньшикова — студент.

А. А. Токарева — студент.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics.

Yu. A. Menshikova — student.

A. A. Tokareva — student.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 17.11.2024; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.832.3

doi: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-209-218

ПЕРВИЧНЫЙ РЫНОК ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ РОССИИ: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Валентина Николаевна Бердникова

Краевое БТИ, Краснодар, Россия, wkoshman@rambler.ru, 0000-0002-9842-8368

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции в развитии первичного рынка жилой недвижимости в России в двадцатилетнем разрезе, проводится анализ текущих проблем и угроз, обозначаются его перспективы. Информационной базой исследования послужили данные профессиональных и банковских сообществ, государственных структур и статистических органов. Проведенный в работе анализ показал, что ежегодный объем ввода в эксплуатацию новых площадей за двадцатилетний период в стране вырос почти в четыре раза. Последние пять лет девелоперы агрессивно увеличивали маржинальность своих проектов в сегменте жилищного строительства. Для достижения поставленной цели они трансформировали квартирографию своих проектов под современные запросы рынка, в частности, меняли структуру предложения жилья в сторону роста доли малометражных квартир, что, как следствие, привело к повышению стоимости квадратного метра в их проектах и, в конечном счете, способствовало снижению доступности жилья для массового потребителя. В настоящее время высокий уровень ключевой ставки и сокращение объемов финансирования льготных ипотечных программ значительно сократили объем спроса на рынке, который уже находится в состоянии стагнации. Первичный рынок недвижимости в регионах России имеет признаки монополистической конкуренции, он представлен несколькими строительными компаниями, которые ведут небольшие проекты (чаще всего в рамках федеральных или региональных государственных программ). Анализ статистических данных показал, что на трех крупных девелоперов в стране приходится десятая часть всего предложения на рынке. Кроме этого было установлено, что крупные игроки строительного рынка активно переходят на ведение своего бизнеса в Дальневосточных и Арктических регионах, что обусловлено сохранившейся для данных территорий льготной ипотекой. Автором были сделаны общие выводы о развитии строительной отрасли, они были подкреплены ключевыми статистическими индикаторами, составлены обобщенные таблицы и построены необходимые графики.

Ключевые слова: жилищное строительство, первичный рынок недвижимости, цена жилья, льготное ипотечное кредитование

Для цитирования: Бердникова В. Н. Первичный рынок жилой недвижимости России: развитие и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 209–218. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-209-218.

Original article

PRIMARY MARKET OF RESIDENTIAL REAL ESTATE IN RUSSIA: DEVELOPMENT AND PROSPECTS

Valentina N. Berdnikova

Regional the Bureau of Technical Inventory, Krasnodar, Russia, wkoshman@rambler.ru , 0000-0002-9842-8368

Abstract. The article examines trends in the development of the primary residential real estate market in Russia over a twenty-year period, analyzes current problems and threats, and outlines its prospects. The information base of the study was data from professional and banking communities, government agencies and statistical agencies. The analysis carried out in the work showed that the annual volume of commissioning of new areas in the country has almost quadrupled over a twenty-year period. Over the past five years, developers have been aggressively increasing the marginality of their projects in the housing construction segment. To achieve this goal, they transformed the apartment design of their projects to meet modern market demands. They usually changed the structure of the

housing supply in the direction of an increase in the share of small apartments, which, as a result, led to an increase in the cost per square meter in their projects and, ultimately, contributed to a decrease in housing affordability for the mass consumer. Currently, the high level of the key interest rate and the reduction in financing of preferential mortgage programs have significantly reduced the volume of demand in the market, which is already in a state of stagnation. The primary real estate market in the regions of Russia has signs of monopolistic competition, it is represented by several construction companies that conduct small projects (most often within the framework of federal or regional government programs). An analysis of statistical data showed that three large developers in the country account for a tenth of the total supply on the market. In addition, it was found that major players in the construction market are actively switching to doing business in the Far Eastern and Arctic regions, due to the preferential mortgages that have been preserved for these territories. The author drew general conclusions about the development of the construction industry, they were supported by key statistical indicators, generalized tables were compiled and the necessary graphs were constructed.

Keywords: housing construction, primary real estate market, housing price, preferential mortgage lending

For citation: Berdnikova VN. Primary Market of Residential Real Estate in Russia: Development and Prospects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):209-218. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-209-218.

Введение

Начиная с 2000 г. на российском рынке жилищного строительства цены активно росли, местами и временами они поднялись в два-три раза, в 2008 г. просматривался ценовой пузырь, который «схлопнулся» уже в 2009 г. Последующие десять лет значительное влияние на первичный рынок оказывали макрофакторы, которые задавали темп: денежно-кредитная политика, проводимая Банком России, государственные программы поддержки, внешнеполитические решения, международные санкции и т. д. В период пандемии и санкций на государственном уровне принимались меры, направленные на поддержку рынка, прежде всего к которым можно было отнести льготное ипотечное кредитование и субсидирование процентных ставок для застройщиков [1]. Неоднократно Президент России В. В. Путин заявлял, что «строительная отрасль по праву считается одним из локомотивов национальной экономики», так по информации Министерства экономического развития РФ доля строительного комплекса составляет около 5 % от ВВП, а вместе с ЖКХ — почти 13 %. По данным этого же ведомства в строительстве и смежных с ним отраслях задействовано около 15 млн работников¹.

Значимость строительной отрасли для российской экономики и динамичность развития рынка первичного строительства предопределила повышенный интерес со стороны исследователей, а также способствовали появлению научных статей, сконцентрированных на изучении новых и усугубляющихся системных отраслевых

проблем, оценке специфических особенностей развития рынка и других процессов. Так, последние годы все чаще экономисты концентрировали свое внимание не только на динамике и структуре ввода построенных объектов недвижимости, но и на трансформации первичного рынка на фоне серьезных геополитических изменений социально-экономической ситуации в стране [2, 3]. Новые реалии привели к необходимости разработки усовершенствованных механизмов и инструментов стимулирования и поддержки рынка первичного строительства [4, 5]. В сложившихся условиях также импульс к развитию получили региональные рынки жилья, темпы прироста которых в некоторых регионах превысили столичные [6, 7]. В то же время отметим, что именно доступные ипотечные продукты, активно поощряемые государственной финансовой поддержкой через субсидирование кредитной ставки для отдельных групп населения, стали главным драйвером двукратного ценового роста на рынке первичного строительства [8, 9]. Ко всему обозначенному добавим, что сегодня из-за повсеместного активного вовлечения в производственный процесс отечественных технологий, использования отечественных материалов строительная отрасль стала драйвером для других смежных отраслей экономики, именно поэтому данное исследование является более чем актуальным.

О формировании тенденции на рынке первичного строительства

Начало коронавирусной инфекции стало толчком в принятии на государственном уровне решений по поддержке строительства, которые и по настоящее время действуют, трансформируясь в различные программы и иные формы поддержки [10]. Антикризисные меры Правительства были

¹ Жилищное строительство в России показало рекордный рост. URL: <https://www.gazeta.ru/economics/2024/08/08/19516513.shtml> (дата обращения: 14.08.2024).

нацелены на сокращение инвестиционно-строительного цикла и предполагали упрощение порядка согласования и утверждения изменений в части документации и конкурсных процедур, ускорения процесса предоставления земельных участков и ряда послаблений при оплате штрафов.

Если обратить внимание на динамику первичного рынка строительства, то наблюдаются устойчивая положительная тенденция прироста количества вводимых в эксплуатацию зданий, их объема и площади (табл. 1).

Несмотря на рост общей площади зданий в России за последние десять лет наблюдается уменьшение средней площади квартир (табл. 2).

На первичном рынке наблюдается увеличение доли однокомнатных квартир (до 2024 г. малометражных квартир-студий) в общем объеме вводимых в эксплуатацию квартир за счет потери доли многокомнатных квартир (табл. 3). В годы действия льготного ипотечного кредитования для повышения ликвидности жилья девелоперы в жилых проектах наращивали количество малометражных квартир [11]. Этот процесс параллельно сопровождался бесконтрольным ростом цены предложения жилья со стороны застройщиков, что в целом понижало его доступность. В табл. 3, на рис. 1 видно, что доля однокомнатных квартир в структуре предложения за двадцатилетний период выросла на рекордные 32 пп.

Таблица 1
Table 1

Ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения в Российской Федерации
Commissioning of residential and non-residential buildings in Russian Federation

Год	Количество введенных зданий — всего, тыс.	из них		Общая площадь зданий — всего, млн. м ²	из них	
		жилого назначения	нежилого назначения		жилого назначения	нежилого назначения
2000	119,7	110,8	8,9	44,7	36,4	8,3
2001	125,0	114,4	10,6	47,7	38,2	9,5
2002	130,8	119,7	11,1	49,6	40,5	9,1
2003	132,5	119,8	12,7	53,7	43,4	10,3
2004	132,0	121,3	10,7	60,0	49,3	10,7
2005	141,6	131,0	10,6	66,3	54,8	11,5
2006	159,0	148,7	10,3	75,6	62,3	13,3
2007	209,9	194,6	15,3	98,1	74,5	23,6
2008	224,6	208,9	15,7	102,5	79,2	23,3
2009	233,3	217,2	16,1	95,1	72,5	22,6
2010	216,5	201,7	14,8	91,5	70,3	21,2
2011	227,2	211,2	16,0	99,0	77,2	21,8
2012	241,4	223,0	18,4	110,4	82,0	28,4
2013	258,1	239,1	19,0	117,8	87,1	30,7
2014	304,2	283,0	21,2	138,6	104,4	34,2
2015	306,4	286,1	20,3	139,4	106,2	33,2
2016	278,3	259,5	18,8	135,8	103,4	32,4
2017	272,6	253,8	18,8	137,3	104,6	32,7
2018	261,1	242,4	18,7	132,7	101,8	30,9
2019	305,5	285,8	19,7	146,7	111,7	35,1
2020	326,7	308,0	18,7	143,4	110,0	33,4
2021	403,1	383,4	19,7	148,4	114,4	34,0
2022	434,1	413,0	21,1	160,2	126,7	33,5
2023	465,5	445,8	19,7	175,0	139,3	35,7

Источник: составлено автором на основе данных Росстата*.

* Жилищное строительство. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения: 10.06.2024).

Таблица 2
Table 2Динамика среднего размера построенных квартир в Российской Федерации
Dynamics of the average size of apartments built in Russian Federation

Год	Число квартир, тыс.	Средний размер квартиры, кв. м общей площади
2000	373	81,1
2001	382	83,1
2002	396	85,3
2003	427	85,4
2004	477	86,0
2005	515	84,5
2006	609	83,1
2007	722	84,7
2008	768	83,4
2009	702	85,3
2010	717	81,5
2011	786	79,3
2012	838	78,4
2013	929	75,8
2014	1124	74,9
2015	1195	71,4
2016	1167	68,7
2017	1139	69,6
2018	1076	70,3
2019	1120	73,2
2020	1122	73,3
2021	1205	76,8
2022	1290	79,6
2023	1449	76,2

Источник: составлено автором на основе данных ЕИС ЖС*.

*Единая информационная система жилищного строительства. URL: clck.ru/3CN5RY (дата обращения: 05.02.2024).

Таблица 3
Table 3Распределение квартир по количеству комнат, %
Distribution of apartments by number of rooms, %

Год	1-комнатные квартиры	2-комнатные квартиры	3-комнатные квартиры	4-комнатные квартиры
2000	20	29	34	17
2001	20	30	33	17
2002	21	30	32	17
2003	23	31	31	15
2004	25	31	29	15
2005	28	32	27	13
2006	29	32	25	14
2007	31	32	24	13
2008	33	32	23	12
2009	33	31	23	13
2010	34	32	23	11
2011	36	31	21	12
2012	38	32	20	10
2013	39	31	20	10
2014	41	31	19	9
2015	43	30	18	9
2016	46	29	17	8
2017	46	29	16	9
2018	47	29	16	8
2019	46	28	16	10
2020	43	29	17	11
2021	47	30	17	6
2022	50	31	15	4
2023	52	33	13	2

Источник: составлено автором на основе данных ЕИС ЖС*.

* Единая информационная система жилищного строительства. URL: clck.ru/3CN5RY (дата обращения: 05.02.2024).

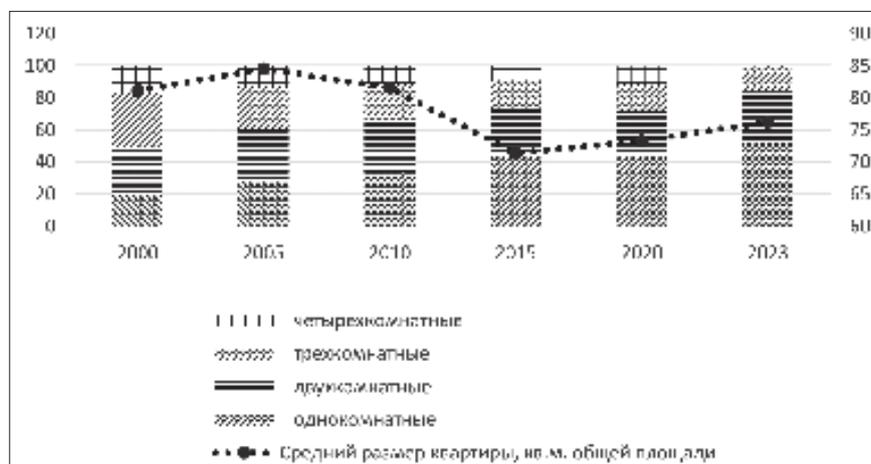

Рис. 1. Квартирография за период 2000–2023 гг.

Fig. 1. The number of rooms in apartments for the period 2000–2023.

Источник: составлено автором на основе данных табл. 3.

Просматриваемая тенденция роста доли мало-метражных квартир в жилых комплексах остро сигнализирует о понижении доступности: сначала покупатели только удлиняли сроки кредитования, после стали повышать первоначальные взносы и лишь потом переключаются на жилье меньшей площади. Такие процессы косвенно информируют о том, что без какого-либо существенно-го роста доходов населения (особенно после отмены льготной ипотеки) в обозримом будущем пик роста стоимости жилья будет уже пройден.

Что же касается жилой площади, приходящейся на одного россиянина, то она постепенно увеличивается, однако количество комнат на одного человека в России в два раза меньше, чем в среднем в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (0,9 против 1,8). Величина данного показателя в России является самой низкой из всех стран ОЭСР [12]. При этом, исходя из текущего положения и серьезного давления на отрасль и российскую экономику со стороны внешнего мира, можно ожидать продолжения тенденции к увеличению доли однокомнатных квартир, что может служить препятствием к улучшению жилищных условий и увеличению объемов ввода жилья.

Прежде всего причиной роста количества однокомнатных квартир является масштабное развёртывание льготных ипотечных продуктов, ко-

торое, начиная с периода пандемии, привело к ценовому подъему на первичном рынке недвижимости более чем в два раза (рис. 2).

Весной 2022 г. вследствие роста ключевой ставки на рынке первичного строительства имело место падение спроса на 60–70 %. Для его оживления девелоперы и коммерческие банки разработали совместные кредитные программы с рекордно низкими ипотечными ставками под 0,01–1 % годовых на срок от 10 до 30 лет за счет завышения цены недвижимости на величину комиссии (до 20–30 %), которая выплачивалась банкам застройщиками для компенсации выпадающих доходов, а все основные риски при этом распределяли между собой заемщики и коммерческие банк. Этот новый продукт пользовался повышенным спросом, т. к. уменьшение ежемесячного платежа (при одновременном росте общей суммы переплаты по кредиту) позволило привлечь в качестве покупателей лиц с относительно невысоким уровнем доходов. Такие программы получили негативный отклик со стороны Банка России, поэтому к концу 2022 г. были закрыты. Сворачивание данной маркетинговой политики на некоторое время лишило первичный рынок драйвера роста.

Для сохранения темпов роста первичного рынка была утверждена «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период

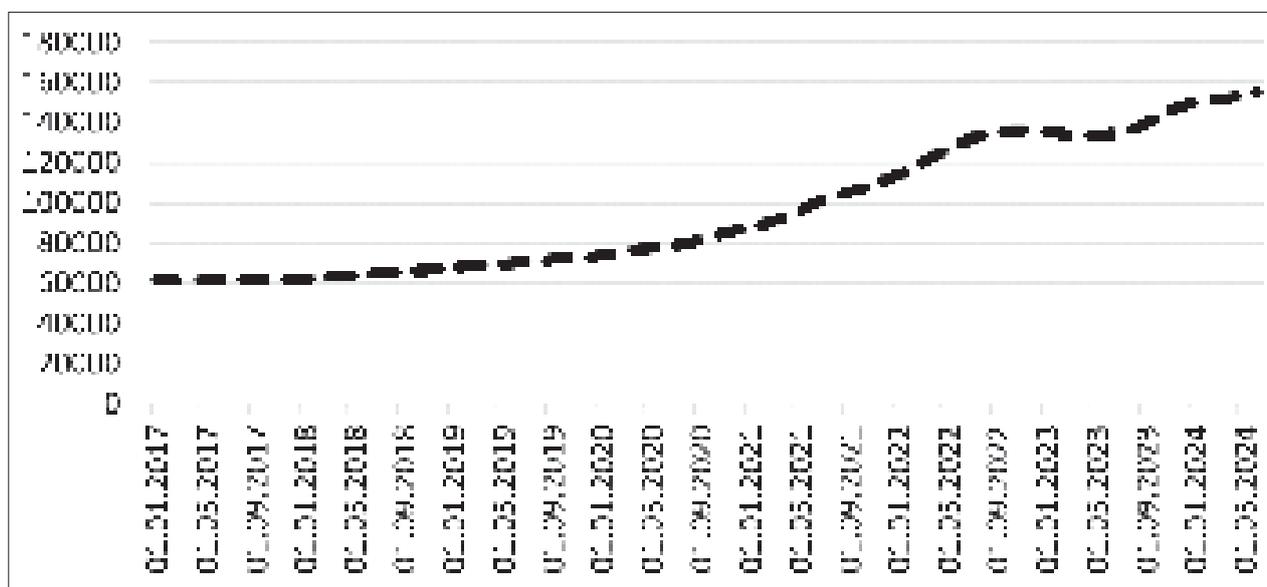

Рис. 2. Динамика средних цен по фактическим сделкам на первичном рынке недвижимости в России, руб./кв. м.

Fig. 2. Dynamics of average prices for actual transactions in the primary real estate market in Russia, RUB/sq.m.

Источник: составлено автором на основе данных статистического сервиса*.

* Динамика цен по фактическим сделкам, первичный рынок. URL: https://sberindex.ru/ru/dashboards/real_estate_deals_primary_market (дата обращения: 25.05.2024).

до 2030 года с прогнозом до 2035 года»². В этом документе обозначены основные приоритеты государственной политики: развитие льготных ипотечных программ, цифровизация, сокращение административных барьеров.

Действительно, обновленная в 2023 г. семейная программа ипотечного кредитования поспособствовала не просто росту объемов заключаемых договоров долевого участия в строительстве, а новому мощному скачку цен, который после поднятия ключевой ставки в августе 2023 г. только усилил этот процесс на первичном рынке [13]. Ожидается, что в совокупности это привело к наращиванию объемов государственного субсидирования, следовательно, льготное кредитование стало слишком дорогим для бюджета страны и потребовалось его сворачивание или хотя бы охлаждение.

Если же говорить о текущих реалиях, то заградительный размер ключевой ставки

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 октября 2022 г. №3268-р «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/AdmXczBBUGfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

(18 % годовых) и сокращение объемов государственных ипотечных программ уже показали в июле провал количества заключенных договоров долевого участия в строительстве. По стране, в зависимости от региона, просадка варьирует от 40–60 %. Тем не менее рынок первичного строительства стабилизировался, цены замерли, однако девелоперы все еще полны оптимизма и уже предлагают новые субсидированные ипотечные программы, траншевую ипотеку и предложения по рассрочке. Тем не менее уже с весомой долей вероятности можно утверждать, что пятилетняя тенденция неуклонного роста стоимости остановлена и на рынке стали просматриваться предпосылки для его разворота.

Крупные игроки на региональных рынках строительства

Что касается концентрации девелоперов на рынке жилищного строительства, то она в стране остается низкой. Как указывает И. В. Князева, на это влияют следующие группы факторов: технологические, глобальные, ценности и цели субъектов рынка [14]. Н. Г. Новикова, Т. И. Кубасова, Н. В. Полякова, А. Б. Астрахан считают, что «фундаментом поддержания здоровой

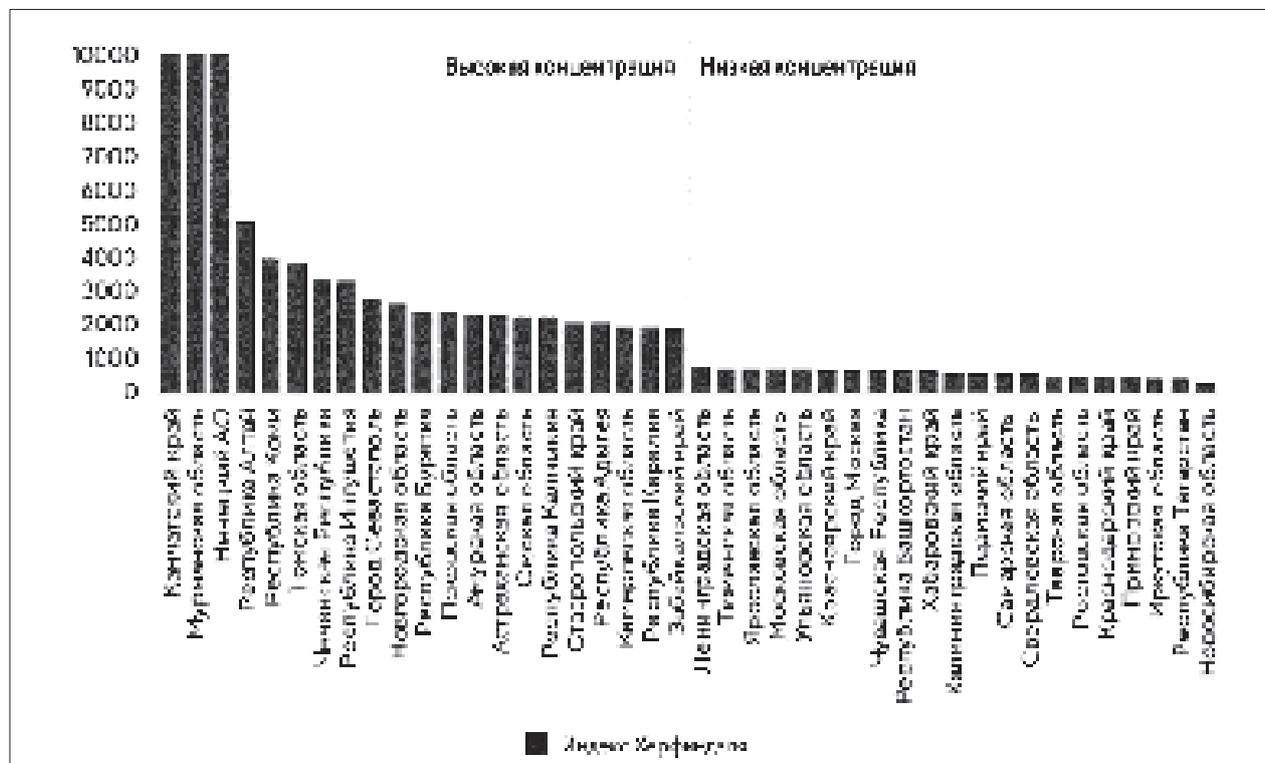

Рис. 3. Концентрация девелоперов на первичном рынке недвижимости

Fig. 3. Concentration of developers in the primary real estate market

Источник: обзор Центра социально-экономических исследований*.

* Рынок строительства и недвижимости, URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/4b5/4b5726e9ed7a3df78621cf6aab8e9630.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).

конкуренции могут выступать малые и средние застройщики, которые в условиях проектного финансирования вынуждены прекращать свою деятельность, а сам сектор строительного комплекса подвержен множеству случайных и неслучайных взаимодействующих факторов, что создает объективную сложность в разработке эффективного организационно-экономического механизма, позволяющего сохранить всех добросовестных участников рынка жилищного строительства и привлечь новых» [15].

Участники на региональных рынках первичного строительства распределены неравномерно (рис. 3). Высокая концентрация застройщиков имеет место в отдаленных и северных регионах страны (возводится лишь 4,3 % от всего объема жилья по стране), при этом на регионы с низкой концентрацией застройщиков приходится около 65 % от всего жилья по стране (Татарстан, Новосибирская область).

В то же время заметим, что в настоящее время девелоперы стали активнее осваивать российские регионы, они проводят региональную экспансию, выходя за пределы столичных регионов (Москвы и Санкт-Петербурга). Эти процессы являются прямым следствием изменений условий льготного ипотечного кредитования (бюджетное финансирование было направлено на Дальневосточную, Арктическую ипотеку, малочисленные города). Сегодня основная тройка лидеров — застройщиков (ПИК, Самолет, ЛСР), на которые приходится 10,3 % от всего рынка, ведут переговоры с небольшими застройщиками, трансформируют свои бизнес-модели, ставят акценты на устойчивом спросе, применении более современных строительных технологий, проработке концепций проектов, а также использовании маркетинговых инструментов, что в целом уже сегодня дает им реальные преимущества перед небольшими региональными компаниями (табл. 4).

Таблица 4
Table 4

Статистика по проектам строительства жилья в России
Statistics on housing construction projects in Russia

Девелопер	Площадь жилья, тыс. м ²	Разрешения на строительство, шт.	Дома, шт.	Квартиры, шт.	Доля рынка по площади, %
Самолет	5 136	169	259	121 132	4.43
ПИК	4 503	178	233	108 517	3.88
ЛСР	2 269	49	96	58 838	1.96
ФСК	1 942	53	74	38 537	1.67
DOGMA	1 871	22	114	41 413	1.61
A101	1 513	42	53	31 663	1.30
ТОЧНО	1 492	35	99	30 604	1.29
Холдинг Setl Group	1 320	40	83	37 363	1.14
Брусника	1 271	54	59	20 164	1.10
ЮгСтройИнвест	1 200	86	89	23 169	1,03
ССК	1 132	34	94	23 930	0.98
MR Group	1 060	16	18	19 147	0.91
Эталон	1 030	52	62	18 404	0.89
ДОНСТРОЙ	914	18	48	13 048	0.79
Страна Девелопмент	886	32	32	18 938	0.76
Талан	798	39	57	14 216	0.69
Гранель	764	23	31	17 677	0.66
Расцветай	764	40	72	16 753	0.66
Level Group	743	16	32	14 638	0.64
ИНГРАД	712	18	31	13 094	0.61

Источник: отчет ДОМ.РФ*.

* Жилищное строительство, отчет ДОМ.РФ, данные на 15 августа 2024 г.. URL: <https://clck.ru/3CeHuM> (дата обращения: 30.08.2024).

Заключение

Строительная отрасль пять лет демонстрировала взрывной устойчивый рост. Основными драйверами (в разные периоды времени) выступали государственные программы поддержки отдельных категорий граждан, субсидирование льготных ставок по ипотеке, целевая поддержка ключевых участников рынка, негативные ожидания и др. В настоящее время на рынок первичного строительства основное влияние оказывают макроэкономические факторы (высокий уровень ключевой ставки, сокращение объемов бюджетного ипотечного кредитования), которые уже притормозили эту динамику, таким образом, неуклонный рост стоимости первичной недвижимости, скорее всего, нащупал «ценовой потолок».

Структура предложения на первичном рынке также будет перестраиваться, так как ранее в реализуемых проектах девелоперы наращивали долю наиболее ликвидного товара — малометражной квартиры, поскольку она характеризовалась как наиболее высокомаржинальной и в то же

время доступной для покупателей с относительно низкой платежеспособностью. За пятилетний период жилой фонд городов пополняется новыми высотными «малосемейками» с большой плотностью жильцов на квадратный метр, и которые в перспективе, став морально устаревшими, скорее всего будут формировать не самый благополучный район. Добавим, что в настоящее время Москва и некоторые российские города уже не согласовывают строительство жилых комплексов, в которых площадь квартир меньше минимально установленных размеров (28 кв. м). ТОП-3 девелоперов по стране по площади возводимого жилья входят ПИК, Самолет, ЛСР, так как их основные объемы застройки приходятся на Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Ленинградскую область. Появившаяся тенденция по их уходу в российские регионы будет только усиливаться, так как в настоящее время платежеспособность покупателей можно поддержать только за счет льготных ипотечных программ, имеющих определенную географическую локацию.

Список литературы

1. Черемисина Т. П. Помогла ли застройщикам реформа финансирования жилищного строительства в условиях пандемии? // ЭКО. 2021. № 4 (562). С. 110–129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-110-129.
2. Sternik S. G., Malginov G. N. Trends in the housing market and housing construction in Russian regions in 2022 // Real Estate: Economics, Management. 2023. № 2. С. 6–15.
3. Гурушкина Е. И. Оценка современного состояния рынка жилищного строительства и основных тенденций развития // Интернаука. 2022. № 2–3(225). С. 9–11.
4. Бердникова В. Н. Методы государственного регулирования рынка недвижимости в России в период кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 27–34. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11204.
5. Шапирова А. Р., Мухаметшина Г. С., Шайхутдинова Н. А. Рынки ипотеки и жилищного строительства в России в новых реалиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6–2. С. 350–355. DOI: 10.17513/vaael.2289.
6. Коростелева Т. С., Целин В. Е. Региональные рынки жилья в Российской Федерации: вопросы моделирования рейтинговых оценок, прогноз, управление // Жилищные стратегии. 2021 № 8 (3). С. 257–282. DOI: 10.18334/zhs.8.3.113156.
7. Оборин М. С. Особенности развития рынка жилищного строительства // Экономика строительства и природопользования. 2021. № 1 (78). С. 12–20. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-12-20.
8. Бердникова В. Н. Влияние демографических процессов на развитие локальных рынков жилой недвижимости // Beneficium. 2023. № 3 (48). С. 13–20. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.3(48).13-20.
9. Зубов С. А. Ипотечное кредитование в 2020 г // Экономическое развитие России. 2021. № 28 (2) С. 51–54.
10. Кошечев В. А., Цветков Ю. А., Громова Д. О. Государственное регулирование строительной сферы в кризисный период: обеспечение экономической эффективности и безопасности // Экономика и управление: тенденции и перспективы: Материалы III Межвузовской ежегодной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. 2022. С. 79–86.
11. Соловьева Е. В., Бердникова В. Н. Ценовой пузырь на рынке жилья: идентификация и масштабы развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. № 12 (1). С. 137–149. DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-1-137-149.

12. Ноздрина Н. Н., Шнейдерман И. М. Качество жизни и жилищные условия населения в крупнейших агломерациях и городах-миллионниках России // *Народонаселение*. 2022. № 25 (1). С. 4–17. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.1.

13. Красноштанова Т. А. Льготная ипотека: друг или враг? // *Жилищные стратегии*. 2024. № 11 (4). С. 519–536. DOI: 10.18334/zhs.11.4.122041.

14. Князева И. В. Основные тренды конкуренции и роль цифровизации в развитии конкуренции на региональных строительных рынках // *Инвестиции, градостроительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения: Материалы XI Международной научно-практической конференции*. Томский государственный архитектурно-строительный университет. 2021. С. 16–20.

15. Новикова Н. Г., Кубасова Т. И., Полякова Н. В., Астрахан А. Б. Перспективы развития конкуренции в сфере жилищного строительства в условиях проектного финансирования // *Baikal Research Journal*. 2022 № 13 (2). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).24.

References

1. Cheremisina TP. Has housing finance reform helped developers in the context of the pandemic? *ECO*. 2021;4(562):110-129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-110-129. (In Russ.).

2. Sternik SG, Malginov GN. Trends in the housing market and housing construction in Russian regions in 2022. *Real Estate: Economics, Management*. 2023;2:6-15.

3. Gurushkina EI. Assessment of the current state of the housing construction market and the main development trends. *Internauka = Internauka*. 2022;2-3(225):9-11. (In Russ.).

4. Berdnikova VN. Methods of state regulation of the real estate market in Russia during the crisis. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;12(458):27-34. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11204. (In Russ.).

5. Shapirova AR, Mukhametshina GS, Shaikhutdinova NA. Mortgage and housing construction markets in Russia in new realities. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;6-2:350-355. DOI: 10.17513/vaael.2289. (In Russ.).

6. Korosteleva TS, Tselin VE. Regional housing markets in the Russian Federation: issues of modeling rating assessments, forecast, management. *Zhilishchnye strategii = Housing Strategies*. 2021;8(3):257-282. DOI: 10.18334/zhs.8.3.113156. (In Russ.).

7. Oborin MS. Features of the housing construction market development. *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya = Economics of construction and environmental management*. 2021;1(78):12-20. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-12-20. (In Russ.).

8. Berdnikova VN. The impact of demographic processes on the development of local residential real estate markets. *Beneficium*. 2023;3(48):13-20. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.3(48).13-20. (In Russ.).

9. Zubov SA. Mortgage lending in 2020. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic development of Russia*. 2021;28(2):51-54. (In Russ.).

10. Kosheev VA, Tsvetkov YuA, Gromova D O. State regulation of the construction sector in the crisis period: ensuring economic efficiency and safety. *Ekonomika i upravlenie: tendencii i perspektivy = Economics and Management: Trends and Prospects*. 2022:79-86. (In Russ.).

11. Solovyova EV, Berdnikova VN. The price bubble in the housing market: identification and scale of development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2022;12(1):137-149. DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-1-137-149. (In Russ.).

12. Nozdrina NN, Schneiderman IM. Quality of life and housing conditions of the population in the largest agglomerations and cities with millions of people in Russia. *Narodonaselenie = Population*. 2022;25(1):4-17. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.1. (In Russ.).

13. Krasnoshtanova TA. Preferential mortgage: friend or foe? *Zhilishchnye strategii = Housing strategies*. 2024;11(4):519-536. DOI: 10.18334/zhs.11.4.122041. (In Russ.).

14. Knyazeva IV. The main trends of competition and the role of digitalization in the development of competition in regional construction markets. *Investicii, gradostroitel'stvo, nedvizhimost' kak drajvery social'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii i povysheniya kachestva zhizni naseleniya* = Investments, urban planning, real estate as drivers of socio-economic development of the territory and improvement of the quality of life of the population. 2021:16-20. (In Russ.).

15. Novikova NG, Kubasova TI, Polyakova NV, Astrakhan AB. Prospects for the development of competition in the field of housing construction in terms of project financing. *Baikal Research Journal*. 2022:13(2). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).24. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Н. Бердникова — кандидат экономических наук, кадастровый оценщик.

Information about the author

V. N. Berdnikova — Candidate of Economic Sciences, cadastral appraiser.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 04.09.2024; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 657

doi: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-219-227

АУТСОРСИНГ И РЕФОРМИРОВАНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ И ИХ РЕШЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ИРАКСКОЙ КОМПАНИИ «SCP»

Наталья Васильевна Ким

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kimnv13@yandex.ru

Аннотация. Успех многих компаний во многих отраслях мировой экономики вызван появлением аутсорсинга. Очевидно, что условия, в которых принимаются управленческие решения по обеспечению конкурентоспособности с переходом на аутсорсинг стали проблемными, что стало очевидным на примере иракской компании по производству железобетонных конструкций. Как правило, оценка эффективности аутсорсинга чаще всего основана на сравнении его затрат с затратами, когда передаваемые бизнес-процессы осуществляются непосредственно самими компаниями. Использование такого метода оценки является сильным упрощением. В статье объясняется необходимость при принятии решений об аутсорсинге учитывать все виды рисков, связанные с ним, а также обосновывается потребность внесения изменений в мировую, в том числе, отечественную систему бухгалтерского учета, продиктованные требованиями времени. В статье рассматривается необходимость учета аутсорсинговых затрат для адекватной оценки их эффективности. Несмотря на положительные и отрицательные стороны бухучета в разных странах, в том числе, и России, реальность показывает, что теоретические конструкции работающих систем бухгалтерского учета являются непригодными на практике. В статье поставлены проблемы и предложены варианты реформирования бухгалтерского учета, в том числе для учета аутсорсинговых затрат, а также учета затрат, связанных с обоснованностью его внедрения.

Ключевые слова: аутсорсинг, бухгалтерский учет, управленческий учет, эффективность, аутсорсинговые риски

Для цитирования: Ким Н. В. Аутсорсинг и реформирование бухгалтерского учета: постановка проблем и их решение на примере иракской компании «SCP» // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 219–227. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-219-227.

Original article

OUTSOURCING AND ACCOUNTING REFORM: PROBLEM STATEMENT AND SOLUTION USING THE EXAMPLE OF THE IRAQI COMPANY SCP

Natalya V. Kim

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kimnv13@yandex.ru

Abstract. The success of many companies in many sectors of the global economy is due to the advent of outsourcing. It is obvious that the conditions in which management decisions are made to ensure competitiveness with the transition to outsourcing have become problematic, which became evident in the example of an Iraqi company manufacturing reinforced concrete structures. As a rule, the assessment of outsourcing efficiency is most often based on comparing its costs with those when the transferred business processes are carried out directly by the companies themselves. Using this assessment method is a gross oversimplification. The article explains the need to take into account all types of risks associated with outsourcing when making decisions, and also justifies the need to make changes to the global, including the domestic accounting system, dictated by the requirements of the time. The article considers the need to take into account outsourcing costs for an adequate assessment of their effectiveness. Despite the positive and negative aspects of accounting in different countries, including Russia, reality shows that the theoretical designs of working accounting systems are unsuitable in practice. The article poses problems and suggests options for reforming accounting, including accounting for outsourcing costs, as well as accounting related to the validity of its implementation.

Keywords: outsourcing, accounting, management accounting, efficiency, outsourcing risks

For citation: Kim NV. Outsourcing and Accounting Reform: Problem Statement and Solution Using the Example of the Iraqi Company SCP. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):219-227. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-219-227.

Введение

Внедрение передовых механизмов управления в экономике в современном мире, в том числе, России, способных обеспечить повышение конкурентоспособности мировых и отечественных компаний — объективная необходимость. Одним из эффективных направлений повышения эффективности управления деятельности организации является аутсорсинг. Перевод отдельных функций внешнему исполнителю зачастую позволяет повысить гибкость оперативной деятельности организации, понизить затраты на производство продукции и услуг, повысить качество выпускаемой продукции, оптимизировать структуру и персонал, высвободить ресурсы, а также увеличить стоимость организации.

В аутсорсинге, как новом экономическом явлении, конкретно выражены тенденции к углублению и широкому распространению кооперации труда, его специализации на активно формирующемся глобальном рынке. Об этом свидетельствует рост как количества, так и стоимости аутсорсинговых контрактов [1, 2]. Вопросам и проблемам аутсорсинга уделяется внимание в различных трудах. Так А. Н. Карамышев, А. Е. Череповицын, С. А. Березиков разработали модели аутсорсинга с учетом бизнес-процессов промышленного предприятия [20]. С. А. Анесянц и Г. Н. Савухина рассматривают особенности отраслевой специфика в аутсорсинге [21]. Исследование А. А. Немешаева и Г. В. Исмагиловой [22], а также З. М. Шадыжева [23] сфокусированы на таком инструменте повышения эффективности компании как ИТ-аутсорсинг. Е. И. Панкова и А. Ю. Кальная раскрывают сущность и проблемы инновационного аутсорсинга [24].

Вместе с тем необходимо отметить, что популяризация и расширение аутсорсинга в мире, в том числе России, связано со множеством проблем, и в первую очередь это связано с повышенными рисками от передачи функций внешним организациям, а также их неизученностью, скепсисом собственников и самого топ-менеджмента.

Задачей и целью исследования является рассмотрение вопросов реформирования и гармонизации бухгалтерского учета на международном и отечественном уровне в свете внедрения аутсорсинга в рыночную экономику, в частности, в отношении непрофильных сфер бизнеса, таких как бухгалтерский учет.

Методология

В исследовании использован анализ аутсорсинга как научно-практического явления с точки зрения эффективности его применения. Метод системного анализа способствовал постановке проблем в бухгалтерском учете, выявлению масштабов неопределенностей по каждому из вариантов принимаемых решений относительно эффективности аутсорсинга.

В настоящем исследовании в полном объеме представлены не только анализ, а также вычленение, экспертная оценка, теория выборочного метода, моделирование, классификация. Сказанное позволило осуществить постановку проблем и предложить пути реформирования бухгалтерского учета для учета аутсорсинговых затрат, механизмов формирования бухгалтерской информации для калькулирования операций аутсорсинга.

Результаты

Термин «аутсорсинг» (outsourcing) с английского языка означает «привлечение внешних ресурсов». Во многих отраслях экономики аутсорсинг стал источником успешного позиционирования компаний за счет изменений, которые произошли в последние десятилетия в технологиях производства и организации бизнеса. Сегодня для реализации позитивных изменений требуется непрерывная оценка используемых технологий и поиск путей улучшения показателей эффективности. Определение эффективности аутсорсинга и его оценка происходит путем сравнения существующих технологий, которые уже используются с возможными, которые могут быть применены в этой компании. Зачастую альтернативные технологии имеют свои преимущества, которые реализуются в зависимости от масштаба и структуры компании, а значит применимы не для всех участников бизнеса. Иногда практика показывает, что каковы бы ни были эти преимущества и недостатки, предлагаемые направления применения аутсорсинга часто оказываются неэффективными на практике.

Безусловно, основной задачей внедрения аутсорсинга является его эффективность. Это достигается, как правило, потому, что специализированная сторонняя организация — аутсорсер — предоставляет более качественное исполнение своих услуг [4]¹. Эффективность становится более

¹ Вишняков О. Аутсорсинг как инструмент реформирования компании // Citcity. URL: <http://citcity.ru/13940/> (дата обращения: 12.12.2024).

значимой, если траты на аутсорсинг ниже расходов на выполнение аналогичных операций в самой компании [8]².

В любом случае, когда принимают решение о переводе отдельных функций на аутсорсинг, необходимо учитывать преимущества и недостатки аутсорсинга.

К числу показателей, свидетельствующих о преимуществах аутсорсинга относятся: увеличение конкурентоспособности за счет концентрации ресурсов на основных бизнес-процессах, увеличение доходов и прибыли за счет различных факторов, в том числе и снижения себестоимости продукции, роста производительности труда, высвобождения средств, получения доступа к инновационным технологиям и т. д.

В то же время негативными сторонами аутсорсинга являются институциональная неопределенность при разрешении юридических конфликтов, несоблюдение конфиденциальности, рост расходов из-за снижения качества продукции, отсутствие научно обоснованной методики применения и расчета эффективности аутсорсинга.

Необходимо отметить, что аутсорсинг вспомогательных функций бизнеса, таких как управление, маркетинг, страхование, услуги связи, информационные технологии, бухгалтерский учет, финансы, транспортные услуги, услуги в сфере кадрового обеспечения и т. д. являются предпочтительными. Вначале аутсорсинг использовался преимущественно в IT, но теперь область его использования значительно расширена.

Так, в частности, аутсорсинг бухгалтерского учета является одной из самых предпочтительных решений во многих компаниях. Малые и средние компании часто прибегают к нему, потому что бухгалтерский учет является трудоемким и трудным [12]. Перевод бухгалтерского учета на аутсорсинговые услуги в мире, в том числе и России, осуществляется с учетом популярности аутсорсинга, его институциональной среды, а также накопленного отечественного и зарубежного опыта.

Прежде, чем принимать решение о применении аутсорсинга, необходимо рассмотреть следующие аспекты, такие как — выделение профильных и непрофильных видов деятельности; учет всех видов риска; определение организационной структуры по видам деятельности; определение, экономических и финансовых факторов, в которых работает компания [13, 11].

Первый аспект связан с определением функций бизнеса, влияющих на производительность, определением, какие функции бизнеса не оказывают влияние или оказывают опосредованное влияние на производительность и могут быть выделены из структуры организации и переданы стороннему поставщику услуг.

При рассмотрении рисков необходимо рассмотреть вопросы конфиденциальности и сохранности информации. Проблемой может быть потеря контроля над ситуацией, прежде всего, из-за отсутствия оперативного контроля вследствие несвоевременного доступа к информации или недолжного ее качества.

В аспекте определения организационной структуры по видам деятельности рассматриваются вопросы перераспределения ресурсов и концентрации на «главном продукте» компании, сокращения штата работников.

В разделе «Выяснение, экономических и финансовых обстоятельств, окружающих компанию» изучается возможность снижения стоимости производимой продукции или оказываемых услуг.

Многие ученые, как на мировом уровне, так и российские исследователи, едины во мнении, что успешное функционирование механизма внедрения аутсорсинга должно контролировать анализ системы на предмет сравнения стоимости на дату исполнения операций, а также достижение стратегических целей в долгосрочной перспективе.

Как уже отмечено, в Российской Федерации к аутсорсингу бухгалтерского учета часто прибегали иностранные компании, а также некоторые совместные предприятия. Это было связано с тем, что иностранные компании не знают детально отечественную нормативно-законодательную базу, и при использовании аутсорсинга у них сохранялись некоторые опасения [5, 6].

Следует заметить, одной из проблем аутсорсинга бухгалтерского учета в некоторых странах является отсутствие или слабое развитие законодательной базы об аутсорсинге, призванной разрешить некоторые юридические вопросы [16]. Также проблемой является, как правило, краткосрочный характер предоставления аутсорсинговых услуг, зачастую предусматривающих один год, а для повышенного качества аутсорсинговых услуг необходима их долгосрочность.

Выгода от аутсорсинга будет лишь в том случае, если осуществляются предварительные финансово-экономические расчеты, подтверждающие обоснованность внедрения аутсорсинга. Хотя риск в случае принятия такого решения существует всегда.

² Герасимова Г. Е. «Аутсорсинг. Что это значит?» // ITeam. URL: http://www.iteam.ru/publications/it/section_91/article_2026/ (дата обращения: 12.12.2024).

Такой риск связан со специфичностью активов, экологической и поведенческой неопределенностью, репутацией поставщика аутсорсинговых услуг и др. [15, 16]

Кроме того, источником риска является неопределенность информации бухгалтерского учета о параметрах финансово-хозяйственной среды, так как безусловно нет абсолютно полной, исчерпывающей информации обо всех параметрах среды деятельности, в которой она ведется [9, 14].

Существующие методы определения эффективности перевода на аутсорсинг, основаны, как правило, на традиционном сравнении: затраты на аутсорсинг сравниваются с собственным производством переданных функций [7].

Следует заметить, что отечественная система бухгалтерского учета затрат не предусматривает выделение управленческого учета, а также отсутствует синтетический и аналитический учет затрат функций и бизнес-процессов, передаваемых на аутсорсинг, а также их анализ и контроль.

Таким образом, вопросы реформирования системы бухгалтерского учета и отчетности с введением в учет объектов аутсорсинговых затрат становятся актуальными на современном этапе. Необходимость разработки системы контроля за аутсорсером требует обособленного внедрения управленческого учета, влияющего как финансовую, так и нефинансовую формы отчетности [3].

К. Друри определяет управленческий учет, как «определение, измерение, обобщение, регистрацию, систематизацию, анализ, консолидирование результатов и передачу информации, необходимой для управления процессами. Главная цель производственного учета — калькулирование себестоимости производимой продукции и оказываемых услуг. Производственный учет — это совокупность управленческого и финансового учетов» [10, 11].

Большая часть ученых определяют управленческий учет как составную часть бухгалтерского учета, который предназначен исключительно для внутреннего использования, для принятия управленческих решений [6, 10].

Ряд иностранных экономических словарей определяют «производственный» или управленческий учет как учет затрат и прибылей для принятия управленческих решений [23].

Таким образом, основное назначение управленческого учета состоит в фиксации и обобщении бухгалтерской информации, необходимых для принятия рациональных управленческих решений внутренними пользователями. Кроме того, управленческий учет должен включать при

этом некоторые аспекты предоставления бухгалтерской и аналитической поддержки операций аутсорсинга. Такая информация, так необходимая для обоснования перевода отдельных операций сторонней организации еще не получила достаточного развития не только в России, но и во многих странах и является проблемой [10].

Исследуя вопросы реформирования системы бухгалтерского учета и контроля в связи с необходимостью учета аутсорсинговых затрат, надо рассмотреть различные группы факторов, влияющие на аутсорсинговые затраты.

Часть исследователей определяют в качестве одного из факторов определяющих бухгалтерский учет, это уровень конкуренции. Развитая и углубленная система учета определяется высокой конкурентностью.

Другая часть ученых в качестве факторов, влияющих на систему учета аутсорсинговых затрат, определяет масштабы предприятия и его подразделений. Естественно, что большие размеры предприятия требуют большего финансового контроля.

Безусловно нельзя не учитывать и такой фактор, как качество аутсорсинговых услуг. Это связано с тем, что бухгалтерский учет аутсорсинговых услуг должен предусмотреть возможность риска снижения качества аутсорсинговых услуг, риска сохранения конфиденциальности информации.

Для моделирования системы бухгалтерского учета затрат услуг аутсорсинга использовалась экспертная оценка показателей на основе социологического обследования на примере выборочных специалистов финансовых служб из нескольких стран и разных компаний, и результаты на примере одной из строительной компании приведены в табл. 1 [17]³.

Из табл. 1 следует, что при десятибалльной оценке превышают средний балл 9 для предприятия «SCP» такие показатели, как система счетов и субсчетов.

Используя данные таблицы и применяя метод Парето, была построена диаграмма Ишикава на примере строительного предприятия «SCP» (рис.1). Диаграмма Ишикава представляет показатели, определяющие бухгалтерский учет затрат на аутсорсинг и свидетельствует о необходимости создания в бухгалтерском учете дополнительных аналитических счетов в системе рабочего плана, счетов по видам деятельности и центрам ответственности.

³ Report of the accounts of the company for a job costing system in the company SCP // International Conference on Creativity. Faculty of Economic Sciences. 2012. P. 51.

Как уже отмечено, выше обоснованность перехода на аутсорсинг, будет определяться эффективностью управления, экономией расходов. Эффективность управления будет определяться сокращением и улучшением кадрового состава, высвобождением финансовых ресурсов для внедрения передовых технологий и инноваций. Сочетание всех факторов, определяющих эффективность, может иметь синергетический эффект. Так анализ фактических данных⁴ показал, что возможно сокращение затрат при сокращении численности персонала до 30 %, при снижении удельной себестоимости до 20 %, а при аутсорсинге — более 30 % (рис. 2).

Применение аутсорсинга способствует появлению различного рода рисков, таких как, например, связанных с зависимостью от аутсорсера, его имиджем, невозможностью его контроля и координации аутсорсера, несвоевременным получением информации, сохранением ее конфиденциальности, завышенными затратами аутсорсинга.

Учет вышеперечисленных рисков с оценкой их в денежном выражении можно обнаружить в исследованиях таких ученых, как И. Д. Котлярова. В них выявлено, что в России часто управленческий персонал подразумевает при передаче бухгалтерского учета на аутсорсинг разного рода риски, в том числе риск разглашения конфиденциальной информации. Кроме того, развитие

⁴ Report of the accounts of the company for a job costing system in the company SCP // International Conference on Creativity. Faculty of Economic Sciences. 2012. P. 51.

малого и среднего бизнеса в России, к которым относятся компании по предоставлению бухгалтерских услуг носит неустойчивый характер из-за трудностей в экономической ситуации. Каждая смена аутсорсера, поставщика бухгалтерских услуг потребует не только перемен в учете, но и возрастание риска сохранения тайны бухгалтерской информации [1].

Таким образом, успешное использование аутсорсинга бухгалтерского учета представляет собой профессиональное решение множества проблем как менеджеров, управленческого персонала, финансовых служб, совместно с аутсорсером на основе анализа, технологий и учета всех видов рисков. Как в денежном выражении оценить потерю конфиденциальности информации? Надо заметить, что есть потери прямые, есть и косвенные. Есть потери репутационные, есть ущерб от потери клиентов и трудности с привлечением новых. В перспективе в российской действительности для оценки репутационных издержек необходимо создание государственных институтов, которые позволят оценить имиджевый вред в финансовых показателях

Финансовые потери от утечек конфиденциальной информации в компании связаны с рисками невыполнения финансовых обязательств перед заемщиками и поставщиками; с рыночными рисками, связанными со снижением стоимости своих активов; с рисками операционными, связанными с выполнением бизнес-функций. В результате всех вышеперечисленных финансовых рисков

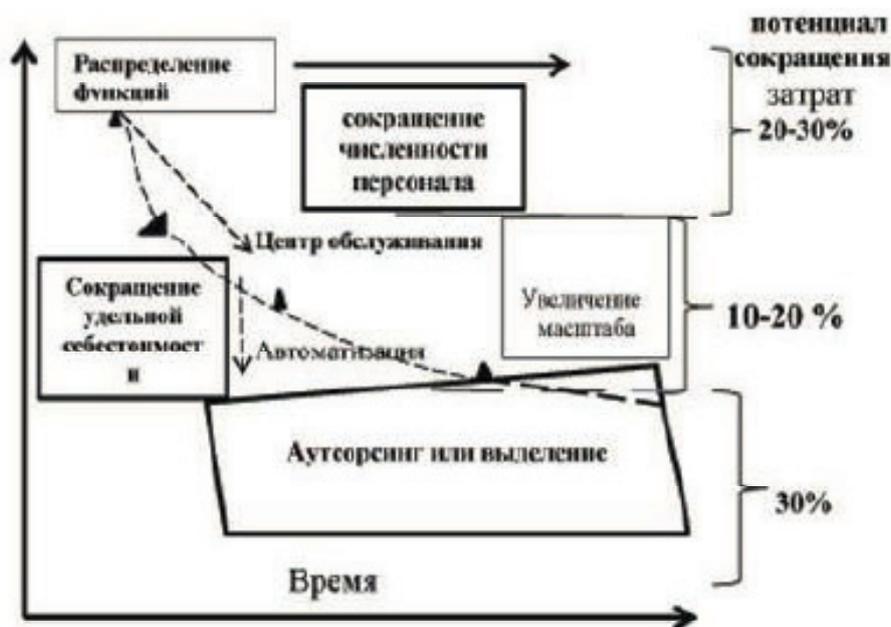

Рис.2. Влияние использование аутсорсинга на изменение показателей компании

Fig. 2. The impact of outsourcing on changes in company performance indicators

Источник: составлено автором.

возможна потеря прибыли, потеря доходов, снижение стоимости активов, в частности акций. Следует заметить, что репутационные потери от утечек информации влекут упущенные выгоды, и они плохо поддаются прогнозированию.

Но все же как провести количественную оценку рисков? По мнению автора необходимо определить ценность информационных активов в денежном выражении (ЦИА), оценить в количественном выражении потенциальный ущерб (ПУ) от потери конфиденциальности, определить вероятность такой потери (ВПК). В качестве потенциального ущерба может быть снижение доходов, прибыли, снижение стоимости активов, упущенная выгода. А величина риска будет определяться как произведение потенциального ущерба и вероятности потери конфиденциальности.

Заключение

Практика принятия решений по переводу на аутсорсинг отдельных функций, в том числе бухгалтерского учета на примере иракского предприятия «SCP» и данные его непубличной управленческой отчетности показали, что успешное использование аутсорсинга является

совместным решением проблем как менеджеров, управленческого персонала, финансовых служб, совместно с аутсорсером на основе анализа, технологий и учета всех видов рисков.

Решение институциональных проблем, связанных с выделением управленческого учета в специальный раздел бухгалтерского учета способствует фиксации и обобщению бухгалтерской информации, необходимых для принятия рациональных управленческих решений об обоснованности перехода на аутсорсинг. Кроме того, управленческое решение должно основываться не только на простом сравнении преимуществ аутсорсинга по сравнению с собственным производством передаваемых функций, но и с учетом связанных с аутсорсингом всех видов рисков. С управленческой точки зрения аутсорсинг помогает улучшить управление ресурсами и процессами. Внешние подрядчики аутсорсинговых услуг с широкой и углубленной специализацией могут привнести в деятельность компании самые передовые методы управления, основанные на международных стандартах и лучших практиках [18, 19]. Это позволяет повысить эффективность бизнес-процессов, сократить время их выполнения и повысить качество.

Список источников

1. Авдоушкин Е. Ф., Широкова А. В. Развитие международных аутсорсинговых отношений // *Финансы и кредит*. 2009. № 21. С. 23–32.
2. Алексеев С. А. Почему аутсорсинг стал популярен в Европе? // *Российское предпринимательство*. 2009. № 9. С. 37–42.
3. Аникин Б., Воронов В. Основные аспекты формирования аутсорсинга // *Маркетинг*. 2005. № 4. С. 107.
4. Аникина Б. А. Аутсорсинг: создание высокоэффективных и конкурентоспособных организаций. М: ИНФРА-М, 2003. 185 с.
5. Боженова Н. Аутсорсинг как фактор повышения конкурентоспособности (на примере США) / *Мировая экономика: проблемы конкурентоспособности*. Москва. 2005. С. 18–25.
6. Бахрушина М. А. Бухгалтерский управленческий учет. М: Омега-Л, 2007. 570 с.
7. Войтоловский Н. В. Рационализация деятельности промышленного предприятия на основе аутсорсинга / СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2004. 159 с.
8. Воронцов Ю. А. Экономическая эффективность бизнес-моделей аутсорсинга, аутстаффинга и виртуального предприятия / *Век качества*. М. Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ). 2010. № 4. С. 51–55.
9. Врублевский Н. Д. Построение системы счетов управленческого учета // *Бухгалтерский учет*. 2000. № 17. С. 63–66.
10. Горелик О. М. Управленческий учет и анализ. М.: КНОРУС. 2007. 256 с.
11. Друри К. Управленческий и производственный учет / Учеб. пос. для студ. вузов. пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2007. 1423 с.
12. Иванов В. В. Аутсорсинг производственных и финансовых бизнес-процессов предприятия с использованием средств электронной коммерции // *Финансы и кредит*. 2002. № 15. С. 49–53.
13. Казанцева Л.С. Управляем аутсорсингом, оценивая его эффективность: управление аутсорсингом — одна из составляющих эффективного управления современным предприятием // *Российское предпринимательство*. 2010. Вып. 2. № 1. С. 54–60.

14. Календжян С. О. Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компаний. М.: Дело. 2003. 272 с.
15. Карашевич В. Е. От подряда к аутсорсингу — первые шаги // *Инновации*. 2008. № 1 (111). С. 125–128.
16. Котляров И. Д. Принятие решения об использовании аутсорсинга на основе оценки его эффекта для предприятия // *Инновации*. 2010. № 9. С. 88–92.
17. Ролик А. А. Управленческий учет затрат по центрам ответственности в производственных организациях. Ижевск: Удмуртский государственный университет. 2013. С. 109.
18. Сысоева А. М. Аутсорсинг: глобальные тенденции и перспективы российских предприятий // *Управленческий учет*. 2023. № 11. С. 211.
19. Kaplan R. S., Norton D. P. Управленческий учет. М.: Издательство-Вильямс. 2005. 874 p.
20. Karamyshev A. N., Cherepovitsyn A. E., Berezikov S. A. Analysis and improvement of the outsourcing tools at the industrial enterprises // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2023. No. 4 (40). P. 66–77.
21. Анесянц С. А., Савухина Г. Н. Проблемы логистического аутсорсинга и учет отраслевой специфики бизнеса при принятии решения об аутсорсинге // *Заметки ученого*. 2020. № 7. С. 137–141.
22. Немешаев А. А., Исмагилова Г. В. Специфика применения аутсорсинга и ИТ-аутсорсинга как инструмента повышения эффективности деятельности // *Весенние дни науки : Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.* Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 177–180.
23. Shadyzhev Z. M. Development of information infrastructure organization management using it outsourcing // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. Vol. 10. № 4–1. P. 354–363. DOI: 10.34670/AR.2020.90.85.043.
24. Панкова Е. И., Кальная А. Ю. Аутсорсинг бизнес-процессов в деятельности компаний: особенности инновационного аутсорсинга // *Университетская наука — региону : Сборник материалов XI (68) ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 01 апреля 2024 г.* Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. С. 48–51.

References

1. Avdokushkin EF, SHirokova AB. Development of international outsourcing relations. *Finansy i kredit= Finance and credit*. 2009;(21):23-32. (In Russ.).
2. Alekseev SA. Why has outsourcing become popular in Europe? Activities. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo= Russian entrepreneurship*. 2009;(9):37-42. (In Russ.).
3. Anikin B, Voronov V. Main aspects of outsourcing formation. *Marketing*. 2005;(4):107.(In Russ.).
4. Anikina BA. Outsorsing: sozдание vysokoeffektivnyh i konkurentosposobnyh organizacij= Outsourcing: creation of highly efficient and competitive organizations. Moscow: INFRA-M; 2003. 185 p.(In Russ.).
5. Bozhenova N. Outsorsing kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti (na primere SSHA). *Mirovaya ekonomika: problemy konkurentosposobnosti= World economy: problems of competitiveness*. 2005:18-25.
6. Bahrushina MA. Buhgalterskij upravlencheskij uchet = Management accounting. Moscow: Omega-L; 2007. 570 p. (In Russ.).
7. Vojtolovskij NV. Racionalizaciya deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya na osnove outsorsinga= Rationalization of industrial enterprise activities based on outsourcing. Saint-Petersburg: S-Peterb. gos. un-t ekonomiki i finansov; 2004. 159 p.
8. Voroncov YuA. Economic efficiency of outsourcing, outstaffing and virtual enterprise business models. *Vek kachestva. M. Moskovskij tekhnicheskij universitet svyazi i informatiki (MTUSI)= The age of quality. Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI)*. 2010;(4):51-55.(In Russ.).
9. Vrubevskij ND. Construction of a management accounting system. *Buhgalterskij uchet= Accounting*. 2000;(17):63-66.(In Russ.).
10. Gorelik OM. Upravlencheskij uchet i analiz= Management accounting and analysis. Moscow: KNORUS; 2007. 256 p.(In Russ.).
11. Druri K. Upravlencheskij i proizvodstvennyj uchet= Management and production accounting. Moscow: YUNITI-DANA; 2007. 1423 p.(In Russ.).
12. Ivanov VV. Outsourcing of production and financial business processes of an enterprise using electronic commerce. *Finansy i kredit= Finance and Credit*. 2002;(15):49-53.(In Russ.).

13. Kazanceva LC. Managing outsourcing, assessing its effectiveness: outsourcing management is one of the components of effective management of a modern enterprise. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*. 2010;2(1):54-60. (In Russ.).

14. Kalendzhyan SO. Outsourcing i delegirovanie polnomochij v deyatelnosti kompanij = Outsourcing and delegation of authority in the activities of companies. Moscow: Delo; 2003. 272 p. (In Russ.).

15. Karashevich VE. From contracting to outsourcing - the first steps. *Innovacii = Innovations*. 2008;1(111):125-128. (In Russ.).

16. Kotlyarov ID. Making a decision on the use of outsourcing based on an assessment of its effect for the enterprise. *Innovacii = Innovations*. 2010;(9):88-92. (In Russ.).

17. Rolik AA. Upravlencheskij uchet zatrat po centram otvetstvennosti v proizvodstvennyh organizacijah = Management accounting of costs by responsibility centers in manufacturing organizations. Izhevsk: Udmurt State University; 2013. 109 p. (In Russ.).

18. Sysoeva AM. Outsourcing: Global Trends and Prospects for Russian Enterprises. *Upravlencheskij uchet = Management Accounting*. 2023;(11):616-624 (In Russ.).

19. Kaplan RS., Norton DP. Upravlencheskij uchet = Management Accounting. Moscow: Williams Publishing House; 2005. 874 p.

20. Karamyshev AN, Cherepovitsyn AE, Berezhikov SA. Analysis and improvement of the outsourcing tools at the industrial enterprises. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual problems of economics and management*. 2023;4(40):66-77.

21. Anesyants SA, Savukhina GN. Problems of logistics outsourcing and taking into account the industry specifics of a business when making a decision on outsourcing. *Zametki uchenogo = Notes of a scientist*. 2020;(7):137-141. (In Russ.).

22. Nemeshaev AA, Ismagilova GV. Specifics of using outsourcing and IT outsourcing as a tool for improving business efficiency. *Vesenniye dni nauki : Sbornik dokladov mezhdunarodnoy konferentsii studentov i molodykh uchennykh, Yekaterinburg, 20-22 aprelya 2023 goda = Spring Days of Science: Collection of reports from the international conference of students and young scientists, Yekaterinburg, April 20-22, 2023*. Yekaterinburg: Azhur Publishing House LLC; 2023:177-180. (In Russ.).

23. Shadyzhev ZM. Development of information infrastructure organization management using it outsourcing. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2020;10(4-1):354-363. DOI: 10.34670/AR.2020.90.85.043.

24. Pankova EI, Kalnaya AYu. Outsourcing of business processes in the activities of companies: features of innovative outsourcing. *Universitetskaya nauka — regionu : Sbornik materialov XI (68) yezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, studentov i molodykh uchennykh Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta, Stavropol', 01 aprelya 2024 goda = University science - to the region: Collection of materials of the XI (68) annual scientific and practical conference of teachers, students and young scientists of the North Caucasus Federal University, Stavropol, April 01, 2024*. Stavropol: North Caucasus Federal University; 2024:48-51. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Ким — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

N. V. Kim — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 004.738.5

doi: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-228-241

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮГРЕ

Наталья Николаевна Мильчакова^{1✉}, Леонид Леонидович Решетников²

^{1✉}Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.n.milchakova@utmn.ru, 0000-0001-5611-7505

²Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, l.l.reshetnikov@utmn.ru, 0000-0002-6430-4527

Аннотация. Устойчивые темпы социально-экономического развития хозяйствующих субъектов на мезоуровне являются определяющими для решения стратегических задач региональной системы. Одним из важнейших критериев ее конкурентоспособности является уровень цифрового развития. В статье проводится анализ показателей информационно-коммуникационных технологий, влияющих на формирование и развитие цифровой экономики Ханты-Мансийского автономного округа — Югра. В ней анализируются текущие достижения и перспективы региона в контексте цифровой трансформации, а также проводится сравнение с общероссийскими показателями. Особое внимание уделяется возможностям быстрой адаптации региона под вызовы цифрового общества. Статья включает анализ реализации государственной программы «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

Ключевые слова: цифровые технологии, трансформация, показатели, государственная программа, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра

Для цитирования: Мильчакова Н. Н., Решетников Л. Л. Особенности развития информационных технологий в Югре // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 228–241. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-228-241.

Original article

FEATURES OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT IN YUGRA

Natalia N. Milchakova^{1✉}, Leonid L. Reshetnikov²

^{1✉} Tyumen State University, Tyumen, Russia, n.n.milchakova@utmn.ru, 0000-0001-5611-7505

² Tyumen State University, Tyumen, Russia, l.l.reshetnikov@utmn.ru, 0000-0002-6430-4527

Abstract. Sustainable rates of socio-economic development of economic entities at the meso-level are crucial for solving the strategic tasks of the regional system. One of the most important criteria of its competitiveness is the level of digital development. The article analyzes the indicators of information and communication technologies that influence the formation and development of the digital economy of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. It analyzes the current achievements and prospects of the region in the context of digital transformation, as well as compares them with national indicators. Special attention is paid to the possibilities of rapid adaptation of the region to the challenges of the digital society. The article includes an analysis of the implementation of the state program “Digital Development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra”.

Keywords: digital technologies, transformation, indicators, the State program, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra

For citation: Milchakova NN, Reshetnikov LL. Features of Information Technology Development in Yugra. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):228-241. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-228-241.

Введение

Социально-экономическое развитие макросистемы на этапе глобальной трансформации требует переосмысления роли региональных эко-

номических систем и их соответствия прогрессивным трендам научно-технического развития. Ведущим фактором эффективной социально-экономической деятельности хозяйствующих

субъектов на микро-, мезо- и макроуровне является цифровизация. Происходящие качественные изменения в общественно-политической и социально-экономической системах, а также проникновение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности является определяющей тенденцией устойчивого развития региональных экономических систем.

Российский ИТ-рынок находится в стадии активного роста. Это подтверждают данные по показателям отчетности за 2024 г. Темп роста объемов реализации составил 31,2 %, что в 1,9 раза превышает средний по экономике, а доля сектора в реализации товаров, работ, услуг достигла 4,6 %¹.

Как известно рынок информационно-коммуникационных технологий объединяет в себе различные сегменты услуг связи и информационных технологий.

Прогнозные значения функционирования российского ИТ-рынка демонстрируют высокий уровень взаимодействия региональных структур управления и государственной поддержки ИТ-сектора. Развитие российского рынка ИКТ, согласно выводам экспертов, будет осуществляться по одному из трех сценариев (целевой, инерционный и кризисный), два из которых наиболее благоприятны².

Стратегии регионального формирования и развития цифрового пространства, требуют нетрадиционных подходов их реализации. Вызовы охватывают практически все структурные элементы экономической системы: технико-технологические, экономические и социальные. Позиционно можно выделить — преобразование бизнес-процессов, маневренность, клиентоориентированная стратегия, усиление конкурентной борьбы и т. д.

Последние десятилетия характеризуются ростом исследований в области проблемного поля деятельности региональных хозяйствующих структур в условиях цифровой трансформации.

Тематика современных исследований по формированию цифровой экономики определила несколько направлений научных публикаций.

¹ Российский рынок ИКТ в 2024 году показал отличные результаты. URL: <https://www.iksmedia.ru/news/6038371-Rossijskij-rynok-IKT-v-2024-godu.html> (дата обращения 16.01.2025)

² Эксперты описали сценарии развития информтехнологий в России до 2030 года // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/07/2023/64b7a9029a794727c538826a (Дата обращения 16.01.2025).

С достаточной степенью условности их можно объединить в четыре группы:

1. Обоснование содержания понятия и процесса цифровой трансформации (А. Hanelt, R. Bohnsack, D. Marz, C. Antunes Marante [17]. Sacoto-Cabrera E. J., Perez-Torres A. [18]. М. А. Аверьянов [1], Н. А. Кулагина [2], А. А. Сазонов [3]).

2. Выявление механизмов и степени влияния цифровых технологий на бизнес-процессы и общество (И. А. Земскова [4], А. Г. Каримов [5], Е. В. Павлова [6], Л. Л. Павлова [7], Г. П. Литвинцева [8], Т. А. Селищева [9], Д. В. Удалов [10]).

3. Оценка уровня цифровизации и измерение цифрового неравенства регионов (А. Х. Казанбиева [11], В. В. Степанова [12], Г. А. Унтура [13]).

4. Цифровые технологии как фактор роста, как стратегический фактор регионального развития (Г. А. Унтура [13], С. А. Грачев [14], Г. П. Литвинцева, И. Н. Карелин [8], Т. В. Миролюбова, М. В. Радионова [15], М. А. Николаев, М. Ю. Махотаева, В. Н. Гусарова [16]).

Следует заметить, что исследования и решения по каждому проблемному вопросу меняются со временем, сопровождаются концентрацией хозяйства в районах с наиболее благоприятными для развития условиями. Концентрация отдельных видов экономической деятельности обуславливает формирование территорий, играющих особую роль в экономическом развитии страны.

Значительные масштабы территории России создают усиление контрастности и поляризованности российского пространства. Дифференциация экономического пространства оказала влияние на изменения в организации приоритетных видов деятельности, в том числе цифровизации.

Учитывая наличие цифрового межрегионального неравенства, можно констатировать неравномерную дифференциацию регионов в устойчивом развитии Российской Федерации.

Наиболее значимым по результатам развития процесса цифровизации выступает Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра).

Методы

Цель исследования заключается в осмыслении парадигмы цифрового развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югра, обеспечивающей достижение целевых показателей ускоренного экономического развития.

Методология исследования релевантна целеполаганию.

Основой исследования являются методы рейтингового и статистического анализа данных, синтеза, индукции, и дедукции.

Результаты

Последние десятилетия характеризуются ростом исследований в области проблемного поля деятельности региональных хозяйствующих структур. Следует заметить, что исследования и решения по каждому проблемному вопросу меняются со временем, сопровождаются концентрацией хозяйства в районах с наиболее благоприятными для развития условиями. Концентрация отдельных видов экономической деятельности обуславливает формирование территорий, играющих особую роль в экономическом развитии страны.

Значительные масштабы территории России создают усиление контрастности и поляризованности российского пространства. Дифференциация экономического пространства оказала влияние на изменения в организации приоритетных видов деятельности, в том числе цифровизации. Учитывая наличие цифрового межрегионального неравенства, можно констатировать неравномерную дифференциацию регионов в устойчивом развитии Российской Федерации. Наиболее значимым по результатам развития процесса цифровизации выступает Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра).

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — один из наиболее развитых регионов Российской Федерации. Как известно, в территориальном разделении труда внутри страны округ выделяется нефтегазодобывающим, газоперерабатывающим, лесозаготовительным, деревообрабатывающим и рыбным производством, а также электроэнергетикой. Основными направлениями его развития являются расширение сфер хозяйственного освоения на территории округа и доступ к новым источникам природных ресурсов; рост экономической интеграции между другими субъектами РФ; разработка региональных программ, обеспечивающих динамичное и эффективное функционирование экономики Югры.

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра является одним из устойчивых лидеров среди субъектов Российской Федерации по ключевым параметрам социально-экономического развития.

За последние пять лет Ханты-Мансийский автономный округ — Югра удерживает свои позиции в топе лидеров социально-экономического положения субъектов России и занимает третью строчку³.

³ Топ-20 регионов по качеству жизни. Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://smarteka.com/files/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

Лидирующие позиции округ занимает и по ряду других показателей. Приведем некоторые рейтинговые оценки.

1. Экономический потенциал — первая десятка субъектов Российской Федерации.
2. Демографические показатели: коэффициент рождаемости — 9 место⁴.
3. Качество жизни — 8 место (в 2022 г. — 9 место).
4. Уровень благосостояния семей — 3 место⁵.
5. Структуры власти ХМАО среди регионов УрФО, использующие интернет — 2–3 место⁶.
6. Выполнение показателей эффективности и результативности руководителей цифровой трансформации — 2 место⁷.
7. Научно-технологическое развитие (НТР) — 66 место⁸.

ХМАО-Югра стал так же одним из лидеров среди субъектов РФ и по «цифровой зрелости». План по достижению уровня «цифровой зрелости» в автономном округе в 2024 г. составил 90,6 %⁹.

Вышеприведенные рейтинги свидетельствуют о системной работе правительства ХМАО-Югры.

Представим результаты мониторинга развития цифровой экономики в Югре в сравнении с общероссийскими показателями (табл. 1, рис. 1–2).

Визуализация представленных данных, демонстрирует, что лучшие показатели по всем параметрам были достигнуты в 2022 г. Незначительное падение отдельных показателей связано с последствиями ограничений хозяйственной деятельности (пандемия) и СВО.

⁴ В Югре сокращается рождаемость: причины и тенденции // РИА рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220404/630220607.html> (дата обращения: 16.01.2025).

⁵ Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей – 2022 // РИА рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240603/630263860.html> (дата обращения: 16.01.2025).

⁶ ХМАО стал одним из лидеров среди субъектов РФ по «цифровой зрелости» // URA. URL: <https://ura.news/news/1052694024> (дата обращения: 16.01.2025).

⁷ Югра в лидерах по цифровой трансформации сайт // Медиахолдинг Югра. URL: https://ugra-tv.ru/news/society/yugra_v_liderakh_po_tsifrovoy_transformatsii/ (дата обращения: 16.01.2025).

⁸ Вышел рейтинг научно-технологического развития регионов // Российский союз ректоров. URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/12/26/vyshel-rejting-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-regionov/> (дата обращения: 16.01.2025).

⁹ Югра — в пятерке лидеров среди субъектов Российской Федерации по «цифровой зрелости» // ВК. URL: https://vk.com/wall-135338875_2721 (дата обращения: 16.01.2025).

Использование цифровых технологий в организациях ХМАО-Югры (%)
Use of digital technologies in organizations of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (%)

	Российская Федерация				Ханты-Мансийский автономный округ — Югра			
	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023
Организации использовавшие:								
серверы	46,4	42,2	41,2	39,3	52,6	46,8	46,5	44
«облачные» сервисы	25,7	27,1	28,9	26,7	24,7	25,5	27,6	24,7
интернет вещей	13	13,7	10	11,2	15,7	16,3	11,9	12,5
технологии искусственного интеллекта	5,4	5,7	6,6	4,9	5,3	5,9	4,3	4,3
цифровые платформы	17,2	14,7	14,9	17,1	18,7	16	16,2	13,7

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Статистический ежегодник: Стат. сб. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в 2-х частях. Ч II. (2017–2023) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т., 2024.

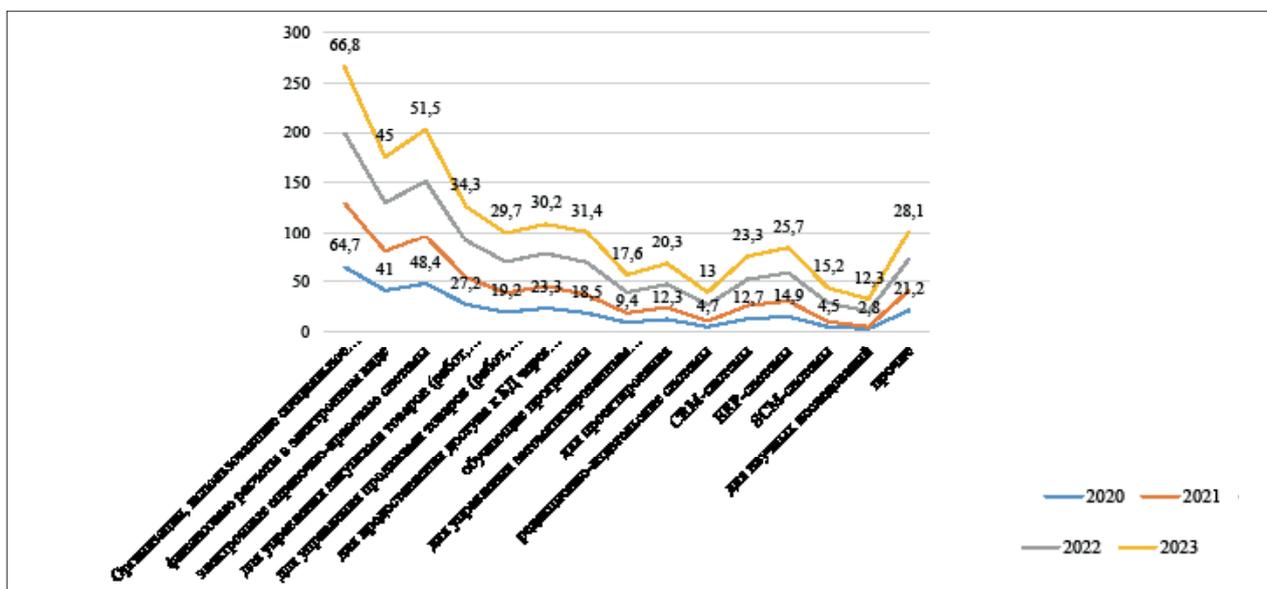

Рис. 1. Применение специальных программных средств в организациях ХМАО-Югры

Fig.1. Application of special software in organizations of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Статистический ежегодник: Стат. сб. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в 2-х частях. Ч II. (2017–2023) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т., 2024.

По совокупности представленных данных можно заключить, что округ значительно продвинулся как количественно, так и качественно в трансформации цифровой экономики.

Для понимания результативности деятельности хозяйствующих субъектов округа приведем некоторые данные. Текущие достижения и перспективы региона представим в контексте цифровой трансформации в сравнении с общероссийскими показателями (рис. 3–7).

Доля организаций, использующих сеть Интернет в Югре в целом, соответствует среднему уровню по РФ. Безусловно, цифровой след создает большие возможности для открытости бизнеса. Веб-сайты аккумулируют актуальную информацию для целе-

вой аудитории. Это может включать предоставление сведений о продукции, услугах, акциях, новостях компании и других важных событиях.

Наличие профессионального веб-сайта помогает создать положительный имидж компании и укрепить доверие к бренду. Это особенно важно для организаций, стремящихся завоевать лояльность клиентов и улучшить свою репутацию на рынке.

В сфере оптимизации бизнес-процессов веб-сайты эффективны для автоматизации и оптимизации различных бизнес-процессов, таких как обработка заказов, взаимодействие с клиентами и управление информацией. Это позволяет снизить операционные затраты.

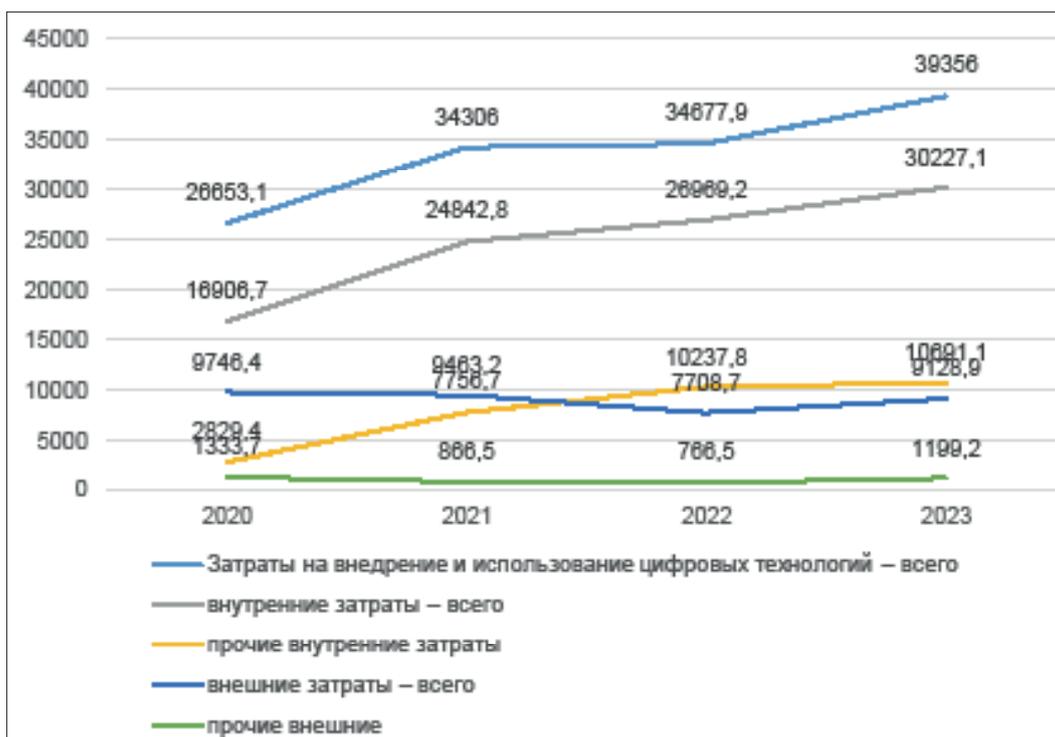

Рис. 2. Затраты на внедрение и использование цифровых технологий в организациях ХМАО-Югра (млн руб.)

Fig. 2. Costs of implementation and use of digital technologies in organizations of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (million rubles)

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Статистический ежегодник: Стат. сб. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в 2-х частях. Ч. II. (2017–2023) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т., 2024.

Рис. 3. Доля организаций, использующих мобильный и фиксированный интернет (%)

Fig.3. Share of organizations using mobile and fixed Internet (%)

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Социально-экономические показатели 2024 // Регионы России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.rar (дата обращения: 16.01.2025).

Графическая интерпретация показателей (рис. 4–6), свидетельствует о их достаточном уровне. Все показатели достигли уровня 96–99 %, что выше среднего по России.

Проведенный сравнительный анализ российского и регионального сектора цифровой экономики, позволил выделить основные преимущества Югры:

- высокая восприимчивость к цифровым технологиям;
- широкий охват цифровых технологий населением;

- высокий уровень использования государственных услуг, предоставляемых населению в электронном виде;

- наличие территориально особой экономической зоны, обладающей выгодным экономико-географическим, энергетическим и транспортным потенциалом.

Безусловно, цифровые технологии способствуют повышению производительности и расширению бизнеса за счет оптимизации процессов производства, электронной коммерции, развитию цифровой инфраструктуры и благоприятной среды.

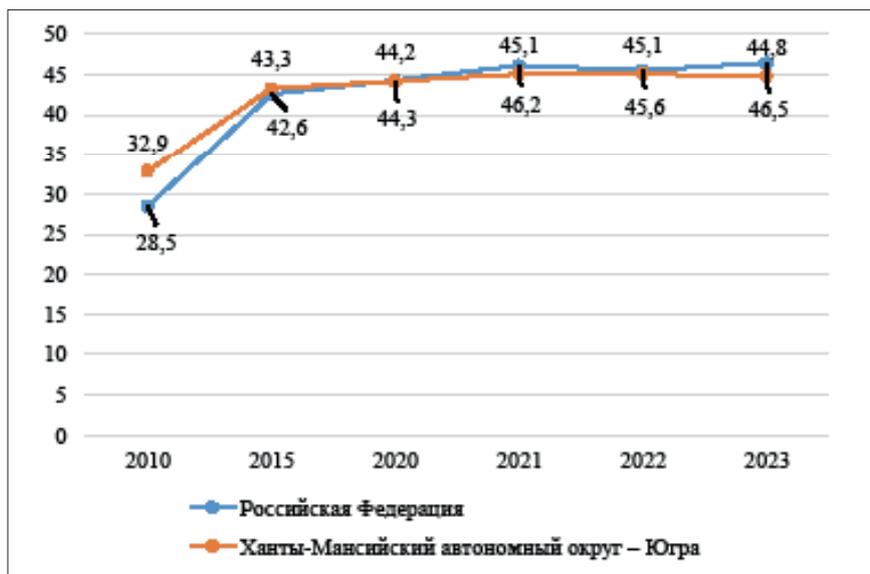

Рис. 4. Доля организаций, имевшие веб-сайт (%)
 Fig. 4. Percentage of organizations that had a website (%)

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Социально-экономические показатели 2024 // Регионы России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.rar (дата обращения: 16.01.2025).

Рис. 5. Доля населения, использующая сеть интернет (%)
 Fig. 5. Percentage of population using the Internet (%)

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Статистический ежегодник: Стат. сб. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в 2-х частях. Ч II. (2017–2023)/ Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т. 2024.

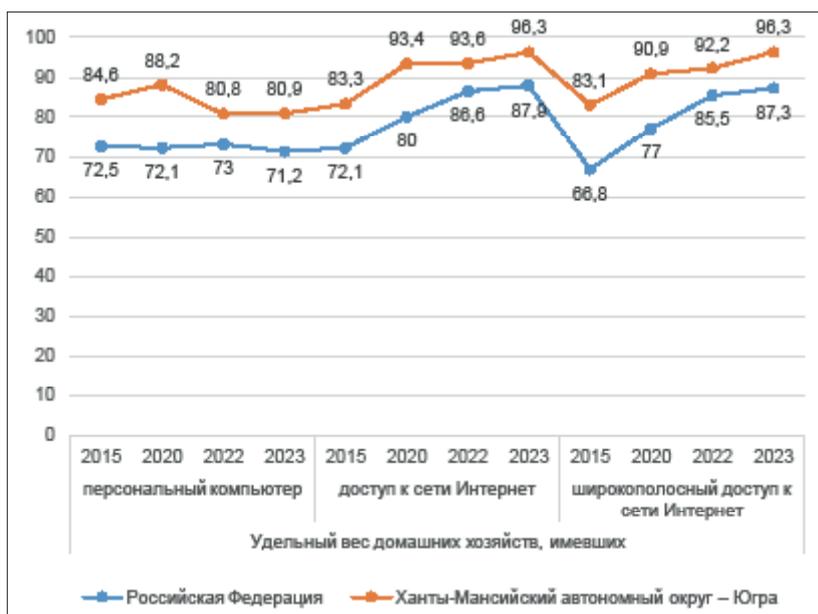

Рис. 6. Доля домашних хозяйств, использующих персональные компьютеры и сети интернет (%)

Fig. 6. Share of households using personal computers and the Internet (%)

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Социально-экономические показатели 2024 // Регионы России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.rar (дата обращения: 16.01.2025).

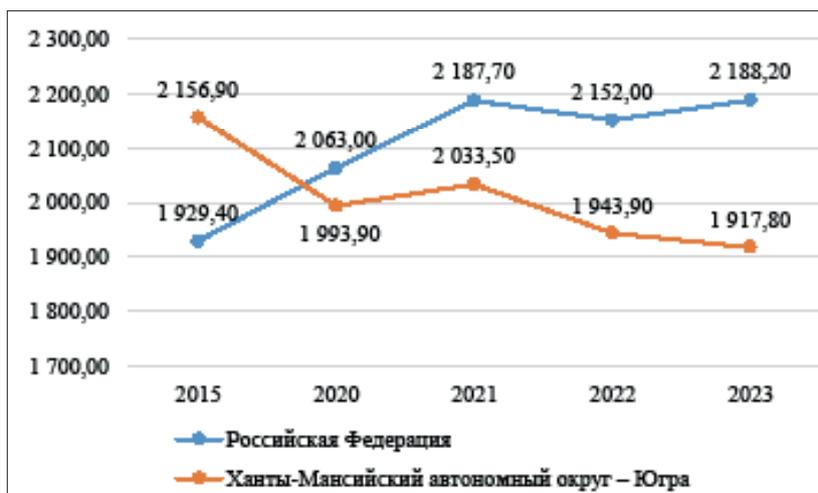

Рис. 7. Число подключенных абонентских устройств мобильной связи (на 1 000 чел. населения)

Fig. 7. Number of connected mobile subscriber devices (per 1,000 population)

Источник: составлено авторами на основе данных статистики*.

* Социально-экономические показатели 2024 // Регионы России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.rar (дата обращения: 16.01.2025).

Тем не менее, существующая неоднозначность влияния процессов цифровизации на региональное развитие сегодня отмечается многими экономистами, экспертами. Они полагают, что наряду с позитивными факторами, процесс цифровизации сопряжен с рядом угроз и вызовов. Например, он обуславливает обезличенность территорий и снижение ценности и индивиду-

альности хозяйствующих субъектов, отсутствие дифференциации применяемых инструментов и методов, отсутствие соответствующей системы оценки для анализа социально-экономической эффективности реализуемых государственных программ и проектов. Остается так же дискуссионным вопрос измерения эффекта и затрат. В связи с этим, представляется правомерным

разработка в округе программ регионального развития на основании обоснованных моделей, критериев и механизмов.

Уже более пяти лет во всех российских регионах реализуются проекты и программы по достижению показателей стратегических задач развития Российской Федерации.

В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре уже несколько лет успешно реализуются несколько проектов с большим цифровым следом. Например, ГИС «Образование Югры», информационная система органов соцзащиты — Портал социальных услуг Югры, интеллектуальная система «Рободоктор», и т. д.¹⁰ Реализа-

¹⁰ Цифровые проекты ХМАО: платформы, сервисы, подходы. Сайт. URL: <https://www.it-world.ru/security/s079gssfhqo80s4wkwogogg4wk4c84.html> (дата обращения: 16.01.2025).

ция проектов осуществляется в соответствии с национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», государственной программой «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» и рядом региональных проектов¹¹.

Государственная программа «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» утверждена постановлением от 31 октября 2021 г. № 484-п (ред. от 08.12.2023 № 610-п). Сроки реализации 2022–2027 гг. и на период до 2030 г. (рис. 8).

¹¹ Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры постановление от 31 октября 2021 г. № 484-п. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». (с изменениями на 8 декабря 2023 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/577930696> (дата обращения: 16.01.2025).

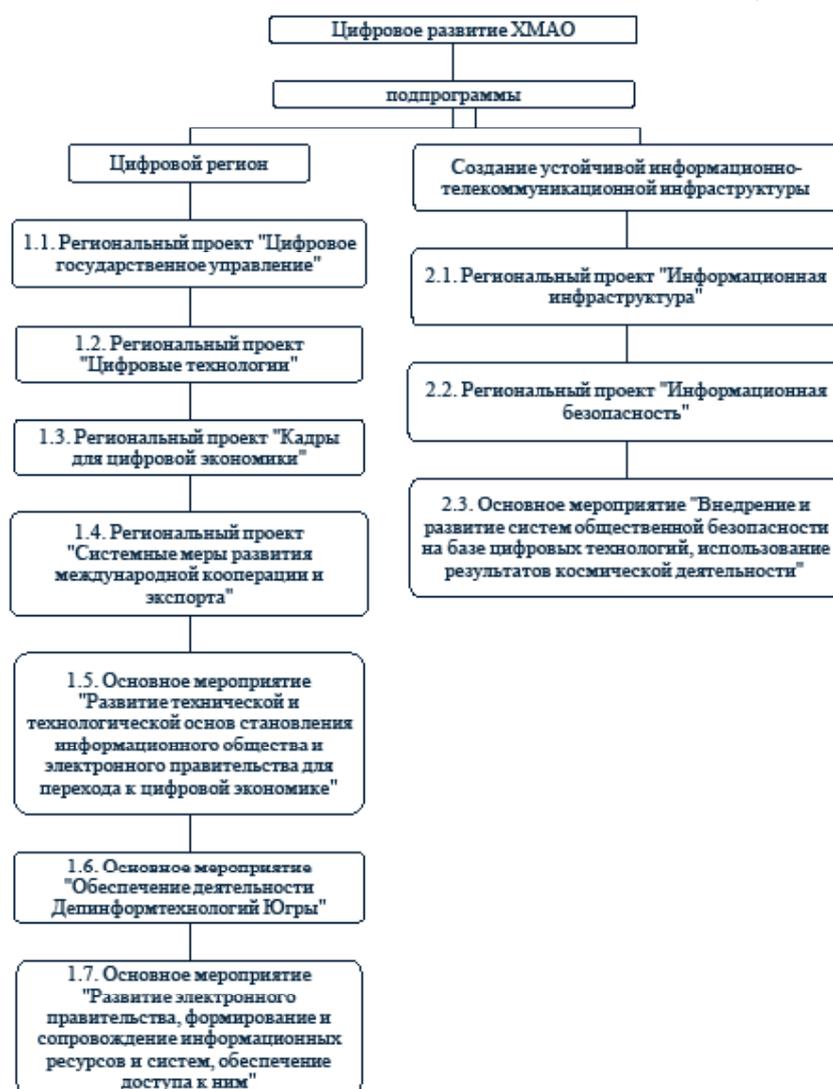

Рис. 8. Структурные элементы государственной программы «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

Fig. 8. Structural elements of the state program «Digital development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra».

Источник: составлено авторами.

Целью программы является формирование информационного пространства на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий для повышения качества жизни граждан, улучшения условий деятельности организаций автономного округа и обеспечение условий реализации эффективной системы управления в исполнительных органах автономного округа.

Как видно, структурно государственная программа состоит из двух подпрограмм. Подпрограмма «Цифровой регион», предполагающая развитие информационного общества и электронного правительства, в том числе технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления, электронного взаимодействия населения и органов государственной власти автономного округа и подпрограмма «Создание устойчивой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры», предполагающая обеспечение условий для безопаснос-

ти информации в информационных системах в органах государственной власти автономного округа для обеспечения системы эффективного управления, повышение уровня безопасности населения и среды обитания на основе внедрения современных информационно-коммуникационных технологий.

Финансирование программы за весь период реализации с 2022–2027гг. составило 10805231,3 тыс. руб., где 14867,4 тыс. руб. — средства федерального бюджета; 10790363,9 тыс. руб. средства бюджета автономного округа.

Соотношение средств, распределенных по подпрограммам: подпрограмма 1 — 9748306,6 тыс. руб. (федеральный бюджет — 6040,7 тыс. руб., бюджет автономного округа — 9742265,9 тыс. руб.; подпрограмма 2 — 1056924,7 тыс. руб. (федеральный бюджет — 8826,7 тыс. руб., бюджет автономного округа — 1048098,0 тыс. руб.). Целевые показатели государственной программы представлены на рис. 9.

Рис. 9. Целевые показатели эффективности и результативности цифрового развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Fig.9. Target indicators of efficiency and effectiveness of digital development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra.

Источник: составлено авторами.

Проведенный сводный анализ источников финансирования цифровой трансформации региональной экономической системы, показал достаточную степень ее обеспечения финансовыми ресурсами (рис. 10).

Абсолютно очевиден факт, что финансирование реализации государственной программы осуществляется преимущественно за счет бюджетных денежных средств автономного округа. Более того, финансирование в первые годы наиболее значимые.

Оценка реализации государственной программы осуществлена по трем основным показателям (рис. 11).

Выводы

Наличие адекватной разработанной стратегии регионального развития с включенными в нее стратегическими приоритетами цифрового раз-

вития позволяет округу определять и своевременно корректировать цели, задачи и механизмы социально-экономического развития. Анализ документов, сформированных координаторами государственных программ позволил оценить достижение показателей эффективности по основной государственной программе, реализуемой в ХМАО - Югра «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». Функционирование Регионального центра мониторинга информационной безопасности позволяет снизить риски компьютерных атак и вторжений. Приоритетом в Югре остается адекватная структурная политика и готовность к формированию информационного пространства. Положительный опыт реализации государственных и региональных программ может быть использован другими субъектами Российской Федерации.

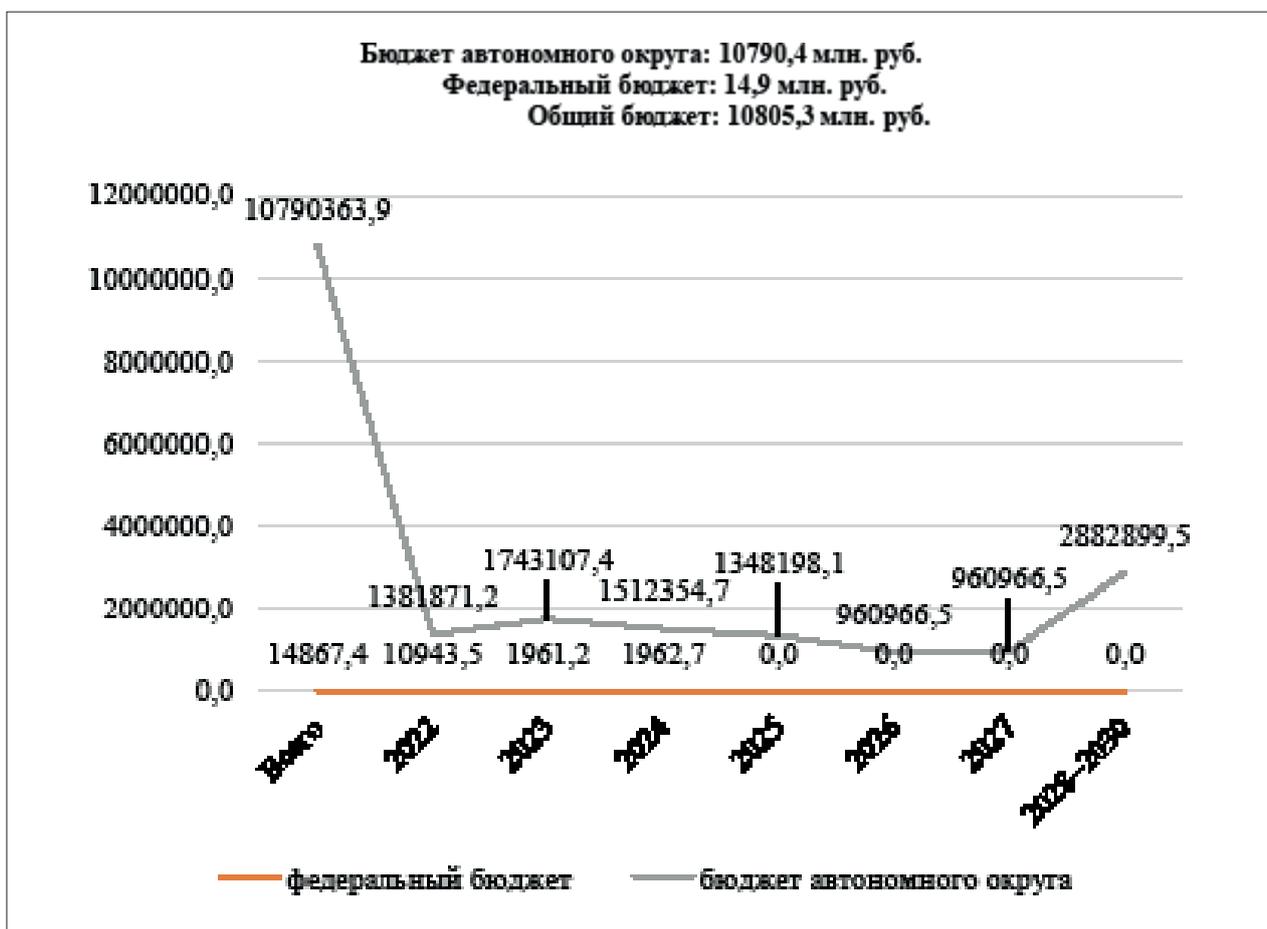

Рис. 10. Параметры финансового обеспечения государственной программы «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»

Fig.10. Parameters of financial support for the state program “Digital development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra”

Источник: составлено авторами на основе данных Департамента информационных технологий и цифрового развития Югры*.

* Государственные программы // Департамент информационных технологий и цифрового развития Югры. URL: <https://depit.admhmao.ru/programty/> (дата обращения: 16.01.2025).

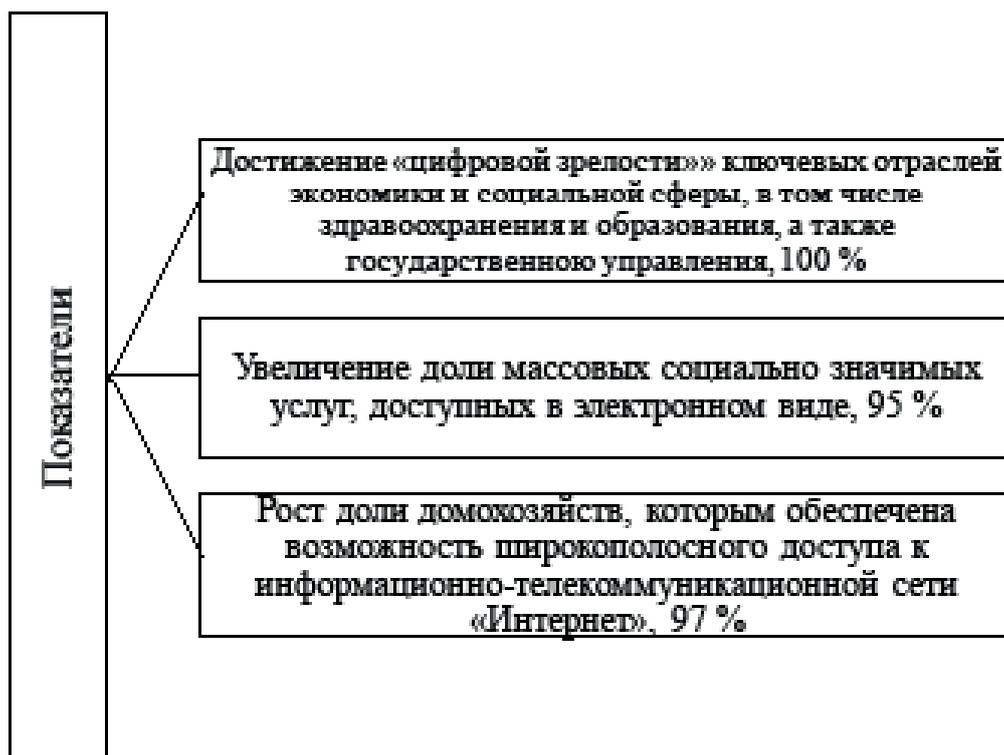

Рис. 11. Достижение целей развития государственной программы «Цифровая экономика» по Ханты-Мансийскому автономному округу к 2030 г.

Fig. 11. Achieving the development goals of the state program “Digital Economy” in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug by 2030.

Источник: составлено авторами на основе данных*.

* Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. Сайт // Правительство РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 16.01.2025).

Доказано, что обеспечение глобальной конкурентоспособности экономики региона, достижение высоких темпов экономического развития, повышение качества жизни населения во многом определено стратегическим цифровым вектором развития. ХМАО-Югра, уже на протяжении нескольких лет демонстрирует высокие количественные и качественные показатели.

Наличие адекватной разработанной стратегии регионального развития с включенными в нее стратегическими приоритетами цифрового развития позволяет округу определять и своевременно корректировать цели, задачи и механизмы социально-экономического развития. За последние пять лет Ханты-Мансийский автономный округ — Югра удерживает свои позиции в топе лидеров социально-экономического положения субъектов России и занимает третью строчку. Округ стал так же лидером и вошел в десятку регионов с высоким уровнем достижения «цифровой зрелости» (90,6 %).

Проведенный анализ основных показателей развития цифровой экономики ХМАО-Югры свидетельствует о их высоком уровне. Все показатели достигли уровня 96–99 %, что выше среднего по России.

Анализ документов, сформированных координаторами государственных программ, позволил оценить достижение показателей эффективности по основной государственной программе, реализуемой в ХМАО-Югра «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». Функционирование Регионального центра мониторинга информационной безопасности позволяет снизить риски компьютерных атак и вторжений. Внедрение инновационных механизмов реализации мероприятий государственной программы осуществляется в соответствии с плановыми показателями финансирования и сроками реализации. Приоритетом в Югре остается адекватная структурная политика и готовность к формированию информационного пространства.

Проведенное исследование выявило неоднозначное влияние цифровизации на различные сферы региона. Безусловно, процесс цифровой трансформации обеспечивает определенный потенциал для экономического роста и улучшения качества жизни, однако он содержит и ряд проблем: технологическая уязвимость цифровой инфраструктуры, монополизация бизнеса цифровыми экосистемами, социальные риски и т. д.

Положительный опыт реализации государственных и региональных программ может быть использован другими субъектами Российской Фе-

дерации. Доказано, что обеспечение глобальной конкурентоспособности экономики региона, достижение высоких темпов экономического развития, повышение качества жизни населения во многом определено стратегическим цифровым вектором развития. ХМАО-Югра, уже на протяжении нескольких лет демонстрирует высокие количественные и качественные показатели. В дальнейшем вектор исследования в области цифровизации округа может быть направлен на углубление изучения влияния данного процесса на качество жизни социально-возрастных групп.

Список источников

1. Аверьянов М. А., Баранова О. В., Кочетова Е. Ю., Сиваков Р. Л. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения // *International Journal of Open Information Technologies*. 2018. Т. 6. № 11. С. 42–49.
2. Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Логачева Н. А. Методический подход к исследованию экономической безопасности цифрового предприятия через структурирование угроз стратегическому развитию // *Вестник Академии знаний*. 2023. № 2 (55). С. 134–138.
3. Сазонов А. А. Цифровые трансформации как импульс всестороннего развития малого и среднего бизнеса // *Московский экономический журнал*. 2022. № 8. С. 303–314.
4. Земскова И. А. Цифровое развитие общества в России: государственный и бизнес-аспекты // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2020. № 2 (81). С. 13–15.
5. Каримов А. Г., Фаткуллина Г. Р. Современные информационные технологии как инструмент сокращения бедности работающего населения. *Цифровая социология* // *Digital Sociology*. 2022. № 5 (1). С. 44–53.
6. Павлова Е. В., Кулакова Ю. В. Перспективы развития нейросетевых технологий в условиях цифровизации экономики // *Экономика и качество систем связи*. 2024. № 1 (31). С. 10–16.
7. Павлова Л. Л., Барбаков О. М. Качество жизни человека в регионе под влиянием процессов цифровизации: программы реализации, оценка // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2021. № 2. С. 86–101.
8. Литвинцева Г. П., Карелин И. Н. Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения России // *Пространство экономики*. 2020. № 3. С. 53–71. DOI:10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71.
9. Селищева Т. А., Чжоу В. Теоретический подход к исследованию механизма сетевых ажиотажных социально-политических процессов в цифровой экономике // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021. № 4 (130). С. 145–152.
10. Удалов Д. В. Угрозы и вызовы цифровой экономики // *Экономическая безопасность и качество*. 2018. № 1 (30). С. 12–18.
11. Казанбиева А. Х. Оценка уровня цифровизации российских регионов // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 4. С. 369–375.
12. Степанова В. В., Уханова А. В., Григоришин А. В., Яхьяев Д. Б. Оценка цифровых экосистем регионов России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 2. С. 73–90. DOI:10.15838/esc.2019.2.62.4
13. Унтура Г. А. Экономика знаний и цифровизация: оценка влияния на экономический рост регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2022. № 4 (116). С. 31–58. DOI:10.15372/REG20220402.
14. Грачев С. А. Моделирование влияния цифровизации на развитие социально-экономических систем // *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 2. С. 443–454. DOI:10.18334/vines.11.2.112224.
15. Миролюбова Т. В., Радионова М. В. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост // *Регионоведение*. 2021. Т. 29. № 3. С. 486–510. DOI:10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510.
16. Николаев М. А., Махотаева М. Ю., Гусарова В. Н. Анализ влияния процессов цифровизации на экономическое развитие регионов // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2020. Т. 13. № 4. С. 46–56. DOI: 10.18721/JE.13404.

17. Hanelt A., Bohnsack R., Marz D., Antunes Marante C.A Systematic Review of the Literature on Digital Transformation: Insights and Implications for Strategy and Organizational Change // *Journal of Management Studies*. 2021. Vol. 58. № 5. P. 1159–1197.

18. Sacoto-Cabrera E. J., Perez-Torres A. Digital Transformation: A Review of Enabling Technologies, Maturity Models, and Open Research Issues // *IEEE Seventh Ecuador Technical Chapters Meeting (ECTM), Ambato, Ecuador*. 2023. P. 1–6. DOI: 10.1109/ETCM58927.2023.10308970.

References

1. Aver'yanov MA, Baranova OV, Kochetova EY, Sivakov RL. Digital transformation of regulatory processes: trends, approaches and solutions. *International Journal of Open Information Technologies*. 2018;6(11):42-49. (In Russ.).

2. Kulagina NA, Chepikova EM, Logacheva NA. Methodological approach to the study of economic security of a digital enterprise through the structuring of threats. *Vestnik Akademii Znanii=Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023; 2(55):134-138. (In Russ.).

3. Sazonov AA. Digital transformations as an impetus for the comprehensive development of small and medium-sized businesses. *Moskovskiy Ekonomicheskij Zhurnal=Moscow Economic Journal*. 2022;8:303-314. (In Russ.).

4. Zemskova IA. Digital development of society in Russia: state and business aspects. *Promyshlennost': Ekonomika, Upravlenie, Tekhnologii=Industry: economics, management, technology*. 2020; 2(81): 13-15. (In Russ.).

5. Karimov AG, Fatkullina GR. Modern information technologies as a tool for reducing poverty among the working population. *Digital Sociology*. 2022;5(1):44-53. (In Russ.).

6. Pavlova EV, Kulakova YV. Prospects for the development of neural network technologies in the context of digitalization of the economy. *Ekonomika i Kachestvo System Svyazi=Economy and Quality of Communication Systems*. 2024;1(31):10-16. (In Russ.).

7. Pavlova LL, Barbakov OM. Quality of life in the region under the influence of digitalization processes: implementation programs, assessment. *Izvestiya Vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika=News of Universities. Sociology. Economics. Politics*. 2021;2:86-101. (In Russ.).

8. Litvintseva GP, Karelin IN. Effects of digital transformation of the economy and quality of life of the population of Russia. *Prostranstvo Ekonomiki=Space of Economics*. 2020;3:53-71. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71. (In Russ.).

9. Selishcheva TA, Zhou V. Theoretical approach to the study of the mechanism of network hype socio-political processes in the digital economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta=Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2021;4(130):145-152. (In Russ.).

10. Udalov DV. Threats and challenges of the digital economy. *Ekonomicheskaya Bezopasnost' i Kachestvo=Economic security and quality*. 2018;1(30):12-18. (In Russ.).

11. Kazanbieva AKh. Assessment of the level of digitalization of Russian regions. *Innovatsii i Investitsii=Innovations and investments*. 2023;4:369-375. (In Russ.).

12. Stepanova VV, Ukhanova AV, Grigorishchin AV, Yakhyaev DB. Assessment of digital ecosystems of Russian regions. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz=Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(2):73-90. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.4. (In Russ.).

13. Untura GA. Knowledge economy and digitalization: assessment of the impact on economic growth of Russian regions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: economics and sociology*. 2022;4(116):31-58. DOI: 10.15372/REG20220402. (In Russ.).

14. Grachev SA. Modeling the impact of digitalization on the development of socio-economic systems. *Voprosy Innovatsionnoi Ekonomiki=Issues of Innovative Economics*. 2021;11(2):443-454. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112224. (In Russ.).

15. Mirolyubova TV, Radionova MV. Assessment of the impact of digital transformation factors on regional economic growth. *Regionologiya=Regionalology*. 2021;29(3):486-510. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510. (In Russ.).

16. Nikolaev MA, Makhotayeva MY, Gusarova VN. Analysis of the impact of digitalization processes on the economic development of regions. *Nauchno-Tekhnicheskie Vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie Nauki=Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences*. 2020;13(4):46-56. DOI: 10.18721/JE.13404. (In Russ.).

17. Hanelt A, Bohnsack R, Marz D, Antunes Marante CA. A systematic review of the literature on digital transformation: insights and implications for strategy and organizational change. *Journal of Management Studies*. 2021;58(5):1159-1197.

18. Sacoto-Cabrera EJ, Perez-Torres A. Digital transformation: a review of enabling technologies, maturity models, and open research issues. 2023 IEEE Seventh Ecuador Technical Chapters Meeting (ECTM), Ambato, Ecuador. 2023:1-6. DOI: 10.1109/ETCM58927.2023.10308970.

Информация об авторах

Н. Н. Мильчакова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов.

Л. Л. Решетников — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля.

Information about the authors

N. N. Milchakova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Finance.

L. L. Reshetnikov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 10.11.2024; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 242–252.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(3(497):242-252.

Научная статья

УДК 334.72

doi: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-242-252

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЫСТРОРАСТУЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ: БАЛАНС МЕЖДУ РОСТОМ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ

Ксения Андреевна Наумова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, ksuha-457000@mail.ru,
: 0000-0001-9819-5157

Аннотация. В условиях структурной трансформации экономики и стремительного технологического развития быстрорастущие компании (БРК) играют ключевую роль в формировании новых драйверов экономического роста. Особенно значим этот процесс для промышленного сектора, где сочетание инновационной активности, устойчивости и темпов расширения бизнеса определяет конкурентоспособность на глобальном рынке. На основе систематического обзора литературы автором предложена типология БРК, включающая такие типы как супергазели, консервативные гиганты, мастодонты устойчивости, технологичные новаторы и неортодоксальные (аффилированные) компании. Также проводится эмпирический анализ различных типов промышленных БРК с акцентом на их траектории роста, финансовую устойчивость и технологическую ориентацию с использованием данных бухгалтерской отчетности 2016–2023 гг. В исследовании раскрываются различия показателей финансово-экономического состояния различных типов БРК, а также поведения в период экономической нестабильности. Полученные результаты позволяют глубже понять закономерности роста и развития промышленных быстрорастущих предприятий, что может быть использовано для формирования рекомендации для государственных институтов и бизнеса по поддержке таких компаний.

Ключевые слова: быстрорастущие компании, быстрорастущая компания, газели, БРК, устойчивость, технологическое развитие, промышленность, экономический рост, инновации

Для цитирования: Наумова К. А. Современные особенности развития быстрорастущих промышленных компаний: баланс между ростом и устойчивостью // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 242–252. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-242-252.

Original article

THE MODERN FEATURES OF DEVELOPMENT OF HIGH-GROWTH INDUSTRIAL FIRMS: BALANCE BETWEEN GROWTH AND SUSTAINABILITY

Kseniia A. Naumova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ksuha-457000@mail.ru,
0000-0001-9819-5157

Abstract. In the context of structural transformation of the economy and rapid technological development, high-growth firms (HGFs) play a key role in the formation of new drivers of economic growth. This process is especially significant for the industrial sector, where the combination of innovative activity, sustainability and business expansion rates determines competitiveness in the global market. Based on a systematic literature review, the author proposes a typology of HGFs, including such types as supergazelles, conservative giants, sustainability mastodons, technological innovators and unorthodox (affiliated) ones. An empirical analysis of various types of industrial HGFs is also carried out with an emphasis on their growth trajectories, financial stability and technological orientation using financial statement data for 2016–2023. The study reveals the differences in the indicators of the financial

© Наумова К. А., 2025

and economic condition of various types of HGFs, as well as behavior during economic instability. The results obtained allow us to better understand the patterns of growth and development of industrial high-growth enterprises, which can be used to formulate recommendations for government institutions and businesses to support such firms.

Keywords: high-growth firms, high-growth company, gazelle, HGF, sustainability, technological development, industry, economic growth, innovation

For citation: Naumova KA. The Modern Features of Development of High-Growth Industrial Firms: Balance Between Growth and Sustainability. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(3(497):242-252. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-242-252.

Введение

В современных экономических условиях Россия сталкивается с рядом вызовов, включая санкционное давление, структурные ограничения и необходимость перехода к новой модели экономического роста. В условиях замедления темпов роста традиционных отраслей и снижения зависимости от сырьевого экспорта возникает острая потребность в поиске новых катализаторов экономического развития. Одним из таких катализаторов могут стать быстрорастущие компании, которые способны не только генерировать высокие темпы роста, но и создавать инновации, формировать новые рынки и обеспечивать устойчивость экономики в долгосрочной перспективе.

Быстрорастущие компании играют ключевую роль в экономике, выступая драйверами роста за счет своей способности быстро адаптироваться к изменениям, внедрять новые технологии и осваивать нишевые рынки. Их успех часто связан с эффективным использованием ресурсов, гибкостью в управлении и ориентацией на инновации. В условиях России, где экономика нуждается в диверсификации и повышении конкурентоспособности, такие компании могут стать важным элементом структурных преобразований. Однако для реализации этого потенциала необходимо глубокое понимание их особенностей, типов и траекторий развития.

Цель данной статьи заключается в проведении комплексного анализа быстрорастущих компаний различных типов, выявлении их ключевых характеристик, а также в изучении взаимосвязи между ростом, устойчивостью и технологичностью. Для достижения этой цели в исследовании используются эмпирические данные, позволяющие выделить основные типы быстрорастущих компаний и оценить их стратегии развития. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что различные типы быстрорастущих компаний имеют различия в финансово-экономических показателях, а также показывают разную степень устойчивости в удержании высокого роста после присвоения статуса быстрорастущих.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов для разработки мер государственной поддержки и рекомендаций для бизнеса, направленных на стимулирование роста и повышение устойчивости компаний в российской экономике.

Обзор литературы

Быстрорастущие компании (БРК), газели, являются предметом научного обсуждения на протяжении последних четырех десятилетий. Накопленный опыт позволяет говорить о том, что малочисленная группа быстрорастущих компаний оказывает значимые эффекты на рост и развитие экономики, а также является источником новых знаний, технологий и новаторских методов управления для других субъектов на рынке [1]. Данные по странам с высоким уровнем дохода показывают, что БРК составляют менее 10 % от общего числа предприятий, но на их долю приходится более половины всего прироста занятости и выпуска продукции [2]. В Португалии за период 2015–2017 гг. около 2 000 таких компаний создали 78 000 рабочих мест [3]. Помимо генерации новых рабочих мест, БРК способны вносить вклад в совокупный рост производительности [4]. Однако, ориентированные на производительность газели, могут показывать низкие темпы прироста занятости или даже прибегать к сокращению штата сотрудников в краткосрочной перспективе, что подчеркивает политическую дилемму.

Научная дискуссия на глобальном уровне относительно стилизованных фактов позволила сделать выводы о том, что газели, зачастую, являются преимущественно молодыми компаниями, присутствуют во всех отраслях и промышленных секторах, однако, их распределение неравномерно [2, 3], период высокого роста газелей является ограниченным, коротким и эпизодическим [5], а инновации играют важную роль в способности быстро масштабироваться. Инновационность отмечается рядом исследователей в разных странах мира как важный, а порой и решающий, фактор успеха быстрорастущих компаний [6].

Быстрорастущие компании представляют собой разнородную группу организаций, демонстрирующих высокий темп роста ключевых показателей, таких как выручка, численность персонала и другие. На сегодняшний день нет общепринятой классификации или типологии быстрорастущих компаний. В отдельных исследованиях встречаются выборочные названия для быстрорастущих компаний, отличающихся от других какой-либо характеристикой. Идея о различных типах компаний, демонстрирующих быстрый рост, нашла отражение в работе Ф. Дельмара, П. Дэвидсона, В. Гартнера [7]. Так авторы на основе анализа 1500 быстрорастущих компаний предложили типологию роста БРК, состоящую из семи кластеров: кластер «сверхвысоко растущие в абсолютном/относительном выражении», кластер «стабильный рост продаж», кластер «растущие за счет приобретения», кластер «нестабильно растущие», кластер «генераторы занятости», кластер «стабильно растущие». В трудах встречается выделение отдельной когорты БРК, отчисляющейся сверхвысокими темпа прироста более 50 % — «super gazelles», т. е. супергазели [8, 9]. Д. Пясковска, Е. Типпманн и С. Монаган [10] предлагают новое понимание того, как некоторые компании достигают сверхбыстрых темпов роста более 40 % в год, масштабируя свою деятельность в погоне за экономией масштаба.

На основе выборки из 184 компаний-единорогов и потенциальных единорогов с рыночной стоимостью не менее 500 млн долларов с цифровыми бизнес-моделями, авторы представили четыре режима масштабирования, а именно: сетевые растущие компании, фокусированные масштабаторы, органические инноваторы и ограниченные масштабаторы. Также авторы показывают, как указанные режимы масштабирования связаны с финансированием, инновациями, цифровизацией и приобретением. Так результаты исследования подтверждают связь между элементами бизнес-модели и видом/режимом масштабирования.

Одной из основных характерных черт феномена быстрорастущих компаний является их неустойчивость в долгосрочно высоком росте, что порождает трудности с прогнозированием и моделированием высокого роста в будущем. Ф. Леон сравнивает газели с гепардами, которые быстро стартуют, но также быстро выдыхаются [16]. В связи с этим, БРК, способные удерживать свой статус в течение длительного периода также представляют особый интерес для изучения.

Другой характеристикой выступает технологическая или инновационная ориентация БРК. Данный тип газелей занимает особое место в современной экономике. Их рост часто связан с разработкой и внедрением передовых технологий, что позволяет им быстро захватывать рыночные ниши и формировать конкурентные преимущества. БРК могут играть ценную роль в инновационных системах в качестве каналов для распространения технологических инноваций, также они могут быть относительно инновационными в своих секторах, например, если они работают в низкотехнологичных секторах, используя сложные рутинные и процедуры [11]. В данном контексте употребляются такие определения как «(высоко) технологические быстрорастущие компании», «инновационные быстрорастущие компании» (High-Growth Innovative Firms/Enterprises) [12, 13].

Среди быстрорастущих компаний выделяются более сложные формы бизнеса, обладающие особыми источниками роста — неортодоксальные или аффилированные быстрорастущие компании. Данный тип БРК отличается от традиционных бизнес-моделей и стратегий роста тем, что их успех часто связан с использованием уникальных ресурсов или тесными связями с другими организациями и структурами. Эти компании могут быть менее заметны на первый взгляд, но их роль в экономике и инновациях значительна. Их рост нередко обусловлен не только рыночными факторами, но и институциональными преимуществами. Так среди аффилированных БРК встречаются корпоративные «спин-оффы» (компании, выделенные из крупных организаций с целью ускоренного роста в узком сегменте), дочерние компании крупных корпораций или отдельные юридические лица внутри группы компаний (они получают финансовую поддержку, доступ к инфраструктуре и клиентской базе, что ускоряет их развитие), компании, растущие за счёт госзаказов и субсидий (так многие российские компании в сферах высоких технологий, обороны и энергетики демонстрируют рост благодаря государственным инвестициям и контрактам). Особое внимание данному типу БРК уделяли внимание А. Ю. Юданов, А. А. Яковлев [14], Д. А. Плетнев [15]; Ф. Дельмар и др. [7].

Методы исследования

Настоящее исследование основано на эмпирическом анализе существующих трудов по тематике быстрорастущего предпринимательства, что позволило автору предложить типологию быстрорастущих компаний (табл. 1). Анализ

Типы быстрорастущих компаний
Types of high-growth firms

Тип БРК	Основные критерии	Стилизованное описание типа
Супергазели	Темп прироста выручки составляет более 50 % ежегодно на протяжении трех лет подряд и более.	Рост обусловлен гибкостью, адаптивностью бизнес-модели и быстрым захватом рыночных возможностей. Зачастую действуют в конкурентных средах с низкими барьерами входа, таких как торговля, логистика или услуги. Успех основан на предпринимательских способностях менеджеров, владельца.
Консервативные гиганты	Крупные компании с объемом выручки более 2 млрд. руб. Темп прироста выручки составляет от 10 % до 20 % ежегодно на протяжении трех лет подряд и более.	Приоритет отдается низко рисковым методам масштабирования ввиду сильной корпоративной структуры и ресурсной базы, которая позволяет умеренно расти, но при этом сдерживает супербыстрый рост. Масштаб деятельности и репутация как надежного игрока на рынке открывает доступ к особым и выгодным условиям по привлечению дополнительных средств и источников для развития. Их стратегия основана на диверсификации активов, минимизации рисков и устойчивом развитии.
Мастодонты устойчивости	Прирост выручки превышает 20 % ежегодно в течение пяти лет подряд и более.	Инновации служат средством минимизации рисков для повышения эффективности, улучшения продуктов и выхода на новые рынки. Часто компании используют внутреннее финансирование для поддержания устойчивого роста.
Технологические новаторы	Заняты в технологических отраслях. Прирост выручки превышает 20 % ежегодно в течение трех лет подряд и более.	Активно внедряют инновации, высокие технологии и создают уникальные продукты, т.е. осуществляют прорывные инновации. Привлекают заемный, венчурный капитал, осуществляют стратегическое партнерство в области НИОКР с государственными и коммерческими научными и учебными организациями. Однако, период роста, зачастую, ограничивается периодом, пока инновации остаются уникальными. После компания стабилизируется или продолжает высоко расти за счет новых разработок.
Неортодоксальные (аффилированные) быстрорастущие компании	Рост обусловлен аффилированностью с крупными корпорациями или доступом к административным ресурсам. Прирост выручки превышает 20 % ежегодно в течение трех лет подряд и более.	Инновации редко являются ключевым драйвером роста. Компании сосредоточены на операционной эффективности и выполнении задач, поставленных партнером или вышестоящей структурой. Рост основан на свободном доступе к (ограниченному для большинства других участников рынка) ресурсам, институциональным преимуществам, инфраструктуре и обеспеченном спросе со стороны крупной корпорации, государства, влиятельных личностей. Высокий рост обеспечивается до тех пор, пока сохраняется поддержка со стороны внешней структуры. Подвержены риску стагнации и даже банкротства при потере поддержки аффилированной структуры.

Источник: составлено автором.

научной литературы охватывал исследования, опубликованные в международных и российских журналах, а также доклады аналитических центров и экспертные отчеты. Предложенная типология позволяет структурировать разнообразие быстрорастущих компаний и использовать её в дальнейших эмпирических исследованиях, направленных на разработку стратегий управления их ростом и устойчивостью.

На основе данных бухгалтерской отчетности, предоставляемой информационно-аналитической

системой FIRA PRO, сформирована выборка промышленных российских компаний в период с 2016 по 2023 гг., выручка которых в 2016 г. превышала 120 млн руб. Быстрорастущей является компания, чей прирост выручки превышает 20 % на протяжении трех лет и более. Базовым периодом для идентификации газелей являются 2016-2019 гг. Выборка, сформированная в данный период, является контрольным объектом изучения.

Генеральная выборка компаний включает 10734 компаний, чья экономическая деятельность

относится к промышленному производству, то есть одному из следующих классов ОКВЭД 2:

- В «Добыча полезных ископаемых»;
- С «Обрабатывающие производства»;
- Д «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»;
- Е «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений».

Результаты

На основе данных бухгалтерской отчетности была сформирована генеральная выборка промышленных компаний в России, которая включает 10734 компании. После расчёта показателя «прирост выручки» в 2017–2019 гг. была произведена идентификация популяции промышленных быстрорастущих компаний. 340 компаний удовлетворяют общепринятым критериям БРК (то есть темп прироста выручки которых составляет более 20 % в течение трех и более лет подряд), что составляет 3,17 % генеральной выборки. Значение показателя согласуется с общемировыми тенденциями, согласно которым, БРК составляют от 2 до 6 % от общей численности компаний [2]. Структура выборки в разрезе видов экономической деятельности показывает, что наибольшую долю как в общей выборке, так и выборке быстрорастущих компаний, составляют обрабатывающие производства (свыше 80 %). Наибольшую долю в выборке занимают малые предприятия (81 % общей выборки и 85 % численности БРК). Оценка среднего возраста компаний указывает на то, что средний возраст БРК меньше (15,94 лет) среднего возраста всех промышленных компаний (18,62 лет). В постидентификационный период (2020–2023 гг.), с учетом сложных экономических условий, быстрорастущие компании показыва-

ют более высокую устойчивость в сохранении и тенденции к увеличению штата сотрудников, чем обычные компании. Вместе с тем, устойчивость в сохранении и увеличении объемов выручки заметно не различаются. Данная тенденция согласуется с утверждением Х. Раннико, Е. Т. Торникоски и А. Исакссон [17], которые на основе данных БРК установили, что высокие темпы роста занятости сохраняются с большей вероятностью, чем высокие темпы роста продаж.

Далее произведем оценку основных показателей финансово-хозяйственной деятельности быстрорастущих компаний выделенных в табл. 1 типов.

Тип «Супергазели». В популяции БРК насчитывается 19 супергазелей, соответствующих критериям ежегодного прироста выручки более 50 % в течение трех и более лет. Супергазели занимают 6 % популяции быстрорастущих компаний и 0,18 % от общей выборки промышленных компаний. Рассмотрим подробнее показатели финансово-хозяйственной деятельности супергазелей (табл. 2).

Несмотря на то, что средний темп прироста выручки супергазелей превышает 50 % каждый год из контрольного периода наблюдения (2017–2019), средняя рентабельность данного типа отрицательная или относительно низкая. То есть компании, несмотря на высокие темпы масштабирования, не генерируют большой объем прибыли. У данного типа компаний наблюдаются самые низкие, в сравнении с другими типами, коэффициенты автономии (финансовой независимости). Супергазели сильно зависят от заёмных средств, что может быть риском при ухудшении рыночной конъюнктуры. За весь анализируемый период, коэффициент автономии не превышает 0,3, что указывает на высокую финансовую

Таблица 2

Table 2

Средние значения анализируемых показателей быстрорастущих компаний типа «Супергазели»

Показатель \ Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Темпы прироста выручки	110,58 %	108,63 %	113,75 %	14,70 %	15,05 %	40,77 %	7,5 %
Рентабельность продаж	– 4,43 %	0,37 %	2,86 %	2,49 %	4,03 %	3,25 %	6,18 %
Коэффициент оборачиваемости активов	2,00	1,79	2,92	1,88	1,48	1,54	1,22
Коэффициент автономии	0,17	0,12	0,11	0,17	0,10	0,16	0,15
Коэффициент текущей ликвидности	1,57	1,97	1,54	1,74	2,55	5,12	5,35

Источник: составлено автором.

зависимость и риски. Также супергазели показывают наименьшие значения коэффициента текущей ликвидности в базовом периоде наблюдения. Из выявленных 19 компаний, три компании характеризуются устойчивостью высокого роста: ООО «НАНОЛЕК» является БРК с 2016 по 2021 гг., а ООО «СИНЕРГЕТИК» и ООО «СКОПИНСКИЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ ЗАВОД» являются БРК с 2016 по 2023 гг.

Тип «Консервативные гиганты». К данному типу относятся компании, относящиеся к крупному бизнесу (выручка превышает 2 млрд руб.). Таким компаниям сложно расти быстро, поэтому пороговое значение прироста выручки для них снижено до 10 %. Обычно компании данного типа занимают лидирующие позиции на рынке благодаря своей масштабной операционной деятельности, большому капиталу и сильному влиянию на отрасль. Такие компании уже достигли значительного уровня зрелости и, как правило, насыщенности в своих сегментах рынка. Всего в выборке выявлено шесть консервативных гигантов. Данный тип отличается низкими в сравнении с другими типами показателями среднего прироста выручки (от 7,78 % в 2022 г. до 16,88 % в 2018 г. и 33,69 % в 2021 г.). Во время пандемии 2020 г. консервативные гиганты не смогли удержать тенденцию к росту выручки. Четыре из шести компаний в 2020 г. показатели отрицательный прирост выручки, ввиду чего среднее значение прироста для данного типа составило – 7,32 %. В последующие два года компании смогли компенсировать провал выручки, но в 2023 г. снова столкнулись с трудностями. Между тем, рентабельность, коэффициенты автономии и текущей ликвидности консервативных гигантов имеет восходящий тренд с 2017 по 2022 гг. Таким образом, консервативные гиганты сильно зависят от шоков на рынке. Половина консервативных гигантов являются аффилированными, то есть принадлежат более крупной материнской структуре.

Тип «Мастодонты устойчивости». Среди устойчивых с точки зрения удержания высокого роста выручки, насчитывается 55 «мастодонтов». У 38 компаний, прирост выручки которых превышал 20 % ежегодно в течение пяти лет (2016–2021 гг.), 12 компаний, являющихся быстрорастущими в течение шести лет (2016–2022 гг.) и пять компаний, являющихся быстрорастущими в течение семи лет (2016–2023 гг.). Они занимают 16 % от популяции БРК и 0,5 % от общей выборки промышленных компаний. Средние темпы роста выручки компаний превы-

шают 40 %, что является достаточно высоким уровнем. Однако, в 2022 г. средний прирост снизился до 8,94 %, что указывает на то, что компании не смогли удержать стабильно высокий рост в условиях геополитических процессов. В 2023 г. средний прирост выручки составил 15,09 %. Компании, по мере своего устойчивого роста увеличивают показатели рентабельности (с 2,85 % в 2017 г. до 9,81 % в 2023 г.), ликвидности (с 1,93 % в 2017 г. до 3 % в 2023 г.) и автономии (с 0,27 % в 2017 г. до 0,46 % в 2023 г.).

Тип «Технологические новаторы». К типу «технологических новаторов» принято решение относить компании, занятые высокотехнологичными и средне-высокотехнологичными видами производства. К высокотехнологичным производствам относятся, к примеру, авиакосмическая промышленность, фармацевтика, производство электроники и прочее. Средне-высокотехнологичное производство включает в себя машиностроение, производство различного оборудования и прочее. Таким образом, среди 340 БРК присутствуют 87 технологических компаний, что составляет четверть (26 %) популяции быстрорастущих компаний и 0,81 % от общей выборки промышленных компаний. Данный тип является наибольшим по численности среди других типов компаний. Рассмотрим подробнее показатели финансового состояния компаний. Ввиду того, что наблюдаются некоторые различия в динамике показателей, в табл. 3 представлены значения «технологичных новаторов», занятых высокотехнологичными видами деятельности, а в табл. 4 — занятых средне-высокотехнологичными видами деятельности.

К Технологичным новаторам относятся компании, занятые в высоко (17 компаний) и средне-высокотехнологичных (70 компаний) производствах. Так технологичные новаторы занимают четверть (26 %) популяции быстрорастущих компаний и 0,81 % от общей выборки промышленных компаний. Данный тип является наибольшим по численности среди других типов компаний. Средние темпы прироста выручки технологических новаторов в 2017–2019 гг. выше, чем у мастодонтов устойчивости. Высокотехнологичные БРК показывают более значимые перепады в средних значениях прироста выручки за анализируемый период, чем средне-высокотехнологичные БРК. В 2020 г. наблюдается резкий спад значения данного показателя для обоих типов БРК, то есть пандемия коронавирусной инфекции стала серьезным сдерживающим

развитие технологических БРК фактором. Средне-высокотехнологичные БРК показывают в 2021–2023 гг. средний прирост выручки более 20 %, то есть большинство компаний являются быстрорастущими в данный период. За исключением показателя 2017 г., средняя рентабельность продаж данного типа БРК можно назвать высокой, особенно в сравнении с другими типами БРК. Причем, рентабельность высокотехнологичных БРК, в среднем, выше. Несмотря на влияние геополитических шоков, в 2021 и 2022 гг. рентабельность компаний наивысшая за весь рассматриваемый период. Среди рассмотренных типов БРК, у технологических новаторов отмечаются наименьшие значения коэффициента оборачиваемости активов. В целом, их значения — больше единицы, что соответствует нормативам, однако, данный тип БРК менее эффективно, чем другие типы, использует свои активы. Коэффициент автономии у данных компаний относительно не высокий, у высокотехнологичных компаний он выше, чем у средне-высокотехнологичных БРК. Таким образом, средне-высокотехнологич-

ные компании показывают более высокую устойчивость в удержании высокого роста выручки, однако, являются менее рентабельными и финансово независимыми.

Тип «Неортодоксальные (аффилированные) БРК». Аффилированность устанавливалась на основе анализа информации о структуре организаций (холдингах, материнских и дочерних компаниях), а также взаимосвязях между ними. В ходе исследования было выявлено 48 неортодоксальных БРК, что составляет 14 % от популяции БРК и 0,45 % от выборки промышленных компаний. Рассмотрим основные финансовые показатели компаний в табл. 5.

Прирост выручки неортодоксальных БРК превышает 50 % в 2017–2019 гг. В 2020 г. прирост выручки таких компаний значительно снизился. То есть пандемия повлияла негативно на все компании, вне зависимости от наличия источника внешней поддержки. В 2021 и 2022 гг. прирост выручки составлял более 20 %, однако, в 2023 г. снова наблюдается значительный спад среднего значения прироста выручки. При этом,

Таблица 3

Table 3

Средние значения показателей финансового состояния быстрорастущих компаний типа «технологичные новаторы», занятых высокотехнологичными видами деятельности

Показатель \ Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Темпы прироста выручки	64,60%	48,56%	81,57%	5,93%	10,10%	42,58%	0,12%
Рентабельность продаж	2,62%	7,79%	12,26%	9,79%	14,07%	15,06%	9,22%
Коэффициент оборачиваемости активов	1,38	1,28	1,81	1,58	1,23	1,13	1,06
Коэффициент автономии	0,49	0,46	0,49	0,56	0,57	0,60	0,64
Коэффициент текущей ликвидности	2,42	2,73	2,74	4,73	4,53	3,62	4,16

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Table 4

Средние значения показателей финансового состояния быстрорастущих компаний типа «технологичные новаторы», занятых средне-высокотехнологичными видами деятельности

Показатель \ Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Темпы прироста выручки	60,52%	69,42%	64,88%	2,39%	31,13%	29,37%	27,74%
Рентабельность продаж	3,47%	5,15%	6,43%	5,09%	5,05%	5,08%	-11,38%
Коэффициент оборачиваемости активов	2,32	2,14	2,39	1,97	1,88	1,85	1,64
Коэффициент автономии	0,30	0,32	0,36	0,40	0,39	0,42	0,41
Коэффициент текущей ликвидности	2,25	1,89	2,06	2,11	2,29	3,05	8,11

Источник: составлено автором.

Средние значения показателей финансового состояния быстрорастущих компаний типа «неортодоксальные/аффилированные»

Показатель \ Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Темпы прироста выручки	67,97%	60,90%	52,20%	2,65%	26,17%	23,36%	7,96%
Рентабельность продаж	6,12%	6,11%	8,75%	8,17%	8,23%	9,25%	9,18%
Коэффициент оборачиваемости активов	2,23	2,26	2,78	2,28	2,29	2,11	1,82
Коэффициент автономии	0,28	0,30	0,38	0,38	0,38	0,43	0,45
Коэффициент текущей ликвидности	1,95	1,96	2,36	2,81	2,88	2,88	3,55

Источник: составлено автором.

за весь рассматриваемый период рентабельность и коэффициент текущей ликвидности компаний уверенно растут. В среднем, коэффициент автономии неортодоксальных газелей невелик и сопоставим со значениями мастодонтов устойчивости и технологичных (средне-высокотехнологичных) БРК.

Обсуждение

Для супергазелей, отличающихся сверхвысокими темпами прироста выручки, в настоящее время характерны невысокие показатели рентабельности продаж и финансовой автономии. Такая тенденция может объясняться особенностями бизнес-стратегии: агрессивная экспансия рынка происходит за счет работы с низкими маржинальными продуктами в целях занять определенную долю рынка. Это приводит к росту выручки, но снижает рентабельность продаж. Супергазели могут сталкиваться с ростом операционных расходов (инфраструктура, персонал, логистика) до момента выхода на уровень устойчивой фазы умеренного роста. Высокая адаптивность и непрерывный поиск новых рыночных ниш побуждают супергазелей экспериментировать и проверять гипотезы. В таких условиях не все инвестиции окупаются, что временно влияет на рентабельность. С другой стороны, экспоненциальный рост, зачастую, невозможен без привлечения заемного капитала. В результате коэффициент финансовой автономии снижается, так как обязательства растут быстрее собственного капитала. Вероятно, по мере выхода компаний на зрелый этап развития, указанные показатели будут улучшаться.

Консервативные гиганты, будучи наименьшими по численности типом, демонстрируют повышенную чувствительность к экономическим шокам, что приводит к снижению темпов прироста выручки. Крупные компании имеют

сложные структуры управления, бюрократию и жесткие бизнес-процессы, что делает их менее гибкими в условиях кризисов, что находит отражение в резких спадах темпа роста выручки в 2020 и 2023 гг. Медленный процесс принятия решений снижает скорость реакции на внешние изменения. В отличие от стартапов и гибких БРК, консервативные гиганты не могут быстро оптимизировать расходы, что снижает их устойчивость в кризисные периоды. Они уже завоевали основную долю рынка, поэтому их рост в большей степени зависит от внешних факторов (экономического подъема, госрегулирования). Таким образом, консервативные гиганты из-за своей масштабности, инерции и зависимости от макроэкономических факторов менее гибки в периоды кризисов, что делает их более чувствительными к экономическим шокам. Вместе с тем, даже на фоне снижения динамики прироста выручки в кризисные периоды, компании сохраняют восходящий тренд рентабельности, а также других показателей эффективности и деловой активности.

Мастодонты устойчивости составляют около шестой части от общего числа идентифицированных БРК. Данный тип компаний, вопреки критике феномена БРК, способны устойчиво поддерживать высокие темпы роста, даже во время экономических шоков. Средние темпы роста выручки компаний превышают 40 % в 2017–2021 гг., что является высоким уровнем. Ощутимое снижение темпов прироста выручки компаний данного типа приходится на 2022 г. За весь рассматриваемый период отмечается тенденция к росту основных показателей эффективности и деловой активности. Данный тип БРК представляет наибольший интерес в виду уникальных стратегий развития, ориентированных на долгосрочный высокий рост.

Технологические новаторы выступают наиболее многочисленным типом. Из 340 БРК 87 компаний является высоко и средне-высокотехнологичными. Анализ показателей высокотехнологичных и средне-высокотехнологичных БРК позволяет выявить некоторые различия. Высокотехнологичные БРК в 2018–2023 гг. являются преимущественно более рентабельными в сравнении с другими типами БРК. Коэффициенты автономии сопоставимы со значениями консервативных гигантов и также превышают значения в других типах БРК. Однако, для всех технологических новаторов характерна снижающаяся эффективность использования собственных активов. В отличие от традиционных компаний, технологические новаторы инвестируют значительные средства в НИОКР, интеллектуальную собственность и другие нематериальные активы, которые не всегда сразу приносят доход, поэтому данные активы не используются напрямую в операционной деятельности, что снижает показатели оборачиваемости.

Неортодоксальные быстрорастущие компании также проявили высокую чувствительность к экономическим шокам ввиду значительного снижения динамики роста выручки в 2020 и 2023 гг. Несмотря на снижение выручки в указанные периоды, аффилированные БРК показывают стабильную положительную динамику рентабельности, автономии и ликвидности. Аффилированность позволяет таким компаниям иметь доступ к дополнительным источникам финансирования, партнёрским сетям, а также стабильной клиентской базе через материнские компании или инвесторов. В моменты экономической нестабильности аффилированные компании могут опираться на поддержку крупных игроков или партнеров, что помогает сохранять финансовую устойчивость. Однако, факт аффилированности является важным критерием при разработке программ и мер поддержки БРК.

Заключение

В условиях ускоряющейся технологической трансформации и структурных сдвигов в экономике быстрорастущие компании становятся важнейшими агентами изменений, особенно в промышленном секторе. Проведённый систематиче-

ский обзор литературы и эмпирический анализ позволили выявить ключевые типы БРК, каждый из которых демонстрирует уникальные траектории роста и особенности финансовой устойчивости. Анализ бухгалтерской отчетности за 2016–2023 гг. показал, что поведенческие и структурные различия между типами БРК отражаются на их адаптации к рыночным условиям, особенно в периоды экономической нестабильности. Супергазели демонстрируют высокую динамику роста при относительно низких показателях рентабельности и финансовой независимости. Мастодонты устойчивости демонстрируют способность поддерживать высокие темпы роста даже в условиях экономических шоков, что делает их важной и перспективной группой БРК с точки зрения долгосрочного развития. Технологические новаторы демонстрируют высокую рентабельность и финансовую устойчивость, несмотря на инвестиции в нематериальные ресурсы и НИОКР. Неортодоксальные компании характеризуются зависимостью от внешней институциональной среды, обеспечивающей им рост ключевых показателей эффективности.

Результаты исследования вносят вклад в теоретическое осмысление феномена быстрорастущих компаний и могут быть использованы для государственных органов, бизнеса и инвесторов при разработке стратегий поддержки и регулирования, а также при разработке стратегий корпоративного развития. Учет типологических различий БРК позволит более точно выстраивать инструменты стимулирования их роста, повышать эффективность промышленной политики и поддерживать формирование новых точек экономического роста в национальной экономике. Будущие исследования могут быть направлены на детальное изучение факторов, определяющих успех и способность дольше пребывать в фазе высоких темпов роста быстрорастущих компаний в целом, так и выделенных типов. Практическая применимость полученных результатов заключается в возможности разработки индивидуальных стратегий для различных типов БРК, что позволит повысить их устойчивость и конкурентоспособность в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. de Nicola F., Muraközy B., Tan S. W. Spillovers from high growth firms: evidence from Hungary // *Small Business Economics*, Springer. 2021. Vol. 57 (1). P. 127–150.
2. Goswami A. G., Medvedev D., Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC: World Bank, 2019. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1368-9>.

3. Understanding Firm Growth: Helping SMEs Scale Up, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship. Paris: OECD Publishing, 2021. <https://doi.org/10.1787/fc60b04c-en>.
4. Bisztray M., de Nicola F., Muraközy B. High-growth firms' contribution to aggregate productivity growth // *Small Bus Econ.* 2023. Vol. 60. P. 771–811. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00614-9>.
5. Moschella D., Tamagni F., Yu X. Persistent high-growth firms in China's manufacturing // *Small Bus Econ.* 2019. Vol. 52. P. 573–594. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9973-4>
6. Román J., Cancino C., Gallizo J. Exploring features and opportunities of rapid growth wine firms in Chile // *Estudios Gerenciales.* 2017. Vol. 33. P. 115–123.
7. Delmar F., Davidsson P., Gartner W.B. Arriving at the high-growth firm // *Journal of Business Venturing.* 2003. Vol. 18 No. 2. P. 189–216. DOI: 10.1016/S0883-9026(02)00080-0
8. Henrekson M., Johansson D. Gazelles as Job Creators – A Survey and Interpretation of the Evidence // *Small Business Economics.* 2010. № 35. P. 227–244.
9. Brown R., Mawson S., Mason C. Myth-busting and entrepreneurship policy: the case of high growth firms // *Entrepreneurship and Regional Development.* 2017. № 29 (5–6). P. 414–443.
10. Piaskowska D., Tippmann E., Monaghan S. Scale-up modes: Profiling activity configurations in scaling strategies // *Long Range Planning.* 2021. Vol. 54. P. 102101.
11. Coad A. High-growth firms. Cheltenham : Edward Elgar Publishing. 2022. P. 172–176.
12. Daunfeldt S.-O., Elert N., Johansson D. Are High-Growth Firms Overrepresented in High-Tech Industries? *Industrial and Corporate Change.* 2016. Vol. 25. Issue 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1093/icc/dtv035>
13. Глезман Л. В. Высокотехнологичные быстрорастущие компании как драйверы инновационного развития региона // *Региональные проблемы преобразования экономики.* 2022. № 8 (142). С. 41–49. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-8-41-49.
14. Юданов А.Ю., Яковлев А.А. «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа // *Вопросы экономики.* 2018. № 3. С. 80–101.
15. Плетнев Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2019. № 3 (425). С. 132–139. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10315.
16. Léon F. The elusive quest for high-growth firms in Africa: When other metrics of performance say nothing // *Small Business Economics.* 2022. Vol. 58. P. 225–246.
17. Rannikko H., Tornikoski E.T., Isaksson A. Survival and growth patterns among new technology based firms: Empirical study of cohort 2006 in Sweden // *Journal of Small Business Management.* 2019. Vol. 57. P. 640–657.

References

1. de Nicola F, Muraközy B, Tan SW. Spillovers from high growth firms: evidence from Hungary. *Small Business Economics, Springer.* 2021;57(1):127-150.
2. Goswami AG, Medvedev D, Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC: World Bank, 2019. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1368-9>.
3. Understanding Firm Growth: Helping SMEs Scale Up, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship. Paris: OECD Publishing, 2021. <https://doi.org/10.1787/fc60b04c-en>.
4. Bisztray M, de Nicola F, Muraközy B. High-growth firms' contribution to aggregate productivity growth. *Small Bus Econ.* 2023;60:771-811. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00614-9>.
5. Moschella D, Tamagni F, Yu X. Persistent high-growth firms in China's manufacturing. *Small Bus Econ.* 2019;52:573-594. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9973-4>
6. Román J, Cancino C, Gallizo J. Exploring features and opportunities of rapid growth wine firms in Chile. *Estudios Gerenciales.* 2017;33:115-123.
7. Delmar F, Davidsson P, Gartner WB. Arriving at the high-growth firm. *Journal of Business Venturing.* 2003;18(2):189-216. DOI: 10.1016/S0883-9026(02)00080-0
8. Henrekson M, Johansson D. Gazelles as Job Creators – A Survey and Interpretation of the Evidence. *Small Business Economics.* 2010;35:227-244.
9. Brown R, Mawson S, Mason C. Myth-busting and entrepreneurship policy: the case of high growth firms. *Entrepreneurship and Regional Development.* 2017;29(5-6):414-443.
10. Piaskowska D, Tippmann E, Monaghan S. Scale-up modes: Profiling activity configurations in scaling strategies. *Long Range Planning.* 2021;54:102101.

11. Coad A. High-growth firms. Cheltenham : Edward Elgar Publishing. 2022. P. 172-176.
12. Daunfeldt S-O, Elert N, Johansson D. Are High-Growth Firms Overrepresented in High-Tech Industries? *Industrial and Corporate Change*. 2016;25(1):1-21. <https://doi.org/10.1093/icc/dtv035>
13. Glezman LV. High-tech fast-growing companies as drivers of regional innovative development. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki=Regional problems of economic transformation*. 2022;8(142):41-49. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-8-41-49. (In Russ.).
14. Yudanov AYu, Yakovlev AA. "Unorthodox" fast-growing "gazelles" firms and the limited access order. *Voprosy ekonomiki=Voprosy ekonomiki*. 2018;3:80-101. (In Russ.).
15. Pletnev DA. The difficult fate of Russian fast-growing companies. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;3(425):132-139. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10315. (In Russ.).
16. Léon F. The elusive quest for high-growth firms in Africa: When other metrics of performance say nothing. *Small Business Economics*. 2022;58:225-246.
17. Rannikko H, Tornikoski ET, Isaksson A. Survival and growth patterns among new technology based firms: Empirical study of cohort 2006 in Sweden. *Journal of Small Business Management*. 2019;57:640-657.

Информация об авторе

К. А. Наумова — аспирант кафедры отраслевых рынков.

Information about the author

K. A. Naumova — graduate student, Department of Industry Markets.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.